

ИВАН
СЕЧИН

АЛОЕ
КОПЬЕ

Рейн и Сатин. Язычник и огнепоклонница. Простой земледелец — и та, кто всю жизнь не выходила за стены родного монастыря. Что между ними общего? Что свело их вместе — и куда приведёт их бегство от ужаса, который давно стал легендой?

Клятвенные земли замерли в страхе. Надвигается война, но она будет всего лишь ширмой для игры богов. Что угрожает миру? И если вернулись Непрощённые, отступники, что когда-то погубили мир — то как спасти себя и близких?

Это история о двух людях, двух историях и судьбах. Они ищут укрытия далеко на Востоке — но за Рейном идёт по пятам тот, кого не должно быть, а намерения Сатин не так чисты, как кажется... Алое Копье отбрасывает на мир свою зловещую тень — и противостоять великому злу будет нелегко.

Пролог. Посреди алого

Я прекрасно понимаю, что моё исследование затрагивает темы слишком спорные, чтобы не вызвать непонимания или страха. Я также осознаю, какая опасность может грозить мне в том случае, если я стану упорствовать в своих выводах или каким-то образом распространять результаты этих изысканий. Сейчас я пытаюсь собраться с духом, и перо дрожит в моих руках, когда я думаю о том, какие тайны собираюсь доверить бумаге. Я всё же обязан поведать миру о том, что обнаружил. Так будет лучше для всех.

Человек на земле исходил красной пеной, из его груди торчало короткое стальное копьё. Некоторое время он хрипел, кашляя кровью, а потом затих, неестественно распрямившись.

Оллам приподнял полы своего белоснежного плаща и переступил через тело. Это не помогло — плащ оказался слишком длинным, густая золотая бахрома по краям быстро набухла от крови. Оллам скривился. Сегодня самый важный день в истории, ему нельзя выглядеть неподобающе. Он отвернулся от тела и продолжил путь, оставляя за собой кровавый след.

Был месяц Нисану. Солнце стояло в зените и светило изо всех сил. В воздухе пахло цветами сирени, и этот густой, почти медовый запах смешивался с запахом крови. Оллам шёл по каменистой равнине, которая была усеяна телами воинов в фиолетовых доспехах. Тел было так много, что они, казалось, покрыли собой всю землю. От горизонта до горизонта — везде были одни мертвецы. Всего несколько дней назад здесь стояли полки Агатовой Гвардии, отряды Бессмертных с Малыми Копьями или другим оружием. Тогда это войско казалось несокрушимым. Лучшие из лучших. Цвет человечества. Сейчас из них не выжил никто. Многих Оллам знал по именам, и это делало чувство потери гораздо глубже. Враг оказался силён — намного сильнее, чем в прошлый раз. Если не преуспели Агатовые — кто встанет против той силы, что грозит миру погибелью?

Но я смогу, подумал Оллам, переступая через очередного павшего воина. Я выполню волю Творца Творения.

Это было риском. Бессмыслицей. Авантюрой. День ото дня угроза росла, так что умения Благих всегда находили применение. Члены Непременного Совета воспротивились Олламу. Нельзя жертвовать жизнью очередного Благого, говорили они, особенно сейчас, когда их осталось всего девять. Оллам невольно вспомнил Зал Истин и круг высоких тронов из резного камня. Раньше, до Предательства, их было шестнадцать, шестнадцать избранных Творца, оберегавших мир...

Другой бы на его месте принял меры предосторожности, но Оллам почти не обращал внимания на то, что происходит вокруг. Никто из слуг Противника не мог причинить ему вред. Даже самому жуткому порождению тьмы хватало одного взгляда на белый доспех, плащ и шлем с высоким гребнем в виде волны, чтобы в один миг сбежать с поля боя. Всё правильно. Никто не хочет оказаться на пути у божества.

Оллам с силой сжал пальцы на гарде своего меча. Хорошее оружие, очень древнее, очень могучее. На золотых ножнах — насечка в виде солнца, лучи которого заканчиваются ладонями. Белая Рукоять сразила не одну сотню Опустошённых. Оллам испытал укол страха. Что, если победить не получится? Что, если враги уже привели в мир то, что погубит всё живое?

Нет. Он справится. Он — самый сильный Благой в истории. Это его прихода ждали не один век. Это его, Оллама, право — умереть ради того, чтобы миллионы продолжили жить. Он чувствовал силу внутри себя, чувствовал Слово, сказанное самим Творцом. Звуки Священных Наречий — воплощённая магия, и сейчас она жгла его, словно кипящее масло. Боль — тоже часть его жертвы.

Оллам продолжал идти по полю, и ландшафт понемногу менялся — сначала слабо, потом всё заметней. Ковёр из трупов никак не кончался, но земля под ногами стала иной. Искажённой. Нечеловеческой. Будто сначала забилась в приступе лихорадки, а затем застыла, как лёд. Оллам видел перед собой узкие трещины, что уходили вниз, в земные недра. Он перешагивал их и шёл дальше. Несколько раз на его пути встречались воронки. Одни были невелики, но попадались и другие, настолько глубокие и широкие, что на их дне могла бы поместиться целая деревня. Оллам невольно вздрогнул. Вот они. Следы войны, которую ему и остальным Благим приходится вести. Края ям были идеально ровными, словно какой-то великан взял металлическую форму и изуродовал землю себе на потеху.

А ведь это не так далеко от правды. Когда Кузнец Погибели два года назад уничтожил город Халах, то погибли тысячи, а когда внимание этого Непрощённого переключилось на соседний Таггарон — десятки тысяч. В те дни крепостные стены плавилась, стекали на землю, как восковая свеча. Стекло святых витражей с ликом Творца Творения стало жидким и несло смерть тем, кто пытался найти спасение в храме огнепоклонников. Вода в знаменитых мраморных фонтанах испарилась, и пар этот поражал горожан сотнями, слепил, обжигал лёгкие. Тогда вся равнина рядом с городом была похожа на исполинский котлован с гладкими краями. Колдовской жар не пощадил ни людей, ни камень.

Противник с каждым годом становится всё сильнее. И смертельный огонь, что губит целые города — не самое слабое оружие в арсенале тех, кто жаждет истребить человечество. Предателей всего семеро — но какую власть они теперь обрели... Оллам вспомнил, как произошла расправа над жителями земли Рапанну — и по его спине пробежали мурашки. Выжившие из этого некогда богатого и мирного края позавидуют мёртвым. Болезни добьют их, а дети, рождённые после катастрофы, либо станут слабыми больными уродцами, либо умрут в младенчестве. Рапанну не имел никакого значения — Непрощённые обрекли его на смерть для того, чтобы устрашить остальные страны и города. Так враг мстил за своё поражение на Мосту Правосудия.

Интересно, что напишут об этой войне через век? Через тысячу лет? Уже сейчас люди принимают их за богов, и это, в сущности, так и есть. Наверное, их будут чтить как спасителей мира — когда война закончится.

Если закончится, поправил себя Оллам. Времени мало. Надо спешить. Он прибавил шагу. На горизонте уже виднелась его цель — жертвенник из чёрного гранита.

Солнце начало садиться, когда Оллам добрался до нужного ему места. Жертвенник был выполнен в виде куба с гранями длиной в половину человеческого роста. На чёрных гранитных плитах были вырезаны барельефы — сцены охоты, Бессмертные с железными копьями и шестнадцать человек, воздевших руки к небу. Оллам сделал пару шагов к кубу — тот не изменился с тех пор, как он был здесь в последний раз. Как и раньше, по бокам стояли статуи — два крылатых быка, увенчанных коронами. Оллам снова спросил себя: по силам ли ему такая задача? В последний раз он стоял здесь два века назад, а советники смотрели на него и смеялись... Тогда Олламу не поверили. Никто не хотел верить в грядущий кошмар.

Миру понадобилась встать на край гибели, чтобы люди смогли изменить точку зрения.

И советники со своими надменными взглядами не уберегли его от полного уничтожения. Мир спасли Благие, это их власть — от Творца Творения...

Оллам помотал головой. Слишком дерзкие мысли. Опасные. Изменнические. Так думали Непрощённые — и куда это их привело? Прямо к Противнику. Времени мало. Надо спешить.

— Мехабер шель эл'лим. — "открой мне дорогу". Казалось, сама реальность заволновалась, когда Оллам произнёс эти слова. Это — Священное Наречие, одно из самых действенных. Сама суть Вселенной, отражённая в тайных словах.

Оллам прикоснулся к поверхности каменного куба. Рука немедленно покрылась инеем, тело свело судорогой. Месяц Нисану — начало лета, но в тот момент Оллам чувствовал себя так, словно вошёл в ледяную воду. Реальность зашатало, перед глазами всё поплыло, как если бы мир внезапно решил избавиться от него. Каменистая пустыня исчезла. Теперь Оллам стоял посреди исполинских размеров зала. Тысячи чёрных ониксовых колонн уходили ввысь, теряясь в клочьях кроваво-красного тумана. Зал был огромен и пуст — нельзя было увидеть его конец, всё скрывалось в том же тумане, что прятал за собой потолок. Безупречно гладкие колонны из оникса, рубиновая дымка и базальтовый пол. Больше ничего. Свет Творца, неужели он и правда оказался там? Оллам обхватил руками плечи, стараясь согреться. Так холодно... Интересно, кто выйдет против него? Дочь Мрака? Кузнец Погибели? Или, может быть, Несущий Ложь? По какой-то причине Непрощённые редко собирались вместе.

Вдруг впереди, где-то за стеной тумана, послышались голоса. Словно тысячи тысяч людей собрались вместе и... пели? Туман заволновался — он то подступал ближе, скрывая за собой стройные ряды колонн, то откатывался, как морской прилив. Носитель Справедливости напрягся и перехватил Белую Рукоять в золотых ножнах.

Началось.

Сам воздух в зале будто бы стал плотнее. Туман почернел, сгустился, и из него вышел мужчина. Высокий, стройный, он был облачён в чёрный, затканый серебряными нитями костюм и такой же чёрный плащ. Мореллин. После всех этих лет он всё ещё выглядел молодым — никто не дал бы ему больше тридцати пяти. Его лицо было надменно, идеально ровная спина выдавала в нём человека, привыкшего повелевать. Даже сейчас он сохранил величественный вид. А вот глаза... глаза были жёлтыми и жутко светились подобно двум огням. Мореллин огляделся и направился прямо к Олламу.

— Носитель Справедливости? — голос Мореллина был спокойным и ровным. Преображение, дарованное Противником, почти не изменило этого человека. Когда-то он был лучшим из них. Руководил ими. Вёл их.

Оллам вскинул руку и мысленно потянулся к Негасимому Огню. Вокруг разлилось белое сияние и окутало его, как щит.

— Я пришёл за всеми вами. — Оллам выхватил меч и направил клинок в сторону человека в чёрном. — Творец Творения сокрушит вас.

— Ты уверен? — спросил Мореллин спокойно. Слишком спокойно. Он сделал шаг вперёд. — Когда-то меня называли Философом, Отцом Знания, но теперь... ты ведь знаешь моё новое имя, не так ли?

— Сменивший Сторону. — прошептал Оллам. Тут что-то не так. Почему на него не нападают? Что нужно Мореллину? Оллам заметил, фигура человека в чёрном едва заметно дрожит, как мираж в пустыне. Великая Цепь. Древняя магия не даёт Непрощённым

вырваться из их узилища.

— Верно. — Мореллин прищурился, и Олламу показалось, что его дьявольские жёлтые глаза засияли ещё ярче. — Я не просто так покинул своё узилище. Мой господин направил меня сюда, чтобы кое-что с тобой обсудить.

— О чём ты? — проговорил Оллам, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. По спине Благого пробежал неприятный холодок.

— Я предлагаю тебе сделку. — человек в чёрном еле заметно улыбнулся. — Ты откроешь мне путь к Мосту Правосудия, а взамен...

Сменивший Сторону повелительно взмахнул рукой, и воздух слева от него замерцал, сгустился. Перед Олламом парила в воздухе фигура. Светловолосая женщина в белом платье сжимает в руках Великое Копье пронзительно-синего, почти сапфирового оттенка. На руках — кровь. Глаза распахнуты в неверии.

— Элинор... — по лицу Оллама потекли слёзы. Изображение его сестры слегка подрагивало в воздухе, словно отражение в речной глади. Тело выглядело живым, но не двигалось.

— Ты можешь её спасти. — заметил Мореллин. — просто открой мне дорогу, и я позабочусь о том, чтобы ей вернули жизнь. Ты же знаешь, моему господину это по силам.

Повисла тишина.

Оллам стоял, не в силах шевельнуться. Его тело, до этого момента полностью ему подчинявшееся, сейчас отказывалось слушаться. Он может спасти Элинор. Она погибла на Мосту Правосудия, но для слуг Противника смерть никогда не означала конца пути, напротив — только его начало. Противник... Он видел его всего раз. Чернильно-чёрная темнота, тьма-во-тьме, что бездумно движется по миру...

Оллам думал. Было холодно — мороз обволакивал и сковывал его. Спасти Элинор... зачем? Чтобы предать всех остальных? Освободить Мореллина и его кошмарных союзников? Стать таким же, как Непрощённые? Я — Носитель Справедливости...

— Сделка? — глухо переспросил Оллам. Благой повысил голос, отчего эхо разнеслось далеко вокруг него. — Сделка?! Я не предаю своих клятв, Отступник. Я служу Истине и никогда не приму даров твоего повелителя.

— Глупец! — прошипел Сменивший Сторону. Его лицо исказилось от ярости. — У тебя нет ни единого шанса! Ты можешь лишь отсрочить своё поражение! Даже если ты одолеешь меня сейчас, Великая Цепь нас не остановит. Я...

— Замолчи! — закричал Оллам. — Замолчи, Князь Лжи!

Он вскинул руку, и волна яркого белого света ударила по Отступнику. Кровавый туман моментально рассеялся. Оллам решил не закрывать глаза. Творец Творения, до чего же красиво! Тьма исчезла. Осталось только белое сияние. Казалось, свет заполнил весь зал, всё пространство, весь мир. Цветов больше нет — остался только белый. Вот оно. Возмездие. Скоро свет испепелит врага человечества и...

Сияние вдруг погасло. Туман вновь клубился на границах зала, словно ничего не случилось. Человек в чёрном стоял на месте, скрестив руки на груди.

— Неожиданно, правда? — сочувственно протянул он. — Магия Творца Творения здесь не работает. За тысячу лет мира вы ослабли. Даже всё это — он обвёл рукой зал — не смогло вас расшевелить. Благие не способны остановить Того, Кто Будет Освобождён.

Оллам снова сотворил щит из света, но тот выглядел непрочным и мерцал во мраке, как свеча на ветру.

Мореллин что-то пробормотал, и за его спиной проявилась шестёрка теней. Непрощённые... Сейчас они даже отдалённо не напоминали тех, кем были до Измены. Теперь это были рваные клочья густого чёрного дыма, бесформенные и безумные. Тени сплелись воедино, образовав стену из тьмы. Она росла, расширялась, пока не заполнила собой весь зал. В непроглядной темноте островком света оставался круг, где занял оборону Носитель Справедливости.

Вдруг во мраке небольшим огоньком вспыхнуло багровое сияние. Оно становилось ярче, удлинялось, пока не приняло форму копья. Оно было в рост человека, с узким, длинным наконечником, изящным и смертоносным, как жало. Самое могущественное из Великих Копий было прозрачным и светилось кроваво-красным, а внутри него еле заметно двигалось и переливалось что-то тёмное, похожее на тень.

— Да. — Мореллин поймал уставившийся в темень взгляд Оллама. — Это Кродерг Крималл. Ты что, и правда думал, что сможешь удержать Алое Копье в моей темнице?

Великое Копье само собой поднялось в воздух и исполинской рубиновой стрелой ударило по световой завесе.

Щит замерцал чаще, затем пропал, и тьма поглотила всё. Оллам почувствовал, как воля к борьбе покидает его. Свет Творца, нет, нет! Ему нельзя проиграть! Решение пришло само. Жертва должна быть принесена. Он собрал все свои силы, достал из ножен Белую Рукоять и с силой ударил себя мечом, усилив оружие связью с Негасимым Огнём. Глаза тут же заволочла серо-зелёная дымка. Из неровной дыры в белом доспехе вытекала тягучая серебристая жидкость, похожая на ртуть. Оллам сжал зубы, чтобы не закричать — его словно облили кипящим маслом. Он мог видеть свою душу! Творец Творения, он мог видеть её! Магия, способная уничтожить Вселенную, тяжело билась, стонала в безразмерном зале, ударялась о базальтовый пол, о гладкие, испуганно дрожащие колонны из оникса. Где-то на задворках сознания кричал от ярости Сменивший Сторону, тени Непрощённых извивались высоко над потолком.

"Я только что убил себя. Погубил Элинор и других." — разум Оллама медленно угасал, когда мироздание начало искажаться.

Творец Творения, почему ты оставил нас?

В ониксовом зале воцарилось безмолвие.

На один миг над полом зависла фигура человека в чёрных с серебром одеждах. Она была полупрозрачной и слегка подрагивала подобно миражу. Лицо не выражало ничего. Человек облокотился об одну из колонн и устремил взор в небо — туда, где молнии с какой-то первобытной яростью рвали облака кровавого тумана.

— Мы ещё встретимся, Носитель Справедливости... — задумчиво проговорил мужчина. На его губах заиграла жестокая улыбка. — Ты не выступишь против меня, сколько бы ни пытался — ни в этом воплощении, ни в грядущих. Ты заточил меня, но это ничто по сравнению с тем, что произойдёт потом...

Фигура человека в чёрном замерцала и медленно растворилась в воздухе. Наступило молчание, и только волны тумана размеренно накатывали на чёрные ониксовые колонны, будто пытаясь что-то сказать...

Глава первая. Серебряные слёзы

Клятвенные Земли. Четыре тысячи лет спустя.

Странное дело, но я не могу не думать о Дочери Мрака. Многие находят её самой значительной из Непрощённых после Сменившего Сторону. Легенды Иссина утверждают, что она была наделена силой, равной совокупной силе всех Благих. Летописи Старого Цорса отзывались о ней как о стратеге — это исключение среди всех, кто входил в свиту Всеотступника. Я не знаю, какое отношение она имеет к проклятому Алому Копью, поименованному Кродерг Крималл.

— Куда лезешь, сероглазый? Прочь с дороги, пока череп не проломил! — громогласный голос всадника, казалось, слышала вся улица. Сатин пробормотала извинение на ломаном уладском и поспешно отошла к краю дороги, чтобы стать менее заметной. Здесь, у городских ворот, всадников почти не встречалось, однако этот человек был на коне с покрытой золотом попоной и носил роскошный белый жилет и подбитый мехом плащ. Наверное, какой-нибудь местный тэн — так в Уладе называют князей.

Вокруг деловито сновали люди. Сатин чувствовала себя неловко среди этой огромной, рокошущей толпы. Маха-Эмайн — не слишком крупный город, а Улада — всего лишь небольшое королевство в западной части Клятвенных Земель, но в тот момент девушке показалось, будто она стоит на одинокой скале, а вокруг неистовствует буря. За всю свою жизнь она не видела столько людей, к тому же ещё и язычников. В родном для неё монастыре Хасмонеев каждый знал её в лицо. За его святыми стенами всё происходило неторопливо, медленно, так, как течёт густой липовый мёд. В Махе-Эмайн жизнь кипела словно вода в плотно закрытом котелке.

Здесь, в этом чужом городе, Сатин испытывала что-то среднее между смущением и страхом. Она вздохнула и плотнее прижала к груди кожаную суму. Всё будет хорошо. Она справится. Творец Творения её защитит. Всего на миг она испытала сомнение в задании, которое ей дала Мать Церковь. Разве это не странно — посылать в Уладу несмышлёную девчонку, которая только-только вышла из высоких, окованных сияющей медью ворот Бейт-Хасмонай? Но Сатин не задавала вопросов. В приказах Совершенного и его Иерархов — повелителей всех праведных и хранителей Негасимого Огня — ещё никто не сомневался.

Сатин задумалась. Её довольно часто принимали за юношу. Она была худощавой и коротко стригла чёрные волосы — признак восточного происхождения. Угловатое лицо и резкие черты лица также могли ввести в заблуждение многих. Оно и к лучшему. Слишком много людей исчезло без следа в том месте, куда она собирается попасть. Сатин поплотнее запахнулась в чёрный плащ с капюшоном, поправила кожаную суму на поясе и зашагала к воротам, которые вместе с покрытой налётом ржавчины опускной решёткой напоминали пасть сказочного чудовища. Стражники в красных ливреях пропустили её без проблем — в конце концов, в Уладе сейчас готовятся к какому-то языческому празднику. Девушка повторила про себя наказ Совершенного и повернула налево, пройдя через ворота.

Да, король Конхобар явно знал, что делал, когда два века назад основал здесь свою резиденцию. Маха-Эмайн, столица Улады, раскинулась на берегу моря, будто говоря всем окрестным народам: уладцы поселились тут на века. Город был обнесён мощной каменной стеной с приземистыми квадратными башнями и галереями для лучников и королевских магов. Это, конечно, не цитадель вроде великих крепостей Востока, но всё равно неплохо. Особенно для Запада, где не знают света Творца и священного огня Благой Веры.

А вот сами улицы Сатин не впечатлили. Все дома какие-то неправильные — трёх- и даже четырёхэтажные, почерневшие от сажи и копоти. За пределами оборонительных стен строить запрещалось, поэтому жилые кварталы в Махе-Эмайн напозлали друг на друга, образуя хаотичные пересечения улиц, улочек и переулков. Некоторые дома отвоевали себе место с помощью массивных балконов и широких карнизов, так что многие улицы оставались в тени весь день. Никакой симметрии. Даже редкие в этой части города особняки богачей и знати представляли из себя образец отсутствия вкуса. Все эти статуи, барельефы, выступы — неужели нельзя строить ровно и гармонично? Нет, это совсем не похоже на её родной Авестинат с его квадратными белыми зданиями и фресками с Благими и Непрощёнными. Нагромождение высоких крыш и стрельчатых окон действовало подавляюще. С утра у неё слегка болела голова, а Сатин слишком хорошо знала, что это значит... ей следует идти быстрее. Девушка шла по улице, время от времени наблюдая за горожанами. Маха-Эмайн готовилась к торжеству, и люди выглядели празднично — особенно по сравнению с их городом. Мужчины носили узкие штаны, плащи и широкополые соломенные шляпы, а женщины облачились в нарядные платья и высокие колпаки. Синие, зелёные, оранжевые, фиолетовые — столько разных цветов сразу Сатин ещё не видела. В Бейт-Хасмонай всё было либо золотым, либо белым... ей захотелось остаться и понаблюдать, но девушка помотала головой и пошла дальше. Это не её праздник. Язычники сами не знают, что делают, когда славят своих идолов. Как и везде, это всего лишь люди.

Обычные люди с обычными снами.

Время от времени по улице проходили отряды того или иного тэна — бородатые воины в кольчугах и с топорами, конники в плащах, подбитых мехом — и каждый отряд со знаменем своего господина, одно чуднее другого. Сатин до сих пор не могла понять, как эти уладцы вообще сумели создать королевство, если в нём нет сильной центральной власти. Все эти тэны, каждый со своей дружиной, были для неё чем-то удивительным. Разве можно называть Уладу настоящей страной, когда у каждого знатного своё войско? Совершенный говорит: единство народа прочнее каменных стен. Да уж, королевства Запада — странное место, совсем не похожее на её родной Авестинат, где живут правоверные.

Сатин позволила себе немного помечтать. Если она сможет купить в этом языческом городе то, без чего не может обойтись... если затем найдет того человека, которого ей

приказали отыскать... Тогда она выполнит свою миссию, возложенную на неё Церковью Истин. Выполнит — и всё станет хорошо. И тогда Совершенный заметит её заслуги и примет во Дворец Истин. Да, это мечта любого праведника — узреть лик Совершенного, хотя бы его тень. И, что важнее всего, больше никогда не увидит снов. Сатин благочестиво прикрыла глаза и начала молиться.

Авестийка петляла по узким улицам Маха-Эмайн, и солнце стало клониться к закату. Всё небо вспыхнуло, как факел, окрасившись в невообразимую смесь красного, оранжевого и розового. Девушка даже пожалела, что не умеет рисовать. Растительный орнамент — характерная черта уладской архитектуры — на фоне закатного неба выглядел слегка зловеще. Так, теперь поворот направо, пройти вперёд, ещё раз повернуть...

По спине девушки прокатилась волна озноба. Откуда-то появилось неприятное чувство — ощущение того, что за ней наблюдают. Будто кто-то невидимый стоит прямо за ней. Она обернулась. Никого. Люди, стража, всадники... Всё было в порядке, но странное чувство никуда не исчезло, наоборот — стало сильнее. Сатин зачем-то посмотрела наверх и увидела, что на флигеле одного из домов сидит ворон и с видимым интересом рассматривает толпу внизу. Мерзкая птица... словно в ответ на её мысли ворон спорхнул с флигеля и устроился на краю крыши. Девушка вздрогнула. Два больших чёрных глаза теперь смотрели прямо на неё. Какое-то время птица буравила Сатин умным, полностью осмысленным взглядом, а затем три раза пронзительно каркнула и поднялась в воздух.

Сатин невольно передёрнула плечами. Почему-то её испугал этот ворон и то, как он смотрел на неё... такое ощущение, что он был кем-то разумным. Люди по-разному называли ту тьму, которая породила Предательство и Семерых Непрощённых. На Востоке врага всего сущего чаще всего именовали Противником или Ненавистным, но было у него и другое имя, куда более известное среди простых горожан и крестьян. Повелитель Воронов. Совершенный говорит: Чёрные крылья, чёрные мысли... Озноб теперь охватил всё тело. Краем глаза Сатин заметила, как в тёмном углу слева собираются тени. Молчаливые, бесформенные фигуры... совсем такие же, как в её прошлом сне. Тошнота подступила к горлу, страх ледяной рукой сжал сердце. Раны Господни, ну почему именно сейчас? Эти видения... их не должно быть. Она же приняла последнюю дозу Слёз всего три дня назад!.. Девушка убрала карту в сумку и торопливо зашагала по мостовой, стараясь лишний раз не оглядываться. Ей нужно идти быстрее.

Саван ночи накрыл Маху-Эмайн, когда Сатин наконец нашла нужную улицу. Берлога — а именно так улица называлась — разительно отличалась от других улиц города. На первый взгляд это были обычные трущобы. Дома здесь выглядели ниже и беднее обычных, а на земле валялись груды камней и соломы. Пахло кислым вином и гнилью. Прямо по улице бродили стаи диких собак — голодных, а потому опасных вдвойне. Сатин то и дело ловила на себе чьи-то недружелюбные взгляды.

Но именно в Берлоге находилось сердце города. Нет, не настоящее — то осталось у моря, в гавани. Берлога была притоном, домом для всевозможных пороков и подозрительных личностей. Туда-то Сатин и направлялась. Она довольно быстро нашла нужный дом — тот стоял в самом конце улицы. Этот дом выделялся из среды его невзрачных соседей. Он оказался трёхэтажным, толстые стены с высокими и узкими окнами были выложены из зелёного мрамора. Каждый из четырёх углов дома венчала круглая башня с зубцами — как в замках. Из окон лился мягкий ровный свет, слышались звуки музыки — играли на арфе. Над крыльцом, которое поддерживали четыре резные колонны — тоже зелёные — красивыми

золотыми буквами было выведено название места: "В тених". Особняк напоминал одновременно дворец и крепость. Он был как изумруд в груди гальки. Поразительный контраст. Сатин поднялась по ступенькам и проскользнула внутрь.

Она оказалась в просторном, хорошо освещенном помещении. Пол был застлан синим ковром из парчи, на стенах ярко горело масло в стеклянных лампадах. Посреди комнаты стояло несколько круглых деревянных столов со стульями. Посетители — в большинстве своём аристократы в узких жилетах — сидели за столами и весело смеялись, потягивая вино в хрустальных чашах. По комнате торопливо сновали слуги с подносами, разнося закуски и выпивку. Краем глаза Сатин заметила того уладца в белом, который накричал на неё у городских ворот. Видимо, популярность "В тених" намного превосходила то, о чем она слышала. Девушка нашла лестницу и поднялась на второй этаж, в коридор. И куда ей теперь? Так много дверей...

— Я могу вам помочь? — перед Сатин будто из ниоткуда появился низкорослый человек с длинной бородой и в ярко-синей ливрее. — Позвольте представиться: Огма мак Арт, дворецкий Годвина Крайтона.

Сатин рассеянно кивнула. До цели оставалось совсем немного, она уже не могла сдержать нервного напряжения. Ещё немного, и она получит то, за чем сюда прибыла.

Огма взял её за руку и повёл вглубь особняка, что-то рассказывая об истории дома. Каждое слово дворецкого молотом било по вискам Сатин, но та всё-таки слушала: не каждый раз встретишь такого собеседника. Десять лет назад Крайтон выкупил этот особняк у одного обедневшего тэна, которого разорила страсть к карточной игре. Сам дом был построен семьдесят лет назад, при короле Миде Плотнике. До этого здесь стоял храм одного из богов Улады — Оллама. Странно, имя совсем как у одного из Благих...

Наконец Огма довёл Сатин до входа в покои Крайтона. Массивная деревянная дверь смотрелась чересчур зловеще на фоне выложенных малахитовой плиткой стен. Чёрное на зелёном — не самое удачное сочетание. Дворецкий низко поклонился девушке — так, что борода коснулась пола — и был таков.

Сатин приоткрыла дверь и вошла внутрь.

Кабинет, в котором она оказалась, был обставлен... необычно. Так не должно было быть. Нет ни карт, ни сундуков — привычных для торговца предметов мебели. Вместо них в центре комнаты стояло зеркало. Огромное, раза в два выше самой Сатин, и с ножками в виде диковинных рыб. На стенах висел гобелен с изображением Девяти Благих — кому в языческой Уладе понадобились такие сцены? В комнате ярко и горячо горел очаг, около которого стояли два кресла и небольшой круглый столик с графином и двумя глиняными пиалами.

В одном из кресел сидел Годвин Крайтон.

Известный даже в самых отдалённых уголках Клятвенных Земель торговец выглядел странно. На вид ему можно было дать лет сорок, даже пятьдесят. Лицо было узким, с острым, выдающимся подбородком. Короткие светлые волосы уже начали седеть, но пока оставались густыми. Он был одет под стать своему жилищу: зелёный костюм с высоким стоячим воротом и такие же зелёные штаны. Даже сапоги — и те были изумрудного цвета. И глаза тоже... Мужчина быстро, по-птичьи встал с кресла и повернулся к Сатин.

— Я могу вам помочь. — Из его уст это прозвучало не вопросом — утверждением. Сатин с готовностью кивнула, и Крайтон указал ей на кресло рядом с очагом. Когда девушка уселась, Годвин протянул ей пиалу, наполненную чем-то чёрным.

— Не беспокойтесь. Это очистит ваш разум. По крайней мере, на время. — голос Крайтона звучал мягко и приглушённо, как у кота-баюна из местных сказок.

Сатин пригубила жидкость. Та оказалась горячей и маслянистой и на вкус напоминала травяной чай. Мысли тут же прояснились, хотя озноб никуда не делся. Годвин придвинул своё кресло поближе к огню и положил руки на стол.

— Давайте начнём беседу. Я люблю узнавать свежие новости от своих клиентов перед тем, как оказать им свои услуги. Как вас зовут?

— Сатин.

— Авестийка, верно? — Крайтон позволил себе улыбнуться. — Не отвечайте, по вам и так всё видно. Серые глаза, чёрные волосы... Авестинат. Земли огнепоклонников, последователей Благой Веры. Как поживает первый из правоверных?

— Его Святейшество правит под присмотром самого Творца. — ответила Сатин, удивлённая этим вопросом. Какое дело этому язычнику до повелителя Матери Церкви?

— А как дела у Иерарха Хашанга? Я слышал, Его Преосвященство был серьёзно болен.

— Я... не уверена, что знаю об этом. Я всего лишь послушница. — ответила Сатин смущённо.

— Жаль. Я давно не встречался с авестийцами. Кстати, давно вы в столице?

— Только сегодня прибыла.

— Скажите... — Годвин многозначительно помолчал. — Вы не замечали здесь ничего странного?

Странного? О чём это он?

— Нет. Совсем ничего. — Сатин подумала, не сказать ли ей о вороне и его страшном взгляде, но промолчала.

— Жаль. Впрочем, вам всё равно лучше быть осторожней. Король Лугайд недолго останется на своём троне, грядёт война. Элиас Чёрное Солнце уже собирает свои дружины...

Сатин нахмурилась. Война? В Уладе? Она никогда не интересовалась тем, что происходит за пределами Авестината, но эти новости были тревожными. Война сделает её задачу намного сложнее. Она должна во что бы то ни стало найти того, о ком говорили Иерархи, иначе...

— Теперь перейдём к делу. — Годвин обезоруживающе улыбнулся. — Что вы хотите приобрести?

— Мне нужны Слезы Наннара.

— Слезы? — мужчина удивлённо на неё посмотрел. — Забери меня Медб, ну и запросы! Этот эликсир... он очень ценен. Уверены, что вам требуется именно он?

— Да. — Сатин вздёрнула подбородок. — Именно Слезы. За этим я и ехала в Маху-Эмайн.

Годвин только пожал плечами и вышел из комнаты, чтобы принести товар. Пока его не было, девушка успела допить свой чай и осмотреть комнату. Гобелен с Благими прямо-таки притягивал взгляд. Безымянный художник постарался на славу. Вот Элинора Сострадающая с Олламом Спасителем, рядом с ними — Спента Манью, великий Святой Дух. Вокруг девяти фигур клубится сияние Творца Творения, окутывая головы. Золотой свет — символ святости. Кожа Идалайн Юной слегка загорелая, а через лицо Баталаэля Чистого идёт кривой красный шрам. Сатин готова была поверить, что находится в самом Бейт-Хасмонай у себя в келье — настолько подробным было изображение. Девять Благих в центре, по бокам — Бессмертные, воины, созданные самим Творцом из металла, сжимают в руках стальные копья.

— Чудесный гобелен, верно? — Сатин вздрогнула, когда Годвин зашёл в кабинет и плотно прикрыл за собой дверь. Она даже не слышала его шагов.

— Да... очень красиво. Вы не боитесь, что его обнаружат? Я слышала, в Уладе за такое сжигают на костре.

— Боюсь? Я? — Крайтон лукаво изогнул бровь. — Жрецы предпочитают думать, что "В тенях" нет и никогда не было. Даже наш дорогой король — и тот с охотой пользуется моими услугами. Поэтому я не беспокоюсь о таких вещах, как местные языческие верования. Уладская религия не для меня.

— Разве вы — не уладец?

— Нет. — глаза мастера Годвина насмешливо блеснули. — К этому народу я не отношусь.

— Откуда вы?

— Не скажу. Это — моя маленькая тайна.

— Но...

— Довольно. Не стоит продолжать этот разговор. Я принёс то, о чём вы просили. — Годвин сел в своё кресло и поставил на стол небольшую шкатулку из полированного дерева. Она была полностью выкрашена в чёрный цвет и закрывалась на миниатюрный ключ. Сатин обнаружила, что её руки дрожат.

— А можно... можно мне взглянуть на товар?

— Разумеется!

Крайтон тактично не заметил трясущиеся руки Сатин и протянул ей шкатулку с ключом. Внутри оказался узкий стеклянный сосуд с серебристой жидкостью, которая напоминала ртуть. Сатин заметила, что жидкость еле заметно вращается сама по себе, как будто в сосуде заключён крохотный водоворот. Годвин улыбнулся.

— Лучшие Слезы на всем Западе. Моя гордость.

— Почему вы храните их в шкатулке?

— Из соображений безопасности. Она не пропускает воду и не даст сосуду разбиться при падении.

Сатин скрестила руки на груди, стараясь скрыть нетерпение.

— Цена?

Лишь бы не тряслись руки...

— Пятьсот миде.

Сатин достала из сумки увесистый мешочек и отдала Крайтону. Звякнуло серебро, торговец поспешно убрал деньги за пазуху.

— Должен предупредить вас напоследок. — Годвин сощурил свои зелёные глаза. — Увлечение Слезами Наннара может быть... опасным. Думаю, вы сами знаете о последствиях.

— На сколько их хватит? — Сатин провела пальцем по шкатулке.

— Зависит от дозы. Должно хватить на три месяца. Если, конечно, не принимать слишком много за раз.

Три месяца... три месяца до возвращения кошмара, из-за которого она здесь.

— Занятный у тебя браслет, огнепоклонница, — как бы невзначай бросил Годвин. — Откуда?

Девушка машинально коснулась запястья на левой руке и провела пальцами по тонкой серебряной цепочке с крохотным рубином. Ещё с детства она носила этот браслет и никогда

с ним не расставалась.

— Это находка, — ответила Сатин. — Случайно нашла.

— Серебро круитни никогда не находят просто так... — Годвин с неподдельным интересом разглядывал браслет. — Где ты его нашла?

— Неподалёку от Бейт-Хасмонай, моего монастыря. Заметила браслет в ручье, когда гуляла по лесу.

— Понимаю... авестийцев никогда не интересуется, на месте чего они возводят свои крепости.

— Что вы имеете в виду? — не поняла девушка.

— Ничего... так, всего лишь одна догадка...

Девушка попрощалась с Крайтоном и встала из-за стола. Когда она покидала комнату, её внимание снова привлекло зеркало с ножками-рыбами. Сатин взглянула в него и увидела на своём месте тень — нечёткий, чернильно-чёрный силуэт, на лице огнём горели два золотистых глаза. Обеими руками тень держала длинное тонкое копьё, чей цвет напоминал рубин. Ещё одно наваждение? Сатин моргнула, её отражение тут же стало нормальным. Она закрыла за собой дверь и покинула "В тенях". Плащ и перчатки хорошо послужили ей — ни один из посетителей не обратил на девушку большего внимания, чем на прислугу, которая суежилась в зале. Конечно, чёрный капюшон мог наводить на мысли о тайнах его обладателя — но кого удивишь этим в Махе-Эмайн, столице Улады?

Сатин шла по улице, сжимая в руках шкатулку из чёрного полированного дерева. Только теперь она смогла позволить себе улыбнуться. Это была её первая и, по правде говоря, единственная улыбка за последние дни. Хвала Творцу, первая часть её миссии окончена. Пора приступать к следующему этапу. Она сделает то, что должно, найдёт того человека — и избавится от снов навсегда. Сатин свернула за угол и растворилась в ночи.

Если бы она обернулась, то увидела, как из окружающего особняк мрака отделилась фигура в чёрном и застыла на месте, смотря ей вслед.

Глава вторая. Кельтхайр

Посол Безумия... Он же — Йатанатай у иссинцев, Дурга Манью у Людей Курганов Сулам-Баалам у жителей Нового Цора. Правая рука Сменившего Сторону и второй из тех кто предал человечество. Ни одна летопись не представляет этого Непроцённого как личность. Везде он описан как нечто абстрактное — "Взгляд сотен глаз в темноте", "Буря-пагуба", "Великий Разоритель". Что это — намеренное искажение? Проклятие в адрес того, кто предал род людской? Или древние летописцы так боялись описать его более конкретно?

Тёплый весенний ветер носился над лесом. Уже пробудившаяся от зимнего оцепенения природа давала о себе знать настоящим оркестром звуков. Пели сойки, куковали кукушки, издавали свои пронзительные трели соловьи. Небо над головой Рейна было безоблачным и светлым, хотя его восточная сторона постепенно темнела — надвигалась гроза.

Где-то слева хрустнула ветка. Словно в ответ прокричал сидящий на дереве тетерев. Рейн обернулся на звук и заметил кролика. Тёмно-бурый и достаточно крупный, чтобы привлечь внимание охотника, кролик сидел на земле. Животное выглядело непуганым, что было необычно для этой части леса. Кролик был упитанный, лоснящийся. Как раз ко Дню Жертвы. Рейн потянулся к колчану и наложил стрелу на тетиву своего лука. В свои пятнадцать лет юноша был высок, строен и имел золотистые волосы — большая редкость для Улады, где всегда было много рыжих. На нём был поношенный кожаный жилет, штаны из грубой ткани и сапоги, у пояса — короткий нож с деревянной рукояткой. Если большинство уладцев были, под стать своей покрытой лесом земле, людьми достаточно коренастыми, то Рейн выглядел жилистым и выносливым — совсем неудивительно для охотника, который много времени проводит за порогом родной деревни. Юноша глубоко вздохнул и замер. Главное — не промазать. Рейн прицелился. Задержал дыхание...

Внезапно снова послышался громкий хруст веток. От неожиданности Рейн выстрелил слишком рано, и стрела ушла в небо. Почуввав опасность, кролик бросился прочь и вскоре скрылся за густым кустом ежевики. Раздосадованный, Рейн ударил рукой по стволу дерева, что росло неподалёку. Удар отозвался в руке вспышкой боли, но парень этого даже не заметил. Проворонить такую добычу! Он посмотрел в ту сторону, откуда донёсся звук. Там ничего не было. Обычная лесная поляна: несколько тонких молодых берёз, кусты, россыпь лисичек с яркими, будто вылепленными из огня шляпками. Рейн решил не прекращать охоту. В конце концов, солнце ещё высоко, у него должно хватить времени.

Усевшись на землю, Рейн начал готовить чай. Он не спеша разжёг костёр, поставил котелок с водой и стал ждать. Прошло около получаса. От костра приятно тянуло дымом, а в воздухе можно было безошибочно уловить аромат свежесваренного чая с ягодами — лучшего напитка после долгой ходьбы по лесу. Устроившись поудобней возле костра, Рейн налил себе чая в вырезанную им когда-то давно из берёзовой коры чашку и начал наблюдать за лесом. Вновь он снова услышал тетерева. Чу-ишш, чу-ишш. Рейн с силой натянул лук, и тетива издала протяжную, почти жалобную трель. Парень достал особую стрелу из тунгутского кованого железа — эти стрелы можно было найти только в редких в этой части Клятвенных Земель кладах, оставленных тунгутами много веков назад. Такие стрелы стоили баснословно дорого, особенно для простых деревенских жителей, зато были прекрасно сбалансированы, летели далеко и точно. Ни одна тунгутская стрела не была похожа на

другую. Та, которую достал Рейн, имела широкий наконечник, который мог легко пробить даже самую толстую шкуру. Рейн уже давно убедился, что древние тунгуты очень преуспели в искусстве стрельбы.

В руках парня стрела была очень лёгкой, что, однако, не мешало ей лететь прямо и не отклоняться от цели — настоящая мечта любого лучника.

Чу-ишш, чу-ишш. Даже странно как-то. Тетерев сидел на прямо на широкой ветке сосны и явно не желал никуда улетать. Птица смотрела на приближающегося к ней парня большими, умными глазами. Рейн замедлился, стараясь не спугнуть свою добычу. Если он потерпит неудачу, о Дне Жертвы придётся забыть, а это означает только одно — позор перед односельчанами.

Двадцать шагов... пятнадцать... Вот уже совсем рядом...

Рейн до предела натянул тетиву и прицелился.

Чу-ишш, чу-ишш. В этот раз тетерев издал свои трели словно в последний раз. Он вспорхнул с ветки, готовый улететь...

Но Рейн стрелял метко. Такими стрелами никогда не промахиваются.

Тетерев упал с дерева и ударился о землю. У парня отлегло от сердца. Вот и готов дар на День Жертвы. Рейн невольно заулыбался — этот выстрел оказался лучшим за весь день.

Юноша собрал свои вещи, подобрал мёртвого тетерева и положил его в свою вместительную, сделанную из добротной кабаньей шкуры охотничью суму. Затем привычным движением промыл в ближайшем ручейке тунгутскую стрелу — такие редкие вещи следует держать в чистоте. После того, как с охотой было покончено, юноша достал коробок с творогом и выложил его содержимое прямо на землю. Это — подношение. Разве может охотник убивать просто так, в своё удовольствие? Следует всегда показывать духам леса свою почтительность. Уважай природу, и природа будет уважать тебя — есть ли на свете что-то проще этого правила? Рейн приложил руку к груди, благодаря лес за добычу, и отправился домой по утоптанной тропке, по бокам которой росли папоротник, крапива и кусты дикой смородины. Лес был не слишком густым, хотя находился довольно далеко от людских жилищ — лиг пять, а может и все семь. Здесь всегда было полно звуков: где-то далеко хрустела сухая ветка, раздавались удары дятла о древесную кору, крики птиц и шорох листьев. В воздухе пахло берёзовым соком и ободранной корой. Рейн шел по тропинке, поглядывая на солнце, которое уже миновало зенит и теперь неторопливо катилось к закату. Как говорили старожилы, в лесу водились волки, но Рейн не придавал особого значения этим историям — он любил гулять в одиночестве, особенно по утрам, когда просыпался пораньше. В этот день его настроение могло бы быть отменным — он добыл чудесную дичь для завтрашнего Дня Жертвы.

Но, несмотря на удачную охоту, на душе у Рейна было тревожно. Он хорошо помнил тот тяжеловесный хруст, который спугнул кролика в самом начале охоты. Этот звук явно издало что-то большое... но ведь не было никого на опушке, никого кроме самого Рейна. И это было странно — особенно странно для леса, который юноша знал, как свои пять пальцев. Здесь никогда не видели ни медведей, ни лосей. С каждым шагом Рейн чувствовал, что его тревога становится все сильнее — он никак не мог понять, откуда взялась эта волна дурного предчувствия, но знал наверняка, что есть что-то злое, что это "что-то" — совсем рядом. Юноша ощутил, как ледяная волна озноба прошла по его телу. Он считал себя взрослым и давно не верил в сказки про Ольхового Короля, что забирает детей в лесу, не верил в круитни — Теневой Народ, который когда-то давно ушёл под землю со всеми своими сокровищами

— но теперь ощутил себя неудобно. На миг родные деревья стали похожими на зловещие чёрные тени, готовые напасть, и он тряхнул головой, отгоняя от себя дурные мысли. В нескольких лигах к западу за рекой находится хижина Мидира — а если этот суровый и нелюдимый отшельник вот уже пять лет живёт один в лесу, то и Рейну бояться нечего.

Наступил закат, когда парень наконец вышел из леса и остановился на краю скалистого выступа, с которого открывался вид на долину Муртемне. Солнце садилось за высокие горы на севере, и небо постепенно окрашивалось в тёмно-красный, даже багровый цвет — цвет только что пролитой крови.

Лес, в которой Рейн обычно охотился, рос на возвышенности большой пологой горы, так что сейчас вся долина от края до края лежала перед юношей как на ладони. Почти сразу за деревьями начинались сплошные пастбища, покрытые сочной зелёной травой. На них то тут, то там паслись редкие для этих мест овцы и козы. Через несколько сотен шагов тропа превращалась в широкую наезженную дорогу, которая шла вниз, в долину Муртемне. Вдоль дороги тянулись поля, по ним гулял легкий ветерок, разнося по округе запахи скошенной травы и дыма.

В обычные дни юноша не обращал внимания на красоту природы, но сейчас алый закат придавал пейзажу особое очарование. Слева прямо рядом с тропой тонкой серебряной нитью тянулась река Муртемне, давшая имя долине и владениям местного тэна Эллы Высокого, справа располагались огороженные поля пшеницы, издалика казавшиеся Рейну заплатками на разноцветном плаще бродячего артиста. Неподалеку от высокого обрыва рядом с рекой тропа разделялась. Если свернуть налево, то она приведёт его прямо к Фоморову Холму, где стоит святилище Сонма Богов и живёт Зилач — святой жрец и самый старый человек в округе, а впереди примерно через лигу к северу раскинулась родная деревня Рейна — Кельтхайр. Россыпь деревянных, с крышами из дёрна домов была окружена высоким, сделанным на совесть частоколом из вбитых в землю стволов деревьев с заострёнными верхушками.

На противоположной стороне реки лес становился более густым, так что деревня вместе с небольшими квадратами полей выглядела островком посреди моря деревьев и валунов. Рейн знал, что где-то там, на той стороне реки, живёт отшельник Мидир, но тот всегда держался отдельно ото всех, не считая жреца Зилача, и крайне редко встречался с односельчанами.

Если Улада по праву считалась одним из самых отдалённых мест Клятвенных Земель, то долина Муртемне была медвежьим углом Улады, где люди жили в согласии с природой вдалеке от крупных городов с их торговлей и борьбой между знатью. Власть тэна здесь чувствовалась не слишком сильно — по крайней мере, до недавнего времени — а новости из столицы и внешнего мира если и доходили, то с опозданием. Это место — почти что край света. Ближайшее селение, Маг Темра, находилось в двадцати лигах к югу, а за горами на севере не жил никто, кроме диких племён из Гододдина.

Прошло часа два, и Рейн миновал грубо сработанные деревянные ворота в частоколе, у которых стояло двое рослых мужчин в достаточно поношенных плащах и с копьями наперевес — воины, которых нанял тэн Элла. Именно этому землевладельцу платили подати жители Кельтхайра и окрестных деревень. Похоже, на этот раз тэн решил особо тщательно проследить за сбором налога, а может просто опасается своего соседа и вечного соперника — Форлага Хитрого. По мнению Рейна, оба были объявленными негодьями. Таковы все аристократы, Медб их заберите. Лишь бы дело не кончилось войной... Верно говорят,

господское внимание — гроза любого земледельца.

Юноша шел по единственной в деревне улице, и его обступали дома — в каждом из них горел огонь, слышались голоса, где-то играли в кости. Люди собирались в группы и обсуждали последние новости. Сегодня народ Кельтхайра выглядел счастливым — у всех улыбки на лицах, глаза излучают радушие и доброту. Завтрашний День Жертвы — хороший повод забыть все тревоги и на несколько дней отдаться объединяющему порыву чествовать Сонм Богов и возрождение мира.

Только один человек не разделял общей радости. Высокий, лысый и худощавый, он был похож на длинную жердь. Лицо — острое, с выступающим подбородком и глубоко посаженными глазами — наводило на мысли о мумиях в древних родовых склепах Нового Цора. Человек был одет безвкусно, но богато: ярко-синие штаны, зелёная рубаша, украшенная золотым шитьём, тяжёлый плащ из собольего меха. Роскмельк, главный сборщик податей тэна и известный подхалим. Что он здесь делает? Кельтхайр — всего-то маленькая деревня, одна из многих под властью тэна Эллы.

Роскмельк явно чувствовал себя лишним посреди праздника и не разделял всеобщего веселья. Едва завидев Рейна, он направился к нему быстрым, широким шагом.

— Ч-что ты принёс, ох-хотник? — Роскмельк обвел Рейна взглядом мутных, покрасневших от выпивки глаз. — Что-то ценное?

Сборщик налогов вцепился в плечо юноши своими длинными жёлтыми ногтями.

— Забери тебя Медб, Роскмельк, отстань от парня! — раздался позади них голос, больше похожий на гром. Вельможа обернулся и увидел Фиакну, местного кузнеца. Фиакна был высок и широкоплеч, имел голубые глаза и рыжие волосы — словом, настоящий уладец. В руках он держал Скел — молот, который выковал специально для праздника.

— Чего тебе? Вздумал грубить помощнику самого Эллы, тэна и повелителя всей долины Муртемне? — Говоря это, Роскмельк опасливо покосился на пудовые кулаки кузнеца.

— Я тебе говорю: по какому праву ты, змея подколотная, пристал к жителю Кельтхайра? — Фиакна крутанул в руках молот. — Мы платим твоему господину подать, и большего он требовать не может. Его не должны интересовать дары на День Жертвы, они — для святилища.

— Эллу Высокого интересует всё. — По лицу Роскмелька пробежала ядовитая ухмылочка. — сам король разрешил Элле устанавливать налог — а кто может справиться с этим лучше меня, верного слуги короны? — Вельможа приосанился и поправил дорогой плащ.

Фиакну это, однако, не смутило.

— Убирайся. Отсюда. Вон. Иначе мой Скел проверит, так ли крепок твой череп, как о нём говорят. Кельтхайр находится под защитой жреца. Разве твой господин захочет пойти против слуги богов? Уходи подобру-поздорову. Сегодня ты явно выпил слишком много эля.

Лицо сборщика податей побледнело, затем стало красным, как переспелое яблоко. Роскмельк сплюнул, резко повернулся на каблуках и заторопился к воротам, на ходу бормоча проклятия. Вскоре раздалось лошадиное ржание, стражники торопливо открыли ворота, и тэнов прислужник в спешке покинул деревню.

— Спасибо тебе! — Рейн обнял кузнеца. — Знаешь, тебе не стоило так поступать. У тебя могут быть неприятности.

— Обо мне не беспокойся. — Фиакна пожал широкими плечами. — Этот Роскмельк всем нам уже оскомину набил. Даже к Зиладу пройти пытался, представляешь? Прервать

покой жреца! Немыслимо...

Так они и шли по улице, обсуждая свежие новости, пришедшие в отдалённый Кельтхайр вместе с группой купцов. А обсудить было что. На западе тэн Элиас восстал против короля и объявил себя независимым правителем. В столице, Махе-Эмайн, тоже беспокойно: люди говорят о том, что на улицах города видели лошадь о двух головах и что король приблизил к себе какого-то колдуна в зелёных одеждах. Говоря это, Фиахна машинально поглаживал рукоятку Скела — верный знак того, что кузнец волнуется. Рейну всё казалось, что старый друг чего-то недоговаривает, но спросить юноша не решился — не стоит упорствовать, когда страх запер рот твоего собеседника на замок.

Домой вернулся Рейн уже под вечер. Его дом располагался на окраине Кельтхайра рядом с деревенской кузней, что считалось опасным — нехорошо, когда твоё жилище находится слишком близко к жару кузнечных мехов. Это был небольшой домик с бревенчатыми стенами, вымазанными речной глиной. Как и у всех остальных жителей деревни, крыша дома была покрыта свежим дёрном. Неподдалёку стоял дощатый сарай, который в случае чего мог служить и амбаром — в нём хранили зерно и все необходимые инструменты. Раньше на месте сарая стоял вместительный хлев для скота, но после смерти родителей Рейна заботиться о животных стало некому, и хлев разобрали на дрова. На крыльце дома стоял одинокий стул, на котором спала серая кошка по имени Муман — любимица сестры Рейна. При виде Рейна кошка лениво приоткрыла свои ясные изумрудные глаза, глянула на него и снова погрузилась в сон, положив на вытянутые лапы косматую голову.

"Видимо, Эмер всё ещё ткёт. " — подумал Рейн. Он раздражённо вздохнул и зашёл внутрь.

В доме было довольно темно. Тесную прихожую освещала одна-единственная лучина, которая горела тусклым, неверным светом. Рейн снял сапоги, повесил лук и колчан на крюк в стене и отворил дверь в горницу — просторное и светлое помещение. Одна стена была заставлена сундуками, где хранилось самое ценное имущество. За перегородкой из досок — кухня, справа — вход в погреб. На стенах горницы висели пучки трав и кореньев, необходимых в лечении или приготовлении пищи.

В углу стояли простой деревянный стол и две скамьи. За столом сидела Эмер, старшая сестра Рейна. Она была на два года старше его и уже успела достичь брачного возраста. Высокая и стройная, она обладала дивными волосами цвета ржи и всегда заплетала их в сложную косу. Эмер считалась первой красавицей в Кельтхайре, никто не мог превзойти её в искусстве ткачества. Вот и сейчас она держала в руках простое деревянное бёрдо и ткала — шажок за шажком, ниточка за ниточкой. Рейн взглянул на узорчатое многоцветное рукоделие и устало прикрыл глаза. Сестра, верно, уже с утра только этим и занимается.

Чёрная кошка между ними пробежала с самого начала, с той поры, когда мать пятилетней Эмер — Ниам — умерла, родив первого и единственного сына. Уже в детстве брат с сестрой не могли найти общего языка. Юноша до сих пор помнил, как десятилетняя Эмер разбила узорчатый глиняный кувшин, а по возвращении отца обвинила в этом его, Рейна. И так было во всём — и в совместной работе, и в отдыхе Эмер и Рейн были друг с другом на ножах.

Всё стало ещё хуже три года назад, когда Элла Высокий набирал войско для похода на земли Форлага Хитрого. Тогда отца Рейна и Эмер Кормака забрали на войну, а через месяц стало известно, что он убит в бою каким-то наёмником... Рейн знал, что сестра в тайне

винила его и в этой смерти — ведь по закону короля Лугайда забрать в солдаты можно только того человека, у которого есть хотя бы один сын... Это событие окончательно подкосило девушку, и она ещё сильнее обособилась.

После потери родителей на Рейна и Эмер неожиданно свалились все хлопоты крестьянской жизни — работа в поле, приготовление пищи, забота об урожае. Месяц назад Эмер, которой исполнилось семнадцать, внезапно забросила хозяйство и стала днями и ночами готовить приданое. Рейн знал, что она обручилась с каким-то торговцем из соседнего Брикрентона.

— Эмер, я добыл тетерева! — юноша постарался добавить в голос радости. — У нас теперь есть подарок для Дня Жертвы!

Сестра не ответила. Она смерила брата презрительным взглядом и вернулась к работе. Один взгляд небесно-голубых глаз — и снова задвигались умелые руки, сплетая нити и творя узорчатое полотно. И так каждый день... ну и пусть. Это её личный выбор. Рейн убрал охотничьи трофеи в подпол, затем ушёл в свою комнату, плотно закрыв за собой дверь. Настроение испортилось, и ему никого не хотелось видеть — даже Фиахну. Теперь юноша смог лечь на набитый соломой тюфяк и позволить себе забыться. Завтра — праздник, День Жертвы... праздник... Рейн был так измотан, что решил сегодня больше ничего не делать, тут же уснул и проспал всю ночь без сновидений.

Глава третья. День Жертвы

В фольклоре Хассарета и Шам-Иллорина Несущий Ложь представлялся как опасное существо, которое, тем не менее, могло принести пользу. Считалось, что с ним можно было договориться и заключить сделку, чтобы получить богатство и славу взамен на что-то ценное. Азарт — его главная сила и слабость. Летописцы древности отмечали, что это существо не имеет понятия о чести и стремится любой ценой обмануть своего оппонента, чтобы тот навечно стал частью его дьявольской свиты.

О внешности Несущего ведутся споры. На витражах во Дворце Истин его изображают в виде прекрасного смуглого юноши в золотых одеяниях и с колодой игральных карт в каждой руке. Один его глаз голубой, а другой — карий.

Первые лучи весеннего солнца, ещё неуверенные и слабые, пробивались через небольшое слюдяное окно Рейнова дома. Утро только-только вступило в свои права. Солнечный луч мазнул по лицу Рейна. Юноша машинально прикрыл глаза рукой. День Жертвы — сегодня... Рейн резко открыл глаза и встал с кровати, чтобы достать из-под неё тяжёлый короб с одеждой. Сегодня, в день, когда всё королевство празднует победу Истины над Ложью, каждому положено носить праздничное одеяние. Рейн надел на себя добротные домотканые штаны, чистую белую рубаху и вязаные лапти. Выходить из дома не хотелось — у него ещё достаточно времени до того, как всё начнётся.

Комната Рейна была небольшой. Слева — кровать, справа — домашний алтарь с резными идолами уладских богов — Дагды, Бернунна, Угубниу и Оллама. У двери находилось узкое окно, затянутое слюдой. Над этим окном была повешена полка, заставленная вещами Рейна. Не общими с Эмер — своими собственными. Вот зеленоватый камень, похожий на изумруд — один заезжий торговец как-то сказал, что он называется непонятным, но красивым словом "жадеит". Вот первый лук Рейна, старый, тетива уже истончилась, но за стёртую от частого использования рукоять приятно держаться. Но самым важным предметом в комнате была кабанья шкура. Широкая и длинная, она висела прямо над кроватью. С ней было связано одно из самых важных воспоминаний юноши. Этого кабана он убил на своей первой серьёзной охоте. Не такой, с которой он вернулся вчера — эта была не более чем развлечением и способом добыть к столу что-то более питательное, чем каждодневные репа, чёрный хлеб и водянистый бульон из курицы. Нет, та охота четыре года назад была особенная, церемониальная. В ней участвовали все мальчишки двенадцати лет, и слуга богов Зилач посвящал их в юноши.

Тогда они двигались по лесу широким полукругом и преследовали кабана, который пытался спастись от стрел и копий. Животное было в самом расцвете сил и представляло большую опасность — не каждый рискнёт выйти против секача, шкура которого подобна панцирю, а короткие, но острые клыки готовы лишить жизни каждого, кто угрожает их обладателю. Охота была трудной, одного юнца кабан даже поднял на клыки — благо, Зилач сумел потом вылечить незадачливого охотника. За честь побороть зверя соревновалась вся молодёжь деревни, но именно Рейн смог ранить животное в ногу, загнать в болото и добить ударом тяжёлой деревянной палицы — согласно легендам, такое оружие носит на поясе бог охоты Бернунн. После этого случая Зилач и подарил Рейну тунгутскую стрелу. Юноша берёт её как зеницу ока и всегда следил, чтобы железо, из которого отлили стрелу, было чистым и блестело на солнце. Сам Рейн не считал свой успех на той охоте чем-то выдающимся —

видят боги, ему тогда просто повезло, он ближе всех оказался к дичи и не испугался, когда секач повернул на него. Но это так приятно — запустить руки в густой мех и вспоминать, как тебя чествовали на празднике...

Рейн умылся, наскоро позавтракал холодной овсянкой на воде и вышел на улицу. Как он и думал, Эмер в доме не было — наверное, уже ушла к своим подругам. Сегодня общий праздник, у святилища Зилача соберутся почти все жители Кельтхайра. Похоже, всё-таки стоит поторопиться. Рейн сунул руки в карманы и зашагал по улице, минуя дома и ограды. День был солнечным, ночью прошёл лёгкий дождь, и Рейн с удовольствием вдыхал запах влажной земли — казалось, радовалась даже погода. Этим утром все, кто мог, вышли на улицы, одетые в свои лучшие одежды. Мужчины были в чистых штанах и рубахах, женщины — в светлых домотканых платьях, а девушки украсили себя цветными лентами и венками. На лицах сияли улыбки, в воздухе носился аромат цветов и печёных яблок. У ворот частокола уже собирались люди, ожидая появления деревенских старейшин — те всегда возглавляли праздничное шествие к святилищу, и этот День Жертвы исключением не был. Все предвкушали праздник, и даже дети, которые в обычные дни помогали родителям в поле, сейчас носились вокруг, размахивая ветками.

Рейн быстро нашёл Фиахну — тот как обычно стоял у широкого дубового прилавка под навесом и спорил с каким-то приезжим купцом — смешного вида старичком в синем шерстяном плаще и колпаке. В конце концов кузнец смог убедить купца в полезности своего товара, и прилавок покинул грозного вида обоюдоострый топор. Не дрова рубить — настоящий боевой топор вроде секиры. Рейн заметил, что сегодня сундучок Фиахны доверху набит серебряными и медными монетами, что бывало нечасто. Видно, торговля сейчас идёт особенно бойко.

— Чего он у тебя оружие купить решил? — спросил Рейн, присаживаясь на стул у прилавка. — Странно это как-то.

— Да, как есть странно. — Фиахна закрыл сундучок и убрал его в обитый железными пластинами ящик, который запирался на старинный кованый ключ. — Это не первый мой покупатель, который желает приобрести оружие. Я продал уже четыре топора и пару связок стрел. И кольчугу ладить начал. Мне сказали, — медленно произнёс, понизив голос, Фиахна — что вскоре война намечается. В Келейнионе беда. Говорят, там целая провинция... исчезла.

— Как — исчезла? — Не понял Рейн.

Фиахна пожал могучими плечами.

— А вот так. Просто исчезла, и всё тут. Ни людей тебе, ни домов, ни посевов — только выжженный круг там, где дома стояли. И туман ту землю накрыл, чёрный, что твой уголь. Говорят, там теперь даже птицы не летают, а кто войдёт в тот туман — не возвращается.

Рейн покачал головой.

— Ничего не понимаю...

— Я и сам ничего не понимаю, — ответил Фиахна, — Но я слышал это от купца Хельги. Он сказал, что теперь Келейнион будет со своими соседями воевать, чтоб от того тумана спастись. И соглядатаи их повсюду. А ещё тэн Элиас из Уб Хетига не желает короля признавать, я вчера тебе уже говорил. Этот аристократ, как мне Хельги сказал, вконец спятил! Объявил себя Чёрным Солнцем, представляешь? Что-то вроде титула. Говорят, что он хочет свергнуть королевскую власть и устроить магическое правление. И это у нас-то, в Уладе, где магов меньше сотни! Я, конечно, в туман этот не верю, но ты народ знаешь —

один что-то сказал, другой добавил, и вот уже готова целая история. Я вот думаю, не захиреет ли от этих слухов наша торговля. Хельги — человек богатый, почтенный, ему врать не с руки...

Друзья присоединились к толпе крестьян, возглавляемой старейшинами в нарядных рубахах, и направились по тропе на юг, к Фоморову Холму — именно там располагалось святилище кельтхайрского жреца Зилача. В этом году День Жертвы встретит больше сотни человек — половина всего населения Кельтхайра, и многие, в том числе и Рейн, впервые увидят жилище богов изнутри. Все радовались, о чем-то болтали, подле матерей бегали дети и весело смеялись. Фиахна всё говорил и говорил, но Рейн слушал его вполуха. Война намечается... Отец тоже погиб на войне. Рейн не знал, где находится Келейнион и стоит ли верить всем этим рассказам, но ощущение тревоги вернулось. Не может быть, чтобы это была правда, убеждал он себя, выходя за ворота. Да нет, быть не может. Получалось плохо. Не зря же приезжие скупают оружие... а что, если и вправду что-то серьёзное? А мятеж этого Элиаса на западе Улады? Внутренний голос говорил Рейну: что-то идёт. Что-то недоброе.

Друзья покинули деревню, и тревога Рейна на время исчезла. Вид привычных глазу охотника деревьев, тропинки и густого кустарника вернул ему чувство уверенности в себе. Лес был для Рейна вторым домом, даже более важным, чем тот, в Кельтхайре. Только в лесу юноша мог почувствовать себя по-настоящему собой — один, без ограничений, без ожиданий со стороны других, без этих бессловесных, но ранящих в самое сердце ссор с Эмер. Конечно, лес, как и любое другое место, мог быть наполнен опасностями, но в то же время он был надежным убежищем, надежным местом, чтобы спрятаться от проблем, тревог и страхов жизни в деревне. Ведь в Кельтхайре — и в этом Рейн не мог признаться даже себе — у него не было друзей и близких, никого, кроме Фиахны и жреца Зилача, который относился к Рейну с почти отеческой добротой, хотя довольно редко показывался на людях, предпочитая святыне книги и идолов обществу односельчан.

Солнце уже вошло в зенит, когда пёстрая толпа добралась до Фоморова Холма, на котором когда-то давно предки уладцев выстроили святилище. Холм был пологий, весь поросший травой и кустами ежевики. Никто не знал, почему холм зовётся Фоморовым, но название прижилось как-то само по себе. Странствующие поэты нередко сочиняли легенды об этом месте. В одних Фомором был король, чей замок когда-то стоял на холме, в других так звались духи, которые были заточены в недрах земли много веков назад. Но все истории сходились в одном: Фоморов Холм — особое место. Святое. На его плоскую, похожую на перевёрнутое блюдо вершину вела широкая, выложенная шлифованным камнем дорожка, поэтому идти было довольно легко.

Рейн с Фиахной шли в самом начале колонны, а потому смогли первыми пересечь границу святилища — круг из тридцати идолов, изображавших уладских богов. Высокие, вырезанные из огромных брёвен и покрытые позолотой, идолы грозно глядели на мир грубо нарисованными глазами-угольками. Внутри круга находился дом из замшелого булыжника и с покрытой дёрном крышей. Это и было жилище Зилача, кельтхайрского жреца и служителя богов. От опрятных деревенских домишек это здание отличалось как размерами — на скамьях, что стояли рядами, одновременно могло пировать до пяти сотен гостей — так и возрастом. Казалось, этот просторный каменный дом стоял здесь с тех пор, когда Благие ходили по земле, а Непрощённые ещё не превратились в страшную сказку для непослушных детей.

Рейн зашёл внутрь и сел на скамью. Изнутри дом Зилача состоял из одного-единственного круглого зала, просторного, с земляным полом и высокими потолками, которые поддерживали толстые гранитные колонны. В центре зала находилась треугольная каменная тумба, на которой стоял резной престол с высокой спинкой — место слуги богов. Вокруг престола кругами стояло три ряда простых деревянных скамей. Рейн сидел на самой ближней, чтобы хорошо слышать всё, что будет говорить Зилач — юноша первый раз был на Дне Жертвы, и сокровенное сказание об истории мира ему было ещё неизвестно. Рядом сел Фиахна — руки скрещены на груди, на лице так и читается нетерпение. Простые люди редко могут видеть жреца. Особенно такого, как Зилач.

Зала постепенно заполнялась народом. Мужчины, дети, женщины — все молчали, ожидая начала церемонии. День Жертвы — праздник веселья и радости, но стоит переступить предел святилища, и он обретает особую, мрачную торжественность. Суровые лики идолов так и говорят тебе: не смейся здесь. Уважай богов.

В повисшей над залом тишине раздался скрип. Отворилась дверь, и в святой дом широкими шагами зашёл Зилач. Слуга богов был, наверное, самым старым человеком в Кельтхайре. Но возраст не превратил жреца в немощного старца. Наоборот. Зилач был высок, ладно сложен, руки его были мускулистыми и сильными. Такими руками обычно обладают бывалые воины. Тонкие черты лица делали жреца похожим на короля — но не высокомерием, а благородством. Зилач весь был наполнен какой-то особой внутренней силой, энергией, которая передавалась собеседнику и вселяла в того чувство уверенности в себе. Жрец был одет в белое льняное одеяние без рукавов, свои седые волосы он собрал в хвост на затылке. В одной руке Зилач держал посох из омелы — символ связи с богами, а в другой была книга. Настоящая книга в плотной обложке из кожи. Он держал её за корешок так бережно, как мать держит своё дитя. Зилач прошептал к престолу и занял своё место, приветствуя собравшихся односельчан лёгким кивком. Даже это движение выдавало в нём некое внутреннее величие. После встречи с такими людьми сразу начинаешь верить в богов, а руки сами собой тянутся к домашним идолам для подношения и жаркой молитвы...

— Я рад приветствовать вас, жители Кельтхайра. — Сильный, чистый голос Зилача производил почти гипнотическое воздействие и приковывал внимание к престолу из резного дерева. — Сегодня особенный день, День Жертвы. Мы чествуем древних героев и благодарим их за спасение нашего мира от гибели. Мало кто знает эту историю полностью — царства гibli, летописи сгорали в огне пожарищ. Моя задача сегодня — дать вам святое знание, знание, которое передавалось от отца к сыну многие сотни лет. Многие забыто. Многие искажено нарочно. Но урок, — Зилач поднял свой узловатый посох — урок мы должны выучить. И пусть Сонм Богов не допустит, чтобы гибель мира повторилась...

Эта история началась давно. Настолько давно, что никто уже и не помнит, когда в первый раз загорелось негаснущее пламя Востока. В начале времен наш мир был молод. Творец Творения заточил Противника за пределами сущего. Затем были созданы люди. Творец дал им полную свободу и свои дары: огонь, воду, вольный простор. Весь мир отдал Творец своим чадам. Но увы... люди были слишком алчны. Даже будучи заточённым в своей темнице вне времени и пространства, богомерзкий Противник смог исказить создания Творца. Людские царства сразу же начали воевать друг с другом. И тогда Творец Творения избрал шестнадцать человек, известных своими добродетелями и бескорыстием. Из рук самого творца Вселенной эти шестнадцать приняли власть над миром и чудесные силы. Они получили важнейшую задачу: защищать род людской и преумножать благодать в душах своих

подданных. С той поры этих людей называли Благими, и народы со всего света почитали их как богов. Обладая чудесными силами, эти шестнадцать быстро покорили все племена мира, от Первого моря и до Последнего, от Непреступных гор на севере до Изломов на юге. Так возникло Царство Истины.

Благие были безмерно могущественны. Их нельзя было погубить ни клинком, ни огнём, ни ядовитой стрелой. Они обладали волшебными реликвиями: в их распоряжении было шестнадцать Великих Копий и одна-единственная Флейта, что была самым могучим предметом из всех подарков Бога. Этот чудесный предмет с самого начала хранился в особенном ларце, и Творец приказал, чтобы Флейта оставалась нетронутой, пока не придёт великая нужда.

Столица Благих — Ападана Святая — превосходила своим величием любой другой город. По их приказу на горе Цэйон люди возвели особый дворец, который отличался от всех иных зданий в мире. Он был построен из семи видов стекла, и сто раз по сто колонн поддерживало его могучие своды. Стекланный Дворец — так его называли люди. Говорили, что во внутренних покоях озеро можно перепутать с полом, а пол — с речной гладью. Отовсюду стекались люди, чтобы хотя бы раз увидеть дом, в котором живут Благие, существа божественной природы. И ещё один дар получили от Творца его избранныки. Взял Творец железо, и серебро, и яркую медь. И сотворил Он десять тысяч воинов. Глаза их горели огнём драгоценных камней — яхонтов и изумрудов, и они были сильнее любого человека. Их называли Амтрака — Бессмертными. Они стояли вокруг резных тронов, сжимая в руках стальные копья, и паломники падали на колени в благоговейном страхе перед шестнадцатью правителями, чей покой охраняли такие создания.

Мир переживал эпоху процветания. В те годы любой мог взять золотое блюдо и пройти из одного края державы в другой, не потеряв своей ноши. Народы жили в спокойствии, а Благие проводили свои дни в Стекланном Дворце и не знали ссор и раздоров. Яркое священное пламя в храмах Творца.

Но свет огней в храме — не означает свет в человеческой душе. Среди Благих был один, который не разделял радостей своих товарищей и подданных. Опечаленный, бродил он по Дворцу, и странные, пугающие идеи приходили ему на ум. То был самый могущественный, самый благородный из шестнадцати, и имя его было Мореллин, но для бесчисленных народов мира он был Философом, Отцом Знания. Будучи одним из шестнадцати, вознесённых Творцом над остальными людьми, он обладал знаниями, недоступными остальным. Он мог смастерить руку из серебра, которая двигалась, как настоящая, мог управлять ветром и облаками, а его взгляд был способен проникнуть сквозь стены и увидеть то, что было скрыто от глаз других. Одного не мог Мореллин — спасти других от смерти и творить новую жизнь. Благие могли жить вечно, тогда как обычные люди старели и умирали, и даже старания Мореллина только отодвигали неизбежный конец.

В то время как другие были счастливы, веселы и безмятежны, Мореллин оставался мрачен и задумчив. В своих покоях за закрытыми дверями он часами просиживал, уставившись на огонь в камине или читая колдовские книги, назвать которые я не решусь. В его голове возникали ужасные мысли, которые он гнал прочь — во всяком случае, сперва. Время шло, и он всё больше отдалялся от своих соратников. Поначалу Мореллин желал только одного — найти секрет бессмертия, чтобы все люди мира могли разделить с Благими их величие. Но жажда знаний, как и жажда богатства, растёт вместе с попытками утолить её. Мореллин захотел быть свободным от ограничений, налагаемых человеческой природой. Он

захотел сам стать Творцом, и понемногу это желание овладело им. Вместо помощи роду людскому он посвятил себя поиску опасных, бесконечно древних умений. Не найдя нужных ему знаний в библиотеках Стеклянного Дворца, Мореллин обратился к древней магии Противника в надежде стать ещё мудрее. Он по-прежнему мог мастерить волшебные вещи, но теперь они несли с собой тьму — красивые снаружи, но будто злые изнутри. Прекрасный с виду арбалет, который требовал крови. Золотой плуг, что нёс неурожай и голод. Зеркало, что сводило с ума всякого, кто в него заглянет.

Однажды Мореллин сказал своим товарищам, что хочет создать себе дочь, неотличимую от человека. Благие посмеялись над ним. Они сказали, что никто из них не осмелится пойти против законов Творца. Нельзя создать жизнь, не будучи богом, говорили они. Мореллин ничего не ответил. Три дня он не выходил из своих покоев, а когда появился перед Благими, то держал за руку куклу из серебра и стали, выполненную в рост человека. Она была прекрасна, умела танцевать и петь — но оказалась всего лишь хитроумным механизмом, оболочкой без разума и собственной воли. После этого случая Мореллин изменился ещё сильнее. Его сердце было холодным, глаза стали пустыми и безжизненными, а голос — подобным голосу мёртвого. Первые семена безумия уже пустили ростки в его душе. Теперь, после того, как он не преуспел в сотворении жизни, у него не было иного выбора, кроме как покинуть Стеклянный Дворец. Искать то, чего не мог найти никто из смертных. То, что Творец Творения ещё создать не успел.

Зилач замолчал, обводя глазами своих слушателей. Стояла такая тишина, что было слышно, как за окном чирикают воробьи, радуясь весеннему теплу. Жители Кельтхайра молчали, с благоговением ожидая, когда жрец продолжит рассказ. Каждый хотел узнать, что произошло дальше, хотел хотя бы в мыслях прикоснуться к тайнам далёкого прошлого.

— Мореллин отправился на север, в страну круитни, Теневого Народа, что живёт в холмах и глубоких пещерах. Всюду искал Отец Знаний вещь, которую бы никто раньше не видел, просил помощи у великих мастеров и книжников — но всё было тщетно. Отчаявшись, он избрал себе домом ледяную пещеру на краю мироздания и поклялся, что не вернётся домой, покуда не создаст вещь настолько новую и необычную, что затмит самого Творца. Три года жил он на севере. Но как искусно ни трудился он, его цель оставалась недостижимой. Наконец, когда Мореллин от отчаяния уже хотел броситься в морскую пучину, ему явился незнакомец, прекрасный обликом. Он протянул руку — и Благой увидел перед собой алое семечко, словно вырезанное из рубина.

— Я знаю, чего ты так сильно желаешь. — произнес незнакомец. — Я могу тебе помочь. Дай этому семени прорасти, и оно даст тебе чудесный плод. Сказав так, незнакомец исчез — только на полу ледяной пещеры осталось лежать алое семечко, яркое, как рубин.

Мореллин последовал совету незнакомца, и вскоре на том месте, где он посадил семечко, выросло дерево, прозрачное и твёрдое, как драгоценный камень. Словно решившись на что-то, Отец Знаний срубил дерево и скрылся в своей ледяной пещере. Семь дней и семь ночей не стихал бой кузнечного молота, а на восьмой день Мореллин вышел на свет, держа в руках оружие, подобного которому ещё никто не видел. Дивное копьё цвета крови, внутри которого словно трепетало что-то неуловимое, похожее на тень или языки чёрного пламени. Копьё, что кровоточило страданием. Кродерг Крималл — Алое Копьё. Стоя на коленях перед своим творением, Мореллин думал о многом, и зависть к Творцу и его силе, ранее тлевшая подобно углям, теперь разгорелась, как яркое пламя.

Когда Мореллин вернулся во Дворец, то был уже совершенно безумен. Он стоял перед

остальными Благими, восседавшими на резных хрустальных тронах, и великая страсть была в его глазах — желание быть лучше всех. Сильнее всех. Могущественнее всех.

Когда Благие увидели, какое оружие он сжимает в своих руках, то ужаснулись — настолько отличалось Алое Копье от всего, что когда-либо ковалось человеческими руками. Благой Оллам, второй после Мореллина, пытался образумить старого друга:

— Этого оружия не должно существовать в нашем мире. Откажись от него, брось в море!

Мореллин устремил на него свой горящий взор, и только тогда Благие поняли, как велико было его безумие.

— Это я сотворил его. Я, слышите?! Я превзошёл самого Творца! Теперь я — бог.

Он ушёл из Дворца, не сказав ни слова, и никто не остановил его — Благие надеялись, что их соратник образумится. Они ошиблись.

Мореллин возжелал власти. Своими странными, но действенными речами он повлиял на шестерых Благих, которые видели в нём учителя и мудреца и не задумывались о том, насколько тёмная сила породила Алое Копье. С каждым днём эти шестеро всё сильнее попадали под влияние Отца Знаний, и вскоре он понял, что пришла пора действовать.

Под покровом ночи Мореллин отправился на вершину горы Цэйон, чтобы забрать Великие Копья. Вместе с ним были те шестеро, что добровольно предали свои клятвы, польстившись на шанс стать выше самого Творца.

Одним за другим Мореллин и его союзники убили всех людей во Дворце и похитили семь Великих Копий. Остальные Копья им не достались — Благая Элинор, сестра Оллама, вовремя почувствовала неладное и успела перепрятать их, одновременно не позволив отступникам завладеть последней и наисильнейшей реликвией — Флейтой. Но зло, учинённое в ту ночь, и так было слишком велико. Разум Мореллина окончательно помутился, и он провозгласил себя новым богом и повелителем мира. Через эти тёмные деяния он и получил своё новое имя. Ишам Даар. Сменивший Сторону. Он и его союзники стали зваться Непрощёнными — за грех, что они совершили.

Люди со всего мира долго оплакивали трагедию. Это было время, когда единство рода человеческого впервые пошатнулось, когда семь созданных Творцом Великих Копий стали служить злу наравне с дьявольским Алым Копьем. Непрощённые и их кошмарный предводитель скрылись на севере, в Неприступных горах. Даже обладая самым страшным оружием на свете, Великий Отступник знал, что был превзойдён — ведь Флейта осталась в Стеклянном Дворце. Теперь, когда весь мир стал его врагом, было лишь одно место, куда Мореллин мог отправиться...

Сменивший Сторону и его свита преодолели семь ледяных и семь огненных бездн и встретились с Противником, врагом Творца. Так появился самый мощный союз, который когда-либо видел свет. Война Лжи началась.

Непрощенные сохранили великую вражду к людям, и в течение многих лет мир не мог избавиться от стона и трепета: каждую ночь наполнялся он смертью и отчаянием. Кродерг Крималл сделало своего создателя почти непобедимым, и ни одна армия не могла выстоять при встрече с погибельным сиянием Алого Копья. В горах на севере Сменивший Сторону воздвиг Тир-На-Ног, Рощу Тысячи Копий. Богомерзкий, восседал он на престоле из оникса, а вокруг стояли Непрощённые. Путешествие в запредельные бездны не прошло для них бесследно. Их внешность изменилась, хотя никто уже не может сказать, как именно. Известно только, что они постоянно носили маски, а глаза их стали жёлтыми, как

расплавленное золото.

Война шла долго. С помощью древней магии Сменивший Сторону и Непрощённые подчинили себе Бессмертных, которые затем составили костяк бесчисленных армий тьмы. На поклон к отступникам шли многие из людей, что жаждали власти и неестественно долгой жизни, которую Противник даровал своим прислужникам. Вокруг своего престола в Тир-На-Ног Непрощённые собрали чудовищ — созданий настолько страшных, что перо не захочет описать их. С этим войском Мореллин за три года разбил людские армии и подступил к воротам Стеклянного Дворца. Казалось, мир обречён на погибель...

Легенды связывают спасение людей с одним из первых Благих — Олламом. Именно он вновь организовал войска людей под знаменем Истины Изначальной. Именно он подарил миру надежду. Свирепый в битве, щедрый с друзьями и беспощадный с врагами, Оллам стал объединителем. Его называли Шаргир Амита — Носитель Справедливости.

Решающая битва состоялась у стен Стеклянного Дворца. Сменивший Сторону вывел на поле боя армию столь великую, что ночь показалась днём от её походных костров. Благие могли противопоставить этой силе десятитысячный отряд. И Флейту... Даже кошмарная магия, породившая Алое Копье, не смогла противостоять мощи самого Творца. Под руководством Оллама врагу был нанесён сокрушительный удар. Порождения тьмы были повержены, армии людей-предателей рассеялись. Непрощённые сразились с Благими, Носитель Справедливости — со Сменившим Сторону. И оба они проиграли...

Несмотря на то, что мир был спасён, Война Лжи разрушила Царство Истины Сменивший Сторону и его проклятая Творцом шестёрка были уничтожены. Благие же потеряли свои тела и вознеслись на небо, откуда и по сей день присматривают за нами. Для нашего народа, который два века назад основал Уладу, они стали всего лишь одними из богов, первыми среди равных. Мы поклоняемся идолам, но мало кто знает об их великом прошлом. Одним раз в году мы его вспоминаем. Запомните, жители Кельтхайра: это — было.

Зилач поклонился и покинул святилище, бросив взгляд на притихшую толпу. Рейну показалось, что стальные глаза жреца смотрели прямо на него.

Глава четвёртая. Огнепоклонница

Алая Длань известна как одна из наиболее таинственных Непрощённых — хотя бы по той причине, что её нередко путают с Дочерью Мрака. Она считается считают антиподом Элинор Сострадающей, кем-то вроде роковой обольстительницы. Агум Седой считает, что её проявления — кстати, нигде толком не названные — привели к уничтожению Старого Цора и миграции уладских племён на север. Интересно, что она была как-то связана с Благим Олламом и Сменившим Сторону. Думаю, мне следует более подробно изучить эту Непрощённую и мифы, связанные с ней.

На следующий день, вернувшись в деревню, Рейн решил навестить Зилача. Юноше очень хотелось узнать побольше о прошлом их земли. Ведь раньше ему казалось, что уладцы жили здесь испокон веков, были самыми что ни на есть коренными жителями. А тут оказывается, что королевству всего-то два столетия! Кроме того, ему не давала покоя рассказанная жрецом история. Что-то в ней настораживало, казалось неправильным, каким-то неоконченным. Рейн представил себе, как улыбнётся седобородый жрец, увидев его. Последний раз они разговаривали достаточно давно.

Но днём Рейну отлучиться не удалось. Работы было невпроворот — надо заточить косу, собрать урожай с полей — своего и общинного, приготовить телегу к выезду на ярмарочный день. Ещё неплохо было бы заполнить амбар свежим сеном на продажу. Его можно выменять на железные инструменты или на несколько штук ткани — рубахи шить. Кроме того, юноша должен был отдать свою добычу кельтхайрским старшинам, которые затем случайным образом распределяли подарки между жителями деревни. Вместо пойманного им тетерева Рейн получил деревянную свистульку в виде птички с красной головой и чёрными крыльями. Что ж, неплохо. Кто-то хотя бы постарался ради Дня Жертвы — некоторые так вообще предпочитают ничего не делать и мастерить на праздник что-то невразумительное.

Денег не хватало. Всегда. Как и все селения в долине реки Муртемне, Кельтхайр страдал от высоких налогов, которые с каждым годом только росли. В последние месяцы тэн Элла как с цепи сорвался. Жители деревни только ворчали и по вечерам говорили недоброе и про королевскую власть вообще, и про Эллу в частности. Где это видано, чтобы свободные земледельцы платили за постой тэновой дружины, да ещё и в другом городе? На сходе старшин решили отправить челобитную. И не в Триат, где двор Эллы располагается, а в Маху-Эмайн, самому королю Лугайду.

Но посланец до столицы так и не добрался. Сгинул где-то в лесу. Может, волки загрызли. Или разбойники. Или кто похуже...

В деревне стало беспокойно. Жители Кельтхайра, которые были известны как самый весёлый и дружелюбный народ во всей долине Муртемне, стали выпускать на ночь сторожевых собак. Селяне внезапно обнаружили вокруг столько явных и мнимых опасностей, что часто закрывали двери на засовы — и это в Муртемне, где двери всегда оставались открытыми, где все друг другу доверяли, а за право принять редкого гостя могли и драку устроить!

Напряжение чувствовалось буквально во всём. В бревенчатом частоколе, который внезапно решили подновить. Во взглядах, что кидали крестьяне на случайных незнакомцев. Даже в приказаниях господина деревни тэна Эллы, тон которых с каждым месяцем

становился всё более отчаянным и требовательным. Обстановка в Уладе — и не только в ней, но и на всём Западе — становилась похожа на ожидание войны или иного бедствия. В воздухе носились слухи о восстании тэна Элиаса Чёрное Солнце, одного из могущественных вельмож на западе страны, который со своей дружиной пошёл против королевской власти и заявил о своих правах на корону. Кельтхайр стоял слишком далеко от торговых путей, и поэтому ничего определённого узнать не удавалось. Редкие торговцы рассказывали самые фантастичные истории: Элиас убит. Элиас у Триата. Элиас объявил себя королём и с большим войском идёт на столицу. Старейшины стали каждый день подолгу запирались в своём большом узорчатом доме и держать совет. И каждый житель деревни отдал бы всё на свете чтобы узнать, о чём идёт речь на этих собраниях.

Под вечер Рейну наконец-то удалось расправиться с наиболее важными, как ему казалось, делами. Подпол дома был полон мороженых овощей, а муки грубого помола должно будет хватить до следующего урожая. До конца весны оставалось немногим более полумесяца, но он был уверен, что запасов у них набралось достаточно. Он взял из дома каравай свежего ржаного хлеба, котомку, зачем-то прихватил с собой памятную железную стрелу. Рейн попрощался с Эмер. Сестра в кои-то веки не рассердилась, а только коротко кивнула — наверное, всю готовится к замужеству — и юноша со спокойной душой покинул дом и зашагал к Фоморову Холму.

— Что тебе нужно? — Зилач стоял у двери своего дома и пристально смотрел на Рейна. Смеркалось. В вязкой темноте круглый дом со стоящими вряд идолами выглядел пугающе, словно огромный чёрный гриб, выросший на месте упавшего дерева.

— Я... я хочу задать тебе несколько вопросов. — Рейн замялся. — Меня очень впечатлил твой вчерашний рассказ. Про Благих и Непрощённых. Я хочу узнать больше.

Зилач сжимал в кулаке свою длинную белую бороду и пытливо смотрел на Рейна. Молодому охотнику показалось, что этот взгляд может выведать все тайны, все секреты души. Юноша даже поёжился.

— Любознательность никогда не порицалась. — жрец тепло улыбнулся. — Заходи. Побеседуем. Ночи теперь длинные стали, холодные. А что согревает сердце путника надёжнее хорошего рассказа?

Через несколько минут они уже сидели на втором этаже святилища. Про себя Рейн отметил, что тут намного уютнее, чем внизу. Хоть комната и была такой же широкой, как зал для пиров внизу, но освещалась мягким ровным светом масляных ламп, вставленных в металлические кольца из железа и бронзы. Мебели было не так много — пара обтянутых кожей кресел, несколько сундуков и какой-то тяжелый ящик. А вот книги... книги были на всех полках. Толстые и тонкие, кожаные и пергаментные. Были даже свитки в аккуратных промасленных футлярах. Глядя на всё это богатство, Рейн даже пожалел, что не умеет читать.

Зилач поставил между двумя креслами небольшой столик с кувшином молока, двумя чашками кипятка и странным ящичком из красного металла — очевидно, меди. Жрец устроился в одном из кресел, укрылся разноцветным клетчатым пледом и лёгким кивком головы предложил Рейну занять второе кресло.

— Возьми ложечку, зачерпни порошка из ящика и размешай в кипятке... нет, не так много. Да. Вот так. Теперь подуй и отхлебни немного.

Рейн послушался и сделал осторожный глоток. Горло немедленно обожгло горечью. Он

поставил чашку на столик и закашлялся.

— Слишком горько, да? — участливо поинтересовался жрец. — Ничего страшного. Вот, разбавь молоком. Его можно налить по вкусу. Я лично предпочитаю кофе без молока.

— Спасибо... — Рейн почувствовал, как по телу разливается тепло. Теперь напиток показался ему очень даже вкусным — что-то вроде чая с молоком. Но всё равно другой. Он никогда не пробовал ничего подобного!

— Как вы его назвали? Ко...кофе?

— Да. Кофе. Это восточный напиток. Там его все пьют, даже дети. Плоды кофе растут на деревьях. Их собирают, обжаривают и готовят этот чудесный напиток, который мы сейчас пьём.

Рейн недоверчиво посмотрел на Зилача. Он подумал, что жрец пытается над ним подшутить — так фантастично прозвучало это заявление. Хотя... кто знает? Разве не живут на востоке разные чудища? Это ведь место чудес, восток. Там всё может быть.

— Кажется, ты хотел узнать что-то про историю. Спрашивай. Я буду рад ответить. — Зилач отхлебнул немного кофе и блаженно зажмурился.

— Это правда, что Царство Истины подчинило себе всю землю? — спросил Рейн. — По мне, так это какая-то сказка. Даже самые великие герои не могли завоевать мир, правда?

— А ты прав. — Зилач кивнул. — Хоть Благие и были могущественней всех других правителей древности, многие земли никогда не знали их власти. Вересковое Море, например. Видишь ли, Благие, судя по всему, и не стремились к тому, чтобы править всем миром напрямую — достаточно было, чтобы местные цари признавали авторитет Стеклянного Дворца и законы Благой Веры. Я как-то раз видел древние карты. На них территории Царства Истины занимают едва ли четверть нашего мира. Кроме того, Благие никогда не контролировали Аннуин, страну Теневого Народа.

— Интересно... как же сами Благие? Разве не могли они победить какое угодно войско? В той легенде они были храбрыми воинами и...

Зилач помотал головой.

— Похоже, ты не так меня понял. Во-первых, мой рассказ не был легендой. Это сказание о прошлом нашего мира — правдивое, прошу заметить! Во-вторых, Благие не были ни простыми храбрецами, ни героическими воителями как какой-нибудь Кухулин Рогатый Топор. Они — существа другого порядка. Боги, понимаешь? Боги или, по крайней мере, кто-то очень на богов похожий. Их могущество было таково, что самые неправдоподобные чудеса были им под силу. Создать гору из ничего. Испарить озеро. Одним ударом истребить целое войско. Всё это Благие могли. Кстати, в отличие от так называемых Бессмертных, которых хоть и с трудом, но можно было победить, Благих убить было действительно невозможно. Сохранилось предание о том, как во время одной из битв Благой Оллам попал в засаду. Он тогда был без доспеха. В него попало более сотни стрел.

— И?..

— Он выхватил меч и сражался как ни в чём не бывало. И победил.

— А кто такие эти Бессмертные? Неужели это и правда были люди, сотворённые из металла?

— Этого мы уже не узнаем. Амтрака... они были чем-то необъяснимым. Чем-то странным и пугающим. О них почти ничего не написано в хрониках. Как бы тебе объяснить... представь себе дуб. В книгах ты прочтёшь про цвет этого дерева, про то, как приятна его тень в летнюю жару. Но нигде ты не найдёшь слов то том, что конкретно он

представляет. Так же и с Бессмертными.

Рейн кивал, время от времени протягивая руку к чашке с “кофе”, этим заморским напитком. Он был рад, что решился расспросить Зилача, но оставался ещё один вопрос. Самый значительный.

— Зилач...

— Да?

— Почему Непрощённые... ну... предали нас? В твоей леген... в твоём сказании об этом почти не говорится. Там сказано только, что они возгордились и все разом решили примкнуть к Сменившему Сторону.

Зилач как-то странно посмотрел на Рейна. Сначала ему показалось, что он чем-то рассердил жреца, но потом Рейн понял — Зилачу грустно.

— Ты задал очень правильный вопрос, юноша. Почему произошло Предательство? Увы, никто из ныне живущих тебе не ответит. Есть, конечно, мудрецы, изучающие этот вопрос. Но даже их работы основаны на предположениях. Одни говорят, что те семеро Благих изначально были на стороне Сменившего Сторону и только и ждали, чтобы ударить. Другие утверждают, что Всеотступник просто-напросто поработил их, заставил служить себе. Но как он мог это сделать? Непонятно. Кроме того, мы почти ничего не знаем об их прошлом в качестве Благих. Как если бы кто-то сознательно уничтожал всё, что связано с Непрощёнными. Кто? И главное... зачем?

— А кем был тот незнакомец, который дал Мореллину то алое семечко. Это Противник, да?

Жрец загадочно улыбнулся.

— Легенды не дают нам ответа. Может да, а может и нет...

— А что такое эти Великие Копья? — спросил Рейн внезапно. Он вспомнил, как жрец рассказывал о битве за Стекланный Дворец.

— Чудесное оружие, которое создал Творец Творения. К сожалению, никто не знает ничего, кроме их названия — ни святые жрецы, ни мудрые ученые. На фресках эти Копья изображены как что-то текучее, изменяющееся. Что-то, что лишь немного походит на обычное оружие.

Рейн кивнул. История Благих и Непрощённых очаровывала. И это всё *было*. На самом деле. Как же так вышло, что люди потеряли настолько чудесные знания?

Перед тем, как уйти, Рейн горячо поблагодарил старика.

— Ничего. Я рад, что хоть кто-то в нашей деревне интересуется прошлым и пытается по-настоящему осознать содержание древних преданий. Правду говорят, чудные вещи творятся ночью, особенно если это — ночь после Дня Жертвы. Сказать честно, я каждый день жалею о том, что не смог сделать тебя своим учеником. И ещё... — Зилач скрестил руки на груди и обеспокоенно посмотрел Рейну прямо в лицо — ...пообещай мне кое-что.

— О чём ты? — нахмурился Рейн.

— Обещай, что пойдёшь к Мидиру, если тебе понадобится помощь.

Мидир? Тот отшельник, который живёт один в лесу? Юноша захотел задать ещё один вопрос, но жрец перебил его:

— *Обещай*. Если что-то случится — иди прямо к Мидиру. Не ко мне. Понял?

Во взгляде Зилача Рейн прочёл только одно — непреклонность.

— Хорошо. Клянусь богами, что я сделаю так, как ты сказал.

— Спасибо тебе, Рейн. — жрец заметно расслабился и откинулся на спинку кресла. —

Удачи тебе, и да будут боги к тебе благосклонны.

По дороге домой Рейн только и делал, что прокручивал в мыслях эту беседу с Зилачем. Особенно последнюю её часть. Ученик жреца... это звучало заманчиво. В Кельтхайре грамоту знало человек пять — деревенские старшины и жрец. Кроме того, по закону Зилач как хранитель святилища и идолов Фоморова Холма не платил податей и пошлин. Но самое главное — рассказы. Зилач был самым образованным человеком Кельтхайра — да чего уж там, он единственный из всех жителей побывал где-то за пределами Улады. За океаном. И знает он немало, а значит учиться у него будет захватывающе интересно.

Но Эмер... он же не может взять и бросить её. На нём, Рейне, держится всё их хозяйство. В одиночку сестра не сможет ни собрать урожай, ни подлатать крышу, ни дом в случае чего защитить. А если на деревню нападут солдаты соседнего тэна? Или пожар случится... Рейн был вынужден признать, что задумка стать помощником жреца слишком несбыточна, хотя и соблазнительна. Было ещё кое-что — предупреждение Зилача. Почти угроза, но с ней Рейн разбираться пока не хотел. Завтра можно будет пойти в лесную хижину Мидира и хорошенько его расспросить. Неужели Зилач что-то скрывает?

Задумчивый, юноша шёл по тропинке с холма. Был уже поздний вечер, который плавно перетекал в первые часы ночи. Ещё с утра небо заволочло большими серыми тучами, поэтому звёзд было не видно совсем. Даже луна была ими почти полностью закрыта. В этой темноте ярким пятном впереди горели огни Кельтхайра — факелы в руках дозорных тэна Эллы, простые очаги в жилищах крестьян и затейливый камин в доме старшин. Со стороны все источники света сливались в одно-единственное пятно огня. Небольшое пятно, да. Но путникам этого всегда хватало — сразу ясно, что тут живут люди. До деревни оставалось около двух-трёх лиг, а звуки леса Рейна никогда не пугали. Но вот сейчас... сейчас, после разговора со жрецом и целой чашки чудного восточного напитка — этого странного, но вкусного “кофе” — уверенность Рейна в себе пошатнулась. Высокие деревья казались ему разбойниками, что прячутся в тени и нападают на одиноких странников, а деревца поменьше и густой кустарник могли сойти за падших Бессмертных. Рука невольно скользнула к поясному ножу — такому ножу, который носит в Уладе почти каждый, кому дорога собственная жизнь. Чуткий слух охотника помог Рейну понять, что не так. Кто-то шёл по тропе.

На Рейна снова обрушилось предчувствие, то самое предчувствие, которое он испытал, охотясь в лесу. Он был уверен, что вокруг ходит зло — что-то, что объяснить невозможно. В голове сразу воскресли все страшилки, которыми пугали детей — от волчьих стай и привидений до подземных обитателей Фоморова Холма. Потом вспомнил, как Фиахна говорил про лазутчиков из Келейниона. Ага...

“И соглядатаи их повсюду” — вот что сказал кузнец. Рейн почувствовал, что дрожит. Да что с ним сегодня не так?!

Нет, я не трус. Я им всем покажу. Всем в деревне и даже Эмер. Поймаю лазутчиков и доставлю в Кельтхайр.

За деревьями кто-то был. Рейн ощущал это, понимал интуитивно, без доказательств. Юноша достал нож и укрылся за ближайшим деревом — высокой елью с широкими ветвями-лапами.

Откуда-то слева послышались лёгкие шаги. Из темноты леса на тропинку скользнул силуэт, в нечётком лунном свете казавшийся ночным призраком. Этот человек (человек ли?) стоял в нескольких шагах от дерева Рейна, невидимый в тени. В тот момент Рейн благодарил

всех известных ему богов за то, что успел спрятаться. Юноша ещё сильнее сжал деревянную рукоять ножа. *Я должен это сделать. Только это. Я должен.* Рейн больше не чувствовал ни холода, ни страха.

Человек сделал несколько шагов вперёд, теперь он был совсем близко. В лунном свете стали видны очертания чёрного, подбитого мехом плаща. Лицо скрывал глубокий капюшон, но Рейну показалось, что глаза незнакомца сияют алым светом подобно двум углям в костре. Наверное, игра света. Рейн весь сжался. Сейчас...

Фигура двинулась дальше. Рейн выскочил из-за дерева и прижал незнакомца к стволу. Блеснула сталь ножа.

— Стой! — воскликнул девичий голос. Человек поспешно откинул капюшон, и по плащу рассыпались чёрные волосы.

Рейн ошеломлённо уставился на “соглядатая”. Девушка? Здесь? Ночью? Он быстро убрал клинок и проговорил, запинаясь:

— Кто ты? И грозно добавил, нахмутив брови: — Что ты здесь делаешь в такое время?

Рейн попытался придать голосу суровость, но не был уверен, что это поможет ему избавиться от румянца, что проступал на лице. Юноша сторал от стыда.

Незнакомка быстро отступила на несколько шагов назад и проговорила тихо:

— У вас на Западе все так безумны?

В её глазах вспыхнули искры гнева, но тут же погасли. Она рассмеялась.

— Я и забыла, как беспокойно сейчас в Уладе. Не вини себя, добрый человек. Я сама виновата — это одеяние — она указала на плащ с капюшоном — способно испугать многих.

Только сейчас Рейн заметил, что чужестранка была очень юной — в Кельтхайре таких даже замуж не выдадут. И глаза у неё — вовсе не алые, а серо-стальные, как расплавленная ртуть. Тёмные волосы едва доставали до плеч. Её закутанная в чёрный плащ фигурка выглядела такой хрупкой, что Рейн смутился ещё сильнее. Он с силой вогнал кинжал в ножны и повторил:

— Что ты здесь делаешь?

Склонив голову чуть влево, она внимательно разглядывала Рейна — будто в душу смотрела.

— Да так. По лесу иду. — В её глазах появились хитрые огоньки. — Мне надо в Кельтхайр. Я прибыла в Уладу из Авестината.

— По лесу? Одна? — Рейн и сам толком не понимал, зачем задал этот вопрос.

Девушка кивнула.

— Я ищу кости короля Конхобара.

— К-кости? По её глазам нельзя было понять, говорит она серьёзно или просто издевается.

— Ну да, кости. — девушка заговорщически понизила голос. — Я ведь колдунья. Хожу по миру и поднимаю мёртвых.

Она глянула на Рейна и снова рассмеялась.

— Видел бы ты своё лицо! Успокойся, это шутка.

— Ага... — пробормотал Рейн, которого этот бессмысленный разговор совершенно сбил с толку. У неё приятный смех. Надо было что-то сказать, что-то предложить — иначе Рейн рисковал весь залиться краской. *Забери меня Медб...*

— Тебе помочь? Я короткую дорогу знаю.

— Правда? — огоньки в глазах девушки теперь напоминали лесной пожар. — А

длинная, получается, смертельно опасна?

— Так тебя провести до Кельтхайра? — Рейн, поняв, что странная незнакомка потешается над ним, принял правила игры и попытался добавить сарказма в голос. — Или ты собираешься остаться на ночь в этом ужасном месте рядом с призраками старых королей?

На губах девушки появилась ухмылка.

— Хорошо. Я пойду с тобой, уладец-который-чуть-не-убил-меня. У тебя же есть имя, да? Или у вас на Западе только прозвища?

— Меня зовут Рейн. — ответил юноша, смущённый. Незнакомка снова рассмеялась, прикрыв рот ладонью в чёрной кожаной перчатке. Издевается...

Он показал ей, что надо идти вперёд, и непринуждённо зашагал к деревне. Точнее, хотел бы, чтобы это выглядело непринуждённо. На самом деле Рейн сгорал от стыда, и хвала богам, что внезапная спутница не могла видеть его лица. "Как снег на голову свалилась" — подумал Рейн. Чудные вещи творятся ночью, особенно если это — ночь после Дня Жертвы. Это тоже Зилач сказал. И почему Рейн стал так часто поминать жреца? Юноша и сам не мог ответить на этот вопрос.

Ночное небо между тем вновь заволкло тучами, и мутный, почти осязаемый мрак накрыл тропу, да и всю долину Муртемне в придачу. Звёзд стало не видно, двигаться приходилось почти на ощупь, но Рейн ходил по лесу с тех пор, как научился держать лук в руках, и был уверен, что не заблудится. Да и вообще, кто мог — из местных, конечно, — заблудиться здесь, на тропинке между Кельтхайром и Фоморовым Холмом?

Время от времени Рейн, нечего делать, оглядывался через плечо — быстро, украдкой, — чтобы не потерять из виду огнепоклонницу — своего имени девушка не назвала, а потому Рейн решил называть её так. Она шла за ним довольно уверенно, хотя Рейн двигался быстро, быстрее даже, чем обычно. Он ощутил что-то похожее на уважение к этой странной незнакомке. Девушка была достаточно вынослива, чтобы идти за пусть и юным, но охотником, идти в хорошем темпе и не отставать. Одетая во всё чёрное, с короткими тёмными волосами и бледным лицом, она не была похожа на других девушек, которых знал Рейн. Огнепоклонница, надо же... Это непривычное слово. Опасное, особенно сейчас. Фиахна говорил, что король сейчас воюет с мятежным тэном Элиасом. Что произойдёт, если в один день у Фоморова Холма появятся солдаты? Зилач — святой жрец, слуга богов. Его не тронут, не посмеют. Рейн постарался убедить себя в том, что всё будет в порядке, но память услужливо предложила ему новый повод для волнений. Почему Зилач упомянул Мидира? Этот человек — отшельник, его несколько лет не видели односельчане. Мидир никому не помогает. Наверное, Зилач напрасно волновался. Деревне ничего не угрожает... ведь правда?

Огни Кельтхайра уже были отчётливо видны, когда дурное предчувствие волной накатило на Рейна, захватило его. Опять... Рейн весь подобрался, замер. Незнакомка это заметила и нахмурилась:

— Что такое?

— Не знаю. — ответил он. — За тем деревом кто-то... нет, всё в порядке.

Ему показалось? Или...

Рейн сделал ещё пару шагов и замер, поражённый. На тропу прямо перед ним из лесу вышло два стражника в кольчугах и с копьями наперевес. Юноша попятился, но тут же снова застыл: остриё копья было направлено ему в грудь. Сзади раздались хруст веток и приглушённая ругань. Ещё четверо солдат оказалось на тропе. Рейн глянул на свою спутницу

— та стояла не двигаясь, на её лице читались удивление и ужас. Солдаты окружили их, щетинясь длинными копьями.

— Гляжу, вы пожаловали к нам на огонёк? Какая радость! — Самодовольный голос Роскмелька было ни с чем ни спутать. Вельможа в собольем плаще ступил на тропу и остановился прямо перед Рейном. За спиной сборщика податей маячило ещё два силуэта с луками наизготовку.

— Ты обвиняешься в измене королю и тэну Элле Высокому. Тебя и лживого жреца Зилача отправят к королю в Маху-Эмайн. — Роскмельк наклонился к Рейну и прошептал: — ты меня тогда здорово унижил, парень. Теперь моя очередь.

Он сделал знак лучникам, и те достали два мотка грубой верёвки — связать пленников.

Рейн принялся лихорадочно соображать. За пазухой у него осталась калёная тунгутская стрела. Ещё был нож, но до него не дотянуться: воины тэна пристально следили за обоими пленниками. Их суровые лица как будто говорили: даже не вздумай драться — убьём. Роскмельк тихим голосом отдал какой-то приказ, и пленников повели по тропе, туда, где стоял запряжённый двумя лошадьми возок. На дверцах возка красовался известный всем в Уладе символ: молния, поражающая прямо в сердце человека, который стоит на коленях. Гвардия короля.

Чудные вещи творятся ночью, особенно если это — ночь после Дня Жертвы.

Неподалёку хрустнула ветка. Затем ещё раз и ещё. Кто-то шёл по лесу, продираясь через кусты и ломая сухой от нехватки воды бурелом. Шёл прямо на них. Рейн похолодел. Он уже слышал *это*. Два дня назад, на охоте перед Днём Жертвы. Тяжёлые шаги, как будто по лесу идёт медведь... или нечто крупнее. Но что может быть больше медведя?

Роскмельк, похоже, тоже услышал звук. Он остановился и одним движением вынул из ножен прямой длинный меч. Солдаты неуклюже топтались на месте и переводили взгляд то на Рейна и незнакомку, то на своего командира. Хруст веток становился всё громче.

Ломая кусты и молоденькие ели, из леса на тропу ступило... что-то. Это была человеческая фигура — настолько высокая, что её голова возвышалась над самыми рослыми воинами. С ног до головы создание было облачено в пластинчатый панцирь. На ногах — железные сапоги, на руках — латные перчатки, доходящие до самого локтя. Самым странным оказалось лицо... которого попросту не было. Голову полностью скрывал глухой шлем, а на месте забрала находился загнутый вниз металлический клюв, как у хищной птицы. Глаза создания сияли ярким белым светом, который одновременно завораживал и вселял страх. *Оно* остановилось на тропе и замерло, словно статуя. Рейн заметил, как ужаснулась его спутница — руки трясутся, глаза распахнуты в неверии. У него тоже всё внутри сжалось, хотелось броситься прочь и бежать без оглядки.

Существо сделало шаг. Сначала от земли медленно, с какой-то доисторической неспешностью оторвалась одна нога, затем — другая.

— К-кто ты? — проговорил наконец Роскмельк. — Отвечай! Именем короля Лугайда! Вельможа сжал рукоять своего меча и направил его вверх — туда, где на шлеме существа белым огнём светились глаза. Солдаты переглянулись и направили свою копья на фигуру в броне, которая остановилась и стояла в полной неподвижности, словно древнее изваяние.

— Кто бы ты ни был, — сказал Роскмельк, — тебе придется снять этот шлем. Ты меня слышишь?

Оно не ответило.

Лучники наложили стрелы на тетивы и прицелились. Но тут же вновь опустили луки,

потому что существо неожиданно покачнулось. Закованная в броню рука схватила сборщика податей за горло и с поразительной лёгкостью приподняла его. Ноги вельможи оторвались от земли. Лицо Роскмелька побледнело, затем полиловело. Он силился что-то произнести, бился, как выброшенная на берег рыба, но изо рта выходило только хрипение. Рука существа сжалась сильнее, и Роскмельк вдруг разом обмяк, как тряпичная кукла. Стальная перчатка распрямилась, тело вельможи упало на землю. Широко раскрытые глаза уже начали стекленеть.

Один из воинов замер на месте, но уже через мгновение пришёл в себя и издал боевой клич, который подхватили остальные.

— За короля Лугайда!

По лесу разнёсся громкий клёкот боевого рога. В ту же секунду фигура в броне развернулась к солдатам тэна и подняла вверх правую руку. Прямо из руки существа выдвинулось длинное, похожее на жало лезвие. С огромной скоростью *оно* взмахнуло рукой, и один из копьеносцев пал, пронзённый дьявольским оружием. Солдаты бросились врассыпную.

— Бежим! — Рейн рванулся к незнакомке, схватил её за руку и бросился прочь, в лес. За спиной слышались крики солдат, звон металла о металл. Снова взвыл рог — на этот раз отчаянно. *Не оборачиваться.* Шиповник раздирал ноги, ветви деревьев наотмашь били по лицу. *Не оборачиваться.* Крики стихли. Позади — *его* тяжелые шаги. Впереди — обрыв и шум реки. В глазах потемнело от ужаса. Он бежал и бежал, спотыкаясь, ловя грудью воздух, чувствуя, как бешено колотится сердце. Незнакомка все так же крепко сжимала его запястье. *А что потом? У обрыва?* Река Муртемне всегда славилась быстрым течением. Лес стал редеть. Юноша уже видел перед собой обрыв. Где-то внизу грохотала река, неся свой стремительный поток к горам на севере.

Рейн подпрыгнул, с лёгкостью перемахнул через валун. Глаза поймали отблеск стали. Юноша повернул голову и увидел, что это было. *Оно* быстро приближалось к ним с тонким мечом в руке. Нет. *Их* было двое — ещё одна высокая фигура в броне появилась слева. Время словно замедлилось, стало густым и вязким. Парень увидел нацеленный на него лук.

Стрела сорвалась с тетивы.

К счастью, стрела всего лишь задела руку Рейна. Странное создание снова натянуло тетиву. Рейн понял, что выбора не остается. Или стрела, или меч прямо сейчас достанут его.

— Нам нужно прыгнуть вниз, — прокричал он незнакомке. — Скорее!

В её глазах стоял ужас.

— Нет! Ты не понимаешь. — Девушка явно нервничала. — Мне... мне нельзя... я боюсь выс...

— Прыгай!

Это было похоже на прыжок в бездну, только внизу оказалась не пустота, а бушующий поток. Они летели вниз. Ветер свистел в ушах. На секунду Рейна охватила паника.

Мы не выживем.

Рейн приготовился умереть.словно в забытии, он крикнул что-то — и река внизу взорвалась фонтаном брызг.

И Рейн умер. Перед глазами у него полыхнул яркий свет, который тут же сменился тьмой.

Глава пятая. Мидир

Отмечено, что Посол Безумия не мог говорить — его речь описывается в большинстве источников как что-то, похожее на щелчки. Авестийцы называют его именем Неригаал, значение которого ныне утеряно. Его проявления связывались с влиянием на разум — ужасающие сны, видения и помутнение рассудка тех, кто по каким-то причинам навлекал на себя взор этого существа. Среди всех Непрощённых именно он вызывал у людей наибольший страх. Быть может, это — зацепка? Я намерен продолжить свои изыскания и посетить Дом Мудрости так скоро, как смогу.

Не оглядываться. Не оглядываться. Не оглядываться.

...Рейн пришел в себя, лежа на покрытом галькой речном берегу. Было тихо. Рядом на камнях сидела незнакомка, обхватив руками плечи. Рейну хватило сил только на то, чтобы поднять голову, да и то на мгновение. Тело вдруг одеревенело, перед глазами замелькали разноцветные вспышки. Ему захотелось просто закрыть глаза и погрузиться в спасительную темноту. В эту минуту он был бы рад даже беспомощности.

Но сознание уже проснулось — Рейн чувствовал, как начинает шевелиться каждая клеточка его тела. Он вновь открыл глаза. Девушка стояла рядом. Она что-то говорила, но её слова с трудом доходили до затуманенного разума. Рейн пытался вспомнить, где и при каких обстоятельствах они повстречались, но так и не смог. В голове роились какие-то обрывки, какие-то образы, осколки воспоминаний.

Рейн приподнялся на локтях и сел. Его мутило, голова кружилась, в горле пересохло, а по телу то и дело пробегала дрожь. Он услышал, как незнакомка глубоко вздохнула и что-то сказала. Рейн не понимал ни слова. Кажется, несколько раз она сказала — *Творец Творения*. Где он раньше слышал это имя? Юноша заставил себя не закрывать глаза.

В этот момент девушка осторожно положила ему на лоб смоченную холодной водой тряпицу. Сознание тут же прояснилось, все события вчерашнего дня разом хлынули в разум юноши, как бурный речной поток.

— Ну что, очнулся? Ты как? — спросила незнакомка. Чистый высокий голос вывел Рейна из оцепенения.

— Я в порядке, — прохрипел Рейн. — Где... где мы?

Девушка провела рукой по воде.

— Сейчас мы на берегу этой реки. Не знаю, как называется.

Рейн вскочил на ноги.

— Ты никого тут не видела? Мы ведь одни?

— Да. Одни. — Она вдруг зябко повела плечами и огляделась. — Ни воинов, ни этих... других.

— Они... Я не знаю, кто они такие, но для нас — явно враги.

Забери меня Медб, такое ощущение, что они пришли из небытия.

— Постой. — Рейн задумался. — Броня, скрывающая всё тело... металлические маски... то дьявольское оружие... я... я слышал об этом.

Они были чем-то необъяснимым. Чем-то странным и пугающим.

Страшная догадка пронзила мозг.

Рейн посмотрел на девушку. Та поняла, о чем он думает, в её глазах появился ужас.

Взял Творец железо, и серебро, и яркую медь. И сотворил Он десять тысяч воинов.

Глаза их горели огнём драгоценных камней — яхонтов и изумрудов, и они были сильнее любого человека.

Они... — Она умолкла, потрясенная новой мыслью. Рейн кивнул. Девушка закусила губу.

— Амтрака. Бессмертные. — Она тяжело выдохнула. — Да смилуются над нами Благие!

Наступило молчание. Рейн стоял столбом, не желая даже поверить в тот факт, что в его мирке — таком упорядоченном и тихом — вдруг объявилось *это*. Его спутница сидела на у берега, рассеянно теребя ворот куртки, и молилась. Знаменитая авестийская религиозность... Юноша заметил, что её голос дрожит.

Я должен что-то сделать, подумал Рейн, так? Забери меня Медб...

— Успокойся, — Рейн сел рядом с ней и взял её за руку. — Всё хорошо. Ты сама сказала: здесь никого нет, кроме нас. Мы в безопасности.

Она растерянно посмотрела на него и спросила:

— Куда... куда мы теперь пойдём?

Сначала Рейн не мог ответить на этот вопрос, но потом его осенило.

Мидир.

— Мы пойдём к одному человеку. Он нас приютит. — Рейн постарался, чтобы его слова прозвучали бодро. — Его зовут Мидир, он отшельник. Он живёт в лесу недалеко от этой реки.

Похоже, его ответ вполне удовлетворил незнакомку.

— Я же говорила, что ты сумасшедший... — она вдруг улыбнулась. — Похоже, у нас нет выбора. Хорошо. Пойдём к твоему отшельнику, уладец. Кстати, меня зовут Сатин.

Сатин... что ж, теперь Рейн, по крайней мере, знал её имя.

Они шли вдоль берега, и Рейн пристально вглядывался в чистую воду реки Муртемне, словно хотел увидеть в ней своё будущее. Вчерашний день не давал покоя, голова буквально раскалывалась от тысяч вопросов. Зилач. Бессмертные. Жуткая смерть солдат на тропе...

Я ведь теперь изгой, понял внезапно Рейн. Как какой-то бродяга. Я — вне закона...

Стать изгнанником, лишиться связей с родным домом и общиной — самое страшное для любого уладца. Традиция отвергала такого человека, ему запрещалось жить в деревне, обрабатывать поля и пасти скот. Более того — древний закон предписывал ловить таких людей при первой возможности для того, чтобы доставить на суд. Часто изгой не могли даже защитить себя — их забивали камнями или вешали на первом же суку.

Рейн остановился, пытаясь переварить всё то, что произошло вчера. Я... я же теперь не вернусь в Кельтхайр, подумал он в смятении. Никогда не увижу родной дом. Фиакну. Зилача. Эмер. Забери меня Медб, за что?

Юноша обернулся и долго, с тоской смотрел на противоположный берег реки — на обрыв, за которым начиналась тропа в деревню. Нет. Это неправда. Рейн зашагал быстрее и постарался убедить себя, что когда-то он вернётся домой. Вернётся...

Оба молчали, каждый остался наедине со своими мыслями. Жаркое солнце вышло было из-за туч, но густые кроны деревьев нависали над водой, давая путникам достаточно тени. Река бежала вперёд под небольшим уклоном. Мидир жил лиг за десять к югу от Кельтхайра, и Рейн хорошо знал этот путь — его несколько раз посылали принести отшельнику зерна и эля. Сначала надо идти вдоль берега, потом — свернуть налево у большого валуна и идти в лес по еле заметной тропинке. Там-то, на холме в чаще леса, и проживал отшельник в своей каменной хижине.

Невесёлые мысли и подозрения продолжали мучать Рейна, и он первым решил сказать что-то, чтобы отвлечься от них:

— Скажи, во что вы верите? У нас ходит столько разных слухов о Востоке, что мы ничего о вас не знаем наверняка.

Сатин улыбнулась и как-то странно на него взглянула.

— Знаешь, обычно мы не рассказываем этого непосвящённым. Но тебе, думаю, можно будет узнать — всё равно я не скажу всего. Мы верим в великого Творца Творения, Всеблагого и Всесильного. Он сотворил мир. Творец один — истинный бог. Ещё мы верим в Благих. Мы чтим огонь во всех его проявлениях — наверное, поэтому на Западе нас зовут огнепоклонниками. Пламя — это жизнь. Без него люди не смогут плавить металл, готовить пищу. В наших храмах всегда горят священные костры, и каждый может погреться у них — Творцу Творения нет дела до того, богат человек или беден.

В серых глазах Сатин как будто вспыхнул мрачный огонь. Она продолжила рассказ, и речь её была волнующей и торжественной:

— У нас нет королей. Авестинатом правит церковь, глава которой избирается настоятелями крупнейших монастырей страны. Нашего правителя называют Совершенный. После избрания он — наместник Творца Творения, безгрешный и самый светлый, самый чистый из всех авестийцев.

В голосе девушки звучало искреннее восхищение. Она ещё долго говорила, и Рейн дивился, как чудны обычаи Авестината.

— Понимаешь, — объясняла Сатин, — Совершенный лучше всех остальных людей. Он наделён святостью Благих. Мы называем это огненной благодатью. Он соблюдает все заповеди, все посты. Это огромная ответственность — стать Совершенным. Ты перестаёшь быть человеком, отрещаешься от мирской суеты — и приближаешься к Творцу.

— Разве может человек быть таким... таким добродетельным? — спросил недоверчиво Рейн. Он с подозрением относился сильным мира сего, и считал, что политика — дело тёмное. Что уладский король Лугайд, что тэн Элла Высокий, что Совершенный авестийцев — одна порода.

— Разумеется, может! — веки Сатин были полуприкрыты, как будто она видела что-то прямо перед собой — что-то тайное, доступное только ей. — Господь не допустил бы, чтобы Его церковь повредилась. Совершенный свободен от пороков — это же ясно как день!

— А если... если Совершенный... ну, скажем, любил вино до избрания, и продолжает пить его после — тайком?

Девушка энергично помотала головой.

— Никогда не говори так! — произнесла она с жаром. — Творец *не может* такого допустить. Вздумай Совершенный нарушить заповеди — тут же упал бы замертво! Даже думать об этом — ересь...

После этого о религии больше не говорили. Чтобы как-то занять себя, Рейн рассказывал старинные уладские сказки — про доблестного Кухулина по прозвищу Рогатый Топор, что победил шесть морских змеев и спас короля от смерти, про жестокого колдуна Охайда и про то, как он был лишён волшебной силы принцессой Ниама. Сатин внимательно слушала.

— А Кухулин... что с ним произошло потом? — спрашивала она.

— Враги хитростью лишили его волшебного меча и заманили в засаду у моста через реку Лотайне. С тех пор то место зовётся Фир Эйриу — Багровый брод.

Идти под сказку было легко и приятно. Головная боль у Рейна совсем прошла, даже

беспокоящие его мысли — и те, казалось, совсем улетучились. Тем временем настал полдень, и путники ускорили шаг, чтобы попасть в дом Мидира до вечера. Рейн заметил, что Сатин то и дело бросает взгляд то на лес, то на реку, и крепко сжимает кожаную суму на поясе. Девушка явно была встревожена, но Рейн не стал ничего спрашивать — что-то в её взгляде говорило ему, что этого делать не стоит. Поэтому юноша молча шёл вперёд, стараясь ни о чём не думать, а просто считать шаги. Двадцать... пятьдесят... сто... сто сорок... четыреста тридцать пять...

Они свернули влево от реки и углубились в лес. На этом берегу Муртемне не было деревень, поэтому можно было не беспокоиться, что их заметят — благо, Кельтхайр расположен на отшибе, и людей здесь всегда жило немного. Лес этот разительно отличался от того покрытого зеленью дружелюбного места, где привык охотиться Рейн. Он был угрюмым и молчаливым, деревья здесь росли так густо, что солнечный свет почти не пробивался через них. Трава тоже была густой, и её покрывал слой опавшей листвы. Здесь пахло сыростью, землёй и хвоей. В лесу царила полная тишина — ни птиц, и животных, только иногда путник мог поймать себя на мысли, что слышит тихое пение ветра. Да уж, отличное место для нелюдимого отшельника.

Не без труда Рейн сумел отыскать покрытый зеленоватым мхом валун. Вот оно, начало дороги к дому Мидира. Он опять взял Сатин за руку, и девушка коротко кивнула, благодаря его. Путники ступили на тропу, но внезапно Рейн поймал себя на мысли: Что они вообще здесь делают? Этот лес какой-то... нет, не тихий. Заповедный. В нём люди — существа явно лишние, их присутствие нежелательно. Это ощущалось каждым мускулом, прямо-таки висело в воздухе. Лес не желал их принимать. Казалось, все ветви, стволы, листья, трава — всё было против них.

Юноша ощутил стойкое нежелание продолжать путь. В *таком* месте им делать нечего. Надо уйти с тропы, а ещё лучше — вернуться в Кельтхайр. К людям. К тёплому очагу...

Рейн потряс головой, да так, что искры из глаз посыпались. Желание уйти прошло так же внезапно, как и появилось. *Забери меня Медб, да что за наваждение...*

— Идём, — сказал он Сатин, — Немного осталось.

Та улыбнулась, но затем посерьёзнела и уткнулась глазами в землю, с интересом рассматривая свои чёрные кожаные сапоги. Снова начала вполголоса проговаривать какую-то молитву, и взгляд девушки из живого тут же стал каким-то пустым, отрешённым. Такое рвение даже пугало... Рейн вздохнул, и они вместе заторопились вглубь леса, к отшельнику. Тропа стала шире, но по-прежнему оставалась еле заметной для неопытного путника. Они ускорили шаг, подгоняемые голодом, что с каждым часом всё сильнее заявлял о себе, и ещё больше — страхом. Оба надеялись на то, что в лесной чаще их никто не сможет найти. Ни стража, ни гвардейцы короля, ни те странные, нечеловеческие фигуры в броне и масках — даже если они и вправду Бессмертные...

Через несколько часов тропа превратилась в тропинку, а потом совсем исчезла. Рейн и Сатин остановились на небольшой полянке и теперь с тревогой вглядывались в пологий, заросший травой и кустами ежевики холм, который, казалось, по волшебству вырос прямо перед ними. У подножья холма в центре поляны стояла хижина. Жилище Мидира было окружено высокими деревьями. Они возвышались до самого неба как почётная стража, оберегая покой отшельника. Дом был каменным, с крышей, покрытой дёрном по обычаю уладских крестьян. Вроде ничего, но язык бы не повернулся назвать эту хижину нормальной. Стены дома были слишком низкими и потому внешний вид жилища напоминал не то

землянку, не то тюрьму. Окно было маленькое и закрытое ставнями, дверь — толстая и крепкая, сделанная из дуба. Замка на двери не было, но её размеры внушали уважение. Казалось, отшельник поселился здесь для того, чтобы пережить войну или ещё какое-нибудь потрясение.

Рейн подошёл к дому и что есть сил заколотил в дверь. Сначала ничего не происходило, но потом внутри послышался какой-то шум, дверь со страшным скрипом отворилась, и на пороге возник отшельник. Он выглядел очень необычно — высокий, мускулистый, с длинными, до плеч, светлыми волосами и короткой бородой. Настоящий воин. По обычаю уладцев Мидир был одет в кожаную куртку, тёплый шерстяной плащ и сапоги из кабаньей кожи.

— Кто там?! — гневно прокричал Мидир, но, только увидев Рейна и его спутницу, замолчал. Нахмурился.

— Рейн... я узнаю тебя. Что это за девица с тобой? Что вам нужно?

— Меня... нас прислал Зилач. — быстро проговорил Рейн. — Он сказал, что если возникнет опасность, то надо идти к тебе.

Юноша коротко рассказал отшельнику обо всём, что случилось вчера. О разговоре со жрецом. О встрече с Сатин. О том, как их попытался арестовать сборщик податей Роскмельк. И о существе, которое перебило целый отряд солдат...

— Оно... оно было словно неживое. — Рейн почувствовал, как по спине пробежали мурашки. — Как человек в броне и шлеме. Но вместо лица — маска...

Мидир ничего не ответил. Он немного помолчал, а потом спросил, задумчиво теребя бороду:

— Ты когда-нибудь видел что-то похожее? Например, во снах?

— Нет. — Рейн отрицательно покачал головой. — Никогда.

Только сейчас юноша понял, что в тот день чувствовал не только страх. Тогда, когда на отряд Роскмелька напал Бессмертный, Рейн чувствовал... чью-то чужую волю. Стремление. Было что-то странное в Бессмертном. В том, как это создание себя вело — там, у обрыва. Что-то было не так... Юноша никак не мог понять, что именно. А Мидир продолжал задавать вопросы:

— Как оно выглядело? Его маска — опиши её.

Рейн задумался.

— Это... это была маска птицы. Из чёрного металла. Жуткая, с длинным клювом. Я таких птиц ни разу не видел.

— Ибис. — вмешалась в разговор Сатин, которая всё это время стояла позади и слушала разговор. — это была маска ибиса. Такая южная птица.

К удивлению Рейна, Мидир понял, о чём идёт речь. Отшельник подозрительно покосился на девушку, помрачнел и пробормотал, зачем-то посмотрев на небо:

— Рекемские загонщики... Ну-ка, идите скорее в дом. Похоже, вы здорово устали.

Со словами Мидира нельзя было спорить. Рейн вспомнил, что последний раз ел вчера днём, перед тем, как навестить Зилача. Желудок непроизвольно заурчал — из дома шёл приятный запах чего-то вкусного. И горячий очаг... Путники перешагнули порог, мгновением позже Рейн услышал звук тяжёлого засова — похоже, хозяин решил закрыть дом от непрошенных гостей.

Жилище отшельника было небольшим, но уютным. В доме Мидира была всего одна комната, но она оказалась достаточно просторной для того, чтобы три человека не

чувствовали себя в тесноте. На простом дощатом полу лежал порядком потёртый ковёр с какими-то знаками. В правом углу находился очаг, в котором ярко горели дрова, обдавая волнами приятного жара всякого, кто подходил слишком близко к огню, а в центре комнаты стоял грубо сколоченный дубовый стол и несколько таких же стульев. На улице начался дождь, на солнце неотвратимо напознала тёмная туча. Путники были рады, что им удалось укрыться от буйства природы.

— Садитесь. — Мидир расставил на столе деревянные миски и ложки. — Сдаётся мне, нам есть о чём поговорить.

Отшельник наполнил миски горячим куриным бульоном и достал каравай свежего, только что испеченного хлеба. Некоторое время все молчали, слышен был только стук ложек по дереву. После всего пережитого Рейн был рад оказаться в тепле. Дом Мидира выглядел надёжным укрытием, и юноша смог убедить себя, что они находятся в безопасности. Наверное...

Дождь успел превратиться в ливень, крупные капли барабанили по крыше дома. Мидир подождал, пока миски не опустели, а затем принёс несколько глиняных кружек с чаем. Рейн с наслаждением пил горячий напиток, и даже Сатин, казалось, повеселела.

— Итак, — произнёс Мидир, смотря прямо на Рейна, — сейчас я хочу рассказать тебе всё. С самого начала. Но сперва пусть твоя подружка ответит, что она забыла в Кельтхайре за несколько тысяч миль от своей страны.

Сатин молчала.

— Ну же. Говори. — В глазах отшельника вспыхнул нехороший огонёк. — Неужели ты думала, что я поверю в то, как по Уладе вот так просто шныряют огнепоклонники? Вы никогда не покидаете пределы Авестината без крайней на то нужды. Как ты нашла деревню? Зачем здесь? Ну?

Сатин молчала.

— Скажи нам, Сатин. — произнёс Рейн, который теперь ничего не понимал и хотел поскорее во всём разобраться. — Пожалуйста.

Девушка помрачнела и принялась сосредоточенно рассматривать свои сапоги.

— Я... я не могу.

— Не хочешь отвечать? — глаза отшельника превратились в щёлочки, брови грозно сошлись на переносице. — Тебе придётся. Я сразу почувствовал твою магию, *кэсора саадар*.

Магию? Что?

— Тогда скажите Рейну. — Сатин свирепо глянула на Мидира. — Ну же. Давайте. Я вас тоже распознала. Вы — мостоходец, да?

Мидир побледнел.

— Как ты узнала?

— Узоры на вашем ковре. Символ Семи Мостов, не так ли?

— Ты... ты ничего не понимаешь, ищайка Церкви! Это...

— Хватит! — Рейн встал между девушкой и отшельником. — Прекратите спорить! Лучше объясните мне, кто такие эти мостоходцы и касор... каср...

— *Кэсора саадар*. — Мидир опустил на стул и, похоже, слегка успокоился. — Так называют простых колдунов или авестийских Иеромагов, хотя особой разницы между ними нет. Только им подвластна магия — настоящая, не шарлатанская.

— А мостоходцы?

— Мостоходцы, они же Ходящие по Мосту... как тебе сказать... так называют знахарей,

шаманов и прочую колдунскую братию. Мы не можем использовать магию так, как нам вздумается. Наша сила — связь с Семью Мостами, каждый из которых представляет из себя отдельный мир, особое состояние сознания. Например, я могу приготовить отвар и с его помощью посетить Второй Мост, мир снов, или Третий, мир разума. Это помогает в быту. Вылечить больного, направить копье охотника, найти полянку с черникой — такие вот вещи. И некоторые посерьёзней. Многие из нас не любят, когда их покой нарушают, а потому живут в одиночестве.

Рейну на ум пришло то странное чувство, которое он испытал на границе леса. Тогда ему хотелось поскорее уйти, вернуться назад домой. Интересно, это чувство — тоже проделка Мидира?

— А что насчёт тебя? — Спросил он Сатин. — Скажи нам. Я... мы хотим тебе доверять. Девушка угрюмо посмотрела на Рейна, но говорить не стала.

— Ты видела Бессмертного. — продолжил убеждать её Рейн. — Видела, как он расправился с теми солдатами. Сейчас это важнее всего. Мы в опасности. И если ты не расскажешь нам о себе, то мы не сможем помочь друг другу.

— Я — не маг. — тихо проговорила Сатин. Она отвернулась и уставилась в окно. — Вернее, я должна была стать им. У меня есть дар, но я не могу им пользоваться. В Уладу меня послал Совершенный. Приказал искать тех, кто способен прикоснуться к Негасимому Огню.

— Прикоснуться... О чём ты?

— Смотри.

Сатин встала из-за стола, подошла к очагу. Сняла перчатки...

— Стой... погоди, что...

Девушка что-то пробормотала и сунула правую руку прямо в огонь.

Рейн инстинктивно потянулся к ней, чтобы поддержать, но девушка сама выдернула руку из пламени. Сатин повернулась к Рейну быстро проговорила: — Всё хорошо. Вот, посмотри.

Рейн широко распахнул глаза. *Этого не может быть.*

Огонь в очаге погас сам по себе. На месте дров остались одни головёшки. В доме резко стало прохладно, как от порыва внезапного ледяного ветра.

Сатин воздела руки к потолку. На кончиках её пальцев вспыхнуло пламя, оно было настолько горячим, что, казалось, вызовет пожар в доме отшельника.

Глаза Рейна округлились. Он не мог оторвать взгляда от её ладоней, которые буквально через мгновение снова вспыхнули. На этот раз сияние было менее ярким и расходилось по пальцам девушки, словно те были оружием, которое подмастерье только что вынул из плавильной печи. Температура в доме падала, а пальцы Сатин сияли оранжевым светом кузницы, светились изнутри, и Рейну чудилось, что он слышит рёв пламени.

— Всё хорошо. — заверила его Сатин. — Мои пальцы некоторое время будут светиться, а потом всё закончится. Я не смогу этим управлять — только смотреть. — Девушка повернулась обратно к столу, села, на её лице снова появилась улыбка. Спустя несколько мгновений она спокойно выдохнула, и сияние внутри её пальцев начало угасать, становясь сначала золотым, потом — белым, а под конец — красноватым, как тлеющие угли.

Сатин посмотрела на него:

— Ну как? Впечатляет?

Рейн чувствовал, как дрожат у него руки и весь трясся от холода. Только сейчас он

ощутил, насколько сильно его била дрожь.

— Впечатляет. — пробормотал он. — Это... это очень необычно. В этот момент голос Рейна был хриплым и тихим. — Скажи... что это?

— Иеромагия. Основа мощи авестийской Церкви Истин и дар Творца Творения нашему народу.

— И одна из основных причин, почему авестийцев так не любят остальные. — спокойно добавил Мидир, на которого эта демонстрация особого впечатления не произвела. — Почему ты не можешь управлять своим даром? Я слышал, всем слугам Церкви это под силу.

— Не знаю... — кажется, Сатин это смутило. — Я никогда не могла его использовать. Гасить огонь — да. А вот пользоваться им, как остальные... извергать из себя... нет, такое мне недоступно.

— Ты хотела рассказать нам о своей миссии. — напомнил Рейн. — Поиск людей, которым подчиняется Негасимый Огонь. Нашла кого-то?

Сатин как-то странно посмотрела на юношу.

— Рейн, — проговорила она медленно, — ты помнишь, как мы упали с обрыва?

— Да.

— Хорошо... скажи: ты помнишь, насколько он высокий?

— Ну... — Рейн замялся. — Довольно высокий. А что?

— Он был *слишком* высок для того, чтобы мы могли выжить. Я проверяла, когда ты лежал без сознания. Очень крутой склон. Мы должны были разбиться, понимаешь?

— Но уцелели же. — Рейн попытался рассмеяться, но в горле почему-то стало сухо. Какое-то подозрение стрелой поразило его.

Слишком высокий... слишком отвесный... неужели?

— Как мы выжили? — прямо спросил он Сатин. — Я... я сам ничего не помню после того, как мы прыгнули.

— Рейн... нас спасла магия. *Твоя* магия.

Рейн застыл.

Руки перестали слушаться его, ноги стали будто ватные. Юноша почувствовал, как всё внутри него будто натянулось и зазвенело, как струна арфы.

О, боги...

Это... не может быть. Это ложь.

Он уставился на Сатин, которая смотрела на него с ожиданием и волнением. В голове всё путалось. Его сердце бешено колотилось. По телу прошёл озноб. Он ожидал чего угодно, но только не *этого*.

— Магия... — прошептал он.

Он понял, что в тот день в какой-то момент потерял сознание. И вдруг — как будто кто-то дал ему силы. Да. Магия. Он почувствовал её силу тогда, на краю обрыва, когда они едва не погибли. Река потянулась прямо к ним, подчинилась его отчаянному желанию жить — и спасла.

Как? Как мне это удалось?

Волна восторга на миг затопила сознание Рейна, но тут же ему в голову пришла новая мысль. Мысль, которая заставила его похолодеть.

Юноша замер. Он вспомнил. Вспомнил тот день, когда несколько лет назад ещё мальчиком охотился вместе с другими ребятами из Кельтхайра. Вот он идёт по следу зверя.

Вот находит дикого секача в глубине леса — озлобленного, с клыками, красными от крови. В воздухе пахнет дождём и хвоей, сапоги ступают по густому мху почти без шума. Простой кожаный жилет не стесняет движений, пояс оттягивает тяжёлая деревянная палица. Вот он натягивает лук. Стреляет...

Воспоминание чётко отпечталось перед мысленным взором Рейна. Он спускает тетиву — и стрела вдруг *сама* резко поворачивает влево и бьёт прямо в незащищённый бок животного. Потом он вытаскивает булаву и добивает зверя. Праздник. Все радуются. Зилач благодарит его...

Магия. Не он убил кабана — это было колдовство! Он, Рейн, простой крестьянин из северной глуши крошечного северного королевства — Иеромаг.

Он молчал. Все, что ему сказала Сатин, было правдой. Рейну отчаянно хотелось задать ей миллион вопросов, но враз пересохшее горло не смогло озвучить ни одного из них.

Что ему нужно сделать?

Это опасно?

Насколько?

Усилием воли Рейн заставил себя сохранять спокойствие. Он сел обратно за стол и одним глотком влил в себя остатки чая.

— Расскажи мне про магию. — попросил он Мидира. — Насколько тяжело научиться владеть ей? Я что, должен знать какие-то волшебные слова?

Несколько мгновений старый отшельник молчал, теребя бороду.

— Это не так уж и трудно, если честно. — он задумался. Рейн ждал. Потом Мидир продолжил:

— Ты, в общем-то, прав. Но самое важное — не слова, а сосредоточенность, концентрация. Воля. Управляя Негасимым Огнём, ты можешь вызывать мысленные образы и таким образом творить Иеромагию, будь то простые вещи как исцеление мелких ран или же великие дела как, скажем, уничтожение десятитысячного войска кайсарумцев магами из Нового Цора. Как я вижу, ты уже один раз управлял водой... значит, с ней у тебя и впредь будет получаться лучше всего.

— Но ведь Негасимый Огонь — это пламя... — попытался возразить Рейн. Похоже, эта Иеромагия оказалась штукой сложной и многообразной — намного сложнее того, что он себе представлял.

— Ты не совсем прав. — с улыбкой ответил Мидир. — Негасимый Огонь — понятие метафорическое. Так называли в древние времена личную силу человека, его способность себя контролировать. Кроме того, Огонь называется так из-за сияния, что иногда окутывает голову или руки мага во время колдовства. Это свечение может быть разным по цвету и размеру и по нему-то и можно определить, насколько опытен твой враг и с какой именно вероятностью ты погибнешь, если вступишь в бой не с тем противником. Запомни, Рейн: возможности Негасимого Огня почти крайне разнообразны. Авестийцы лучше всего умеют творить пламя — возможно, потому их и называют огнепоклонниками. Шаманы из Ранаама, как мне известно, лучше всех умеют лечить раны, Люди Курганов — творить иллюзии...

Дождь лил стеной, за окном грохотал гром, и в этом грохоте Рейну чудилось предзнаменование каких-то грозных, невероятных перемен. Только сейчас он в полной мере осознал ситуацию, в которой оказался: он сидит в хижине в глухом лесу вместе с колдуном и заклинательницей пламени, которая почему-то не может применять свою силу. Его, Рейна из Кельтхайра, объявили вне закона, а где-то неподалёку бродят Бессмертные. Он теперь —

Иеромаг. Целый отряд солдат Эллы Высокого уничтожен одним-единственным существом. Если бы он рассказал об этом кому-то из своих односельчан пару дней назад, то его приняли бы за сумасшедшего. Рейну даже ущипнул себя за руку: может, всё это — сон? Рука болела, но чувство реальности происходящего никуда не делось. Что ж, он хотя бы попробовал.

— Что мы теперь будем делать? — спросил Рейн, ни к кому конкретно не обращаясь.

Отшельник сидел за столом и задумчиво теребил свою бороду.

— В Уладе больше оставаться нельзя. Тебя ищут, Рейн, и ищут неспроста. Что-то затевается. Я понял это, когда ты рассказал о том, как вас пытались схватить. Ты почему-то нужен нашему королю, но не только ему... Тот Бессмертный не просто так убил сборщика податей. Что-то затевается...

— У меня есть предложение. — Сатин повернулась к ним и теперь смотрела на Рейна своими серыми, слегка раскосыми глазами. — Я знаю... знаю место, где тебя не найдут. Там ты будешь в безопасности. Авестинат. Дворец Истин.

— Я бы лучше рискнул безоружным войти в логово льва, чем появиться перед престолом Совершенного. — проворчал Мидир. Он неприязненно посмотрел на Сатин. — Во Дворце слишком много интриганов и слишком мало хороших людей. Я был там много лет назад вместе с Зилачем. Дрянное место. Да и сам Совершенный не лучше — только и думает о том, как отравить очередного неудобного Иерарха.

— Неправда! — девушка топнула ногой. — Совершенный лучше всех других людей, он безгрешен и...

— А вы были во Дворце, дорогая моя? — насмешливо осведомился Мидир. — Если нет — то нет смысла продолжать разговор. Я посещал Дворец и хорошо знаю, как там устроена жизнь.

Сатин бросила на отшельника гневный взгляд, но промолчала.

— Похоже, у нас просто нет выбора. — заметил Рейн.

— Верно. — согласился Мидир. — Выбора нет. Почти две тысячи лиг пути. Несколько государств. На суше нас могут поджидать разбойники, солдаты или Бессмертные, на море — пираты. Придётся идти несколько месяцев, чтобы достигнуть столицы, где ты сможешь просить убежища и покровительства Церкви Истин. Они могут отказать тебе, Рейн. А могут поступить по-другому и использовать тебя в своих планах. Скажу сразу: я бы ни за что не отправился на поклон Совершенному и его Иерархам, если бы не возвращение Бессмертных. Итак, думаю, мы пришли к согласию... Авестинат?

Глава шестая. В Маг Темре

В истории Войны Лжи многое представляется настолько легендарным, что порой даже мне не по силам отделить правду от мифа. Однако одно я могу утверждать точно — некоторые приняли власть Непрощённых с радостью. В Уладе мне удалось собрать немало историй о круитни, Теневом Народе, который сражался на стороне Сменившего Сторону и исчез после падения Непрощённых со всеми своими сокровищами. Судя по всеми, круитни не были похожи на людей — они вообще были чем-то другим. Когда Война Лжи подошла к концу, то «Теневые Люди в землю ушли, под землёй и пропали». С курганами и башнями круитни связаны многие сказания. Иногда они светятся тусклым синим пламенем, и из них доносятся завывания и гул. Теновой Народ... ещё одна загадка, на которую у меня пока нет ответа.

Утро встретило их порывами холодного северного ветра. После вчерашнего ливня весь лес был мокрым, в воздухе чувствовался запах сырости. Когда все трое на скорую руку позавтракали овсянкой, Мидир затушил огонь и сказал всем собираться в путь.

— Будет плохо, если нас здесь найдут солдаты короля. — сказал он, раскуривая трубку с длинным мундштуком из ясеня. — Или если Бессмертные доберутся. Нельзя терять времени.

Они забрали из хижины большой мех с водой и три заплечных мешка с провизией — сухарями из чёрного хлеба, кусками солонины и ломтями вяленого мяса. Не самая вкусная пища, но для долгого пути она незаменима. Отшельник передал Рейну свой охотничий лук и колчан со стрелами, в который Рейн положил тунгутскую железную стрелу — на счастье. Кроме того, с собой Мидир прихватил карту — небольшой свиток, на котором чернилами были выведены названия деревень и городов, нарисованы поля, горы и реки. Было решено идти на юг, к Маг Темре, и купить там лошадей и, если повезёт, даже оружие — а как иначе отправляться в путешествие длиной в две тысячи миль?

— Денег, надеюсь, хватит? — спросил отшельник. — У меня кое-что припасено на чёрный день, но это так, мелочь.

Сатин закатила глаза и молча протянула ему увесистый кошель, стянутый шёлковым шнурком. Мидир что-то неодобрительно пробормотал себе в бороду, но деньги принял. В кошельке оказалось почти три тысячи миде серебром и даже несколько золотых монет с профилем короля Лугайда.

— Вот и славно. Что ж... в путь! Да благословят нас боги Улады.

— Творец Творения — единственный истинный бог! — угрюмо заметила Сатин и отвернулась.

— У меня будет конь? — с надеждой спросил Рейн, увидев, что Мидир протянул ему колчан со стрелами.

— Да, будет, — улыбнулся отшельник, — если ты, конечно, не хочешь ехать на одной лошади вместе с этой... хм... не самой приятной барышней.

— Да что между вами такое? — не понял Рейн. — Спорите из-за какой-то... ерунды.

— О, не обращай внимания. — В глазах отшельника появилась хитринка. — Просто наша дорогая авестийка столкнулась с правдой и пока не хочет её принять.

— Ты о Совершенном? — догадался Рейн.

— Именно. Хотел бы я знать, почему она так рьяно защищает свою церковь... Ты знаешь, я был в Авестинате вместе с Зилачем и своими глазами видел роскошь и интриги

вокруг Престола Истин...

— А что вы делали так далеко на Востоке?

— Длинная история. — ответил Мидир уклончиво. — Когда-нибудь я её тебе расскажу.

— А как...

— Хватит! — в голосе отшельника послышалось плохо скрываемое раздражение. —

Понимаешь, вопросы — это хорошо, но сейчас я не хочу — да и не смогу — объяснить тебе всего, что происходит в нашем мире. Ты только что вышел за пределы обыденной жизни, такой, которую ведут тысячи людей, и некоторые вещи могут быть... опасными. Особенно сейчас, когда в игру вступили Бессмертные — а кто их ведёт? Эти создания всегда исполняли чью-то волю, и мне неизвестно, кто стоит за тем нападением на солдат короля. Сдаётся мне, кто-то хочет тебя заполучить — кто-то очень могущественный. Поверь мне, я расскажу тебе всё, что знаю сам, как только мы доберёмся до Авестината и окажемся в безопасности. Сейчас тебе следует знать только то, что мы с Зилачем путешествовали по миру в поисках знаний — *настоящих* знаний об истории нашего мира.

Рейн кивнул, но его не покидало ощущение, что Мидир что-то от него утаил. Что-то значительное. Эх, если бы он хотя бы знал, какую цель преследуют Бессмертные — а точнее тот, кто направляет их...

— Ну так что? Хочешь узнать об Иеромагии?

От неожиданности Рейн вздрогнул, развернулся — и увидел Сатин, которая шла рядом с ним.

— Ты, видно, даже не понимаешь, как использовал её тогда, у обрыва? — девушка пытливо всматривалась в его лицо.

Рейн кивнул.

— Да... похоже.

Ему почему-то казалось, что Сатин пытается его подколоть — как тогда, во время их первой встречи. Но этого не произошло. Похоже, сейчас авестийка была настроена серьёзно.

— Итак... начну с самого начала. Ты уже знаешь, что существует два разных вида колдовства — хождение по мосту и Иеромагия. И если Ходящие по Мосту напрямую зависят от разных снадобий, грибов и отваров, то Иеромагии — носители Негасимого Огня, жизненной силы. А значит — могут творить чудеса тогда, когда хочется. Ну, почти.

— Что это значит — "почти"? — нахмурился Рейн.

— Если бы всё было так просто... — загадочно проговорила Сатин. — Творец Творения специально предусмотрел несколько ограничений для Иеромагов, чтобы мир не оказался уничтожен раз и навсегда. Смотри... чтобы творить Иеромагию, тебе нужны три вещи. Первая — Негасимый Огонь внутри твоего тела, твоей души. Вторая — воля. Именно возможность сделать волевое усилие, захотеть сотворить что-то — и есть то, что делает Иеромагию такой сложной в использовании. Есть огромное количество практик, и все они направлены на развитие тела и духа носителя Негасимого Огня. В былые времена в учеников заставляли проделывать всякое... ну, например, стоять в круге на вершине башни почти без одежды и пытаться почувствовать зимний ветер... отказываться от обычной еды, питаясь одним хлебом и водой... несколько дней или даже недель раскладывать сложные узоры из песка — а затем стирать их. Так молодых Иеромагов обучали сразу трём вещам: смирению, чувству товарищества и пониманию того, что наш мир — изменяем. Магия на авестийском называется *агдал тифилин* — Цвет Бога. Считалось, что ученик не может претендовать на звание Иеромага и настоящего слуги Благих, покуда он не создал что-то прекрасное —

причём своими руками, без использования колдовства. Это раскрывало творческий потенциал и одновременно приближало носителей Негасимого Огня к Творцу Творения.

— А что третье? Какие-то слова, да? Мидир говорит...

— Верно, слова. — перебила Сатин, скривившись, когда Рейн упомянул отшельника. — Но не обычные. Силу изменять имеют только звуки Священных Наречий, и каждый из них уникален в своей чудодейственной силе. Например, авестийский — язык Иеромагии, основной язык. С ним ты будешь способен на многое, от простеньких фокусов с водой до сложных заклятий вроде иллюзий или исцеления ран. Есть ещё несколько Наречий, но они плохо изучены. Скажем, речь племени йироси оказывала воздействие на душу и разум, а Древнее Слово было известно как основа для могущественной тёмной магии. Говорят, что именно этот язык Непрощённые использовали во время Войны Лжи...

— Я всё равно не понимаю. — ответил Рейн. — Если магия — это слова, то почему у нас весь мир не изменён по чьему-то желанию? Посему мы всё ещё не живём, как в каком-то чудесном сне? Ведь если все авестийцы просто что-то скажут на своём языке и захотят, чтобы это случилось, то...

— Нет, всё не так! — Сатин тихонько вздохнула. — Смотри... нельзя просто произнести пару слов и сотворить магию. Нужно понимать грамматику языка, глубинный смысл фраз. Это может оказаться сложным даже для человека, который на этом языке всю жизнь разговаривает. Понимаешь? Допустим, я — из Авестината, и знаю, что обычный авестийский сильно отличается от авестийского Священного Наречия. Если у меня на родине сказать *нишимит бан табур* — это воспримут как обычное приветствие и пожелание успеха. Не магию, понимаешь? А вот *нишамот бней аттам* — это уже заклинание, оно избавляет от усталости. Кроме того, есть предел магических сил. Он зависит как от того, насколько ты продвинулся в изучении языка, так и от твоей воли. Ведь воля — это не просто сильное желание что-то сделать, это и понимание цели, и готовность пожертвовать часть своих жизненных сил, чтобы это желание воплотить... Да и магов во всём мире совсем немного — всего несколько тысяч.

Они шли по тоненькой, почти не заметной для простого путника лесной тропинке, стараясь не выходить слишком близко к руслу реки Муртемне: с того берега их могли легко заметить, поэтому приходилось пробраться через лесную чащу, что было медленней, но зато — куда безопасней. В таких зарослях Рейн и Мидир чувствовали себя дома — как и все уладцы, из-за суровой природы и неплодородной почвы привыкшие полагаться на охотничий лук и копье. Если Сатин и испытывала какие-то неудобства, то предпочла этого не показывать, и на протяжении всего пути до Маг Темры почти не отставала.

Через несколько часов лес стал редеть, тропинка превратилась в тропу, а тропа вскоре сменилась просёлочной дорогой, на которой явственно выделялись две колеи от телег и торговых повозок. Впереди то и дело виднелись клубы дыма, который поднимался от стоящих особняком ферм — тогда приходилось делать крюк, сворачивая обратно в лес и через пару лиг снова выходя на дорогу. Сатин было возмутилась, но Мидир настоял на том, чтобы они соблюдали предельную осторожность.

— Вам, городским, не понять, как легко выследить человека, если тот специально не прячется. — Отшельник неодобрительно глянул на авестийку. — Лучше сейчас сделать десяток лишних лиг, чем попасть в лапы к королевским солдатам или Бессмертным.

Эти слова имели под собой почву, а потому Рейн не стал возражать, хотя даже у него — охотника и опытного ходока — через какое-то время начали болеть ноги. Он уже хотел

предложить остановиться и немного отдохнуть, как заметил впереди скопление домов с высокими крышами, покрытыми черепицей. Маг Темра была намного больше Кельтхайра, да и люди здесь жили куда богаче — из-за соляного прииска в нескольких лигах к западу. Дома здесь были выстроены из красного кирпича и располагались ровно — так, чтобы широкие улицы были видны издали.

— Ну и ну! — сказал Рейн с завистью. — Совсем не то, что наш Кельтхайр.

— Да, — согласился Мидир. — Маг Темра не зря славится как самое зажиточное село во всей долине Муртемне. Сам Элла Высокий по какой-то причине иногда сюда заезжает. Будем надеяться, мы найдём здесь лошадей и, может быть, сумеем раздобыть оружие. Смотрите в оба. Заметите слезку или что-то странное — тут же говорите мне. Ещё не хватало, чтобы нас поймали в самом начале пути. И запомните — теперь для нас опасно приближаться к людским жилищам. Поняли?

Сатин с Рейном молча кивнули, соглашаясь. Юноша провёл лукой по рукояти своего ножа и поправил колчан с луком. В случае чего стрела тут же скользнёт на тетиву. Он тешил себя надеждой, что в опасной ситуации сможет за себя постоять, но тут же вспомнил металлическое, бесстрастное лицо-маску Бессмертного — и почувствовал укол страха.

Больше часа они бродили по Маг Темре, пытаясь отыскать что-то похожее на гостиницу или конюшню. Несмотря на хорошую погоду, людей на улицах почти не было, окна домов оказались закрыты, а на стук в дверь никто не отвечал. Несколько бродяг, лежавших в придорожной пыли, подозрительно косились на чужаков. Один из них — высокий, тощий мужичонка с жиденькой бородой — при взгляде на лук Рейна что-то испуганно забормотал и поспешил скрыться.

— Хотел бы я знать, что здесь происходит, заведи меня Медб... — вполголоса проговорил Мидир.

Наконец перед ними возникло длинное кирпичное здание с крышей, покрытой соломой. Рядом с этой постройкой — очевидно, конюшней, — стоял каменный домик с простой, потемневшей от времени вывеской: “Лавка мастера Бойда. Лучшие товары со всего королевства”.

— Наверное, это то, что нам нужно! — обрадовался Рейн.

Они зашли внутрь. Лавка оказалась достаточно просторной и была буквально завалена самыми разнообразными вещами. На узких дощатых полках соседствовали иглы и связки сена, кожаные куртки — и простенькие украшения. Рейн с жадностью разглядывал стеллажи, где рядами выстроились мечи, кинжалы, щиты и копья.

Хозяин лавки — очевидно, мастер Бойд — оказался невысоким человечком с пухлым брюшком и короткой бородкой. Он сидел за прилавком и рассеянно читал затёртую до дыр книгу. Завидев посетителей, он спешно поднялся и поклонился. На его лице застыло выражение недоверия.

— Кто вы такие? — спросил лавочник. — Чего вам надо в моей лавке? Учтите, если вы попытаетесь что-то украсть, то я позову стражу!

— Не беспокойтесь, добрый господин! — миролюбиво ответил Мидир. — Мы всего лишь путники. Идём в Маху-Эмайн. Меня зовут Галвин, а это мои дети — Реган и... и...

— Гвендолин. — улыбнулась лавочнику Сатин. Девушка стояла у самой стены, так что её лицо было скрыто в тени.

— Для путников вы слишком хорошо вооружены. — Мастер Бойд кивнул на лук Рейна и топор Мидира.

— Это верно. — не стал спорить Мидир. — Сейчас стало опасно ходить без оружия, особенно когда в столицу попасть хочешь.

— Ты прав, добрый человек. — Лицо лавочника просветлело. — У нас сейчас тёмные времена настали. Опасные. Король созывает своих вассалов и вооружает солдат. Элиас Чёрное Солнце и мятежные тэны на западе отказываются повиноваться. Говорят, Кайсарум опять замышляет войну. Его легионы видели у самой границы, а кое-кто утверждает, что империя собирает их на побережье, чтобы отправить на восток.

— А что у вас в деревне случилось? — подал голос Рейн. — Мы людей почти не видели... и окна все заколочены. Мор?

— Нет. — Бойд невесело усмехнулся. — Хуже. У нас три дня назад сама Смерть побывала, клянусь богами. Высоченный такой детина, в плаще и капюшоне. И лицо маской закрыто — знаете, такими детей пугают? Этот человек спрашивал у мэра, как ему в Кельтхайр пройти, а как мэр ответил — тот тут же его и убил. Мэра, то есть. Шею свернул — хрясь! — и всё. И скрылся. Вот наши все по домам и попрятались. Честное слово, сама Смерть, забери меня Медб.

— А что же вы не схватили этого душегуба, раз у него оружия не было? — спросил Мидир. — Вас тут много, и стража есть.

— Вы не поймёте. — Лавочник как-то весь съёжился и словно стал раза в два меньше. — Этот... детина высокий... сказал нам всем не высовываться... так это сказал, словно и не человек вовсе. Как голос тот вспомню — так мурашки по коже... Какой-то он был... *неживой*. Так это... вам что-то купить надо?

— Да. — сказал отшельник. — Нам бы лошадей. И оружия какого.

— Можете выбрать себе любую лошадь из тех, что у меня есть. — предложил Бойд, — только учтите, они нынче в цене...

— Нам нужны лучшие. Самые быстрые и выносливые. До Махи-Эмайн путь неблизкий.

— Как вам угодно.

Мастер Бойд провёл их в длинное здание из дерева, которое оказалось чем-то вроде конюшни. В стойлах находились лошади, рядом — несколько больших лоханей и стогов сена.

— Думаю, мне этот подойдёт. — Мидир указал на большого рыжего жеребца, который смотрел на чужаков большими влажными глазами.

Тем временем Бойд открыл одно из стойл и вывел из него ещё двух лошадей — гнедого коня и изящную, чёрную как смоль кобылу.

— Я вот того возьму. — сказал Рейн, показывая на гнедого коня.

— Хороший выбор. — одобрил Бойд. — Он из степей Иссина, восточный. Мне его купцы из Цора продали. Сказали, раньше принадлежал какому-то воину.

— А мне эта нравится! — Сатин протянула руку к чёрной лошади, но та вдруг испуганно шарахнулась, мотая головой.

— А говорят — ворон ворону глаз не выклюет! — рассмеялся Мидир.

— Что такого? — Сатин пожал плечами. — Я просто чёрный люблю...

Лошадей вывели из конюшни, и путники вернулись в лавку, где мастер Бойд предложил им несколько кинжалов, мечей и коротких копий. Подумав немного, Мидир выбрал прямой длинный меч, копье и ещё что-то невразумительное — не то длинный кинжал, не то короткий меч.

— Итак... сколько с нас?

— Дай подумать, добрый человек... — мастер Бойд нахмурился, делая вид, что пребывает в раздумьях. — Три лошади, меч, кинжал и копье... тысяча миде, не меньше.

— Тысяча?! — возмутился Рейн. — Да они на пятьсот не тянут. Это просто гра...

— Помолчи, Рей... Реган. — Мидир поспешно открыл кошель и отсчитал деньги, а затем убрал заметно похудевший кошель обратно в мешок.

— Вот и славно. — на лице мастера Бойда появилась довольная улыбочка. — Удачи путники, и да помогут вам боги!

Рейн с Сатин вывели лошадей к дороге и дождались Мидира, который задержался в Маг Темре, чтобы узнать что-нибудь полезное от местных нищих. Пара серебряных монет смогла развязать язык одному бродяге, который поведал отшельнику, что пару дней назад через деревню проезжала дружина тэна Эллы Высокого — не то присоединиться к армии короля, не то поддержать мятежника Элиаса Чёрное Солнце, который, как говорят, уже примеряет королевскую мантию на свои плечи.

— Плохо дело. — раздумывал вслух Мидир, раскуривая свою ясеневую трубку. — Наши опасения подтвердились. Бессмертный с самого начала направлялся в Кельтхайр, а значит, его целью был ты, Рейн, а не солдаты тэна. И кому ты понадобился? Бессмертные не могут действовать самостоятельно — они всегда кому-то служат. И смута в Уладе... не к добру это всё.

Выбора не было. В Уладе единственным крупным портом была столица, но путь туда был закрыт из-за восстания знати на западе страны. К тому же, королевские солдаты наверняка попытаются схватить их. Единственным выходом было достичь города под названием Лепта Великая — важного торгового порта в Кайсаруме, а оттуда по морю прибыть в Авестинат. План рискованный, но Мидир заверил, что в Лепте Великой у него есть друг — некий контрабандист по имени Хэммон, который сможет переправить их через море между двумя континентами.

Надо было двигаться дальше, хотя у Рейна всё внутри сжималось при одной мысли о том, кто может быть хозяином Бессмертного. Мидир и Сатин уже успели сесть на своих лошадей и теперь ждали его. Пробормотав молитву богу зверей Дагде — Рейну ещё никогда не доводилось ездить на лошади — юноша с третьей попытки вскочил на коня и что есть сил ухватился за уздечку, чтобы не упасть — животное почувствовало неопытность всадника и попыталось сбросить его с себя.

— Используй ноги! — посоветовала Сатин. — покажи лошади, что она должна тебя слушаться.

— Да я пытаюсь! — закричал Рейн. Конь мотал головой из стороны в сторону, и Рейн прикладывал огромные усилия, чтобы не оказаться на земле.

— Сядь глубже в седло. Прижми ноги к бокам лошади. — напутствовала его девушка. — Не так... вот! Правильно! Теперь обхвати седло коленями, не расставляй их в стороны. Вот, всё верно. Теперь направляй коня с помощью ступней и уздечки.

Сатин коротко рассказала Рейну, как управлять лошадьё, и вскоре вся троица неспешно ехала на юг по пыльной просёлочной дороге. Похолодало. Богатые дома Маг Темры уже давно скрылись за зарослями ежевики, а через какое-то время исчезли и хутора, которые с каждой новой лигой становились всё беднее и запущенней. Местность, по которой ехали путники, была необжитой и, если бы не дорога, производила впечатление дикого, никем не населённого места: густой кустарник, высокие, поросшие редкой травой каменистые холмы, отдельные скалы, торчавшие прямо из земли под причудливыми углами. Из зверей здесь

водились только редкие суслики или зайцы, а из птиц — чёрные вороны, которые кружили в небе и провожали небольшой отряд недобрыми взглядами.

— Что это за место? — спросил удивлённый Рейн у Мидира. — Всё выглядит мрачно и... безжизненно. Никогда о таком не слышал.

— Плач-Холмы. — ответил отшельник. — напоминание о зле Непрощённых и об их стародавнем гневе. Когда-то здесь стоял город Гранниас, один из великих городов Севера. Правил здесь Благой Наннар — его мы поныне почитаем под именем бога воды Ноайды. Сто ворот было в Гранниасе, и сто раз по сто воинов выходило на битву в час нужды. Во время Войны Лжи этот богатый город стал форпостом Благих, их главным оплотом на всём континенте. Семь раз Наннар отбивал атаки вражеских полчищ, его сияющей булавы пугались даже Бессмертные.

Но Гранниас был обречён. Его погубило коварство — одна из сильнейших Непрощённых, Дочь Мрака проникла за стены города под видом дочери Наннара, королевы Гвендолин. Благой не смог раскрыть обмана, и в один день город пал: его атаквали сразу три врага рода людского. Дочь Мрака, Посол Безумия, и, наконец, Кузнец Погибели. Они применили особенную тёмную магию — Древнее Слово, которое было страшней любого оружия. И не стало Гранниаса, погибли все его жители, один Благой Наннар спасся на своей крылатой колеснице. С тех пор здесь никто не селится. Даже беглые преступники — и те предпочитают обходить Плач-Холмы стороной. Подожди, ещё немного проедем, и ты сам всё увидишь.

Минул час, в окружающем их унынии ничего не менялось. Когда они взбирались на очередной холм, Рейн подумал, что здесь ничего нет — и в следующий момент у него захватило дух.

Гряда холмов резко и неожиданно обрывалась, открывая вид на совершенно пустую, покрытую травой и случайными валунами равнину. Точнее, почти пустую. Посреди неё на фоне зелёной травы выделялась огромная, почти в лигу длиной, трещина в земле — уродливый шрам на теле мира. Эта расселина могла бы сойти за ущелье, если бы не настолько странное расположение. От края до края трещины было довольно далеко — не перепрыгнуть, а о глубине Рейн даже помыслить не мог — дно терялось в неясном полумраке. И ещё кое-что было странным... края расселины. Они были слишком ровными, как бы *оплавленными* — камень здесь был значительно темнее и выглядел так, будто это лава, застывшая здесь когда-то давно, на заре истории.

— О, боги... — прошептал потрясённый Рейн. Сатин тоже заметила расселину, в её глазах появился благоговейный ужас.

— Да. — горько ответил Мидир. — Это — след Войны Лжи, всё, что осталось от Гранниаса. Я специально выбрал такую дорогу, хоть мне и не по душе наблюдать место, где когда-то торжествовало Зло. Давайте ускоримся. Нам нужно преодолеть эту равнину до того, как стемнеет.

Они поскакали рысью, изо всех сил подгоняя своих лошадей. Умные животные будто бы чувствовали порчу, исходящую от расселины, и были только рады такой поспешности. К ночи жуткая равнина осталась за спиной, и путники нашли приют в небольшой дубовой рощице, рядом с которой приветливо тёк чистый ручей. Разожгли костёр, Мидир отправил Сатин и Рейна поить лошадей, а сам принялся застряпню. Вскоре все трое сидели на земле и наслаждались горячей похлёбкой — за целый день пути от сухарей и солонины даже зубы сводило.

После еды настало время для отдыха. Сатин сидела на земле, скрестив ноги, неотрывно смотрела на огонь и что-то тихонько говорила. Её взгляд был пустым — словно она смотрела сквозь пламя. Наверное, подумал Рейн, это одна из авестийских молитв. Он решил не мешать девушке и подошёл к Мидиру, который ломал ветки для костра. Юноша заметил, что несколько веток — самые ровные и твёрдые — лежат в стороне, очищенные от коры.

— Через полмесяца мы должны быть в Кайсаруме. — заявил отшельник, набивая табаком трубку. — Пока есть время, нужно будет начать твоё обучение. Предупреждаю, учитель из меня суровый. Много придется постигать быстро — у нас нет времени на разъяснения.

— Ты будешь учить меня магии? — воскликнул Рейн.

— Нет, не совсем. — Мидир загадочно улыбнулся. — Думаю, колдовству тебя обучит наша “святая” с Востока. Хотя... в чём-то ты прав. Это занятие очень благородно, многие могут назвать его настоящим колдовством.

— О чём ты?

— Бой на мечах. Искусство клинка. Запомни, Рейн — никогда не стоит недооценивать опытного фехтовальщика, пусть даже тот не имеет доступа к Негасимому Огню. Немало великих Иеромагов в своё время пало из-за пренебрежения к этому оружию. Поднимайся. Начнём урок.

Мидир протянул Рейну длинную, гладкую палку — что-то вроде древка от метательного копья. В руках у отшельника была такая же палка, только немного короче. Они разошлись, и Рейн попытался скопировать стойку своего учителя — ноги расставлены на уровне плеч и слегка согнуты в коленях, спина прямая, обе руки крепко сжимают “оружие”.

— Чего стоишь? — в глазах Мидира заплясали живые искорки. — Нападай!

С коротким воплем Рейн побежал на отшельника, что есть сил размахивая своим “клинком”. Юноша думал легко одолеть старика, но тот был проворней и легко отступил. Казалось, ни один удар Рейна не достиг цели.

Рейн ударил ещё раз, ударил второй — палка наткнулась на палку, удар отозвался тупой болью в ладони. Мидир вновь ускользнул, противников опять разделял добрый десяток шагов.

— Нападай! — повторил Мидир. — Или ты *трус*? Ты боишься? В Кельгхайре все это знали!

Взбешённый Рейн сломя голову бросился вперёд. Удар, ещё удар, блок, и вдруг — острая боль в плече, перед глазами появились вспышки — красные, зелёные, синие. Юноша с удивлением заметил, что лежит на земле, его палки нет, а рядом стоит Мидир, насмешливо улыбаясь.

— Что... что ты такое сделал? — После их “боя” Рейн почувствовал себя довольно глупо.

Мидир протянул юноше руку и помог встать на ноги.

— Всего лишь немного тебя позлил. Видишь ли, если человеком овладел гнев — то он уже не может себя контролировать. Любые чувства — серьёзный недостаток в любом сражении. Настоящий воин всегда должен быть рассудителен и спокоен. Знал бы ты, сколько горячих голов полегло на поле боя только из-за того, что им не хватало выдержки... Вот мой первый урок. Управляй чувствами. Научись очищать свой разум — и тогда станешь непобедимым. Ты понял?

— Да. — Рейн потёр ушибленное плечо. — Кажется, понял. Чтобы выиграть — надо не

дать врагу разозлить тебя, не реагировать на его насмешки.

— Верно! — одобрил Мидир. — Именно это я и хотел тебе показать.

— Я хочу ещё! — внезапно заявил Рейн. Боль в плече стихла, в юноше стал разгораться боевой азарт. — Покажи мне, как ты двигался!

— Как хочешь... — с улыбкой проговорил отшельник.

Они занимались около часа, то сходясь в поединке, то отступая на несколько шагов, чтобы занять позицию поудобней. Теперь Рейн не пытался идти напролом и не размахивал своей палкой как какой-то дубиной, но результат был тот же: ему ни разу не удалось достать Мидира. После длинной тренировки у Рейна болели руки, а на теле появилось несколько синяков и ушибов.

— Теперь мы будем тренироваться так каждый день. — заявил Мидир, стирая пот со лба. — С мечом, копьем и луком. Я научу тебя всему, что знаю сам: как пробежать двадцать лиг и не устать, как прятаться в лесу, что делать, если тебя окружили. Ты должен быть готов к трудностям, когда мы доберёмся до Авестината.

— Почему ты не веришь, что там мы будем в безопасности?

— Потому что. — буркнул Мидир. Он тяжело вздохнул и посмотрел прямо на Рейна. — Авестинат... это очень особенное государство. Очень древнее и могущественное. Их обычаи совсем не похожи на наши. Авестийцы считают себя единственными наследниками Царства Истины. Их гостеприимство может показаться безграничным, но помни — на Востоке за улыбкой может стоять коварство, а в их шёлковых халатах всегда найдётся место для отравленных кинжалов... Я боюсь Совершенного и остальных Иерархов. Боюсь, что они попробуют использовать тебя в своих планах. Внутри Церкви Истин всегда идёт борьба за власть, целые рода могут неожиданно возвыситься и так же быстро пасть. Ты — носитель Негасимого Огня с Запада, а это большая редкость. Кроме того, за тобой ведёт охоту Бессмертный — кто бы его ни направлял. Мы сейчас даже не знаем, кто наши враги, и это меня пугает. В мире что-то происходит, Рейн, что-то такое, что я пока не могу понять.

— Ты о войне за уладский трон?

— Не только. — отшельник рассеянно смотрел на то, как кольца дыма плывут по воздуху. — В движение пришли легионы Кайсарума, а эта империя никогда не отличалась миролюбием. Страшные вести приходят из самых разных уголков света. Мы с Зилачем всю жизнь посвятили, пытаясь докопаться до правды. Что на самом деле вызвало Войну Лжи? Почему Непрощённые предали нас? И ещё... действительно ли мы победили?

Глава седьмая. Видения и тайны

Сейчас я не готов к тому, чтобы утверждать что-то определённое о Седьмом Мосту. Покой Сновидцев — а именно так этот Мост и назывался — во все времена окружали ореолом загадок и тайн. Говорят, возможности Иеромагов, способных там побывать, превышали только кошмары, обитавшие там. Какое отношение это имеет к Непрощённым? Пока не знаю. Седьмой Мост несколько раз упоминался вместе с этой семёркой отступников, а древние летописцы ничего не делали просто так...

Сатин всегда боялась засыпать. Когда ты спишь — теряешь контроль над собой. Ещё маленькой девочкой в монастыре Бейт-Хасмонай она страдала от бессонницы. Казалось бы, всё просто. Приляг на кровать, прочти молитву на ночь и спи. Быть может, всемогущий Творец Творения дарует тебе приятные сны.

Но Сатин не была похожа на остальных воспитанников и воспитанниц дома Хасмонай. И её сны — тоже. Они были полностью осознанными и по яркости чувств ничуть не уступали миру реальному.

Цвет, вкус, запах, иные ощущения. Настоящая вторая жизнь... конечно, если так можно назвать Преисподнюю.

Почти каждую ночь Сатин страдала. Во снах на брела во мраке по бескрайнему каменистому полю — и была не одна. Безликие, текучие силуэты вокруг принимали самые разные формы — и формы эти могли свести с ума любого. Когти. Шипы. Жала. Торопливый цокот хитиновых лапок... В кошмарах Сатин появлялись все монстры, которых человек успел придумать за тысячи лет своего существования. Почти каждую ночь девушку пронзали шипы, её душили, жгли огнём, сдавливали в железных тисках исполинские щупальца. Она задыхалась, пыталась кричать — и хорошо понимала, что это сон. Что через день всё повторится.

Правда, от этого страх медленного, мучительного умирания не ослабевал. Из раза в раз она просыпалась в холодном поту — что-то будто вырывало её из сновидения в тот самый момент, когда жизнь, казалось, висит на волоске. И это что-то всегда давало ей спастись — но только для того, чтобы продолжить мучения на следующую ночь. С тех пор она поняла, что что-то не так. Но не с окружающим миром — с ней. Она приходила в храм, становилась напротив статуи Оллама, Наннара или Спента Манью — и ей чудилось, что в глазах Благих стоит гнев. Она виновата? На ней слишком много грехов? Почему ей нельзя видеть сны, как всем остальным людям?

Сатин быстро потеряла спокойный сон, похудела, стала нервной и дёрганой. У неё с самого начала было немного друзей — а в какой-то момент их не оказалось совсем. И правда: как дружить с воспитанницей, которая кричит каждую ночь? В монастыре Хасмонеев многие считали эти её кошмары проклятием. Прошёл слухок о том, что в серолазую Сатин веселились демоны-дэвы. Она и сама в это поверила.

Её воспитатели, нечего делать, пытались помочь ей. Сначала наказали каждый день читать "Гимн Пяти Творений" и стоять со склонённой головой рядом с изображением Элинор Сострадающей. Потом дали снотворное. Видя, что это не помогает, обратились к более действенным, как они считали, методам. Сатин заставляли подолгу лежать в холодной воде, а затем выполнять различные упражнения. Гимнастика ей даже понравилась, но проблему это не решило. Наоборот — со временем её сны стали меняться. Нет, мучения

никуда не исчезли, но иногда... иногда она видела что-то другое. Нечто настолько странное, что ей даже выдали дневник, чтобы записывать то, что она помнила при пробуждении — этот дневник с тех пор она всегда держала при себе. Сатин видела город. Исполинский, с громадными башнями и куполами, город был обнесён могучей стеной из красного камня. Город поражал воображение своей красотой, но в его архитектуре было что-то нездешнее. Сатин не могла сказать, что не так — просто чувствовала это. В этом новом сне она ходила по улицам, любовалась растениями в парках и ониксовыми фонтанами с прохладной водой. Людей в городе она не увидеть не могла. Они были как тени на границе зрения. Повернись — тут же исчезнут. Но ещё более странным было войско.

Сатин иногда видела его, когда сидела на краю красной стены — в этом сне она могла летать, куда вздумается. Правильными квадратами в каменистом поле за городом стояли тысячи тысяч воинов. В том, что эти создания не были людьми, Сатин несколько не сомневалась. Кожа их сияла металлическим блеском, а глаза горели огнём. К сожалению, приблизиться к странному войску ей ни разу не удавалось — Сатин сразу же просыпалась, стоило ей покинуть пределы крепостных стен.

Её случай заинтересовал высшее духовное руководство страны. Престол Истин направил в отдалённый монастырь Иеромагов. Благочестивые жрецы огня испробовали множество средств. Отвар из гальбана, молотый нард, порошок из кориандра. В конце концов лекарство было найдено. Слезы Наннара... а на следующий год у стен Дома Хасмонеев появился отряд всадников. Вперёд выехал знаменосец, и в этот миг порыв ветра развернул штандарт — на белой ткани золотыми нитями было вышито священное пламя Авестината. Приехал Иерарх из столицы, один из двадцати пяти членов Конклава. Настоящий Иерарх — в белоснежном одеянии и с драгоценными камнями в бороде.

— Мы следим за тобой, Сатин. — сказал священник, сидя в её келье и потягивая горячий кофе из золотого кубка. У него была длинная седая борода, а глаза смотрели немного печально, но мудро. Сатин стояла на коленях и молча слушала слова великого настоятеля, всеми силами стараясь скрыть страх, перемешанный с обожанием. Её сны — причина этого визита. Церковь узнала о её проклятии, и если Сатин отлучат...

— Ты правоверна. Ты лучше всех следуешь заветам Творца Творения. Совершенный, да живёт он вечно, тобой очень доволен. Он хочет, чтобы ты кое-что для него сделала. — Слова Иерарха поразили огнепоклонницу до глубины души — Сатин не смогла сдержать вскрик и испуганно прикрыла рот ладонью. Совершенный выбрал её. Выбрал Сатин, которую все считают проклятой — даже она сама. Ей приказывает самый святой человек в мире! И Сатин согласилась. Тот день стал самым счастливым в её жизни. Творить волю Отца Веры — высшая честь для авестийца. В тот момент она ещё не думала о том, что из себя представляют Слезы Наннара. И даже услышав, что именно требует Совершенный — согласилась безо всяких раздумий. Она проклята, отмечена Противником с самого рождения — но прощение можно получить. Работай, не задавай вопросов — в случае чего с тобой всегда свяжутся слуги Престола Истин. Сатин по-прежнему жила в своей маленькой келье, но по ночам к ней приходили какие-то люди, водили в башню настоятеля — и давали уроки, которые затем забывались сами по себе. То же самое происходило с приказаниями, которые ей передавали. Так велел Иерарх. Он объяснил, что для её блага лучше не помнить ни их содержания, ни того, как вершится воля Престола Истин. И Сатин больше не задавала вопросов. Да и зачем что-то спрашивать, если всё равно ничего не помнишь? Конечно, некоторые вещи забыть не удавалось: она помнила липкую кровь на своих руках, видела во

снах, как с кинжалом в руке пронзает сердце какого-то человека в богатых одеждах — но не могла сказать ничего определённого. Наверное, её жертвами становились только злые люди, предатели и убийцы — разве мог гнев Матери Церкви обрушиться на кого-то другого?

Два года Сатин трудилась во славу огнепоклонников. Она так и не побывала в столице и не видела главу церкви, но сохраняла надежду. Раз в месяц к ней приходил тот седобородый Иерарх с печальными глазами и подолгу беседовал с ней. Много хвалил, если работа сделана хорошо, и отчитывал, если плохо — но всегда был вежлив и добр. В такие моменты мысли в голове расплывались, и девушка машинально кивала. В речах её покровителя не было никакого смысла — но она знала, что сможет их понять, как только придёт время...

Однажды Иерарх передал ей серебряный браслет с крошечным рубином. Старик сказал, что это — подарок самого Совершенного, что тот лично приказал изготовить эту вещь в знак её верности Престолу Истин. С той поры Сатин стала служить с утроенным рвением, а к её дневнику добавилась вторая святыня — она носила браслет, не снимая. Даже теперь, когда ей приказали отправиться в Уладу и разыскать какую-то деревушку с варварским названием. Приведи нам юношу из Кельтхайра, в котором горит Негасимый Огонь, сказал Иерарх, — и сможешь увидеть Дворец Истин. Увидеть Совершенного. И тебя никто больше не назовёт проклятой. То задание показалось ей лишённым смысла — разве в Авестинате не хватает магов? Но Иерархи никогда не были склонны что-то разъяснять, а сама Сатин не задавала вопросов. В конце концов, она — всего лишь инструмент в руках Матери Церкви. Пешка. Одна из тысяч. Сатин сирота, она всей своей жизнью обязана Иерархам. Слова отцов веры — закон. Всегда им был. Иногда она подолгу представляла, как Совершенный примет её во Дворце Истин и назовёт своей лучшей послушницей. В её мечтах это был приятный пожилой человек в золотом одеянии и белой полотняной тиаре, а в его глазах читалась мудрость самого Творца. Совершенный должен выглядеть так, как его изображают на фресках. Обязан выглядеть: разве Творец Творения допустит, чтобы Его церковь повредилась?

Она покосилась на Рейна. Тот спал, измотанный после вчерашнего боя с Мидиром. Дыхание его было ровным и глубоким. Столько событий произошло, а такой спокойный. Сатин нравился Рейн. Он был честным, добрым, заботливым. Настоящий друг. Девушка ощутила угрызения совести — слишком частые за последнее время. Она ведь так и не рассказала ему о своей тайне. Нет, не так — о тайнах. О Слезах Наннара. О приказе Совершенного... О крови, которую она проливали во имя Матери Церкви... Иногда она порывалась рассказать Рейну всё, но всякий раз одёргивала себя. Авестийцев все ненавидят. Тех, кто использует Слезы для того, чтобы убивать — тем более. И её прошлое задание, то, что именно она делала... Вчера в Маг Темре она вспомнила всё в деталях... Мягкий ковёр, красная кровь, мёртвый старик в парче и шёлке... Нет, Рейн её не поймёт. Не простит. Ей надо молчать...

Убедившись в том, что оба её спутника спят, Сатин тихонько встала и открыла свою сумку. Чёрный ларец и крохотный серебряный ключик были на месте. Дрожащими от нетерпения руками Сатин достала из ларца стеклянный сосуд. Слезы Наннара внутри и не думали прекращать своё извечное вращение. Наоборот — они усилили его. Как если бы жидкость была живой и понимала, когда её слуга близко. Противиться этому искушению не было никакого смысла. Сатин осторожно открыла сосуд и сделала небольшой глоток.

Как и всегда, по телу прошла волнующая дрожь. Сами по себе Слезы никогда не давали немедленного эффекта. Его следует ждать на следующий день. Завтра Сатин будет радостна

и активна, энергия будет бить ключом. Ещё через день накатят усталость и меланхолия. А сейчас... сейчас Слёзы дадут ей то, чего она жаждет больше всего. Спокойный сон. Сон без страданий. Да, ради него стоит принимать это проклятое Творцом зелье. Интересно, подумала Сатин, какая я настоящая? Без влияния Слёз. Весёлая или грустная? Рань Господни, пусть всё будет хорошо. Пусть они доберутся до Авестината, пусть Рейн и дальше ничего не знает про её служение... Сатин прошептала молитву легла на землю, укрылась тонким шерстяным плащом. Она смежила веки и быстро уснула.

Полосы яркого солнечного света пробивались через громадных размеров окно, закрытое разноцветным витражом. Из разноцветного стекла с поразительным искусством были выложены фигуры семи людей — высоких, в чёрных плащах, казавшихся пятнами чернил на фоне роскошных одеяний цвета только что пролитой крови. Почему-то это казалось красивым. Красное на чёрном. Руки фигур были воздеты вверх, как во время молитвы. Лучи солнца проходили через стекло таким образом, чтобы вокруг головы каждого из изображенных на витраже людей клубился свет. Благие? Не похоже. Не видно ни сдержанной красоты Элинора, ни Оллама с его волшебным мечом. Сатин не могла узнать ни одного человека из тех, что смотрели на неё с этого громадного, почти нереального витража. Темнокожий юноша с озорной улыбкой и колодой игральных карт в каждой руке. Беловолосая женщина с жёлтыми, будто раскалённая сталь, глазами. Высокий человек в пурпурном одеянии и с золотой маской на лице.

Что-то это значило... Сатин осмотрелась. Она стояла посреди величественного зала, такого просторного, что нельзя было увидеть его границ — стены тонули в тумане. В густом сумраке наверху терялись неясные очертания купола. Колонн нигде видно не было — купол держался сам по себе. Сатин это не удивило. Это же сон, так? От такого сна можно ожидать чего угодно. Но почему на этот раз Слёзы Наннара ей не помогли? Может, стоит увеличить дозу? Сероглазая огнепоклонница не знала ответа. Мысли её путались, в висках гулко стучала кровь.

Сатин сделала несколько неуверенных шагов вперёд. Туман закружился вокруг, обнял её. Идти приходилось почти вслепую. Судя по темноте, которая стояла в зале несмотря на солнечный свет, величественное окно с витражом было, похоже, единственным. Очень странный сон. И всё же... на миг ей показалось, что она узнаёт эти лица на цветном стекле. Эти надменность, высокомерие и холодная уверенность в собственной мощи... они были знакомы Сатин. От всех семи фигур с витража прямо-таки веяло силой и осознанием собственного величия. Концентрированная власть. Раны Господни, да что же происходит в этом сне?

Туман рассеялся. Сатин несколько не удивилась, когда обнаружила, что зал исчез. Теперь она была в широком коридоре с высоким потолком. Пол покрыт однотонным красным ковром, на стенах из грубого, почти не обработанного камня — факела, горящие синим бездымным пламенем. Девушка оглянулась — позади была только глухая гранитная стена.

Похоже, видение не оставило ей выбора. Придётся идти. Это просто сон, успокаивала себя Сатин... сон, которого не должно было быть. Ведь Слёзы Наннара всегда работают безотказно. Точнее, работали — до этой ночи.

Она шла вперёд в какой-то странной, немного пугающей тишине. Плотный ковёр скрадывал шаги, и даже пламя горело неправильно — без звука. Ничего... Только пустые стены, мягкий ровный свет факелов и коридор, ведущий неизвестно куда.

Через какое-то время стены изменились. Теперь на месте скучного серого камня были фрески. Какой правдоподобный сон... Сатин мельком глядела на них при тусклом свете синего пламени и дивилась, изучая содержание этой немой летописи.

На фресках запечатлелась история какой-то страны. Одетые в белое люди с разноцветными глазами плясали перед семёркой идолов, и жрецы в масках из серебра приносили кровавые жертвы. Тут были сцены войн, в которых чудовища, оживлённые с помощью магии, сражались с людскими армиями. Были сцены со странными, не похожими ни на что существами и постройками. На одних изображениях огненный дождь испепелял землю, на других — исполинские волны сметали города и сокрушали целые флотилии. Но на каждой фреске повторялась одна деталь: семь фигур с воздетыми к небу руками, и фигуры эти были на порядок выше всех остальных людей. Сатин могла почти поклясться, что узнаёт их. Мужчина в узорчатом балахоне и с книгой в руках... Желтоглазая женщина... Смуглый юноша с игральными картами... Человек в броне и шлеме, украшенном солнечными лучами... Похоже, жители этой неизвестной страны поклонялись им, как богам. В их честь проливалась кровь, возводились дворцы и храмы.

Сатин так задумалась, что даже подпрыгнула, наткнувшись на дверь. Девушка бросила взгляд через плечо: каменная плита находилась в какой-то сотне шагов позади. Странно. Она же так долго шла... с другой стороны, ей нечему удивляться. Это всего лишь сон. Сатин толкнула дверь и переступила порог.

Комната, в которой она оказалась, была, пожалуй, самым странным местом в этом сне. Она была обставлена просто, но с уютом, и этой своей нормальностью резко выделялась на фоне мрачного великолепия фресок в коридоре или того исполинского витража. На полу лежали зелёные ковры, стены из простого серого камня были закрыты тёмными драпировками. В углу ревели пламя камина, из-за которого девушку неожиданно посетил чувство какого-то особенного, почти домашнего уюта. Словно она очутилась в своей келье в Бейт-Хасмонай и пьёт горячий чай, а за окном бушует гроза.

Сатин окинула комнату взглядом. У правой стены на полках выстроились ряды книг, на небольшом каменном столике у камина — бокал вина и миска с розовым виноградом. Внимание девушки привлекла картина на левой стене. Это был пейзаж. Верхняя половина картины была занята небом, почти полностью покрытым тучами угрожающего свинцового оттенка, а нижняя — морем почти такого же цвета. Среди этого серо-стального однообразия выделялся корабль с чёрным парусом, на котором был изображён какой-то символ — золотое солнце с лучами, которые оканчивались ладонями. Этот же символ был на тех фресках в коридоре. Интересно, что это такое? Такое чувство, что ей знакомо это изображение.

— Всегда останавливаюсь возле этой картины. Впечатляет, правда?

Сатин обернулась.

У полки с книгами стоял человек. Его угловатое лицо не было ни молодым, ни старым — наверное, ему можно было дать около тридцати пяти. Облачённый в чёрный, расшитый серебряной нитью камзол со стоячим воротом и чёрный плащ, этот мужчина о чём-то напомнил девушке. Какая-то догадка возникла у неё в голове — и тут же исчезла. Он был высокого роста, стройный, как танцор, с длинными, чуть вьющимися рыжими волосами. Было что-то странное в его глазах — слишком жёлтых, слишком ярких, слишком живых. Это были глаза проницательного человека. Глаза игрока. И сейчас они смотрели прямо на неё.

— Как тебе эта картина? — повторил мужчина. — Скажи, что ты видишь?

— Море. Небо. Корабль вдалеке. — Сатин решила, что это, пожалуй, первый раз, когда она разговаривает с кем-то во сне. — Небо тёмное, всё в тучах.

— Жаль. — разочарованно протянул мужчина. Он потянулся к стене и взял с полки книгу в золотом переплёте. Покрутил в руках, поставил на стол. — Некоторые полагают, что эта картина может предсказывать будущее.

Сатин смутилась. Штормовое море? Корабль? Если это — её будущее, то оно какое-то... ну, неправильное, что ли. Слишком неопределённое.

— Скажите, что это за место? Кто вы?

Ей показалось, или губы этого незнакомца сейчас действительно изогнулись в усмешке?

— Простые вопросы. Верные, но простые. Это место... место отдохновения. А что же до того, кто я... думаю, моё имя тебе ничего не скажет. Меня зовут Философом. Вернее, звали когда-то.

— Красивое прозвище! — выпалила Сатин, но тут же покраснела — ну кто будет делать комплимент частичке своего сна?

Человек в чёрном плаще, казалось, читал её мысли. Он улыбнулся.

— Думаешь, это — сон? А вдруг это ты снишься мне, маленький огонёк? Жители Шам-Иллорина считали весь мир всего лишь иллюзией, сновидением своего многорукого бога.

Огонёк? Что он такое говорит? И что это за место такое — Шам-Иллорин? Она никогда о таком не слышала.

— Я... я вас знаю? — спросила Сатин. Она всматривалась в его лицо, ей вдруг почудилось, что ещё чуть-чуть — и она что-то вспомнит. Что-то важное.

Улыбка исчезла с лица мужчины. Он сел в кресло и раскрыл книгу на первой попавшейся странице.

— Нет... — он вдруг резко захлопнул книгу и поставил её на место. — Ты меня не знаешь...

Он встал из-за стола и принялся расхаживать по комнате. Его движения были полны энергии, а походке позавидовал бы любой аристократ: спина прямая, плечи расправлены, глаза смотрят прямо перед собой. Наверное, подумала Сатин, именно таких людей называют царственными.

Мужчина остановился. Повернулся к ней.

— Ты знаешь, какая сила нужна, чтобы попасть сюда? Даже величайшие Иеромаги не могли достичь стен моей темницы. А у тебя — вышло. Кто ты?

Сатин моргнула. Иеромагия? Но она лишена этого дара...

— Темницы? — спросила она, чтобы поддержать разговор.

Кажется, этот сон стал насколько необычным, что ей уже можно ничему не удивляться. Её воображение сотворило и тот чудесный витраж, и фрески, и этого человека.

— О, не обманывайся. Это место отлично обставлено и располагает всеми удобствами, но это — тюрьма. Твоя магия впечатляет. У меня так редко бывают гости...

— Скажите... сколько вы тут живёте? — спросила Сатин, желая подыграть своему сну.

— Зависит от того, что ты имеешь в виду. — мужчина грустно улыбнулся. — Достаточно долго, чтобы забыть голос живого человека. Но недостаточно для того, чтобы смириться.

— А за что вас тут... ну...

— Заточили? О, это давняя история. — Он весь напрягся и посмотрел вверх, будто к чему-то прислушиваясь. — К тебе идут. Моё время истекает. Тебе следует лучше

контролировать свои сны. В этот раз я постараюсь оградить тебя от боли, но помни: здесь мои силы ограничены. До встречи, маленький огонёк.

Фигура человека в чёрном замерцала, а затем исчезла, словно его и не было вовсе. В тот же миг потухло пламя камина. Комната погрузилась во мрак. Сатин попяtilась. *О, бог... нет, нет, нет...*

Девушка подняла голову, вглядываясь в темноту. Ничего. Совсем ничего... на миг ей показалось, что позади она слышит какой-то дробный звук.

Показалось?

Что-то схватило её за плащ и со страшной силой потянуло в темноту. Девушка закричала, вырвалась и опрометью побежала прочь, стараясь не думать ни о частом стуке сотни ножек по каменному полу, ни о других кошмарах, которые из раза в раз подстерегали её во тьме. Сатин давно уже должна была наткнуться на каменные стены, но чернильная пустота все длилась и длилась...

Звук её невидимых преследователей резко сначала стал тише, а затем пропал. Девушка замерла, готовая в любой момент сорваться с места. Неужели ей удалось спастись? Её голова просто раскалывалась от сотен вопросов, но сейчас было не до них. Неужели это всё? Ещё ни разу её мучители не оставляли её так легко. Может быть, хотя бы в эту ночь боли не будет?

Сатин ошиблась. Из абсолютного мрака вытянулся белесый хитиновый клинок, судорожно развернулся — и стрелой вонзился ей в грудь.

Сатин судорожно дёрнулась, пальцы сжали холодную сталь потайного кинжала. Она лежала на покрытой мхом земле, глаза слепо шарили вокруг, выискивая опасность. Лес. Костёр. Ручей неподалёку. Слава Творцу, это был сон... Закончилось. Всё закончилось.

По крайней мере, до завтра.

Почему Слезы не помогли? Почему не сработали? Она же и так слишком многим рискует, принимая эту отраву... Сатин машинально поднялась с земли — и тихо ахнула, уставившись на свою одежду.

Чёрная ткань в нижней части плаща была порвана, а выше виднелись еле заметные следы. Следы бледных когтей из её сна.

Глава восьмая. Свирель

Могущество Благих неразрывно связано с образом Стеклянного Дворца, но мы даже не знаем, где находилось это сооружение. Нигде в мире не было найдено даже остатков этого здания, а ведь дворец из стекла должен был быть непохож всё остальное — конечно, если легенды говорят правду. Ещё более загадочным мне кажется Тур-На-Ног, оплот Непрощённых и их столица во времена Войны Лэси. В сказаниях говорится, что он располагался где-то на западе Клятвенных Земель в Неприступных горах — и это всё, больше никаких ориентиров, не говоря уже о том, что на наших картах на западе горы отсутствуют. Ошибка летописца? Или новая тайна, которую я должен разгадать?

Следующим утром Рейн даже пройтись нормально не мог — после боя с Мидиром тело отказывалось слушаться, каждое движение требовало больших усилий и отзывалось ноющей болью. Особенно сильно юношу раздражал крупный лиловый синяк на правом плече — напоминание о том обидном поражении во время их первой тренировки. Но Рейн не испытывал жалости к себе, так как понимал: это всего лишь начало. Лучше получать удары от учителя, чем от реального врага. И палкой, чем настоящим мечом из стали. То ли ещё будет. Надо работать изо всех сил, стараться — и преуспеть.

Завтрак прошёл тихо и мирно. С самого утра Мидир сел на своего рыжего жеребца куда-то уехал, сказав только, что отправляется на разведку и вернётся ближе к полудню. Сатин и Рейн встали рано, а потому смогли насладиться первым лучами солнца. Его лучи придали небу особенный, нежно-розовый оттенок, и около часа никто и слова не произнёс — оба молча наслаждались зрелищем.

Идиллию прервала Сатин. Она поднялась с земли и подкралась к Рейну сзади, стараясь не шуметь — тот был всецело поглощён созерцанием группы облаков, через которые просвечивало солнце.

— Ты меня слышишь? — спросила девушка.

От неожиданности Рейн даже подскочил, но потом вернулся к наблюдению за небом.

Сатин тихонько рассмеялась, наблюдая за замешательством юноши.

— Это что, какая-то уладская традиция? Смотреть на облака... и не отвечать на чужие вопросы.

— Извини. — сказал Рейн. — Я сегодня какой-то рассеянный. Всё время думаю о том, как победить Мидира на следующей тренировке.

— Мне казалось, тебе хватило вчерашнего. — Сатин присела рядом с юношей, скрестив руки на груди. — Ты весь в синяках.

— Пустяк. — отмахнулся Рейн. — Хуже мне точно не будет. Мидир сказал, я должен научиться владеть мечом до того, когда мы прибудем в Авестинат.

— Как знаешь. — пожала плечами девушка. — Давай прогуляемся? Я хочу преподать тебе урок — первый твой урок магии.

— Нуу... хорошо. Давай.

Рейн присоединился к Сатин, и они вместе зашагали вдоль ручейка. Здесь, под сводами вековых дубов, было легко и приятно идти. Но место, что ни говори, странное — на многие мили вокруг простирается равнина со случайными буграми холмов, и только такие вот рощицы могут дать приют случайному путнику. Рейн понял, почему этого места стараются избегать. Уж очень Плач-Холмы странные, какие-то... нездешние. В таком месте

чувствуешь, что остался без защиты, особенно если ты — уладец, привыкший к густому лесу.

— Итак, начнём. — Сатин подошла прямо к воде и поманила к себе Рейна. — Видишь ручеёк?

— Да. Вижу.

— Тебе надо сделать так, чтобы вода поднялась из ручья. В тот раз у тебя получилось очень даже неплохо, хотя ты даже не понимал, что делаешь.

— Как мне этого добиться? — от возбуждения Рейн даже подпрыгнул, настроение было выше некуда. Магия! Он будет учиться магии!

— *Яшар ям гилим*. Это значит — “вода, расти вверх”. Заметь, ты говоришь *яшар* — вода, а не *йашарру* — море. Это очень важно. Помнишь, что я тебе говорила про сложность Священных Наречий? Ты должен предельно чётко формулировать свою цель — иначе ничего не выйдет.

Яшар ям гилим. Рейн несколько раз повторил про себя причудливое заклинание, чтобы запомнить сложные, непривычные для него авестийские слова.

— Хорошо, я понял. Вода, расти вверх. Мне надо просто это произнести?

— Нет, конечно. — ухмыльнулась Сатин. — Совершенный говорит: Твёрдая воля — и гора превратится в поле. Без намерения у тебя ничего не получится... Войди в ручей. Так, чтобы ступни были в воде. Да, вот так. А теперь просто думай о воде. Забудь обо всём остальном. *Прикажи* ей подняться.

Сатин оставила юношу одного. Рейн попытался очистить свой разум и сконцентрировать своё внимание на воде у ног, но это оказалось непросто. Его всё время что-то отвлекало — то шум ветра, то падающие листья, то камни на дне ручья. От усилия Рейн даже вспотел. Забери меня Медб, подумал он сердито, да это же невозможно. Он попробовал снова. Сначала представил себе небольшой ручеёк, который начинался где-то внизу и устремлялся вверх, извиваясь, как змейка. Он думал о воде, но ничего не происходило.

Время шло, ноги постепенно начали коченеть — он уже почти час стоял в холодной проточной воде. Рейн подумал, что у него, скорее всего, ничего не выйдет. Он не может сосредоточиться. Сейчас он выйдет из ручья, вернётся в лагерь и скажет Сатин, что магию подчинить не получилось. Потом поставит ботинки сохнуть и выпьет горячего чая...

Он подумал ещё раз — и устыдился собственного малодушия. Как он мог так просто сдаться? Что подумает Сатин, когда увидит его — его, проигравшего свой первый бой с собственной волей? Я тут всего час, решил юноша, не больше, да и холод не слишком сильный. Я справлюсь. Я покажу ей, что могу управлять водой.

Рейн почувствовал внезапный прилив сил. Он понял, что стоит ему чего-то захотеть, приложить усилие — и всё получится. Он прикрыл глаза и попытался отгородиться от окружающего мира, думать только о воде вокруг, о холоде, о звуке течения. Как там говорилось? Твёрдая воля — и гора превратится в поле. Мир перестал существовать. Остался только он сам — и вода.

В один миг всё переменялось. Теперь он стоял посреди совершенно пустого поля, покрытого белёсой травой. У ног по-прежнему вился ручей, и вода в нём казалась юноше такой чистой, такой прозрачной. Идеальной водой. Рейн интуитивно понял, что это — сущность воды, её истинное обличье. И он может ей управлять. Он попытался представить себе жидкость, которая поднимается вверх, но вместо водяного столба перед глазами встала громадная скала — словно соткалась из воздуха. Не до конца понимая, что он делает, парень

ударил кулаком по камню. И ещё раз. И снова. Камень остался совершенно неподвижным. Забери меня Медб... Надо не думать о скале, понял Рейн, только о воде. Не отвлекаться на посторонние вещи.

Рейн сосредоточился. Юноша мысленно представил себе ручей и подумал о том, как он, словно по волшебству, превращается в широкую реку. Так сложно сконцентрироваться на заклинании...

Он постарался как можно чётче представить себе тот поток, что наполнял ручеёк. Пусть он растёт. Пусть он превратится в фонтан.

Яшар ям гилим.

И вдруг — что-то произошло. Он почувствовал, будто вода задвигалась. Что-то резко вырвало его из видения, перед глазами опять стояла дубовая роща. За его спиной кто-то что-то говорил, но Рейн ничего не слышал — уши были словно забиты ватой. Цветов тоже не было — всё было каким-то серым, даже солнце, деревья и листья.

Яшар ям гилим.

Ручей ответил ему. Поток воды изогнулся дугой, пошёл волнами — и фонтаном ударил в небо. Юноша почувствовал, как всё его существо заполняет искренний, чистый восторг. Рейн понял: теперь ему надо захотеть, чтобы вода текла вверх, а не вниз. Он сделал попытку снова войти в то безмятежное состояние, в котором только что призвал магию — и потерял контроль. Мысли разбежались, в мир вернулись цвета звуки. На миг клубок из воды завис в воздухе, а затем рухнул вниз. Поток сшиб Рейна с ног, что-то мокрое и тяжёлое с силой ударило его по голове. *Я победил*, успел подумать юноша — и отключился.

Придя в себя, Рейн почувствовал, что лежит на земле. Вокруг всё было в воде, одежда промокла насквозь. Под ним оказалась Сатин, которая больно ударила его под рёбра и встала, пошатываясь и бормоча проклятия.

К нему подошёл Мидир и одним рывком поставил на ноги.

— Ты как? — спросил отшельник с усмешкой.

— Да так... Голова кружится, ноги подкашиваются.

— Ничего. Так всегда бывает после Иеромагии.

Рейн огляделся и зашагал к костру — навстречу Сатин, которая вытянула руки вперёд, стараясь согреться. Мидир вздохнул и последовал за юношей.

— Извини меня. — сказал Рейн. — Я не хотел, честно... у меня само собой получилось.

— Вина вине рознь. — огрызнулась девушка. Она сняла с себя плащ и осталась в чёрных штанах и чёрном кожаном жилете. Сатин внезапно повернулась к Рейну и весело рассмеялась. — Ну и потоп ты устроил! Всю рощу в озеро превратил.

Рейн обрадовался перемене темы и рассказал ей про свой опыт со Священным Наречием и про то место, в котором оказался.

— Ты побывал на Первом Мосту. — заметила Сатин. — Он всем магам доступен. Второй Мост — это наши сны, там вообще все люди бывают... ну, то есть почти все. — Рейну показалось, что она на миг переменилась в лице.

— А сколько всего есть Мостов?

— Семь. Первый — Иеромагии, второй — снов, третий — разума, четвёртый считают обителью Теневого Народа — у вас в Уладе их называют круитни. Ещё два — пятый и шестой — во время Войны Лжи были осквернены влиянием Ненавистного и его Непрощённых. Туда сейчас только самые сильные Иеромаги попасть могут, но даже для них это очень опасно.

— А седьмой?

— Мост Правосудия. Этот Мост — легенда, там никогда никто не был. Мы в Авестинате верим, что в один день армии Противника и Творца сойдутся на этом Мосту, чтобы сразиться за власть над миром. Этот день станет Конечным Воскрешением, концом старого мира и началом мира нового... Впрочем, сейчас это не важно. Ты молодец! Мало кто может добиться такого прогресса в первый раз. Мы продолжим наши уроки с водой. Ты будешь постепенно наращивать свой словарный запас, а потом можно будет перейти к более сложным вещам — например, составлять целые тексты на Священном Наречии Авестината, учиться формулировать сложные желания... Кстати, я совсем забыла — ты же даже обычный авестийский не знаешь! Это надо исправить...

Она ещё много говорила, и Рейн вдруг вспомнил — Сатин ведь не может пользоваться магией! Она может знать хоть все Наречия — но ни разу не ощутит того бодрящего чувства, того безграничного счастья, когда человек сливается с *агдал тифилин*. При этом девушка нашла в себе силы не унывать и учить его, Рейна, всему, что знает сама. Юноша почувствовал, как в его душе поднимается волна благодарности. Я сделаю ей подарок, решил Рейн. Что-то ценное. Что-то от себя — чтобы отблагодарить её за то, что открыла ему доступ в мир могущества и Негасимого Огня. Юноша вернулся к ручью и нарвал там тростника, стараясь выбирать самые толстые и прочные стебли.

Через час они двинулись в путь, перед этим наполнив меха чистой родниковой водой. Плач-Холмы изменились, и изменения эти нельзя было назвать радостными. Дорога, по которой они ехали от Маг Темры, давно уже кончилась, сначала истончившись до тропки, а затем окончательно исчезнув на однообразных каменистых склонах. Растительность стала куда более редкой, сочная трава сменилась зарослями горлицы и льнянки. Гораздо больше стало валунов и мелких камешков, из-за чего иногда приходилось слезать с лошадей и идти пешком. Следов человека здесь не было. Ни деревень, ни отдельных домов — за несколько часов дороги маленький отряд не встретил ни одного путешественника. Это показалось Рейну подозрительным, и тот спросил Мидира:

— Почему здесь никого нет? В смысле, вообще никого. Ты говорил о падении Гранниаса и Войне Лжи — но разве люди могут так бояться из-за какой-то расселины?

Отшельник угрюмо глянул на Рейна из-под густых бровей и проговорил в бороду:

— Я тебе не всё рассказал. В Плач-Холмах есть кое-кто помимо нас... только этот кто-то не особо дружелюбен.

— О чём ты?

— Здесь зло водится. Самое настоящее. Видишь ли, после гибели Гранниаса отсюда почти всё зверьё ушло. Вместо него тут поселились какие-то твари. Никто толком не знает, откуда они пришли и как выглядят, но одно могу сказать точно: на глаза им лучше не попадаться. Как-то раз здесь проезжал отряд одного из уладских тэнов — слуги, обоз, лучники, кавалерия... Только пятеро вернулись в Маг Темру. Кони — в мыле, глаза у людей — с яблоко... Здесь не стоит задерживаться надолго.

— Зачем ты нас сюда потащил?! — чуть не закричал Рейн. — Это... это...

— Успокойся! — отрезал Мидир. — Мы с Зиладом до сих пор не знали, кто здесь поселился. Теперь, после твоей истории, у меня появились кое-какие догадки... быть может, это и есть Бессмертный — один или несколько. Но не стоит тревожить себя раньше времени. Пуганая ворона куста боится. Ночью мы сможем положиться на скорость наших лошадей. В любом случае, мы сумеем защитить себя. Если успеем — доберёмся до одного

заброшенного поместья. Его называют Дом Конна, и там мы будем в безопасности.

— Теперь-то я спокоен. — ответил Рейн, а про себя подумал: кто ведёт Бессмертных? Разве отшельник не говорил, что они всегда кому-то подчиняются?

Небо заволокло тяжёлыми грозowymi тучами. Подул ветер, и Мидир сказал, что им надо ускориться, чтобы не намокнуть. Рейн видел, как дрожат руки отшельника, но ничего не сказал — только проверил, легко ли выходит меч из ножен. Тяжёлая сталь клинка оттягивала пояс и давала ложное чувство безопасности — но хватит ли его в случае чего? Хорошо, что Сатин неизвестна настоящая причина их поспешности. Весь день у девушки было отличное настроение — она уверенно держалась в седле и постоянно порывалась сказать Рейну то одно, то другое слово на Священном Наречии авестийцев. Чтобы чем-то себя занять, Рейн слегка обогнал остальных, достал тростниковый стебель и начал его чистить. Потом взял нож и стал осторожно, медленно вырезать отверстия.

Через какое-то время Плач-Холмы поменялись. Сначала стали попадаться одиноко стоящие деревья, затем — рощицы, а к вечеру их сменил густой сосновый лес — даже более дикий, чем обитель Мидира. Теперь отряд петлял между деревьями и густыми зарослями подлеска, с трудом продираясь сквозь переплетения веток. Рейн подумал, что, наверное, здесь нет такой тропы, по которой путники могли бы проехать, не прорубая путь. Его вдруг посетило чувство, похожее на то, которое он испытал, когда искал путь к хижине отшельника. Но хуже. Если в лесу Мидира он чувствовал только лёгкое беспокойство, то здесь в его душу стал закрадываться настоящий страх. Неизвестность всегда пугает сильнее всего.

Внезапный порыв ветра хлестнул по лицу, Рейн инстинктивно натянул поводья, стараясь удержать лошадь, которая, похоже, нервничала не меньше, чем всадник.

— Что с тобой? — спросила Сатин, поравнявшись с Рейном. — Что-то случилось?

— Ничего, — соврал он, — просто... предчувствие нехорошее.

Они ехали по лесу несколько часов, пока не добрались до места, от которого расходились сразу четыре тропинки. Видимо, неподалёку находился водопой или что-то в этом роде. Здесь они спешили и пошли по протоптаным сквозь колючие кусты дорожкам, ведя лошадей под уздцы. Рейн чувствовал, что все трое, включая и его самого, заметно напряглись. Мидир всё чаще поглаживал обух своего боевого топора, а Сатин то теребила ворот своего жилета, то скрещивала руки на груди — видимо, такая у неё привычка. На душе было мутно, хотя Рейн и не знал, почему. Лес словно давил на него. Наверное, это оттого, что тут совсем нет людей... об обитателях Плач-Холмов юноша старался не думать.

Всё чаще попадались поваленные деревья, сломанные кусты, глубокие колеи от упавших деревьев. По лесу словно прошёлся вихрь, который вырвал из земли как молодые берёзки, так и вековые сосны. Один раз они проехали мимо громадной ели, ствол которой высотой мог соперничать с корабельной мачтой. Странно... какой силы должен быть ветер, чтобы повалить *такое* дерево? В Уладе ураганы — редкое явление.

Наконец они выбрались из чащи и выехали на широкую поляну. Рейн с трудом подавил вздох облегчения, когда понял, что они нашли укрытие, о котором говорил отшельник. В самом центре поляны виднелся огромный, почти не тронутый временем дом. Сложенные из грубого камня стены были оплетены побегами плюща. Высокие, как в замке, окна строения были забиты досками. Жилище производило впечатление крепости, которую подготовили к осаде, но сделано это было как-то небрежно. Одно круглое окошко посередине оказалось затянуто стеклом, и это казалось бессмысленным — зачем оставлять его, если хозяева

заколотили остальными? Но самое большое впечатление производила дверь — широкая, крепкая, с засовом, больше похожим на бревно.

— Это место зовётся Домом Конна. Мы заночуем здесь. — будничным тоном объявил отшельник. Он легко спрыгнул с коня и знаком подозвал к себе спутников, чтобы те помогли ему снять засов.

— Такой тяжёлый! — заметила Сатин. — Какой смысл ставить его *снаружи* дома? Мне всегда казалось, что засовы устанавливают изнутри.

Отшельник только рукой махнул и уклончиво пробормотал что-то про барсуков и волчьи стаи.

Внутри было достаточно места. При желании в Доме мог разместиться добрый десяток усталых путешественников. Здание имело только один этаж и состояло из двух комнат: просторной гостиной с высоким камином и ещё одного пустого помещения, о назначении которого оставалось только гадать. С удивлением Рейн отметил про себя, что в дровнице полно отличных сухих дров и трута, а на полу у стены лежат в ряд несколько тюфяков из соломы. Юноша подошёл к круглому окну и глянул на улицу. Всё было нормально. Через стекло виднелась лесная чаща — быть может, немного зловещая в свете заходящего солнца. Но никаких чудищ. Ничего, что могло бы представлять угрозу. Просто лес, не тронутый человеком.

Прошло совсем немного времени, и вот уже в камине ярко горел огонь, от которого по гостиной волна за волной поднимался горячий воздух. Пустую комнату приспособили под конюшню для лошадей. С внутренней стороны двери теперь красовался такой же массивный засов, как снаружи — его обнаружили у стены недалеко от камина, что удивило всех, кроме Мидира. Отшельник явно знал что-то о Доме Конна, но предпочитал помалкивать.

Первый раз за три дня путники смогли получить кров над головой. Ночь ещё не наступила, поэтому каждый занимался своими делами. Мидир что-то писал на листе пергамента, Сатин, растянувшись на полу у камина, смотрела в огонь, а Рейн сидел в углу и работал над стеблем тростника. Теперь было понятно, что он делал в дороге — флейту. Семь ровных круглых отверстий с одной стороны и ещё одно — с другой. На краю стебелька — небольшой скос. Посередине юноша стянул флейту ниткой — чтобы тростник не треснул в случае чего.

Рейн поднёс флейту к губам и осторожно, чтобы не слышали остальные, дунул в неё. Всё было готово. Флейта звучала так, словно была сделана лучшими мастерами Махи-Эмайн. Теперь — время её подарить. Юноша сделал глубокий вдох и подошёл к камину. В голову сами собой полезли деревенские заговоры и простенькие гимны богам Улады: “Той силой, что принёс с неба Бернунн, пусть сбудется моё намерение. Как свет для глаза, как хлеб для голодного, как радость для сердца — пусть удача будет при мне”.

— Сатин... — Рейн замялся. Идиот, подумал он, говори же...

— Что? — она легко вскочила с пола и посмотрела на него своими серыми глазами, в которых отражалось пламя.

— Ты... ты мне сегодня очень помогла... ну, со Священным Наречием. И я хочу... хочу тебе кое-что подарить.

Она внимательно посмотрела на Рейна — и его вдруг охватило ощущение полной нереальности происходящего. Его свирель показалась ему неготовой, грубой. А что, если он этим нарушил какой-то авестийский обычай? А если... Забери меня Медб, почему она молчит? Он в два шага подошёл к девушке и протянул ей флейту.

— Это тебе, Сатин. Я... не знаю, понравится ли тебе... Но спасибо. За магию.

Сатин взяла флейту — осторожно, двумя пальцами.

— Ты сделал это... для меня?

— Да...

Она недоверием посмотрела на Рейна. А затем бросилась ему на шею.

— О, Рейн! Спасибо! Я буду ей дорожить, клянусь! Мне... мне раньше не дарили подарков. Слушай... хочешь покормить огонь?

— Хочу. — выпалил Рейн несмотря на то, что щёки его горели. *Забери меня Медб...*

— Не переживай, это легко. — Сатин взяла соломинку и бросила в камин. — Просто дай огню то, что может гореть — и Творец благословит тебя. У нас в Авестинате любят сидеть у костра или очага, кормить огонь и говорить друг с другом. Это объединяет семьи... Смотри прямо на пламя. Попробуй понаблюдать за ним... Разве не видишь?

Рейн честно глядел на языки пламени, но ничего не видел. Было уже поздно, долгая дорога по Плач-Холмам утомила путников. Мидир давно лёг спать, Сатин взяла свою суму и отошла в тёмный угол комнаты — наверное, молилась перед сном или что-то в этом роде. Юноша и сам не заметил, как задремал прямо на полу, согретый теплом камина. Теперь он чувствовал себя почти счастливым. Глаза слипались, и по привычке Рейн мысленно подвёл итоги дня, чтобы поскорее уснуть. Их отряд сейчас в безопасности. Припасов хватает. Он первый раз познал всю сладость Иеромагии. И его флейта, похоже, приглянулась огнепоклоннице. Так хорошо...

В наступившей тишине внезапно раздался громкий, похожий на гром звук. Кто-то настойчиво стучал в дверь Дома Конна.

Рейн вскочил с кровати и глянул в окно.

На дворе стояла тёмная, безлунная ночь.

Глава девятая. За дверью

Ни один Непрощённый не имеет последователей в наше время — ни один, не считая Хозяина Пепла. Если Несущий Ложь привлекает любителей карточной игры, те поклоняющиеся Хозяину надеются обрести вечную жизнь после гибели мира — приём, типичный для большинства тайных обществ и сект. В авестийских летописях последователи Хозяина названы целым рядом эпитетов: "избранные", "светлые братья", "верные". Очевидно, с этим Непрощённым связан перенос душ. Мог ли он в своё время повлиять на Мосты? Дать жизнь чудовищам, которые крадут жизнь во снах? Я всё больше убеждаюсь в том, что Непрощённые — не просто легенда или часть фольклора. Их внешность, их особенности, их история — всё это кажется мне чем-то слишком значительным, слишком... настоящим.

Почти минуту Рейн просто стоял на месте, оглушённый внезапностью этого стука, вслушиваясь в вязкую ночную тишину за окном. Время шло, но ничего не происходило.

Послышалось?

Три чётких, громких удара по дереву отрезвили его. Нашарив трясущимися руками меч, Рейн на негнущихся ногах сделал пару шагов в сторону единственного круглого окошка. Как назло, оно было слишком маленьким и открывало обзор только на часть леса снаружи. Не было никакой возможности разглядеть того, кто стучал. Рейн несколько раз дёрнул за дверную ручку, но та не поддавалась. Засов тоже был на месте — по крайней мере, с этой стороны. Юноша успел помянуть всех уладских богов — как же хорошо, что они вчера догадались запереть Дом Конна.

Рейн прильнул к окну, силясь разглядеть хоть что-то. Он мог слышать шум ветра, глухие крики каких-то птиц в лесу — но из-за двери не доносилось ни звука. Ни шагов, ни слов. Даже дыхания.

— Рейн?..

Юноша выдохнул, когда к нему подошла Сатин. Лицо девушки выглядело бледнее обычного, а глаза в свете камина приобрели нездоровый, кроваво-красный блеск.

— В чём дело? — шёпотом спросила девушка.

— Там за дверью... кто-то стоит. — тихо ответил Рейн. И тут же тишину нарушили три мерных, тяжёлых удара. Кто-то заскрёбся в дверь, с улицы донёсся неразборчивый мужской голос — словно ночной незнакомец говорил через толстый слой ваты.

К удивлению Рейна, Сатин даже не испугалась. Она только коротко кивнула и бросилась будить Мидира. Вскоре все трое были у двери. В руках отшельника Рейн заметил боевое копьё из Маг Темры, а Сатин нервно барабанила пальцами по рукоятке своего кинжала.

— Что здесь происходит? — спросил отшельник.

— За порогом кто-то есть. — ответила за Рейна девушка. Слово в подтверждение её словам дверь содрогнулась от трёх злых, поспешных ударов. Снова послышался голос, на этот раз — женский. Странно, но юноша не смог разобрать ни слова. Вроде бы это уладский... или нет?

— Что мы будем делать? — спросил Рейн. Он опустил взгляд на меч в своей руке и только сейчас осознал, что всё это время сжимал рукоять.

— Сначала узнаем, с кем мы имеем дело. — ответил Мидир. Отшельник повысил голос:

— Кто там? А ну говорите!

За дверь помолчали. А затем ответили:

— Рейн! Ты здесь?! Я... я заблудилась! — высокий женский голос ножом прорезал густую ночную тишину.

— Эмер?! — От удивления Рейн чуть меч из рук не выронил. Сестра? В такой глуши, за столько лиг от Кельтхайра?

— Что ты здесь делаешь? Как... как ты здесь оказалась?

Молчание. Почему она не отвечает?

— Мы шли за тобой. Я, Фиахна и ещё несколько наших. Мы думали, тебя похитил этот мерзкий отшельник.

— Мидир — мой друг! — возмутился Рейн.

— Ладно. — Ему показалось, или голос сестры стал немного ниже? — Можешь нам открыть? Не хочется стоять всю ночь на морозе.

— Да-да, сейчас. — Рейн принялся торопливо сдвигать засов.

— Стой! — воскликнула Сатин.

— Что такое?

Девушка взяла Рейна за запястье и посмотрела ему прямо в глаза.

— Тут что-то не так... Сам подумай, разве твои односельчане стали бы стучать столько времени? Почему ответили только сейчас?

— Я слышал голос сестры...

— Она ведь не знает, куда ты делся! Если мы...

Юноша резко повернулся и вырвал руку из ладони огнепоклонницы.

— Ты хочешь бросить их на улице? — Рейн внезапно почувствовал злость. Сильную злость. Ну как эта чужестранка не понимает?! Там, за дверь — его родные... Там безопасно... Юноша рассмеялся: на душе стало легко, а в голове пульсировала простая, но настойчивая мысль — впустить Фиахну и Эмер в дом.

— Давай! — поторопила сестра. Или не она? Рейн не смог понять, был этот голос мужским или женским. Юноша снова подошёл к засову — и тут же свалился на пол. Левая половина лица вспыхнула от боли, перед глазами поплыли разноцветные точки. Рейн неуклюже встал и обернулся: над ним склонился Мидир.

— Да приди же ты в себя наконец! — закричал отшельник. — За дверь — не твоя сестра. Это вообще не человек.

— О... о чём ты? — спросил Рейн. Внезапная радость пропала, на её месте остался липкий, противный страх.

— В-вы м-можете мне помочь? — переспросил из-за двери ровный, лишённый всякой интонации голос. — Рейн. Открой дверь. Рейн. Открой. Холод. Мороз. Не хочет? Ся. Стоять...

— Раны Господни... — прошептала Сатин.

— Рееееейн... — голос набрал силу, превратился в громогласный, оглушительный рёв. — Открррр...

С улицы донёсся пронзительный скрежет. Сатин вскрикнула. Скрежет повторился. К нему присоединились звуки ударов. Что-то молотило по двери с такой силой, что та шаталась, как при землетрясении.

— Эй... — сказал голос за дверь. — Я... прошу... открой мне...

Рейн медленно попятился к камину, около которого Сатин что-то доказывала Мидиру.

Скрежет смолк, удары слегка притихли, но продолжались с какой-то методичной, дьявольской регулярностью. Дверь не поддавалась. Пока что.

— Что нам делать? — спросила Сатин. Она кусала губы и смотрела то на Мидира, то на Рейна, дрожа всем телом.

— Мы можем незаметно уйти. — предложил Рейн. — Если тут есть другая дверь или...

— Здесь только одна дверь. — покачал головой отшельник. — К тому же, нам нужно будет как-то пробраться к коновязи и сесть на лошадей... а мы даже не знаем, кто нас поджидает.

— Ты вообще когда-нибудь слышал о таком? Эта... это существо говорило голосом моих родных!

— Больше — оно использовало какие-то чары. — добавил Мидир. — Я тебя от засова еле оттащил. Если бы я опоздал...

Рейн передёрнул плечами. Перед его глазами встала жуткая картина: он сам, находясь в каком-то подобии транса, открывает дверь, и на пороге возникает... кто? Какой-то монстр? Огромный волк? Бессмертный?

— Я... я предлагаю спрятаться здесь и позволить ему войти. — сказал Рейн. — Мы можем попробовать отвлечь его... чем бы оно и было. Отвлечь — и сбежать в лес.

— А если оно убьёт нас? — Сатин достала кинжал, нервно покрутила в руках, а затем с силой вогнала его обратно в ножны.

— У нас нет выбора. — ответил Рейн. Он переглянулся с Мидиром и продолжил: — Я думаю, что смогу его отвлечь своей магией... Если ты погасишь камин, мы останемся в темноте и...

— Чушь какая-то! — огнепоклонница как-то странно на него взглянула. — Мы слишком рискуем.

— Ты можешь предложить что-то другое?

— Я могу... Рейн!

— Давайте не спорить! — Мидир поправил топор на поясе, одновременно смотря на Сатин и Рейна и прислушиваясь к ударам, что доносились с улицы. — Мы действительно не имеем выбора. Придётся дожидаться, когда он выломает дверь. Потом затаимся и побежим к лошадям... Если что-то пойдёт не так, то Рейн прикроет нас своим колдовством.

— Да он только вчера с Иеромагией познакомился! — Сатин тревожно смотрела на юношу. — Рейн... ты не можешь умереть, ясно?! Если с тобой что-то случится... я тебя заживо сожгу, слышишь?

Юноша хотел было пошутить и спросить, о чём она говорит, но понял, что сейчас сил хватило лишь на то, чтобы взять её за руку и кивнуть.

— Всё будет хорошо, вот увидишь. Мы спаслись от Бессмертных тогда — спасёмся и в этот раз.

Через несколько минут всё было готово. Рейн с мечом в руке стоял у камина, Мидир с топором — справа, а Сатин с кинжалом оказалась в левом углу. По плану юноша должен был отвлекать врага, пока отшельник и огнепоклонница будут покидать Дом Конна. В один момент огонь в камине вспыхнул — и погас. Комната погрузилась в темноту — только ладони Сатин светились тусклым оранжевым сиянием.

— Давай же... давай... — прошептал Рейн, всматриваясь в окно.

С каждым мгновением удары становились всё злее. По дому словно молотил громадный таран, и звуки ударов прерывались словами, от которых хотелось бежать, спрятаться,

скрыться:

— Рейн. Открой дверь. Открой. Открой. Открой.

Дверь зашаталась, из-под неё взметнулись клубы пыли. Частый скрежет сменился грохотом, от которого затрясся весь дом. Они слышали звук ломающейся древесины и треск, с которым та начала крошиться под ударами неведомого чудища. За окном творилось что-то невысказанное. Рейн слышал грохочущие по двери удары и многоголосый хор людей, кричащих на разные лады так, что нельзя было ничего разобрать. Юноше казалось, что к этой какофонии добавляются всё новые и новые голоса — женские, мужские и детские. Удар — и дверь зашаталась сильнее, ещё удар — и мощный засов вдруг переломился надвое, как сухая ветка. Существо на улице на миг стихло — и ударило снова. Треск. Грохот.

Дверь слетела с петель.

С самого начала всё пошло не по плану.

— В-вы м-можете мне помочь? — спросило *оно* детским голоском.

Рейн почувствовал, что не может сделать ни шага, когда увидел фигуру, заслонившую собой весь дверной проём. Узкая полоска лунного света не давала разглядеть лицо, но вот силуэт... его юноша, казалось, запомнил навечно.

Ненормально широкие, бугристые плечи, приземистая голова с чем-то длинным, отдалённо похожим на птичий клюв, широченный плащ и гладкое металлическое тело...

Бессмертный.

— В-вы м-можете мне помочь? — фигура сделала шаг, затем другой, третий. Существо остановилось посередине комнаты и замерло, словно статуя. Только голова то и дело поворачивалась — как-то неестественно, дёргано, как у куклы на ниточках.

Оно их не видит, догадался Рейн.

Мидир стоял на месте и не двигался. Сатин, в свою очередь, замерла в углу. Она будто старалась слиться со стеной, чтобы не быть обнаруженной. По лицу девушки стекал пот, и Рейн слышал, что она тяжело дышала. Он буквально видел её страх.

Бессмертный стоял, словно вырезанный из железа истукан, и только две белые точки сияли на его грубом подобии лица — там, где должны быть глаза. Рейн чувствовал, что под плащом напрягаются мышцы — как у какого-то громадного животного.

Внезапно существо заговорило, и от его голосов у Рейна внутри всё похолодело.

— Я т-тебя чую. Страх. Страх. — низкий раскатистый бас. — Не противься. — мягкий баритон. — Ты. Убежать. Не. Хозяин не причинит зла. — высокий девичий голос.

Сатин вжалась в угол ещё сильнее. Рейн заметил, как Мидир осторожно поднимает свой топор. Повисла тишина. Они словно играли в какую-то детскую игру, где нельзя выдавать себя ни единым движением. Вот только ставкой сейчас была жизнь...

Слева раздался едва заметный шум. Рейн повернул голову. Это Сатин тихонько пробиралась к выходу, отчаянно пытаясь себя не выдать. В руках огнепоклонницы блеснула сталь.

Скрипнула половица.

Бессмертный медленно повернул голову и посмотрел прямо на девушку. Ноги существа неловко подкосились, подняв облачко пыли. Оно тяжело покачнулось и шагнуло на звук. Мидир, не спуская глаз с монстра, поднял топор. Существо замерло, будто прислушиваясь к чему-то. Сатин, дрожа, отступила на шаг. До двери было всего ничего, в проёме можно было даже разглядеть коновязь — всего пара десятков шагов до спасения.

Приземистая фигура Бессмертного стояла прямо напротив девушки. Та сжала зубы,

чтобы не закричать — до гладкой металлической чешуи можно было дотянуться рукой. Глаза за стальной маской горели белым огнём, в них плескалась какая-то древняя, первобытная сила.

— В-вы м-можете мне помочь? — проговорило существо плаксивым женским голосом. Его белые глаза медленно, будто в поиске цели, скользили от девушки к порогу и обратно. Рейн лихорадочно соображал, что делать. У него в руках был мех с родниковой водой. Если применить магию...

— В-вы м-можете мне помочь?...

Массивное тело Бессмертного качнулось вперёд, руки в латных перчатках потянулись к девушке.

Время остановилось.

Рейн не мог видеть, что Сатин пытается сделать, но он знал — вот сейчас она сделает глубокий вдох, затем выдохнет, и...

Девушка вскинула руку. Нож стальной молнией метнулся к маске и отскочил от гладкого металла. Сатин кинулась на улицу. В тот же миг Бессмертный рванулся к ней, поднял руку и отшвырнул девушку к стене.

В руках чудовища словно из ниоткуда появился узкий длинный меч. Существо медленно занесло клинок над головой. Время замедлилось.

Юноша услышал сдавленный возглас Сатин. Существо подняло меч. Рейн бросился вперёд, схватил Сатин за руку и выдернул её из-под удара. Меч зигзагом рубанул по камню, высекая искры.

— Беги!

Какая-то тень — Мидир — кинулась на помощь. Лезвие топора опустилось на голову твари, не причинив ей никакого вреда. Мидир сделал обманное движение, а затем нанёс новый удар, но промахнулся. Блеснул металл. Бессмертный легко отбил топор и ударил в ответ. Тонкое лезвие просвистело в дюйме от головы отшельника. Тогда фигура в плаще замахнулась латной перчаткой и наотмашь ударила Мидира по лицу. Отшельник со стоном осел на пол.

Рейн не знал, что делать. Его разум словно онемел. На его глазах Бессмертный поднимал меч, но всё происходило как-то замедленно, словно ему приходилось пробиваться через густую патоку.

Забери меня Медб...

Мгновение — и Рейн с воплем бросился на монстра, прикрыв собой отшельника. Юноша выхватил меч и что есть сил ударил по клинку своего кошмарного противника. С лязгом сталь столкнулась со сталью. Сноп искр полетел во все стороны. Рейну удалось отбить удар и отступить на пару шагов. Но радоваться было рано — Бессмертный снова пошел в атаку. Юноша почувствовал, как клинок его меча задрожал, уступая огромной силе существа. Рейн, как мог, сдерживал Бессмертного. Обеими руками он держал меч, на который с огромной силой давило оружие его врага. И тут Бессмертный отпрянул назад и ударил свободной рукой — с размахом, зло, точно. Закованная в броню рука со свистом рассекла воздух — и Рейн почувствовал, как падает на пол, а по лицу растекается что-то горячее и жидкое. Его кровь. Где-то слева зазвенел о каменные плиты металл. Он вытянул руку, но оружия нигде не было. Юношу била крупная дрожь, правая рука онемела и отказывалась слушаться. Мидир куда-то исчез, Сатин — тоже.

На глаза юноши навернулись слёзы.

Существо, похожее на человека, подняло взгляд, и Рейн непроизвольно вздрогнул. Глаза были белые и сияющие. Рейн попытался позвать на помощь, но в ту же секунду горло свела судорога. Он хотел подняться и убежать, но ноги будто приросли к полу, и юноша бессильно растянулся на полу. Бессмертный стоял неподвижно, и от его неживого взгляда невозможно было оторвать глаз. Рейн не мог заставить себя сдвинуться с места. Лишь продолжал смотреть на маску с птичьим клювом и на эти нереальные, чарующие глаза.

В следующее мгновение стальной великан сделал шаг вперёд. И заговорил — хрипло, глухо и странно:

— Не бойся. Хозяину ты нужен живым.

— Хо... хозяин? О чём ты говоришь? — изумился юноша. Он лихорадочно водил глазами по дому, пытаясь найти хоть что-то, что ему поможет. Где Мидир и Сатин? Почему они не возвращаются?

Бессмертный слегка наклонил голову влево.

— Ты хочешь знать? Хочешь видеть хозяина? Он слишком велик для такого. Он — тот, кто был и остаётся, кто обратил в прах Ашшар и владел короной трёх народов.

— Что... что ему от меня нужно? — голос Рейна дрожал, хотя юноша всеми силами старался сохранить хотя бы внешнее спокойствие. Глаза искали спасения: у стены слева валяется меч, на месте дверного проёма — неровная дыра. В центре комнаты... юноша затаил дыхание, когда увидел это.

Вода. Обычный мех с водой для питья — один из тех, что они взяли из жилища Мидира.

Вода... это значит — Иеромагия. А что, если... Рейн расслабился, растянулся на холодном каменном полу. Я в безопасности, убеждал он себя, я готов перейти на Первый Мост...

— Ты пойдешь к моему хозяину. — Бессмертный шагнул вперёд, намереваясь схватить юношу. — Ты — Его. Его, его, его...

Руки существа потянулись к Рейну. Стальные перчатки приближались очень медленно, словно сам воздух был для них преградой.

Реальность пошатнулась. Цвета исчезли. Весь Дом Конна был теперь серым. Бессмертный так и замер с протянутыми к Рейну руками — можно даже рассмотреть какой-то узор на перчатках железной твари.

Первый Мост.

Яшар ям гилим... нет, не так... яшар таб нун.

Вода, стань оружием.

Прозрачная струя послушно вытекла из меха и изогнулась в воздухе, как кнут. В этом странном мире она выглядела серебристой, как жидкий металл. О боги, взмолился Рейн, пусть вода замёрзнет, пусть она станет льдом. Он не знал, как сказать это по-авестийски — просто чувствовал, что должен что-то сделать, как-то повлиять на свойства жидкости... Рейн почувствовал, как в нём поднимается волна силы. Он воздел руки кверху — и его водяная плеть потекла вниз, оплетая ноги Бессмертного.

Первый Мост начал исчезать, видение медленно исчезало из головы Рейна, уступало место привычной комнате. Из последних сил юноша напрягся, творя заклинание. *Яшар таб нун.*

Вода свернулась в клубок и застыла у ног существа, превратившись в прозрачный лёд.

Первый Мост пропал.

Рейн вскочил на ноги и кинулся к мечу. По голове словно ударили молотом, перед

глазами всё размылось. Бессмертный стоял не двигаясь, его металлическое тело было наполовину заковано в ледяную глыбу.

Обеими руками юноша схватил оружие и бросился на улицу. Сзади послышался громкий треск — такой, что ушам стало больно. Звук был какой-то замедленный и всё длился и длился...

На поляне — Сатин и Мидир, коновязь — перерезана.

— Уходим! — крикнул Рейн. Горло обожгло болью. Он неуклюже залез в седло, изо всех сил всадил каблуки в бока своему жеребцу — и вся троица помчалась галопом прямо через лес.

Молчание.

Зеленые деревья смазались в какую-то кашу.

В висках пульсирует тупая боль.

Чувство времени притупилось.

Они мчались дальше и дальше, и Рейн даже не знал, сколько уже скачет. Никто не говорил с ним, не оглядывался назад. Они выехали на какую-то тропу, Рейн даже не мог понять, куда они едут. Горло страшно саднило, почему-то болела правая рука.

Смазанные воспоминания, смазанные лица. Его спутники, они... за ними, кажется, гнались? Юноша с трудом заставил себя повернуть голову назад, но ничего не увидел. В мыслях всё смешалось, как будто он смотрел на себя со стороны. Неясная дорога, неясный лес, неясные звуки. Он не понимал, кто он такой. Что происходит? Где он? В голове шумело... Вот — остановка, перед глазами всё плывет, он пытается собраться с мыслями, но не может, все силы уходят на то, чтобы просто усидеть на коне. Вот — снова скачка, и снова провал в памяти. Рейн сжимал поводья с такой силой, что побелели пальцы. *Если бы только...* если бы что? Мысли путались. Гулкий грохот в висках мешал сосредоточиться. Два или три раза с ним пытались заговорить, но всякий раз голос звучал откуда-то издалека, так что нельзя было разобрать ни слова. Кажется, его звали по имени, пытались что-то дать... Перед глазами то и дело всплывал образ Бессмертного — птичий ключ на металлическом лице и неживые белые глаза. Рейн знал, что это существо опасно, но вот почему — понять никак не мог. Может, он кого-то убил... или нет... или он из моей деревни? Рейн старался вспомнить, как называется его родной дом, но в голове была странная пустота.

Вдруг — остановка. Конское ржание, топот копыт по камню. Камень? В лесу? Кто-то приподнял юношу и уложил на прохладный мокрый мох. Рейн устало прикрыл глаза. Некоторое время он просто лежал, обессиленный, и мечтал, чтобы всё закончилось. Постепенно воспоминания возвращались к нему, и он даже вспомнил, как скакал по лесу. Вспомнил стук в дверь, те странные голоса, Бессмертного. *Боги... я же дрался с ним. Я... я был на Первом Мосту и использовал Иеромагию!*

Он очнулся от какого-то жжения по всему телу — словно в огонь шагнул. В правой руке пульсировала тупая боль. Он медленно открыл глаза и увидел, что лежит на земле. Над ним стоял Мидир. Рядом сидела, нервно глядя на юношу, Сатин.

— Я... — прохрипел Рейн, но тут же закашлялся. Мидир и протянул ему мех. Рейн жадно глотнул горьковатой воды. Туман в голове рассеялся окончательно.

— Тише, тише... — мягко проговорил отшельник. — ничего не говори. Сейчас тебе надо просто отдохнуть.

— А Бессмертный?

— Успокойся. Его тут нет. — взгляд Мидира метнулся куда-то вправо. — Мы скакали

всю ночь. Он нас не догнал, и мы сейчас в безопасности. В Кайсаруме. Если продолжим идти с такой же скоростью — будем в Лепте Великой через полмесяца.

Кайсарум...

— О чём ты вообще думал?! — дрожащим голосом произнесла Сатин. Она отвернулась, уставилась в пламя костра. — Ты мог погибнуть!

— У нас не было другого выбора, — устало проговорил Рейн. — Бессмертный неуязвим для стали. Даже втроём мы бы с ним не справились, а так... так вы хотя бы смогли перерезать коновязь и спастись.

— Рейн прав. Мы поступили наилучшим образом. — добавил отшельник, и Сатин замолчала, не зная, сердиться ей или нет.

— И ещё кое-что... — юноша приподнялся на локтях и оглядел своих спутников. — Бессмертный... говорил со мной.

— Что?! — Мидир нагнулся и посмотрел Рейну прямо в глаза. — Он... о чём ты?

Рейн сделал ещё глоток и рассказал о своём поединке с этим стальным существом, о белых, дурманящих разум глазах и о том, как Бессмертный заговорил с ним. Рассказал он и об Иеромагии, когда ему удалось использовать воду в качестве оружия.

— Бессмертный сказал мне, что жизнь моя вне опасности и что я нужен его хозяину. — закончил юноша, глядя на спутников. — Потом я появился на Первом Мосту — когда эта... это существо пыталось меня схватить. Я сделал так, чтобы его ноги замёрзли, а потом что-то произошло со временем — всё стало таким замедленным... словно я был во сне.

Некоторое время Мидир молча смотрел на Рейна, затем произнёс:

— Я читал о таком, когда жил во Дворце Истин, но никогда не слышал, чтобы с кем-то такое происходило... игры со временем всегда были слишком особенной магией, чтобы её мог применять любой, да и Бессмертный — просто инструмент, творение... говоришь, вокруг тебя всё замедлилось?

Рейн слабо кивнул, уронив голову на ковёр из мха. Только сейчас он понял, как ослаб после этого странного поединка. Отшельник между тем зажёл свою трубку и теперь ходил кругами, бормоча:

— Ты, верно, здорово перепугался тогда, в доме... Думал, куда мы все делись, почему оставили тебя одного... знаешь, сколько времени прошло? Минута! Ты выбежал на крыльцо через минуту после того, как я срезал коновязь. Мы с Сатин даже опомниться не успели, как пришлось тебя догонять — ты что-то кричал и подгонял свою лошадь, словно за тобой гнались все Непрощённые разом.

Рейн произвольно сжал меч. Непрощённые... семеро предателей, чуть не погубивших мир четыре тысячи лет назад. Враги всего живого. А что, если это им служит Бессмертный? Что, если они живы... нет, тут же решил он, такого просто не может быть. Непрощённые мертвы. Благие спасли всё человечество, пожертвовали собой — и победили...

Троица на скорую руку перекусила сухарями и солониной, запив этот нехитрый ужин парой глотков родниковой воды. Запасы подходили к концу, и Рейн надеялся, по пути в город они смогут купить провизию. Несмотря на головную боль, он хотел сегодня ночью посторожить их лагерь, но его опередила Сатин.

— Давай я посторожу. — сказала она. — Ты слишком устал. Иди поспи.

Рейн ничего не ответил, лишь молча кивнул, признавая правоту девушки. Стоять он, пожалуй, сможет, но случись что — и из него получится неважный часовой. Он улёгся на землю, завернувшись в свой плащ. Рядом лежал Мидир, правая рука отшельника покоилась

на рукоятке топора. Какое-то время Рейн просто смотрел в чёрное небо и думал. Кто управляет Бессмертным? Найдут ли они в Авестинате укрытие и спасение? И может ли смута в его родной Уладе быть началом чего-то большего? Довольно скоро усталость взяла своё, он закрыл глаза, а когда проснулся, то солнце уже восходило над лесом, окрашивая верхушки сосен в рубин и золото.

Глава десятая. Город тысячи рук

Я не могу сказать ничего определённого насчёт Алого Копья. Кродерг Крималл част упоминалось отдельно от своего создателя — что-то вроде восьмого Непрощённого, будто этот предмет обладал (обладает?) собственной волей. В легендах Алое Копье всегда превосходило остальные Великие Копья — может быть, потому, что оно изначально было чем-то другим? Чем-то новым?

Следующие двенадцать дней прошли без происшествий и почти во всём были похожи друг на друга. Каждое утро Рейн встречал с первыми лучами солнца, брал в руки свой деревянный “меч” и старался убедить себя, что на этот раз он точно одолеет Мидира. Отшельник сам сказал об этом, когда во время очередного боя разоружил юношу:

— Ты с самого начала настроен на поражение. — сказал Мидир после того, как разобрал все промахи своего ученика. — Так не годится. Запомни: ты должен быть уверен, что можешь меня победить. И не только меня, а любого, кто вздумает с тобой сразиться. Не подумай, я не призываю тебя быть безрассудным — подобная самонадеянность стубила многих лихих воинов. Я говорю о вере в себя. Конечно, недостаточно просто сказать себе “сегодня я выиграю” — нужно ещё и упорно тренироваться. Но именно настрой на победу решает там, где во всём остальном противники равны.

Рейн последовал совету своего учителя. Он тщательно продумывал каждый свой поединок, старался не совершать ошибок, не делал себе никаких поблажек и не искал оправданий, если терпел поражение в какой-то из их частых тренировок. По утрам они занимались с мечом, днём — после пяти или шести схваток — тренировали руки. Мидир обучал Рейна искусству рукопашного боя, показывал, как можно использовать любой предмет для нанесения удара, как вывести противника из равновесия с помощью простого движения или как ударить его ногой, когда он этого не ожидает, как отводить удар противника, если ты безоружен и как правильно падать, чтобы не получить увечий.

— Оружием может быть всё что угодно. — говорил Мидир, сидя со своей трубкой и пуская в небо кольца сизого дыма. — Простая палка, ножка от стула, вертел для мяса... бывают такие ситуации, когда тебе просто некогда вынуть меч из ножен — тут тебе и пригодится моя наука. Не думай, что если научился хорошо владеть мечом — а ты сейчас даже этого не можешь — то уже стал непобедимым воином. Князь Освальд из Аллуйи Брега, например, был великим мечником. Он украсил свой клинок золотом и серебром, ежедневно одерживал победы в поединках один на один — но ему не удалось выжить, когда разбойники с большой дороги напали на него с дубинами. Меч — это не то, чему стоит посвятить всю твою жизнь, если, конечно, ты не хочешь блистать на турнирах и состязаниях и умереть в первом же настоящем сражении от случайной стрелы или копья. У тебя есть ещё ноги и руки, есть тело. В бою ты должен уметь всё. Поэтому тренируйся. Но не забывай и с том, что даже самое совершенное оружие — это ещё не гарантия победы.

А вечерами они сидели у костра, пили чай, разговаривали, спорили, смеялись. Сатин учила Рейна основам авестийского и Священному Наречию, Мидир рассказывал то, что знал об Авестинате, о жителях этой страны, её законах и нравах. Он рассказал о Дворце Истин, о Совершенном и о библиотеках, в которых хранятся древние, созданные ещё до Войны Лжи карты и книги. Рейн жадно впитывал новые знания, хотя отшельник ни словом не обмолвился о своём прошлом и по-прежнему не желал говорить о том, что привело его с

Зилачем так далеко на Восток.

Кроме того, Мидир поведал Сатин и Рейну историю Лепты Великой, и повесть эта была печальна.

— Этот город очень стар — древнее Улады и даже Кайсарума. С самого начала он, правда, Лептой Великой не назывался. Нагаррар — Город тысячи рук — вот её настоящее имя.

История эта берёт своё начало через век после Предательства. Царство Истины уже перестало существовать, на Востоке шла безумная драка за власть, и тогда торговец по имени Сендер из Старого Цора бежал на Запад с тысячей кораблей. Со своего корабля Сендер видел, как гибнет в огне пожарищ Старый Город, и обещал себе, что спасёт своих людей и построит им жилище, достойное времён расцвета мира.

Бородатый, с трубкой в зубах, Мидир напомнил Рейну Зилача и его рассказ на Дне Жертвы. Та же сосредоточенность, тот же отрешённый взгляд, словно отшельник сам видит то, о чём говорит.

— Прибыв на Запад, люди Сендера возвели прекрасные города. Цафон Золотой, Элоцим Могучий и Нагаррар Мудрый. Велик был флот пришельцев, и потому западные народы называли их Людьми Лодок. Так появился Новый Цор, Новый Город — держава, что правила не мечом, а золотом. Люди Лодок были умны и проницательны, они знали толк в торговле, и вскоре их гавани были уже на всём западном берегу Непокойного Моря.

Но на всякого охотника найдётся своя управа. Люди Лодок были алчны, они предпочитали скорее покупать верность иноземных дружин, чем содержать собственное войско. Это их и сгубило. Народы Запада один за другим подчинились власти Кайсарума, и судьба богатых, но уязвимых городов на морском берегу была предрешена.

Двадцать лет шла война великих купцов против не менее великих воинов. Это была тяжёлая, изнурительная борьба — ведь победитель в случае успеха становился первой державой Запада. Всё решилось у стен Нагаррара, когда Динниан, император Кайсарума, со своей закованной в железо пехотой сокрушил наёмную армию Людей Лодок. То была страшная битва. Один за другим пали все прибрежные города и, хотя Динниану пришлось потратить ещё три года, чтобы взять Новый Цор, торговая империя побережья перестала существовать. Их города были превращены в руины и посыпаны солью, и только Нагаррар уцелел — единственное место, где этот древний народ нашёл себе пристанище и тюрьму. С тех пор для Людей Лодок битва при Нагарраре — история о разорении и смерти. Их страна последней на Западе почитала Благих, и с гибелью Нового Города мы потеряли многие книги о Царстве Истины и Войне Лжи...

Чем дальше они ехали по тракту, тем больше путников и повозок встречали на своём пути. Кто-то ехал на север, в Уладу, чтобы продать специи с юга и купить драгоценные меха и дерево, кто-то, как Рейн со спутниками, путешествовал до Лепты Великой или даже до столицы Кайсарума Палатинции, но больше всего было беженцев. Мужчины и женщины. Старики и дети. Пешком и на телегах. Все они непрерывным людским потоком шли с севера на юг в сторону Лепты Великой, шли нервно, торопливо, словно каждая миля пути была для них спасением, щитом от незримой опасности. Тревога заставляла их держаться вместе, но страх потерять свои вещи не позволял толпе сливаться воедино — каждый старался ехать на расстоянии от других, так, чтобы видеть, что происходит вокруг.

Люди были самые разные. Рейн видел, как по дороге пытается проехать целый фургон, в котором хозяин — бородатый плотник лет сорока — вёз не только свои пожитки, но и товар

— стулья, сундуки и даже круглый стол, украшенный резьбой. Видел, как

В один день Мидир остановил отряд у обочины и подошёл к одному из путников — седому старику в старой рубахе и клетчатом плаще, который сидел у раскидистой ольхи и варил чай.

— Скажи, отче, почему здесь столько людей из Улады? — спросил отшельник, стараясь говорить почтительно и вежливо.

— Война, — невесело усмехнулся старик, — видано ли дело, чтобы за трон *так* бились, как сейчас бьются? Мы, крестьяне, к распрям господ привычны, но этот Элиас... — он замолчал и резко обернулся, словно думал, что мятежный тэн прячется за соседним деревом.

— Расскажите нам, что происходит в Уладе? — Мидир достал из кошелька серебряную монетку и вложил в руки старика. — Его Величество сейчас побеждает?

— Лугайд-то? Как бы не так, королю недолго осталось. Он уже не жилец, помяните моё слово. У Триата недавно сражение было, крупное. Король разбит, во второй раз едет своих вассалов собирать. Говорят, претендент скоро двинет войска на столицу. Хочет сорвать корону с башки Лугайда. Элиас этот не человек вовсе, вот что я вам скажу!

— Это ещё почему? — лицо Мидира было непроницаемой маской, но глаза выдавали тревогу.

— А потому. — старик опасливо повёл плечами. — Колдун он, вот что, этот Элиас. Говорят, огнём повелевает и тени творит. Всех королевских колдунов разбил, даром что они колдуны. Встал лагерем на западе и назвал себя Чёрным Солнцем, воплощением бога Оллама! И титул себе присвоил — доброму человеку и не выговорить. Авто... Автакритир... или как-то так.

— Может, Автократор? — спросила Сатин.

— Да, точно, барышня. Автократор. Говорят, он собирает магов со всего Севера, хочет после Улады на Гододдин идти. Приказал всем, кто колдовать умеет, лично к нему идти и преклонять колени. Это у него “присяга Чёрному Солнцу” называется. Лугайд, конечно, от страха трясётся, это как пить дать. Солдат своих у Триата потерял, значит, и вассалы задумаются — кого теперь поддержать, чтобы земли свои сохранить? Ещё говорят, Элиас тэнов начал вешать. Если кто-то из благородных не хочет по струнке ходить — р-раз! — и всё, на суку висит, только ноги болтаются. Как вам такое нравится? Сколько на свете живу, а такого не видел. Истинно говорят, последние времена настали...

Мидир поблагодарил старика, и маленький отряд продолжил свой путь. По обе стороны дороги тянулись поля и фермы, которые иногда прерывали высокие здания из красного кирпича — знаменитая имперская почта. Сатин немного оторвалась от спутников и над чем-то задумалась, Рейн ехал рядом с отшельником. Юноша первым нарушил молчание.

— Мидир, а что ты думаешь насчёт этого Элиаса Чёрное Солнце? Он ведь хочет только одного — захватить уладский трон?

— Конечно Воскрешение, — мрачно ответил Мидир. — В священных книгах Авестината говорится, что рождение Чёрного Солнца, что бы это ни значило, будет одним из признаков гибели мира. Будем надеяться, что это совпадение. Элиас, кем бы он ни был, обладает большим могуществом. То, как он руководит, как действует... это непохоже на поведение обычного претендента на престол. Никто никогда не расправлялся с непокорными тэнами, как с преступниками. Казнить казнили, но вешать... странно всё это. И титул необычный — Автократор. И ещё эта магия...

— А что это такое — Конечно Воскрешение? — Рейн вспомнил, что Сатин что-то об

этом говорила.

— Последняя битва между Ложью и Истиной. Если ты помнишь, седьмой Мост также именуют Мостом Правосудия. Сейчас это место закрыто для человечества. Придёт время, и Иеромаги со всего мира смогут ступить на него, чтобы принять участия в *Аташ Кэрэти*, Последней Битве. Избранником Творца будет Саошьянт, Защитник Истины. Против него и всех праведников выступит Тенетворец, сильнейший среди слуг Ненавистного. Они сразятся на Седьмом Мосту, и победитель получит не только власть над миром, но и Флейту — самый великий дар Творца, который был спрятан после Предательства.

Саошьянт... Рейн задумался, несколько раз повторив про себя диковинное восточное слово.

— А как люди поймут, что всё началось? Должны быть какие-то знамения, верно?

— Именно так. Существует великое множество пророчеств и прочей ерунды, и каждое из них непохоже на остальные. Тем не менее, основных признаков три: Чёрное Солнце, Белый Огонь и Багряная Чума. И нет, я не стану объяснять тебе, что они означают — никто этого не знает, а если когда-то и знал, то давно умер.

Рейн непонимающе нахмурил лоб.

— Ты хочешь сказать, что в Авестинате ожидают конца света, но не знают, чего именно ждут?

— Именно так. Мать Церковь так и не смогла внести ясность в этот вопрос — большая часть святых книг была утеряна в огне Войны, нынешние священники и жрецы огня не обладают даже половиной необходимых знаний...

Мидир замолчал, думая о чём-то своём.

Последние три дня они провели в пути, почти не вылезая из сёдел и останавливаясь только на ночлег или для того, чтобы размять уставшие ноги.

— Свои настоящие имена мы использовать не будем. — предупредил Мидир, когда их кони взобрались на высокий холм и перед путниками наконец замаячили очертания крепостных стен. — Запомни, Рейн: Я — Галвин, Сатин — Гвендолин, а ты...

— Да, я помню. Реган. — юноша нетерпеливо тряхнул волосами. Ему не терпелось поскорей увидеть Лепту Великую. Интересно, как это — жить в месте, где ты не знаешь всех по имени? Для него, обитателя отдалённой глухой деревушки, города были чем-то не особо понятным — местом, куда несколько раз в год отправлялись старшие, чтобы продать редкий в последнее время излишек зерна. Города были сосредоточием слухов, в них — если верить тем же слухам — жили святые жрецы уладских богов, торговали заморские купцы, стояли особняки знати и прекрасные дворцы. И теперь он сам увидит город, к тому же в чужой стране! Рейн одновременно чувствовал воодушевление, смешанное с робостью и, быть может, страхом.

— Теперь поговорим о тебе. — отшельник повернулся к Сатин. — В Кайсаруме сероглазых не любят — думаю, ты это сама знаешь не хуже моего. Нам надо, чтобы ты была незаметной, чтобы привлекала к себе как можно меньше внимания. Понятно?

— Хорошо. — кивнула огнепоклонница. После того разговора у костра она была особенно молчалива и говорила только тогда, когда к ней обращались. — Я надену капюшон.

— А почему мы должны прятаться? — спросил Рейн. — Так далеко от Улады... Почему мы не можем просто... ну, просто быть собой? Мидир вздохнул.

— Потому что за нами, скорее всего, будут следить. Лепта Великая — единственный

крупный порт в этих местах, не считая, конечно, Махи-Эмайн — но уладская столица сейчас осаждена войсками восставших тэнов, туда не пройти. Значит, наш враг, кем бы он ни был, знает, куда мы отправимся. Ему известно, что единственным безопасным местом для нас будет Авестинат. Здесь, в Лепте Великой, нам следует быть особенно осторожными. В больших городах всегда много людей, и далеко не все из них доброжелательны к чужакам. К тому же, в городе сейчас полно солдат. Император Кайсарума что-то затевает, и я бы дорого заплатил, чтобы узнать это.

К городу они подъехали в сумерках. Тяжёлые, окованные полосами железа ворота были открыты. Когда путники приблизились, на троицу устремились настороженные взгляды четырёх стражников, которые стояли у стены с копьями наперевес.

— Кто такие? Куда следуете? — спросил один из них, преграждая им путь. Он был немолод, с сединой в волосах, но его плечи бугрились мышцами, а руки были мощными, как у кузнеца.

Сатин, уже собравшаяся было представиться, вдруг передумала. — Мы из Улады. — сказала она и опустила глаза. — Меня зовут Гвендолин, а это моя семья — Галвин и Реган. Хотим увидеть дворец наместника.

Стражник нахмурился. — Покажите подорожную. — сказал он сурово. — по указу наместника в город можно пройти только по пропускам.

Мидир, до этого момента молча следивший за происходящим, вышел вперёд. — Простите, почтенный, — медленно заговорил отшельник, — не могли бы вы рассказать нам о наместнике Мании? Я слышал, его щедрость безгранична, но в городской казне слишком мало золота, чтобы по достоинству оценить труд доблестных воинов Кайсарума... Говорят, наместник иногда награждает за верную службу.

Лицо стражника тут же смягчилось и просветлело, будто по волшебству. Настороженность сменилась выражением заинтересованности. — Ты прав, странник. — ответил он, хитро ухмыляясь. — Наместник Маний ценит своих солдат, но вот незадача — казна в последнее время совсем опустела...

Мидир поспешно сунул руку за пазуху и достал увесистый кожаный мешочек.

— Вот. — сказал он, отсчитав четыре золотых. — Это вам за все ваши хлопоты. Надеюсь, этого хватит, чтобы достойно вознаградить вас за труды.

Стражник посмотрел на него, потом на Сатин и Рейна, после чего проворно спрятал деньги и отступил назад. — Добро пожаловать в Лепту Великую, благородный господин. Он махнул рукой, и его товарищи отступили, давая дорогу.

— Ну и ну. — пробормотал Рейн, когда ворота за ними закрылись. — Никогда не думал, что можно вот так просто разобраться с этими солдатами.

— Не всегда стоит полагаться только на силу или хитрость. — подмигнул отшельник. — В Кайсаруме говорят: иному слово не скажи, а монету покажи.

Они проехали через ворота, миновав узкий проход в массивной крепостной стене, и оказались в городе. У Рейна сначала даже дыхание перехватило. По обеим сторонам стояли дома, словно сошедшие со страниц древних сказаний — высокие дома из белого камня с крышами, покрытыми красной черепицей. Невысокие заборы, сложенные из того же камня, надёжно скрывали от чужих глаз то, что происходило во дворах. Вокруг царило оживление. Казалось, все жители города высыпали на улицы. Повсюду сновали люди, одетые кто во что горазд. Здесь были и расшитые золотом кайсарумские кафтаны, и уладские меховые шубки, и плащи, и ещё много другой одежды, о которой в Уладе и знать не знали.

Шум толпы оглушил Рейна, который, позабыв обо всём на свете, во все глаза разглядывал город. Сначала Рейн испугался, что их могут заметить, но местные жители не обращали на них никакого внимания. Все были слишком заняты, чтобы отвлекаться на чужаков. Люди толкались, торговались, спорили, смеялись, плакали, пели и ругались. Одни куда-то спешили, вторые неспешно прогуливались по улицам, третьи продирались через людскую толчею, энергично работая локтями. И все это — в окружении пёстрых шатров, палаток, навесов и просто нагромождений ящиков и бочек. Почти на каждом шагу встречались лавочники, которые зазывали приезжих поглядеть на товары, от разнообразия которых рябило в глазах. Здесь были и ткани, и еда, и оружие, и украшения, и инструменты, и посуда, и даже диковинные птицы в клетках.

Этот город казался настолько крупным, что у Рейна голова шла кругом от одной мысли, сколько же народу здесь может жить. Казалось, Лепта Великая могла вместить ещё сто подобных Кельтхайру деревень — и никто бы этого даже не заметил.

Отшельник, заметив его растерянность, рассмеялся:

— Лепта Великая, конечно, большой город, но ты ещё других не видел. Ничего, доберёмся до Авестината — будет тебе на что поглядеть. Вот там и правда людей — что листьев в лесу.

Они продолжили свой путь по широкой улице, которая, как показалось Рейну, и не думала кончаться. Юноша всё время старался держаться поближе к Сатин, которая, как и он, не привыкла к такому оживлению. Через какое-то время он немного освоился в городской суете и стал подмечать странности, которых раньше не замечал. Жители Лепты Великой выглядели какими-то настороженными. Некоторые из них с тревогой поглядывали на детей, стараясь ни на минуту не оставлять их без присмотра. На лицах многих мужчин была написана озабоченность, а женщины выглядели усталыми и раздражёнными. Они то и дело оглядывались по сторонам, словно опасались нападения. Время от времени по улицам стройными рядами маршировали отряды солдат императорской армии: красные плащи, пластинчатые панцири, шлемы с высокими гребнями... Несколько раз Рейн замечал, как простые жители украдкой сжимают рукояти ножей — будто ждут чего-то.

— Что здесь случилось? — спросил он Мидира. — Почему они все такие... настороженные?

— Тревожные слухи... — отшельник неопределённо пожал плечами. — Смутные времена настали не только в Уладе. Уже давно говорят о том, что империя замышляет новую большую войну... легионы Кайсарума собираются здесь, на побережье, и никто не знает, против кого на этот раз будет направлен удар. Нам надо поскорее найти Хэммона. Он знает побольше моего и сможет помочь нам.

— Хэммон... тот контрабандист, да? — вспомнил Рейн.

По губам Мидира пробежала загадочная улыбка.

— Не совсем. Хэммон не из тех, кто станет заниматься чем-то сомнительным, если есть возможность заработать честным путём. Скажу так: он — кто-то вроде кладоискателя, вот только интересуется он вовсе не золотом. Контрабандист — скорее прозвище, которым его наградили власти города. Впрочем, ты сам всё скоро поймешь. Но сначала надо разыскать его жилище. Хэммон — человек осторожный, его не так просто обнаружить, если он сам того не захочет.

Проехав ещё немного, они свернули в узенькую улочку, которая, петляя, привела их к опрятному на вид двухэтажному дому с белыми стенами и красной черепичной крышей. По

обе стороны от нарядного крыльца стояли статуи кошек, на вывеске над дверью ровными красивыми буквами было написано “Кошкин дом”.

— Ну, вот мы и на месте. — произнёс Мидир, указывая на дверь. — Это — одна из трёх гостиниц, что принадлежат Хэммону, и его любимое место во всём городе. Будем надеяться, он сейчас здесь.

Пройдя через дворик, Мидир поднялся по ступеням и постучал в дверь. Им открыл худой человек с длинными волосами, стянутыми в хвост. На нём была белая рубашка с закатанными рукавами и белые брюки, заправленные в высокие сапоги. На поясе висел широкий, похожий на тесак для рубки мяса нож. Увидев перед собой троих незнакомых людей, он удивлённо заморгал глазами. — Чего надо? — хрипло спросил он.

— Нам нужен Хэммон. — сказал отшельник. — Он сейчас здесь?

— А вы кто такие? — нахмурился человек. Рейн заметил, как его рука легла на рукоятку ножа. — Хэммон занят и никого не принимает.

— Меня он точно примет. — настаивал Мидир. — У нас к нему важное дело.

Человек в белом резко качнул головой. — Убирайтесь! Проваливайте отсюда, пока стражу не кликнул!

— *Кассаф амиглаб.* — проговорил отшельник, глядя прямо на своего собеседника. — *Дахет шат хаддур.*

Человек сделал шаг назад. Его глаза расширились от удивления.

— Сию минуту, мой господин. — проговорил он, кланяясь. — Прошу простить меня за недостойное поведение... я мигом!

Он скрылся в доме, оставив всю троицу ждать на крыльце.

— Что ты такое ему сказал? — удивился Рейн. — это что, магия?

Отшельник ухмыльнулся.

— Это язык Старого Цора. Хэммон — из Людей Лодок, и его подручные — тоже. После битвы при Нагарраре и гибели Нового Города это наречие известно очень немногим.

Какое-то время ничего не происходило. Затем из гостиницы послышались приглушённые голоса, какой-то возглас и скрипучий звук шагов по доскам. Дверь распахнулась, на пороге возник высокий человек в синем камзоле и коротком плаще того же цвета. Пальцы его были унизаны дорогими перстнями, красивое смуглое лицо обрамляла короткая чёрная борода. В руках он сжимал длинную чёрную трость с золотым набалдашником. Завидев отшельника, человек сначала дёрнулся, как от удара, а затем на его лице появилась улыбка узнавания.

— Мидир! — воскликнул он, делая шаг вперёд. — Ну и встреча! Что ты забыл в этом городе, дружище?

— Да хранят тебя Луны, Хэммон! — отшельник шагнул навстречу и обнял своего товарища. — Скажи, мы можем... поговорить наедине?

Тонкие брови Хэммона взлетели вверх. — Что-то не так? — проговорил он, хмурясь. Его взгляд переместился на Рейна и Сатин, и юноше не понравилось, как смотрели глаза Контрабандиста — цепко, словно тот был ястребом, выслеживающим добычу.

— Я тебе позже всё объясню. — торопливо ответил Мидир. — За нами кое-кто... кое-что следует. Мне и моим друзьям нужно на время у тебя укрыться.

— Они что — тоже... — Хэммон выразительно посмотрел на юношу с девушкой. Отшельник кивнул.

Пальцы Контрабандиста забарабанили по золотому навершию трости. Он что-то тихо

пробормотал, а затем улыбнулся:

— Можете разместиться здесь. Отдохнёте с дороги, а потом мы поговорим за чашечкой чего-то горячего. Не беспокойтесь, тут вам ничего не грозит. Люди Лодок никогда не забывают о своём долге.

Мидир спешился, передал поводья подбежавшему конюху — как и все в этой гостинице, тот был смуглым и имел при себе внушительного вида топор — и вместе с Хэммоном зашагал к таверне. Сатин и Рейн оставили своих лошадей и последовали за ним. Внутри было тихо, пахло мясом и дымом. На стенах висели тусклые масляные светильники, отбрасывая тени на грубые дубовые столы. Почерневшие от времени деревянные балки терялись в полумраке высоко под потолком. В этот час посетителей почти не оказалось — только какой-то пьяница, сидевший у стойки, да еще пара человек, которых можно было бы принять за слуг — если бы не длинные ножи у поясов.

Хэммон подошел прямо к стойке и жестом подозвал хозяина. Тот подошёл и, увидев, кто перед ним, расплылся в улыбке. — Господин Хэммон, я рад вам услужить! Чего желаете?

— Похлёбки и чая мне и моим гостям, — распорядился тот, даже не глядя на трактирщика. — И подогретого вина с пряностями. Проследи, чтобы к вечеру была готова ванна. Он достал из-за пазухи пару золотых и положил на стол. Трактирщик подобострастно поклонился и побежал исполнять приказание.

— Смотрю, ты по-прежнему живешь королём и не знаешь забот. — проворчал Мидир, когда все четверо расположились за столом в углу — поближе к огню.

Хэммон философски пожал плечами. — Богатство редко приносит спокойный сон. Поверь, забот у меня не меньше, чем в прошлом... а ты, я смотрю, уже не тот. Завязал с делами и взялся обучать юнцов, да?

— Не совсем. — отшельник помрачнел и взглянул Хэммону прямо в глаза. — Мои друзья пришли от Зилача. У них... то есть у нас... серьёзные проблемы.

Глаза Хэммона потемнели.

— Зилач? Проблемы? А что, собственно, случилось?

— Вернулись те, о ком нас давно предупреждал Лиммен. Те, кто служит великому злу. Бессмертные.

Глава одиннадцатая. Друг и враг

Кузнец Погибели, также известный как Абомталь, постоянно носил пурпурную броню и шёлковую маску, его всегда отличала крайняя жестокость. В этом смысле он — один из страшнейших. Во время Войны Лжи он руководил войсками Непрощённых — армиями Бессмертных и чудовищами, пришедшими из мрака. Особенности магии этого Непрощённого мне неизвестны, хотя я допускаю, что его сила связана с войной и разрушениями. В фольклоре Абомталь — значение этого имени ныне забыто — выступает как воплощение первобытной ярости — воин, но не стратег. Мне кажется, его проявления могут сохраняться и в наше время — стремительное возвышение Кайсарума и неестественная мощь легионов этой страны подтверждают мои наихудшие опасения...

— Я не хочу верить в эту историю... — протянул Хэммон, когда отшельник закончил рассказ. — Клянусь Лунами, не хочу...

Повисла какая-то неприятная, тревожная тишина. За окном была глубокая ночь, в камине негромко потрескивали дрова. Таверна уже давно опустела, посетители разошлись по своим комнатам. Рейн, Сатин и Мидир с Хэммоном сидели за сидели в дальнем углу, за столом, накрытым белоснежной скатертью. Отшельник уже час рассказывал Хэммону обо всём, что с ними произошло, и его рассказ был настолько необычен, что Контрабандист с каждым новым словом своего старого знакомого все больше хмурился и, наконец, совсем помрачнел.

— Я знаю, что это звучит как легенда, — проговорил отшельник, — Но я видел это. Мы трое видели. Поверь, эту броню и маску ни с чем не спутать.

Хэммон задумчиво вертел в руках наполненный красным вином хрустальный бокал, его глаза напряжённо вглядывались в лицо друга.

— Эти твои подопечные... они шли с тобой от самого Кельтхайра, так ведь?

— Да. — кивнул Мидир. — Рейн — из Улады, Сатин — огнепоклонница, из Дома Чистоты.

— И юноша этот — Иеромаг... — глаза Хэммона заинтересованно блеснули. Он устремил взгляд на Рейна — внимательный, долгий взгляд, словно хотел определить, что за человек перед ним, понять, как он мыслит, на что способен. — Я ещё не видел уладцев, способных на такое — кроме, конечно, Зилача.

— Вы его знаете?! — удивился Рейн. — Откуда?

— О! — Хэммон поднял вверх указательный палец. — Занятная история... Мы давно знаем друг друга — Я, Зилач, Мидир... Мы называем себя Долл Аммертайл, Слуги Разума Наше общество основал Лиммен Талессин, также известный как Король Книжников — один из величайших Иеромагов в истории. Мы поклялись искать знания, настоящие знания о гибели мира и Войне Лжи. Уж слишком много странного было в тех легендах о Благих и Непрощённых, что рассказывают нам с детства... Какие силы Творец Творения дал своим слугам? Почему произошло Предательство? Как Благим удалось победить своего страшного противника? Все эти вопросы волновали нашу четвёрку. Это было лет двадцать назад. Тогда мы были молоды, жили и обучались в Авестинате при дворе Совершенного и потому имели доступ в Дом Мудрости — библиотеку Дворца Истин... — Хэммон откинулся на спинку кресла и сделал большой глоток. — Мне иногда кажется, что нам лучше было оставаться в неведении...

— О чём вы говорите? — спросил Рейн. Ему показалось, что он уже знает ответ.

— Лиммен был лучшим среди всех нас. Он постоянно пропадал в Доме Мудрости, чуть ли не жил там — надеялся, что найдёт что-то стоящее.

Хэммон умолк, давая своим слушателям возможность переварить услышанное. Юноша почувствовал, как по спине пробежали мурашки.

— В какой-то момент его увлечение переросло в настоящую страсть. Он почти не покидал Дом Мудрости, много говорил о каких-то книгах, о скрытых знаниях, о том, что скоро узнает правду о том, что произошло с миром. Мы спрашивали его, но он говорил, что объяснит всё позже. Он всегда был замкнутым, Лиммен... никому не доверял, даже своим друзьям. В один день он прислал нам письмо, в котором просил о встрече. Мы встретились на постоялом дворе недалеко от Дворца Истин. Лиммен выглядел каким-то подавленным и встревоженным. Сказал, что ему необходимо покинуть Дворец. Просил спрятать его, постоянно бормотал что-то о Непрощённых и об угрозе, что нависла над миром. Это был последний раз, когда мы видели его живым. На следующий день в Доме Мудрости произошёл пожар. Один слуга рассказал нам, что незадолго до этого к Лиммену приходил какой-то человек. Они о чём-то долго разговаривали. А потом тот человек ушёл, и вскоре после этого библиотека загорелась. В огне погибла большая часть книг. Бедняга Талессин тоже не уцелел — в развалинах нашли обугленное тело. Через несколько дней меня, Зилача и Мидира обвинили в поджоге, и нам пришлось покинуть Авестинат. С тех пор мы посвятили себя одному — не допустить возвращения зла, которое когда-то поставило мир на грань гибели.

— Бессмертные? — вырвалось у Сатин. Рейн был даже рад этой внезапной реплике — за весь вечер огнепоклонница не проронила ни слова, замкнувшись в себе.

— Я был бы счастливейшим из людей, если бы нашей главной проблемой были эти существа из металла. — заметил Мидир. — Нет, всё гораздо сложнее... Лиммен что-то нашёл в этой библиотеке — что-то такое, что его погубило. И эти его последние слова... С чего мы вообще взяли, что победа человечества в Войне Лжи окончательна? Что-то странное творится в нашем мире, странное и запутанное. В Уладе идёт война, Кайсарум стягивает войска на побережье. На всём континенте сейчас неурожай, а из Келейниона приходят страшные вести... слухи о чёрном ужасе, о тумане, который пожирает города и земли.

Рейн поёжился — он вспомнил, как кузнец Фиахна рассказывал ему о событиях в этом далёком западном герцогстве.

— Давайте не будем о грустном. — предложил Хэммон, вновь наполняя свой кубок. — У нас в городе говорят: уныние — худшее из преступлений. Пока вы в Лепте Великой, вы — мои гости. Кстати, что вы намерены делать дальше?

— Мы хотели обратиться к тебе за помощью. — ответил Мидир. — Нам надо переправиться через Неспокойное море и попасть в Авестинат, к Совершенному. Маха-Эмайн в осаде, так что порт Лепты Великой показался мне наилучшим выбором.

Хэммон понимающе кивнул, но затем нахмурился: — Неспокойное море... это будет трудно. Наместник запретил выпускать из гавани все корабли, кроме военных.

— Забери меня Медб! — выругался отшельник. — Когда это произошло?

— Не очень давно. Примерно полмесяца назад. Купцы, конечно, возмутились, но против распоряжений наместника они ничего сделать не в силах.

— Странно... — Мидир даже отложил свою трубку и посмотрел в окно, словно высматривая там корабль, который сможет переправить их на другой берег. — Наш путь от

Дома Конна до города как раз занял около полумесяца...

— Думаю, я смогу вам помочь. У меня хватает хороших знакомых и должников, чтобы достать пропуск. Моя “Северная Звезда” давно не выходила в море... завтра всё обсудим, а сейчас вам лучше отдохнуть. Комнаты для вас уже готовы. Готов поспорить, вы успели соскучиться по тёплой постели и горячему очагу, пока были в пути.

Откуда-то издалека доносились раскаты грома. Оранжевое пламя металось в факелах, хотя ветер не проникал в этот странный, похожий на склеп коридор. Гладкие каменные стены отливали синевой. Прохладный воздух обволакивал тело, как саван.

Сатин была во сне.

Она видела свои обутые в чёрные сапоги ноги, что ступали по каменным плитам, слышала своё спокойное, ровное дыхание.

Девушка огляделась.

Вокруг неё — каменные стены, холодные и гладкие, как лёд. Позади — каменная плита, впереди — тяжёлая завеса мрака, которую через равные промежутки разрывает пламя факелов. Где-то в глубине коридора мерцает ровный красный свет.

Сатин вздохнула и зашагала вперёд. Один шаг, второй, третий... В скудном свете факелов она видела, что в стенах с обеих сторон были двери, но почему-то знала, что все они заперты. Странный сон. Какое-то чувство навалилось на неё — липкая, безотчётная тревога холодом растекалась по телу, заставляя сердце стучать чаще. Возникло беспричинное, тяжёлое ощущение чего-то непоправимого. Что-то должно было скоро произойти, но что именно — она не знала. Она остановилась перед одной из дверей, провела пальцами по холодной деревянной поверхности и пошла дальше. Температура в коридоре начала падать, стены покрылись инеем, а красное сияние впереди, казалось, так и не становилось ближе. Это место совсем не напоминает тот корабль, о котором они недавно говорили...

Сатин задумалась. Корабль? Почему-то ей было трудно сосредоточиться, мысли разбегались, как стайка светлячков, пока она шла по коридору. Что-то не так. Она ощутила это в воздухе, хотя и не могла объяснить, в чем дело. Ей нужно... что-то вспомнить, да? Или кого-то... кажется, у неё были друзья. Они куда-то шли, и их цель имела какое-то значение. Друзья... или просто знакомые? Родители? Странное дело, всё как в тумане. Сатин тряхнула головой, пытаясь привести мысли в порядок, но это не помогло. В конце концов девушка просто перестала размышлять над всем этим. Было тихо. Только звуки её шагов разносились по коридору. Они казались слишком громкими — быть может, из-за того, что она была совсем одна в этом странном месте. Одна во всём мире, где нет ничего, кроме её собственного дыхания, биения сердца и щемящей пустоты в груди.

Проход всё никак не кончался, его холодные стены тянулись вперёд с пугающим однообразием, и пламя факелов плясало на них, создавая из мрака и неверного света причудливые фигуры. Сатин не знала, сколько прошло времени — может, час, а может, и целая вечность. Она шла вперёд, почти не обращая внимания на холод и темноту вокруг, только механически переставляла ноги. Ей казалось, что если она остановится, то уже не сможет сдвинуться с места. Где-то впереди — в конце бесконечности — красным цветком горело алое сияние, и только оно помогало продолжить путь, давало какую-то цель. Наверное, это важно — знать, что у тебя есть цель... она должна быть у каждого, верно?..

Казалось, прошла целая жизнь перед тем, как коридор закончился, и девушка достигла источника света. Это была дверь.

В отличие от других дверей, эта была не из дерева, а из чего-то, похожего на красное матовое стекло. Она была закрыта, и из-за неё лился мягкий красный свет — тот самый свет, что вёл Сатин и манил к себе, обещая дать ответы на все вопросы. Она подошла к двери и дотронулась до ручки. Ручка была теплой, отчего странный материал — твёрдый, как настоящее стекло — на миг показался мягким и податливым, почти живым. Это её не удивило — она слишком устала, чтобы удивляться.

Она уже видела эту дверь раньше. Она была здесь очень давно, когда... когда была кем-то другим. Кем-то совсем не похожим на неё нынешнюю... Почему она остановилась? Что ей нужно от этой двери? Сатин не знала. Но она знала, что должна была войти туда, потому что там её ждали. Её там ждали... Сатин толкнула дверь и перешагнула порог.

...Это было странное место. Она оказалась в просторной зале, убранство которой разительно отличалось от сурового камня и могильного холода коридора. Здесь было тепло, сумрачно и пусто, на стенах не оказалось ни факелов, ни ламп — красное сияние было словно разлито в самом воздухе, струилось отовсюду, окружало и обволакивало её. Этот вишнёвый сумрак что-то напомнил ей, что-то очень далёкое, но знакомое... Стены и пол выложены из непонятого красного камня, гладкого и тёплого на ощупь. В воздухе стоит едва уловимый запах каких-то трав. И тишина... тишина, которую нарушает ритмичный, почти не слышимый звук. Тук-тук. Ту-ту-тук. Тук-тук. Ту-ту-тук. Как будто биение сердца, но какое-то неправильное, неестественное...

Впереди маячил свет — не красный, а оранжевый, как свет костра. Когда глаза Сатин привыкли к освещению, она поняла, что зала не так пуста, как ей сперва показалось — невидимый во мраке потолок поддерживал целый лес чёрных колонн, что стояли кругами — и чем ближе круг к центру залы, тем меньше в нём этих колонн. Как рябь на воде или мишень для стрел... Стены цвета запёкшейся крови, зловещие чёрные колонны и жёлтый, почти домашний свет где-то невдалеке. Люди? Здесь? Быть может, они помогут ей найти выход? Какое-то подозрение зашевелилось в её душе. Люди... ей показалось, что лучше будет сначала понаблюдать за ними с безопасного расстояния.

Она подобралась поближе к свету, стараясь ничем не выдавать своего присутствия. Над её головой, словно копыя, кругами высились чёрные колонны, которые казались людьми, кружащимися в неистовом, но молчаливом танце.

В паре десятков шагов от себя она увидела шестерку людей, стоявших вокруг возвышения из белого камня. В свете костра — а теперь Сатин видела, что это был костёр — их лица казались неподвижными, лишёнными всякого выражения и жизни. Пятеро были облачены в жёлтые плащи и молча стояли, не говоря ни слова. Ещё один носил пурпурный плащ с капюшоном и с тревогой всматривался в алую мглу. Что-то было не так. Почему они молчат? Почему не двигаются? Рассудок подсказывал ей: беги, спрячься скорее, уходи отсюда — здесь опасно. Вместо этого Сатин укрылась за колонной и стала всматриваться в алый полумрак, пятно костра на фоне которого теперь походило на огромный глаз какого-то хищника. Пламя взревело, взметнувшись к потолку, и сквозь этот рёв до девушки донёсся новый звук, который с каждым мигом становился всё громче. Звук тяжёлых шагов по камню.

Из кровавого сумрака выступила процессия. Четыре широкоплечих носильщика медленно несли деревянный паланкин, закрытый занавесью из жёлтой ткани. Они ступали размеренно и чинно, словно находились на похоронах. Когда шествие приблизилось, яркое пламя осветило ближайшую пару носильщиков. Алые отблески огня лизнули широкие, ненормально огромные фигуры, озарили гладкие металлические тела и маски, за которыми

горели белые глаза. Бессмертные. По лицу Сатин заструился ледяной пот. Она хотела убежать, но какая-то сила невидимыми путами удержала её на месте. Мышцы одеревенели, руки и ноги перестали слушаться. В зале было тепло, но девушка чувствовала, как в её тело пробирается холод.

Кошмарные создания остановились и поставили свою ношу недалеко от возвышения, где горел костёр. Фигуры людей в плащах тут же рухнули на колени. Какое-то время все они лежали без движения, распростёршись на красном полу, и этот миг показался Сатин вечностью. Это всё неправда. Этого просто не может быть. Это сон. Кошмар. Просто страшный сон...

Один из Бессмертных выступил вперёд. Рука существа легла на нож в диковинных, покрытых странными письменами ножнах.

— Мы здесь по воле нашего господина. — заговорил Бессмертный голосом, похожим на шелест листьев на ветру. — Кто из вас Тот, Кто Даёт Ответы?

— Это я. — человек в пурпурном балахоне поднялся с колен и резким движением откинул капюшон. В свете костра его лицо казалось посмертной маской из бледной плоти и тёмных провалов на месте глаз.

— Тогда мой господин спрашивает тебя: кто ты?

Когда человек в пурпуре ответил, в его голосе на миг — всего на миг — прозвучала нотка неуверенности, за которой скрывался страх.

— Я... Я — Тот, Кому Даётся Слово. Я Тот, Который Знает Истину.

— Кто из Скованных должен явиться?

— Третий Пленённый, Кузнец Погибели.

Сердце Сатин пропустило удар, а затем забилося ещё быстрее. Кузнец Погибели... Непрощённый... Что здесь происходит? Что это за место?

— Знаешь ли ты о том, что делаешь здесь? Понимаешь ты, какие силы вовлечены в это?

— Знаю и понимаю — во благо наших повелителей.

— Готов ты отдать жизни своих соратников в обмен на силу, которой нет равных? Готов утолить голод Жаждущего?

Повисло страшное молчание.

— Готов.

Бессмертный выхватил нож и протянул его рукоятку вперёд человеку в пурпурном плаще. Тот принял оружие, с осторожностью хватаясь за покрытую письменами рукоять. В зале стало темнее — как будто клинок впитал в себя свет и сам стал алым, словно капля крови. Человек встал позади своих безмолвных товарищей, воздел руки вверх и запел. В его голосе звучала такая сила и власть, что сам воздух уплотнился и зазвенел, как натянутая тетива тугого лука. Песня была на незнакомом языке, но Сатин понимала каждое слово.

Я кланяюсь тёмному господину

Третьему из Семи, Ужасу Запада

Посланнику Ночи, Королю Ветра

Эйсиги, эйсиги, майдин кимреаг!

Побеждённому, но живому

Скованному, но свободному

Слепому, но зрячему

Эйсиги, эйсиги, теар ниблетах!

Фигуры в жёлтом стояли на коленях и раскачивались в такт словам этого дикого,

бесконечно древнего напева. Их глаза остекленели, головы запрокинулись назад, а руки безвольно свисали вдоль тела. Это ведь не по-настоящему... это кошмар... дурной сон, только и всего...

*Я кланяюсь тому, кто рождён в глубине
Кто правит ночью, а днём исчезает
Сын темноты, слуга бесконечного
Погибель людей, убийца воинов
Один из Семи, прими мою жертву!
Эйсиги, эйсиги, ллеар даналлин!*

Не прекращая своего пения, человек подошел к одному из людей в жёлтом, оттянул его голову вверх и полоснул ножом по горлу. Фонтаном забила алая кровь. Фигура в жёлтом обмякла, но не упала, а осталась стоять на коленях словно марионетка, поддерживаемая сверху невидимыми нитями.

*Я — кукла в руках твоих
Тень твоей тени, раб воли твоей
Ты — холод, ты — тьма, ты — пустота
Господин Ядовитого Копья
Тёмный как ночь, холодный как лёд
Эйсиги, эйсиги, ниям кадваллар!*

Следующая жертва даже не дёрнулась, когда красный клинок лишал её жизни. Человек в пурпурном убивал умело и не торопился, как если бы перед ним были не люди, а скот для убоя. Красная кровь ручьями стекала на пол. Сатин, которую ужас приковал к её укрытию за колонной, могла только стоять и безучастно смотреть на это не похожее ни на что действие, что разворачивалось прямо у неё на глазах.

*Прими тело моё, король королей
Кузнец Погибели, один из Семи
Я припадаю к ногам твоим
Покажи свою ярость, верни свою мощь
Эйсиги, эйсиги, нхадай киндруин!
Эйсиги, эйсиги, кинбальт лаухир!*

Несколько раз поднялся и опустился нож. Пламя взметнулось к потолку, как бушующее море. Фигуры в жёлтых плащах всё ещё стояли на коленях, хотя жизнь давно покинула их тела. Горла были перерезаны, из них толчками вытекала густая кровь.

Ритмичное биение вокруг стало громче и молотом било по разуму Сатин. Красная темнота торжествовала. Тук-тук. Ту-ту-тук. Тук-тук. Ту-ту-тук.

Волна ощущений накатила на девушку. Она понимала чувства человека в пурпурном плаще, ощущала его спрятанный в глубине души страх, его дикое, пьянящее ликование. *Я справился. У меня получилось, получилось, получилось...*

Жёлтая завеса паланкина еле заметно шелохнулась. От неё повеяло холодом, как от могилы, и сквозь эту чуждую, запредельную стужу в разум девушки ворвался тихий, почти не различимый голос.

Свободен... Ядовитое Копье будет в моих руках...

В один миг пламя костра погасло, зала оказалась погружена в вишнёвую ночь. Бессмертные пали ниц, склонившись к завесе, и их глаза казались белыми мотыльками, застывшими в кровавом мареве этого нереального места. Дыхание человека в плаще сбилось

и стало хриплым, прерывистым. К радостному предвкушению теперь примешивался чистый, животный ужас. Оцепенение прошло, и Сатин повалилась на пол, не в силах даже подняться на ноги. В ушах вновь зазвучал неразборчивый шум, похожий на чей-то шёпот, который с каждым мгновением становился всё сильнее.

Они ответят за всё. О, они пожалеют.

Скованные освободятся. Великая Цепь будет разбита.

Беги отсюда! Прячься!

Последние слова произнёс какой-то другой голос, но девушка не обратила на это внимание. Её взор был прикован к жёлтой завесе, которая сама по себе раздвигалась в стороны, обнажая того, кто всё это время таился внутри.

Из паланкина на каменные плиты ступила фигура в чёрном балахоне и глубоком капюшоне, и от неё исходил холод, сильнее которого не было ничего. Что-то новое дотронулось до разума Сатин — что-то бесконечно холодное, властное и могущественное. Перед мысленным взором девушки проносилась вереница образов — жёлтая змея, плачущая кровавыми слезами, молот и наковальня, исполинское копье цвета пурпура и стекающая с его наконечника чёрная отравка, раскалённый кузнечный горн и нечто такое, чего девушка не могла понять.

Они заплатят за всё. Месть всему роду людскому... четыре тысячи лет в пустоте... о, они заплатят.

Фигура неподвижно стояла перед Бессмертными, как громадная глыба чёрного льда, и в этой неподвижности было что-то чуждое, несовместимое со всем тем, что называется жизнью.

Развалины Гранниаса... наследники Благих... они пожалеют. Люди будут страдать, страдать, страдать...

Человек в пурпурном одеянии устремил взгляд на чёрную фигуру. Он медленно опустился на колени и двумя руками протянул нож, красный от свежепролитой крови.

— Повелитель... — голос его сорвался и задрожал в почти молитвенном экстазе. — Вы вернулись к нам... Вы освободились... Да восславится Жажущий, Кузнец Погибели!

Бессмертные воздели к потолку свои серебристые руки, их голоса зазвучали в унисон:

— Да вернётся повелитель! Да погибнут враги его! Да сгинет Творец Творения! Славься, Кузнец Погибели, Третий из Непрощённых!

А потом чёрная ткань соскользнула с руки этого существа. Длинные, тонкие пальцы мертвенно-белого цвета с бесконечной неторопливостью потянули на себя балахон, который всё падал, и падал, и падал на красные камни...

Затем всё смешалось. Страх человека в плаще, ужас Сатин и холодное ликование фигуры, которая выросла в тысячу раз, заслонив собой весь мир, ледяным призраком нависая над чёрными колоннами и всем творением.

Ядовитое Копье... люди будут страдать... свободен, свободен, свободен, свободен... Плеу лау иллин. Я иду. Эйсиги, эйсиги, ниама кадваллар.

Сатин бросилась прочь в кровоточащий мрак, желая только одного — убежать, уйти от Бессмертных и от чудовища, что торжествовало у паланкина. Она бежала, падая и поднимаясь, ритмичное биение стало непереносимым и заглушило собой все остальные звуки. Тук-тук. Ту-ту-тук. Тук-тук. Ту-ту-тук.

Тьма поглотила огнепоклонницу, скрыв от неё бледную тварь, страшнее которой был только вечный холод.

Глава двенадцатая. Лики на стене

Меня беспокоят препятствия, с которыми я сталкиваюсь, ведя своё исследование. Или лучше сказать — расследование? История Войны Лжи и Предательства привлекает не только моё внимание. Я чувствую — кто-то следит за мной. Не знаю, как это объяснить... словно кто-то хочет остановить меня. Вчера один из Иерархов намекнул мне, что мои изыскания ставят под сомнения авторитет Благой Веры и Церкви Истин. Достаточно очевидный намёк — но зачем? Мои поиски преследуют лишь одну цель — понять, что может угрожать миру, если Война Лжи была именно тем, о чём я думаю.

Я не могу отказаться от посещения Дома Мудрости. Мне кажется, я скоро найду то, что ищу.

Солнце поднялось высоко над городом, когда Рейн проснулся. Юноша потянулся и с удовольствием отметил, что чувствует себя бодрым и полным сил — возможно, из-за того, что первый раз за много дней смог поспать в настоящей постели. Он встал, оделся и выглянул из окна. Город, словно оправдывая своё название, уже проснулся и гудел на тысячи голосов — в Уладе бродячие певцы называют такое “гудит, как рассерженный улей”. На улицах уже собиралась толпа — люди спешили увидеть, как в город прибудет наместник из столицы. Как понял Рейн из вчерашнего разговора, сегодня город будет встречать нового правителя, которого назначил сам император вместо старого наместника.

Праздничное настроение разделяли далеко не все жители. Если кайсарумцы весело шутили, смеялись и размахивали небольшими флажками с гербом Лепты Великой, то Люди Лодок, похоже, не очень-то радовались внезапной смене власти в городе. Годы унижений приучили их избегать опасности, так что теперь группки этих высоких смуглых торговцев спешили покинуть людные места. Надо бы Хэммона расспросить... Рейн заметил, что солдат будто бы стало больше по сравнению со вчерашним днём — отряды пехоты в пурпурных доспехах куда-то целеустремлённо двигались, обращая на горожан не больше внимания, чем на выводок утят, переходящих дорогу. И повсюду мелькали флаги с каким-то гербом — орёл, зажавший в своих когтях руку, золотой на красном. Странная эмблема. Не похожа на флаг Кайсарума — кажется, на нём птица была с оливковой ветвью... может быть, он что-то путает? Рейна никогда не интересовали геральдические тонкости, тем более в чужой стране. На улице было почти тепло, и Рейн решил, что это хороший знак. Сегодня им можно немного отдохнуть — Хэммон весь день проведёт в канцелярии наместника, будет решать вопрос с пропуском. И зачем сколько работы с бумагой? Да уж, Кайсарум — это совсем не маленькая Улада.

Рейн вышел из комнаты и направился по коридору в сторону лестницы. У комнаты Сатин на третьем этаже он остановился. Его беспокоило поведение девушки — в последнее время та держалась довольно отстранённо, ни с кем подолгу не разговаривая, а вчера вечером самой первой покинула их, сказав, что плохо себя чувствует. Юноша постучал и, не дождавшись ответа, толкнул дверь — та тотчас же распахнулась. В комнате никого не было. Кровать аккуратно застелена, на столике лежит почти не тронутый завтрак. Странно... Он немного постоял, а затем направился вниз — на первый этаж гостиницы.

Спускаясь с лестницы, Рейн слышал приглушённые голоса, идущие с первого этажа.

— ... так что теперь мы можем не опасаться, что нас кто-нибудь узнает. — говорил один.

— Только не говори, что ты не боишься, — отвечал ему другой. Рейн замер. Хэммон! Не слишком хорошо понимая, зачем он это делает, юноша спустился на несколько ступенек вниз и замер.

— Это не обычная смена наместника. — говорил Контрабандист. — И этот Рамелис — не просто очередной влиятельный военачальник. Он — настоящий правитель Кайсарума. Именно он, а не император.

— Так ты сможешь раздобыть нам пропуск? — голос Мидира было ни с чем не спутать.

— Теперь — не знаю... — Хэммон немного помолчал, а затем продолжил: — Я поговорю с начальником городской стражи — у меня с ним есть кое-какие общие дела. И подниму своих должников в канцелярии.

— Ты уже знаешь про Конна? — В голосе отшельника Рейн различил тревожные нотки.

— Знаю. Зилач прислал голубя. Не понимаю, как это могло произойти? Бедняга жил на отшибе — даже в ваш забытый Лунами Кельтхайр попасть легче, чем в его лесную берлогу... от всех прятался... впрочем, ты сам там недавно был. Как он умер?

— Не знаю. Просто пропал — и всё. Я вёл Рейна и авестийку в его дом, думал — найдём там укрытие...

— И как? Нашли?

— Найти-то нашли... да только к нам Бессмертный заявился — я об этом уже говорил. Не нравится мне всё это... Сначала мы потеряли Лиммена, затем — Конна...

— Думаешь, кто-то открыл на нас охоту? Кто-то, кто знает о Дол Аммертайл?

— Придётся тебе это выяснить, Хэм. К концу осени мы уже будем в Авестинате.

— Тебе ещё не надоели эти глупые игры? Всё никак не перестанешь строить из себя тонкого политика? Не думаю, что Рейну найдётся место при дворе Совершенного. Этот парень даже не авестиец, он не подойдёт для твоих интриг вокруг Престола Истин.

— Сейчас — нет. Но потом, когда он освоится... Иеромагов мало, на Западе — тем более. Я смогу договориться со старым Тансаром. Если ввести Рейна в его свиту и...

— И что? Использовать против Его Святейшества? Хирам сокрушит нас, как в прошлый раз.

— Сейчас как раз подходящий момент. Хашанг на нашей стороне — а у него связи с монастырями Шапурабада...

Какие-то наместники, Совершенный... о чём они говорят? Рейн захотел спуститься вниз и обо всём расспросить отшельника, но в последний момент передумал — что-то подсказывало ему, что этот разговор не предназначался для его ушей. Вместо этого он прислушался, стараясь не пропустить ни слова.

— ...мол, не надо было ему ввязываться в дела, которые его не касаются. — голос Мидира. — Что ты об этом скажешь?

— Я скажу, что ты становишься таким же подозрительным, как старина Лиммен.

— С чего бы?

— Все эти твои бредни... о Непрощённых и Великих Копьях... неужели ты правда веришь в то, что они вернутся?

— Лиммен верил — а он был мудрее всех нас.

— Умнее — да. Но не мудрее. Мудрый человек понимает, когда ему следует остановиться. Что до Лиммена, то он никогда не умел ставить себе границы. Это его и погубило. Ну да ладно... скажи, когда ты раскроешь правду своим подопечным? О нашем изгнании из Дворца Истин?

— Не раньше того, как мы туда прибудем. Сейчас им рано знать обо всём этом — правда может сломать их. Особенно Сатин. Знаешь, меня беспокоит эта огнепоклонница. Она...

Рейн подался вперёд. Ступенька скрипнула. Голоса тотчас стихли.

— А вот и наш уладский заклинатель! — Хэммон улыбнулся. Как и вчера, он был одет со вкусом, но на сей раз на нём оказался жёлтый бархатный камзол и зелёная накидка из тонкой шерсти. — Мы как раз обсуждали планы на сегодня. Мы с Мидиром отправимся в канцелярию. Что до тебя, то ты можешь провести этот день так, как захочешь. Сегодня в городе праздник — День Десяти Лун. Думаю, тебе это понравится — столько разных развлечений...

— Где Сатин? — спросил Рейн Мидира, стараясь не обращать внимания на слова Хэммона. Он ещё не знал, как относиться к Контрабандисту. Конечно, Хэммон был давним другом Мидира и с высшей степенью учтивости общался со своими внезапными гостями, но что-то в его поведении настораживало Рейна. Хэммон выглядел слишком расслабленным и невозмутимым, словно холёный рыжий кот. И эти его глаза, которые, казалось, выуживают из собеседника все тайны...

— Она ещё утром ушла в город. — ответил отшельник. Лицо Мидира было непроницаемо — если он и удивился появлению Рейна, то виду не подал. — Сказала, что хочет разыскать Дом Десяти Лун — это такая местная святыня, его ещё Люди Лодок построили.

— Уверен, твоя подружка сейчас там. — добавил Хэммон.

— Сатин — не моя подружка! — возмутился Рейн.

Глаза Контрабандиста лукаво блеснули.

— Да, ты, конечно же, прав. Я просто хотел сказать, что её будет несложно найти — храм расположен в центральной части города. Иди по главной улице — не ошибёшься.

Рейн понял, что Мидиру с Хэммоном не терпится продолжить их беседу, и его присутствие здесь нежелательно. Юноша взял с собой мешочек монет, запахнулся в плащ — так, чтобы рука в случае чего свободно легла на рукоять меча — и покинул гостиницу.

Довольно скоро он нашёл главную улицу, которая была заметно шире остальных, и позволил людскому потоку вести себя. Толпа продвигалась на север, к главным воротам, и с каждой минутой становилась всё плотнее. На лицах горожан было написано возбуждение, смешанное со смутной тревожностью. Почти каждый здесь был кайсарумцем — плечистым, с оливковой кожей, тогда как более смуглые и гибкие Люди Лодок выделялась среди своих завоевателей. На глазах Рейна стражник в кольчужной рубахе будто бы случайно толкнул одного из Людей, пожилого мужчину с седой бородой, так что тот охнул от боли и осел прямо на мостовую.

Толпа брызнула во все стороны. Вокруг старика и стражника тотчас же образовалось пустое пространство. Горожане просто обходили их, даже не удостоив взглядом — видимо, в Лепте Великой такие сцены редкостью не были. Рейн почувствовал, как в нём поднимается возмущение. Вот так просто ударить человека... Может, помочь? Но ведь Мидир ясно сказал — не привлекать внимания...

— Что, старче, не поделили что-то? — усмехнулся стражник. Его широкое, изрытое оспинами лицо исказила злоба. — Проклятые Люди Лодок! Наместник приказал, чтобы вашего племени не было на улицах в день его прибытия.

Старик что-то пробормотал на странном гортанном наречии. Его узловатая рука

дёрнулась вверх, прикрывая лицо.

— Ты что, оглох?! — прошипел солдат. В его руке словно из ниоткуда возникла тяжёлая гладкая палка. Он размахнулся и с силой ударил лежащего. Жители города заторопились кто куда, словно каждый вдруг вспомнил о каком-то срочном деле. Никто не возмутился. Даже старик не кричал, а только прикрыл глаза и тихо стонал, когда палка снова и снова опускалась на его спину.

— Стойте! — выпалил Рейн. — Остановитесь! Он шагнул к стражнику и встал между ним и лежащим на земле стариком. Солдат остановился, удивленно глядя на юношу. Палка, занесённая для удара, зависла в воздухе.

— Отойди, — сказал он отрывисто. — Не мешай мне, чужеземец.

— Не бейте его! — повторил Рейн. — Я... я могу заплатить. Только не трогайте его.

Он замолчал, ожидая, что стражник снова ударит жертву. Тот нахмурился, но палку опустил.

— Заплатить, говоришь... — стражник облизнул губы. В его глазах появился алчный блеск.

Рейн вытряхнул из мешочка горсть серебра и торопливо протянул стражнику. Тот тут же сгреб монеты в кулак.

— Странные вы, чужеземцы. — он презрительно посмотрел на Рейна. — Ладно, забирай этого старого пса. И смотри, чтоб больше я тебя тут не видел.

Повернувшись к Рейну спиной, стражник в последний раз бросил взгляд на старика и зашагал к воротам. Только сейчас юноша понял, что остался почти один — улица опустела, жители либо куда-то ушли, либо скрылись в своих домах.

Рейн, как во сне, подошёл к старику. Тот всё так же лежал на спине, раскинув руки. Глаза были закрыты, изорванная одежда была вся в крови и пыли. Он не может умереть, думал Рейн. Я не могу этого допустить. Не могу. Почему-то он чувствовал себя в ответе за жизнь этого незнакомого человека, ощущал свою вину за несправедливость, которая произошла на его глазах.

Рейн присел на корточки, и, наклонившись, помог старику встать.

— Благодарю тебя, юноша. — сказал старик, поднимаясь на ноги. — Если бы не ты, этот солдат бы меня убил.

Лицо его было изрезано морщинами, а длинная седая борода давно не видела гребня.

— Почему вы не защищались? — спросил Рейн.

Старик посмотрел на него с удивлением:

— Я не мог.

Рейн опешил.

— Но почему?

— Потому что я стар. У меня есть семья, внуки. Я не могу допустить, чтобы они пострадали. Ни один из Людей Лодок не в праве поднять руку на кайсарумца — так приказал император. Скажи... как зовут тебя, добрый незнакомец?

— Я Рейн. — ответил юноша. Теперь, после того, как стражник ушёл, он не желал скрывать своего имени. — Из Улады.

— Послушай, Рейн — сказал старик, глядя ему прямо в глаза, — ты спас мне жизнь. Такого не забывают. Если вдруг тебе нужна будет помощь, найди таверну «Холодное Железо» и спроси Амессана из Тебесса — так меня зовут. Я двадцать лет работал в кузне и знаю толк в хорошем железе.

— Благодарю тебя, мастер, — ответил Рейн, — но мне ничего не нужно. Я только хочу найти Дом Десяти Лун.

— Древний храм? — переспросил Амессан, наморщив лоб. — Ну что ж, я могу показать тебе дорогу. Иди вперёд, потом сверни налево — и увидишь храм. Это очень старое здание, его ни с чем не спутаешь.

Рейн повернул голову — и правда, вдалеке виднелись очертания какой-то постройки, сложенной из красного камня, которая возвышалась над остальными домами. Юноша было хотел поблагодарить старика, но тот исчез, словно его никогда и не было.

— Спасибо тебе, мастер Амессан, — пробормотал Рейн, направляясь к храму. Ему было не по себе. Несмотря на то, что день только начался, Лепта Великая теперь казалась ему не таким прекрасным местом, как в день их приезда. Теперь он чувствовал на себе враждебные взгляды — каждый стражник, каждый отряд солдат напоминал ему о той сцене, свидетелем которой он только что стал. Юноша удивился, увидев, что горожане как ни в чём ни бывало разгуливают по улицам, ведут беседы, продают и покупают товары. Как они могут быть такими беспечными, когда в их городе царит жестокость? Это природное высокомерие, присущее победителям по отношению к побеждённым — или что-то иное?..

Улица, по которой он шёл, плавно поднималась вверх, становясь всё более извилистой и узкой. Храм располагался на холме в центральной части города, и Рейну пришлось долго взбираться по ступеням, прежде чем он добрался до входа.

Храм высился над городом, словно гора. Это было высокое, похожее на крепостную башню здание из красного камня. Когда-то давно стены были украшены резьбой, но время и непогода стерли ее, оставив лишь грубые очертания фигур и символов, о значении которых оставалось только догадываться. Время не пощадило это строение. В давние времена храм был выложен красными плитами, но теперь многие из них осыпались и лежали на земле. В стенах зияли многочисленные дыры. Ряд узких, похожих на бойницы окон был забран решеткой, которая, впрочем, давно покрылась пятнами ржавчины. Потрескавшиеся, потемневшие от времени, эти руины всё ещё хранили остатки былого величия. Рейн в задумчивости стоял у входа, который напоминал пасть чудовищного зверя — пасть, жадно распахнутую в ожидании того, кто осмелится войти.

— Бейт-Шам-Адар. — знакомый голос вдруг вывел Рейна из задумчивости. — Дом Десяти Лун.

Он резко обернулся. Рядом стояла Сатин, разглядывая разрушенное сооружение.

— Ты тут давно стоишь? — спросил он, пытаясь скрыть волнение. Почему-то вдруг стало очень важно, чтобы она не видела его растерянности. — Я... я не заметил, как ты подошла.

Огнепоклонница пожала плечами. — Не знаю. Наверное, долго. — она помолчала. — А ты?

— Я здесь недавно. Искал тебя. Мидир с Хэммоном беспокоились.

Сатин подошла к нему поближе и взглянула на храм. На лице ее отразилась какая-то затаенная грусть. — Я давно хотела сюда попасть. — девушка обернулась и посмотрела ему прямо в глаза. — Бейт-Шам-Адар — напоминание о великом зле, которое сотворили люди. После Войны Лжи и гибели Непрощённых. Пойдём со мной. Я хочу тебе кое-что показать.

Она шагнула во мрак прохода, потянув за собой Рейна, который последовал за ней, не колеблясь.

Изнутри храм выглядел точно так же, как и снаружи, — величественно и строго. В

просторном зале царила тишина. Свет проникал внутрь только через узкие окна, расположенные высоко под потолком. Стены храма покрывали фрески, смысл которых был для Рейна непонятен.

Зачем мы здесь? — спросил Рейн, когда глаза немного привыкли к полумраку. Его голос гулко отозвался под сводами, и эхо заметалось меж каменных стен.

— Смотри. — Сатин указала на дальнюю стену, фрески которой сохранились лучше всего.

Рейн подошёл поближе и взгляделся в изображение, которое было едва различимо сквозь слой пыли. Оно было разделено на две части и когда-то производило на посетителей храма неизгладимое впечатление. Справа на фоне голубого неба с белыми облаками в окружении могучих деревьев стояло девять человек. Все они носили длинные белоснежные одежды, их лица были суровы и спокойны, а руки воздеты к небу в молитвенном жесте. Юноша взгляделся в одну из фигур. Это был мужчина, его лицо светилось спокойствием и умиротворением. В нём чувствовались сила и власть. Он был облачён в длинный белый плащ, который ниспадал на землю, словно огромные крылья, на его голове был серебряный обруч, украшенный драгоценными камнями. Мужчина стоял в центре группы, из-за чего казалось, что он руководит остальными. Справа от него стояла женщина. Она была так же прекрасна, как и её спутник, карие глаза сияли внутренним светом. Длинные светлые волосы волнами ниспадали на плечи, а вот в глазах застыла скорбь.

Это... — начал Рейн, — это же...

— Да, — кивнула Сатин. — Это Благие.

Юноша перевёл взгляд и вздрогнул. Всю левую половину стены занимало изображение семи человек, чёрные одеяния которых были перехвачены алыми поясами, а лица закрыты масками, ещё более мрачными, чем одежда. Из-под тёмного металла на Рейна смотрели глаза цвета расплавленного золота. По его спине прокатилась волна озноба. Он коснулся изображения, но тут же отдернул руку — ему показалось, что от стены потянуло холодом.

— Семь Непрощённых... — прошептал он, не в силах отвести взгляд от этих глаз. — Они... они как будто видят меня... Он тряхнул головой и отвернулся, стараясь не смотреть на эти страшные глаза посреди тьмы. — Почему они так похожи друг на друга?

— Авестийские каноны живописи. — Сатин старалась говорить как можно тише, словно боясь, что её голос может оживить тёмные фигуры. — Непрощённые всегда рисуются одинаковыми, чтобы показать, как Преображение исказило их. Только во Дворце Истин, в покоях самого Совершенного, эти предатели изображены людьми.

— Это... это завораживает. — Рейн посмотрел на огнепоклонницу. — Скажи, зачем ты меня сюда привела?

— Бейт-Шам-Адар был построен уже после Войны Лжи, когда Люди Лодок три века назад высадились здесь и основали Цор. Они были великими мореходами и прекрасными мастерами. Их фрески... они должны были уцелеть. — Лицо Сатин было печально.

Рейн не знал, что сказать. Он просто смотрел на нее, впитывая каждое слово. Сатин подошла к стене и провела рукой по шершавой поверхности.

— Когда Цор пал, то легионеры Кайсарума разрушили всё, что напоминало им о величии этого города. Эти руины — последнее, что осталось на Западе от моей веры. Для нас гибель Цора — символ бессмысленной жестокости.

Когда Рейн снова взглянул на Сатин, он увидел, что ее глаза полны слез. Она смахнула их и отвернулась.

— Сатин, я... я сожалею. — Рейн взял её руку в свою. К его удивлению, девушка не отстранилась. — Послушай... если тебя что-то беспокоит, то просто скажи мне. Не закрывайся в себе. Поговори со мной.

Сатин вздохнула. На её лице отразилась боль, но она кивнула. Рейн не мог сказать, что это было: боль воспоминаний о погибшем городе или что-то другое.

— Я должна тебе кое-что сказать. Иногда... иногда мне снятся странные сны.

Рейн нахмурился. Сны. Он не знал, что и думать.

— О чём эти сны?

Она посмотрела на него с таким видом, словно пыталась вспомнить, когда они виделись в последний раз, и в конце концов покачала головой.

— Я не знаю. Не понимаю. Я помню только, что они тревожные и всегда связаны с чем-то ужасным. С Непрощёнными.

Юноша невольно покосился на семь фигур в масках, что темнели на стене, но тут же отвёл глаза — выдержать взгляд этих существ, пусть даже и нарисованных много веков назад неизвестным мастером, было непросто.

Они возвращались в дом Хэммона по той же улице, на которой Рейн спас жизнь Человеку Лодок. Юноша рассказал Сатин об этом происшествии, и та одобрила его решение.

— Ты всё правильно сделал. — Она серьёзно посмотрела на него своими серыми глазами. — Этот старый человек нуждался в помощи и без тебя погиб бы. Совершенный говорит: единственный способ помочь себе — это помогать другим людям. Вредить всегда легко, а помогать — трудно.

Рейн кивнул, соглашаясь. После их разговора в храме на душе стало как-то светло. Путешествие в Авестинат, Бессмертные, их неизвестный хозяин — всё это на какое-то время стёрлось, отступило на второй план. Он покрутил головой, разглядывая пёструю толпу. Что-то переменялось в настроении горожан. Утреннее веселье исчезло с их лиц и уступило место плохо скрытому страху. Люди старались плотнее прижаться друг к другу, словно стараясь защититься от невидимого холода. Дети, ещё вчера игравшие на улице, теперь держались за юбки матерей. Даже богачи в своих искусно украшенных повозках выглядели испуганными, подгоняя извозчиков. В воздухе чернильным пятном разлилась тревога.

— Что случилось? — спросил Рейн у одного из прохожих. Тот не ответил, лишь втянул голову в плечи и, озираясь по сторонам, поспешил скрыться.

Откуда-то издали раздавался приглушённый рёв труб. Послышался резкий окрик: — На колени! Все на колени!

По рядам пробежал шёпот, в толпе произошло какое-то движение. Горожане расступались, давая дорогу кому-то, кто двигался со стороны городских ворот. Люди в страхе падали на колени и опускали головы. — Все на колени! На колени! — гремел голос, и его требовательный тон эхом отдавался у юноши в голове. Краем глаза Рейн заметил, как Сатин склонилась в торопливом поклоне, и тут же последовал её примеру. Вновь взревели трубы. Он хотел взглянуть на того, кто приближался к ним, но, но Сатин схватила его за руку.

— Не смотри туда, — проговорила она. — Поклонись, Рейн.

— Что происходит? — прошептал он в ответ.

— Просто поклонись. — Рейну показалось, что руки огнепоклонницы дрожат от страха.

Он увидел, как по улице медленно продвигалась вереница всадников. Они были

облачены в пурпурную броню и держали в руках плети, которыми хлестали тех, кто поклонился недостаточно низко. За ними следовало восемь носильщиков, которые, напрягая все свои силы, несли закрытый жёлтой завесой паланкин.

— На колени! — возвещали всадники, когда их плети со свистом рассекали воздух. — На колени!

Когда отряд приблизился, ветер разнёс по улице запах ладана, исходивший от носилок. Внезапный порыв на миг приоткрыл завесу, и Рейн увидел бледное лицо мужчины, который сидел, откинувшись на подушки. Глаза юноши встретились с глазами человека в паланкине, и тот, словно почувствовав это, медленно повернул голову. Взгляд его был столь пронзителен, что Рейн вздрогнул, как от удара, и ещё сильнее вжался в землю. Перед его мысленным взором возник образ Бессмертного с его сияющими белым огнём глазами-точками. Юноша долго лежал, распростёршись в пыли вместе с остальными горожанами, и, когда носилки скрылись в переулке, не сразу смог заставить себя подняться на ноги. По пути до таверны Хэммона Сатин ничего не говорила, но то и дело озиралась по сторонам и не отпускала руку Рейна до того момента, как они оба не ввалились внутрь, тут же закрыв за собой дверь. На город опускались сумерки, и им казалось, что ветер стал холоднее и шептал: — На колени... на колени...

Глава тринадцатая. Ошибка

Я допускаю, что в наше время могут существовать отголоски той стародавней тьмы, которая бросила вызов Благим и всему человечеству. Семёрка отступников с их могущественной магией... могли они если не уцелеть, то что-то оставить после себя? Что-то такое, что даже через четыре тысячи лет после той войны оказывает на мир определённое влияние? Завтра снова иду в Дом Мудрости. Хочу отыскать какие-то зацепки в книгах о Непрощённых, найти закономерности.

Четыре дня прошло с прибытия в Лепту Великую нового наместника, а Рейн всё никак не мог забыть тот жёлтый паланкин и сидящего в нём человека. Сон юноши стал беспокойным, он не раз видел в своих кошмарах тот острый, ненавидящий взгляд, который тогда так напугал его. Рейн старался убедить себя, что это была случайность, игра света — и не верил самому себе. Тот человек видел его тогда. Видел. Было в нём что-то странное, но Рейн ещё не мог понять, что.

Сатин оказалась даже более впечатлительной. Огнепоклонница старалась избегать разговоров о жёлтом паланкине и его хозяине. Рейн был уверен, что девушка чувствует то же самое, что и он, но молчал — ему совсем не хотелось лезть в чужую душу после того разговора под сводами разрушенного Бейт-Шам-Адара. Пусть она сама раскроет причины своих страхов, когда будет готова поговорить с ним.

Мидир с Хэммоном постоянно пропадали в порту и канцелярии, и по возвращении в “Кошкин дом” на их лицах неизменно лежала печать тревоги. Несколько раз в день они запирались в кабинете Контрабандиста на втором этаже и что-то обсуждали, так что до самой ночи из-за тяжёлой дубовой двери слышались их приглушённые голоса. Рейн уже привык к тому, что Мидир и Хэммон не любят распространяться о своих делах, но всё же эти двое были даже более скрытны, чем обычно. Несколько раз Рейн пробовал подслушать их разговоры, но ему удалось разобрать лишь обрывки фраз и ещё одно слово. Необычное слово.

Аннуин.

Всё это было очень странно. Аннуин... Что-то знакомое. Рейн мог поклясться, что когда-то слышал об этом. Но что это или кто — не помнил. Память подсказывала, что слово как-то связано с Зилачем и его историями, но его значение слова ускользало от Рейна.

В конце концов юноша не выдержал и поинтересовался у Мидира:

— Что это за секреты? Почему вы нам ничего не говорите?

— Ничего особенного, — ответил тот, даже бровью не поведя. — Мы с Хэммоном... говорили о политике. Да. Кайсарумская политика, только и всего.

С того дня они перебрались в другую комнату, и Рейн не смог больше ничего разузнать.

Отшельник запретил им покидать таверну без особой причины, и теперь Рейн всегда совершал редкие прогулки вокруг здания в сопровождении пары молчаливых, плечистых Людей Лодок с ножами на поясах. До путников доходили вести, и все — недобрые. В Уладе шла война, тэн Элиас, который именовал себя Чёрным Солнцем, нанёс королю Лугайду несколько чувствительных поражений. В список тревог Рейна добавилась ещё одна — страх за сестру. Кельтхайр был слишком мал, чтобы привлечь внимание тэновых дружин, но легче от этого не становилось. Чтобы как-то отвлечь себя от мрачных мыслей, юноша нередко уходил во двор и тренировался с мечом до тех пор, пока боль в мышцах не загоняла его

обратно в дом. Каждый день он брал у Сатин уроки авестийского языка и Иеромагии и вскоре мог выполнять простенькие фокусы, заставляя воду принимать то одну, то другую причудливую форму.

В одно утро Рейн сидел в своей комнате на втором этаже и упражнялся с водой. На улице было пасмурно, шёл дождь, и юноша просто наблюдал за тем, как бьют по стеклу крупные капли.

— *Яшар мар ши 'им.* — “Вода, повинуйся мне”.

Капли за окном начали замедлять своё падение, повинуюсь звукам Священного Наречия. Водяные шарики будто липли друг к другу, формируя один шар побольше, который затем принял форму человечка с копьем в руках. Рейн улыбнулся. Он шевельнул пальцами — и прозрачный воитель просочился через стекло, зависнув над потолком.

Дверь распахнулась.

От неожиданности Рейн потерял контроль над заклинанием, его творение тут же распалось на сотню капель, которые упали на пол, вызвав возмущённое мяуканье лежавшей у камина кошки.

На пороге стоял Мидир. У пояса — меч, борода всклокочена, за плечами — походный мешок.

— В чём дело?

— Нас нашли. — хмуро ответил отшельник. — Мы уходим из Лепты Великой. Бери свои вещи — и во двор.

— Бессмертные? — спросил Рейн, торопливо собирая одежду. Он почувствовал, как сердце кольнула игла тревоги. Рука сама собой потянулась к мечу.

— Нет. Кайсарумские легионеры. Каким-то образом наместник узнал о нас.

— Но мы же ничего не сделали! Мы же...

— Наместник приказал схватить всех Иеромагов в городе. Быть может, он служит Бессмертным... или они ему — я не знаю.

Во дворе их ждали Сатин и Хэммон. В кольчуге и с мечом в руке, Хэммон выглядел настоящим воином.

— Я буду помнить о твоей помощи, друг. — сказал Мидир, глядя Хэммону прямо в глаза. — Если бы не ты, мы бы уже давно оказались в руках Бессмертных.

— Люди Лодок всегда платят свои долги. — тихо ответил Контрабандист. — Отведи этих двоих в Авестинат. Я со своими людьми буду биться здесь, когда наместник пожалует ко мне. Остался ещё один должок... Кайсарум заплатит за гибель Нового Города.

— *Салтиг Цор гдола.* — прошептал отшельник. — Да помогут тебе Луны, сын разрушенного Цора.

В полном молчании они вывели коней из конюшни и двинулись в путь.

— Всё зависит от того, сумеем ли мы выбраться из города. — сказал Мидир, привстав в седле. — Если наместник перекроет ворота, то нам останется только сдаться или принять бой.

— Творец Всеблагой, смилуйся над нами... — пробормотала Сатин. — Укрой нас своим сиянием... Девушка нервно повела головой: прямо перед ними улицу пересекал отряд воинов с мечами наизготовку.

Мидир пробормотал ругательство и махнул рукой, указывая налево. Их маленький отряд свернул на другую улицу, и какое-то время все ехали молча, петляя по кривым переулкам и вздрагивая при каждом шорохе. Рейн чувствовал, как с каждой минутой его всё сильнее

охватывает беспокойство. Его меч был скрыт под плащом, но он отдал бы всё на свете за то, чтобы ощутить тяжёлую сталь в руках. Терзаясь смутными предчувствиями, он повторял про себя все известные ему заклинания, то и дело сбиваясь и начиная сначала. Было раннее утро, и на улицах попадались только редкие прохожие, которые из-за тумана казались юноше призраками из древних эпох. Необычная смена погоды беспокоила Рейна: в Уладе туманы, да ещё и весной, были большой редкостью. Они ведь сейчас не так далеко от его родины... может, это всё из-за того, что Лепта Великая стоит на морском берегу?

Наконец впереди показались ворота. Рейн подавил вздох облегчения, когда увидел, что решётка поднята: значит, они смогут покинуть город! Он уже собрался сказать об этом Мидиру, как услышал стук копыт по камню. Юноша резко обернулся и увидел, что прямо на них мчатся конники в алом.

— Прорвёмся! — сказал отшельник. — К воротам, быстро!

Рейн вцепился в поводья и изо всех сил всадил ноги в бока своего коня. Троица мчалась к воротам, а сзади доносилось лошадиное ржание, крики людей и тяжёлый бой городского набата. Выход из города оказался перекрыт отрядом стражников с мечами. Сердце юноши пропустило удар, когда решётка дрогнула и мало-помалу начала опускаться. Слишком поздно. Они не успеют.

Рейн в отчаянии бросил взгляд на ворота: опускающаяся решётка, шеренга воинов с клинками наголо, пара бочек с водой...

Вода.

Рейн вскинул руку и, собрав в кулак всю свою волю, воскликнул: *Шаар ма'далот! Яшарнин шаггай!*

Открой ворота. Вода, сокруши их.

Вода фонтаном взметнулась вверх. Её потоки, меняясь и извиваясь, приняли форму двух огромных щупалец. Рейн махнул рукой, и одно из них обрушилось на легионеров. Шеренга тут же распалась, в рядах солдат воцарилась паника. Кто-то пытался устоять на ногах, кто-то бежал. Рейн ещё раз махнул рукой, направляя своё новое оружие.

На глазах изумлённых стражников водяное щупальце дёрнулось, развернулось и ударило по воротам. Металл прогнулся под напором огромной силы. Раздался страшный скрежет, и решётка разошлась на две части, словно разрубленная напополам исполинским мечом. В образовавшийся проход тут же кинулся Мидир, за ним — Сатин с Рейном. Они подгоняли своих лошадей, а сзади доносились крики людей, резкие как хлыст приказы и тяжёлый колокольный звон.

Они скакали и скакали, и только когда стены Лепты Великой остались позади, скрытые завесой тумана, Рейн позволил себе остановиться и без сил упасть прямо на траву.

— Ты в порядке? — Сатин обеспокоенно покосилась на юношу.

— Да. — ответил он. — Только голова слегка кружится.

— Твоя Иеромагия... никогда не видела ничего подобного! Как ты до такого додумался?

— Не знаю. — честно ответил Рейн. — мне просто захотелось прорваться через строй солдат — и тут я решил, что можно сотворить щупальца...

— Впечатляющая способность для такого неопытного мага, как ты. — заметил Мидир. — Проклятый наместник... теперь нам нельзя оставаться здесь.

Рейн поднялся с земли и прислонился к одиноко стоящему дереву. Его мутило, но слабость мало-помалу отступала.

— Значит, всё зря? Мы не сможем добраться до Авестината?

— Сможем. — отшельник посмотрел в сторону городских стен. — Придётся ехать на юг, к Гадрамету, и там искать способ пересечь море. Будем стараться, чтобы Бессмертные и их хозяин вновь нас не обнаружили.

— Они о нас теперь знают... — пробормотала Сатин. — Наши враги... они же отправят за нами погоню.

— Ничего страшного. — успокоил её Мидир. — В этом проклятом тумане им нас не найти.

Рейн посмотрел на своих друзей и увидел, что между ними словно натянуто прозрачное одеяло. Он ещё ни разу не видел, чтобы туман густел настолько быстро.

— Давайте поторопимся. — предложил отшельник. — К вечеру нам лучше быть как можно дальше отсюда.

Они продолжили путь и старались ехать так быстро, как это позволяла завеса тумана. Время от времени позади них доносились звуки преследователей — ржание лошадей, приглушённые возгласы всадников — и Рейн переходил на рысь, стараясь не упустить из виду своих товарищей. Водяные щупальца и долгая скачка отняли у него много сил, так что он старался держаться в седле, прильнув к шее своего коня. Впереди маячили тонкая фигурка Сатин и широкая спина Мидира, и юноша был уверен, что не потеряется — они уже проехали лиг десять, туман должен скоро рассеяться. Постепенно усталость брала своё. Рейн погрузился в полудрёму, лишь изредка подгоняя своего скакуна. Было так тихо, что глаза закрывались сами собой.

Тихо?

Рейн невольно вздрогнул. Тихо? Он ведь... он должен слышать своих товарищей.

Юноша снова поднял голову и на этот раз испугался по-настоящему — туман так сгустился, что он уже не видел ни Сатин, ни Мидира... вообще ничего. Вокруг была только белёсая мгла, в которой смутно виднелись очертания деревьев. Рейн ускорился, чтобы нагнать друзей, но никого не увидел. Странно... под ногами его коня шуршала трава. Значит, он свернул с дороги. Может, они остались где-то в стороне и сейчас ищут его? Юноша проехал направо, затем — налево. Никого. Ни Мидира, ни Сатин, ни даже их следов. Что за наваждение? Они ведь ехали совсем близко... должны же были заметить...

— Эй, вы где? — крикнул он, и голос его эхом прокатился по лесу, заставив Рейна вздрогнуть. — Идите сюда. Я заблудился!

Ответом ему был лишь ветер.

Куда они все пропали?

Вдруг, когда он уже начал думать, что никто за ним не придёт, Рейн услышал звук, похожий на стук копыт. Он усиливался, и вскоре Рейн понял, что по лесу едет кто-то ещё. Конь под ним занервничал. Юноша натянул поводья, заставив того замереть на месте. Кто это — его друзья или солдаты?

Во мгле мелькнул чёрный плащ. Хрупкий силуэт всадника — нет, всадницы! — на миг появился за стеной тумана.

Сердце Рейна забилося чаще. Сатин? Почему она его не заметила? Он пришпорил своего коня и помчался за силуэтом, который то возникал, то пропадал в густом тумане.

— Сатин! — крикнул он. — Сатин, это я, Рейн!

Туман стал слабее, и Рейн разглядел её. Девушка сидела на своем чёрном коне, её голова была опущена, короткие волосы развевались на ветру.

— Сатин, — снова позвал он, — Сатин! Я здесь! Она не обернулась.

Туман сгущался, и силуэт всё больше отдалялся от него. Рейн увидел, как всадница повернула коня в сторону и скрылась за деревьями. *Забери меня Медб, да что это такое?*

Фигура девушки возникала в белой пелене, безмолвная и неуловимая, и Рейн что есть сил гнал своего скакуна, чтобы догнать огнепоклонницу. Где Мидир? Неужели солдаты его схватили? Где-то в стороне прозвучал рог. В отчаянии юноша ещё раз пришпорил своего скакуна, который, всхрапнув, помчался вперёд. Снова напомнила о себе усталость после использования Негасимого Огня. Юноша с трудом заставлял себя держаться в седле. Перед глазами маячила фигура в чёрном. Сатин... Надо догнать её... догнать... Рейн уже не различал дороги и не знал, где находится, но упорно продолжал мчаться вперёд. Белёная дымка вокруг него была настолько густой, что он едва успевал объезжать деревья. Этот лес был таким странным... таким пустым...

— Достаточно. — прошелестел мягкий голос.

От неожиданности Рейн повернулся, затем почувствовал сильное головокружение, словно его голова была набита свинцом. Мир перед глазами дрогнул и покачнулся. Туман, лес, фигура всадницы — всё исчезло... совсем исчезло. Он был на городской площади, а вокруг кольцом стояли воины, направив на него копья.

— Обезвредить. Живо.

Что-то обрушилось на затылок Рейна, и стало темно.

Глава четырнадцатая. Пурпурное и чёрное

Наверное, мне осталось недолго. Надо поторопиться. Я зашифрую свою книгу и спрячу там, где её не найдут. Я нашёл в Доме Мудрости то, что не доверю даже бумаге. То, что изменит историю. Мои собраты не поймут меня. Весь наш мир, все Клятвенные земли падут перед силой, назвать которую я не хочу. Меня зовут Лиммен Талессин, и я боюсь за будущее.

Сыро. Холодно. Это было первым, что ощутил Рейн, когда пришёл в себя. В голове звенела пустота, тело не слушалось. Судя по всему, он лежал на чём-то мягком — кажется, это была солома. Рейн попробовал открыть глаза, но даже такое лёгкое движение вызвало в его голове взрыв боли. Во рту было ужасно сухо и горько. Не понимая, где он находится, Рейн попытался пошевелить рукой, но тут же пожалел об этом — резкая боль пронзила все тело. Юноша решил пока что не двигаться и не открывать глаза.

Понемногу он начал вспоминать, что произошло в тот день. Рейн помнил, как они прорывались к воротам, помнил свою водяную магию, тот странный туман и погоню за Сатин по лесу. Затем был страшный удар по голове — и темнота. И ещё кое-что... он ведь снова оказался в городе. В Лепте Великой. И солдаты... они его схватили.

Достаточно, вспомнил Рейн. Тот самодовольный и тихий голос. Это он управлял солдатами. *Но как я оказался в городе? Мы же так долго скакали...* должно быть, решил Рейн, это была какая-то сложная Иеромагия. Но кто мог её применить? Бессмертные? Или тот, кто отдаёт им приказы? При мысли о железных слугах Непрощённых Рейн поёжился, по коже пробежали мурашки. Бессмертные... если они здесь, то ему, скорее всего, уже не спастись.

Через некоторое время он всё же заставил себя разлепить глаза и осмотрелся. Это было просторное помещение, стены пол и потолок которого были выложены мрачными серыми плитами. Окон не было, единственная дверь с крохотным окошком, закрытым решёткой, выглядела запертой. Рейн даже не стал гадать, так ли это на самом деле — его враги не дали бы ему такого шанса на спасение. Юноша сидел на тюфяке, возле которого лежало аккуратно сложенное одеяло. Единственным источником света был факел в металлическом держателе, но его огонь был тусклым и каким-то неживым, так что дальняя часть комнаты оказалась погружена в полумрак.

Темница.

Странное дело, но страха Рейн не чувствовал. Даже наоборот — ощущал некое воодушевление, как будто он только что закончил тяжёлый, изнурительный труд и теперь мог наконец-то перевести дух. Сатин на свободе, а это важнее всего. Вдвоём с Мидиром они сумеют добраться до Авестината и рассказать Совершенному обо всём, что видели. Ему, Рейну, уже ничего не грозит. Что ждёт его впереди — смерть? пытки? Какая разница, если их враг уже проиграл? Теперь он сможет рассмеяться в лицо хозяину Бессмертных и умереть с осознанием того, что друзей ждёт успех. Рейн сожалел только об одном: что не сумел узнать Сатин получше. Огнепоклонница всегда была такой загадочной, такой непохожей на остальных. Так трепетно относилась к своей культуре и вере...

Юноша поднялся и подошел к решетке, которая отделяла его камеру от остальных помещений. За решёткой он увидел длинный и узкий коридор, через равные промежутки освещённый масляными лампами. Стена напротив камеры была гладкой и пустой — ни

дверей, ни окон. Значит, подумал Рейн, он где-то под землёй.

На него вдруг накатила страшная слабость, и юноша осел на тюфяк. В камере было довольно прохладно, поэтому Рейн укутался в одеяло, поджав под себя ноги. Внезапная мысль вызвала волну страха. С чего он вообще решил, что его друзьям удалось скрыться? Может быть, Сатин с Мидиром где-то в соседней камере? Может быть, они убиты? Тревога волной захлестнула Рейна.

Рейн закрыл глаза, пытаясь усилием воли справиться с паникой. Он вскочил и принялся вышагивать вдоль камеры. Попытался представить себе, как Сатин и Мидиром уходят от погони. Что, если они уже мертвы? Рейн резко остановился и присел на край кровати. Нет, он не должен так думать! Если они погибли, то тогда и ему, Рейну, лучше умереть. Юношу передернуло. Если бы только знать наверняка!

Он обхватил голову руками, стараясь унять дрожь. Все будет хорошо... обязательно будет. И потом, он всё ещё жив, а значит их врагам нет никакого смысла убивать отшельника и огнепоклонницу. *Мидир когда-то сказал, что я имею значение. Значит, я представляю для хозяина Бессмертных определённую ценность. Он не будет просто так губить меня и моих друзей.*

Юноша снова закрыл глаза. Нельзя паниковать. Ему надо думать только о хорошем. Что бы ни случилось, он должен помнить, что все будет хорошо. Все будет хорошо, повторил он про себя, словно заклинание. Я выберусь отсюда. В конце концов, у него есть Иеромагия. Если бы только он умел управлять чем-то кроме воды... надо будет попробовать сотворить водяной хлыст, когда ему принесут поесть — не будут же его держать здесь без еды и питья? Тогда он сможет разбить дверь и перепилить замок, ну а потом... потом что-нибудь да придумает. Сейчас главное — восстановить силы. Рейн улегся на тюфяк и погрузился в тяжёлое забытие.

Когда он проснулся, то обнаружил на полу поднос, на котором лежала миска с какой-то кашей и кувшин с водой. У Рейна от волнения даже руки затряслись. Несмотря на желание тут же использовать связь с Негасимым Огнём и сбежать, юноша заставил себя съесть несколько ложек вязкой, безвкусной каши — иначе у него просто не будет сил после Иеромагии.

Наконец, дрожа от нетерпения, Рейн вытянул вперёд правую руку и тихо произнёс: “Яшар таб нун”. *Вода, стань оружием.*

Ничего.

Нахмурившись, юноша сосредоточился на кувшине и попробовал другое заклинание: “Яшар э’релим”. *Вода, превратись в лёд.*

Ничего. Он правильно проговаривал Священное Наречие, чувствовал свою силу, видел Первый Мост у себя в мыслях — и не мог ничего сделать. Кто-то другой отзывался на его магию и делал так, чтобы вода оставалась просто водой.

Он остался без Иеромагии.

В ярости Рейн схватил кувшин и с силой швырнул его в стену. Кувшин разлетелся на куски, а Рейн обессилено рухнул на солому и закрыл лицо руками. До этого он мог тешить себя надеждами на спасение, но теперь понял, что он беспомощен перед повелителем Бессмертных. Он не может спасти друзей. Не может спасти даже себя самого. Рейн всегда считал себя достаточно храбрым, но теперь мужество, казалось, покинуло его. Он просто лежал и смотрел в потолок, не шевелясь. Когда со скрипом отворилась дверь и стражник поставил на пол очередной поднос, Рейн никак не отреагировал — просто отвернулся к

стене и накрылся одеялом.

— Эй, ты что, оглох? — проворчал стражник. — Я принес тебе поесть. Ужин. Рейн промолчал. Стражник пожал плечами и вышел из камеры, закрыв за собой дверь. Поднос так и остался стоять на полу. Ужин... Значит, сейчас уже вечер? Юноша вдруг сорвал с себя одеяло и ударил кулаком по стене — так, чтобы на костяшках пальцев появилась кровь. Ему стало стыдно за недавнее уныние. Он же сам только что сказал себе, что всё будет хорошо. Надо держаться. Он тут всего один день и должен сохранять присутствие духа. Он должен выбраться отсюда. Должен. Ради Мидира. Ради Сатин... при мысли об огнепоклоннице Рейн улыбнулся. Он встал на колени и долго молился уладским богам, а потом, немного подумав, вознёс молитву авестийскому Творцу Творения — быть может, Сатин не зря так сильно в него верит... Если сейчас вечер, то за ним, наверное, завтра придут Бессмертные... или их загадочный господин. А пока надо поспать. Ему понадобится много сил для побега. Даже без Иеромагии он что-нибудь придумает. Обязательно. Рейн подобрал одеяло, укрылся им и сразу заснул.

На следующий день Рейн всё так же пытался вызвать магию, как вдруг услышал приглушённый звук. Кто-то шёл по коридору — мерные шаги гремели по каменному полу, приближаясь к его камере. Казалось, что этот кто-то носит сапоги из металла — настолько громко звучали эти шаги. Бессмертные. За ним пришли. Рейн весь подобрался, готовый взглянуть в лицо тому, кто всё это время руководил этими стальными монстрами и преследовал их с Сатин от самого Кельтхайра.

Дверь распахнулась, и у Рейна невольно захватило дыхание: на пороге стояла фигура Бессмертного, заслоняя собой почти весь дверной проём. Свет факела отражался от металлической маски, на которой тусклым огнём горели два белых глаза. Рейн оцепенел. Он смотрел прямо в лицо прислужнику зла и не мог отвести взгляд. Белый огонь за маской притягивал, гипнотизировал, манил...

— Достаточно. — произнёс сладкозвучный голос.

Стальной гигант повернулся и послушно шагнул назад, давая проход.

В камеру ступил мужчина в пурпурном плаще, под которым виднелся жилет такого же цвета. Его голова была лысой, бледная как пергамент кожа обтягивала череп, делая лицо незнакомца похожим на посмертную маску. Рейн заметил, что роскошная одежда висит на мужчине, как на вешалке, словно того морили голодом. Несмотря на болезненный вид, незнакомец держался гордо, как человек, привыкший повелевать. Его чёрные глаза казались слишком большими на исхудавшем лице, но при этом светились какой-то нездоровой силой. Рейна прошиб холодный пот: эти глаза смотрели на него с такой силой и ненавистью, что юноша невольно отступил назад, вжавшись в угол.

— Здравствуй, юный колдун. — тонкие губы растянулись в улыбке. — Наконец-то мы встречаемся лицом к лицу.

— Кто... кто ты? — прошептал Рейн, не в силах отвернуться.

Бескровная улыбка стала ещё шире. Мужчина рассмеялся тихим смехом, который больше напоминал скрежет:

— Я назову тебе своё имя, хотя оно скоро станет совсем неважно. Рамелис. Наместник Рамелис.

— Чего ты от меня хочешь?

Мужчина вдруг размахнулся и резко ударил юношу по лицу. Рейн повалился на пол: тяжёлая перчатка рассекла ему губу. Во рту стало солоно.

— Ты задал неправильный вопрос, юнец. Гораздо важнее то, чего хочет мой господин.

Тот, для кого моё тело — всего лишь сосуд.

— Ко... кому ты служишь? Кто твой господин?

Рамелис склонился над ним, и юноша почувствовал холодное дыхание на своём лице.

— Кузнец Погибели.

Рейн молчал, не в силах пошевелиться. Он не мог даже думать, настолько был ошеломлён. Кузнец Погибели... один из Непрощённых.

— Это неправда... они мертвы, они все мертвы... Благие их победили. Это неправда!

В камере будто бы стало темнее.

— Мертвы, говоришь?

Глаза Рамелиса заволокла странная дымка. Он замер и пробормотал, глядя в пространство: — ещё слишком рано... да... да... как прикажете, мой повелитель.

У Рейна от такого чуть сердце не остановилось. Он же сумасшедший! Этот Рамелис — безумец! Юноша попытался незаметно дотянуться до осколка кувшина, но тут же оказался на полу, корчась от боли.

— Мертвы? — повторил наместник. — Интересно... мой господин скоро тебя увидит.

Ты, конечно, вряд ли выживешь после Его великолепия, но попробовать стоит...

В глазах Рамелиса светился восторг, голос звенел от почти фанатической преданности.

— Зачем ты пришёл? — проговорил Рейн, отползая вглубь камеры. Он порезался об острый осколок, но не обращал внимания на кровь. Не смотреть в эти глаза, не смотреть...

— Предложить выбор. Огнепоклонница здесь, в этом подземелье. Ты можешь её спасти, если согласишься служить мне и моему господину. Когда мои армии разрушат Дворец Истин, Ему понадобятся слуги.

Сатин... она жива! Она где-то здесь!

— Я... я подумаю над твоим предложением. — заявил Рейн, глядя в пол стараясь звучать как можно убедительней. Ему надо выиграть время.

— Не сомневаюсь, ты сделаешь верный выбор. — тонкие губы Рамелиса снова выгнулись в подобии улыбки. — Твоя Иеромагия пригодится моему хозяину... знаешь, а это было смело — так долго путешествовать с *наннари*.

— О чём ты? — не понял Рейн.

— О, так ты не знаешь... — лицо наместника вдруг омрачилось. — Ладно же... я зайду за тобой позже, чтобы ты мог принести Высокую Присягу... Всегда хотел посмотреть на то, как люди корчатся у Его ног — то есть моих.

Рамелис покинул камеру, а вскоре лёгкие шаги наместника заглушил ритмичный грохот — Бессмертный следовал за своим повелителем. Как только шаги затихли, Рейн без сил повалился на солому. Кузнец Погибели... Странно, но он был к этому готов. Где-то глубоко в душе Рейн верил в Непрощённых, по-настоящему верил — и вот теперь знает наверняка. Авестинат в опасности. Даже не так — весь мир в опасности. Надо сбегать. Срочно.

Юноша сам не заметил, как задремал — время в камере текло незаметно, и он ничем не мог занять себя. Новый звук отвлек его, заставив вскочить с тюфяка и

По коридору шёл кто-то ещё. Судя по звуку, их было двое, хотя шаги были человеческие. Неужели Рамелис вернулся так быстро?

Дверь скрипнула и отворилась. На пороге стояли двое стражников с мечами в руках. Рейн нашарил на полу самый большой осколок, вскочил на ноги и приготовился защищаться. Если пришли за ним...

— Тсс! — стражник торопливо снял шлем. — тихо!

— Мидир?! — Рейн не верил своим глазам. Отшельник был в алой кайсарумской броне и плаще.

— Тише! — Мидир приложил палец к губам. — Я пришёл спасти тебя и авестийку.

— Как ты здесь оказался?

— У нас нет времени на разговоры. Надо забрать отсюда Сатин и выбираться.

Мидир знаком указал направление, и они вместе пошли по коридору, то и дело сворачивая то вправо, то влево. Охраны почему-то не было. Рейн видел редкие факела и ряды дверей с такими же окошечками, как в его камере — видимо, для него отвели самую дальнюю из всех.

— В город нам не пройти. — добавил отшельник. — Люди Лодок восстали. Наместник призвал свои легионы. На улицах идёт настоящая битва.

Рейн с тревогой посмотрел на своего наставника и друга.

— Мидир... этот наместник...

— Да-да, я знаю. — бросил на ходу отшельник. — Рамелис как-то связан с Бессмертными и владеет Иеромагией.

— Нет, ты не понимаешь, он один из *них*! Непрощённый.

— Что?!

Мидир остановился, как вкопанный. Его глаза испытующе уставились на юношу. — Значит, Лиммен был прав... — прошептал отшельник.

— Он сам так сказал. — начал объяснять Рейн. — Сказал, что служит сосудом для... для Кузнеца Погибели. Мидир, он безумен! Он хочет напасть на Авестинат... он...

— Успокойся. — сильная рука легла на плечо юноши. — Мы сбежим отсюда и всё обсудим. Мне тоже есть, что рассказать.

Они остановились перед одной из камер — видимо, побег был основательно подготовлен, раз Мидир так хорошо изучил план темницы. Отшельник достал тяжёлый кованый ключ и открыл дверь. Внутри было темно, но это не помешало Рейну разглядеть фигуру огнепоклонницы, которая сидела на полу и изумлённо на них смотрела.

— Сатин!

Рейн подбежал к девушке и помог ей подняться. Сатин выглядела неважно: под глазами залегли глубокие тени, лицо осунулось.

— Скорее! — поторопил его Мидир. — у нас мало времени.

— Идти можешь?

— Да... — пробормотала Сатин. — Только голова болит... Где мои вещи?

Рейн, поддерживая девушку, повернулся к отшельнику.

— Что теперь? Как мы выберемся наверх?

— Никак, — усмехнулся Мидир. — мы пойдём через Аннуин.

Аннуин... Рейн замер. Он вспомнил, где раньше слышал это слово — в доме Зилача тем самым вечером, когда впервые встретил Сатин.

Кроме того, Благие никогда не контролировали Аннуин, страну Теневого Народа...

— Но как?! — юноша беспомощно посмотрел на Мидира. — Аннуин... это же сказка...

— До сегодняшнего дня Непрощённые тоже были всего лишь сказкой. — хмуро заметил отшельник. — А теперь помоги мне, нам нужно подготовить всё к переходу.

Мидир подошёл ближе и опустил на колени. В его руках появилось два небольших

уголька, один из которых он протянул Рейну.

— Я очерчу круг и разделю его надвое. Старайся в точности повторять за мной все символы, которые я нарисую. Понял?

— Да... кажется, понял. — юноша отпустил Сатин, которая прислонилась к стене и устало прикрыла глаза. Что с ней произошло? — А почему ты решил только сейчас воспользоваться переходом?

— Это сложное колдовство, оно отнимает слишком много сил. Во всех Клятвенных Землях есть только несколько точек, пригодных для перехода — это была одна из причин, по которым я выбрал идти Лепту Великую. К тому же, Аннуин слишком опасен — не только для Иеромагов, но даже для Ходящих по Мосту. Я бы с радостью отказался от такого пути, но сейчас у нас просто нет выбора. Надо спешить.

Отшельник быстро обвёл большой круг и обозначил волнистую линию, которая делила его на две равные части. Затем началось самое трудное: Рейну приходилось следить за движениями Мидира и изо всех сил пытаться воссоздавать на своей половине круга причудливые значки, о подлинном значении которых оставалось только догадываться. Коридор пустовал, но Рейн вздрагивал от каждого звука, боясь, что в камеру вот-вот явятся солдаты или даже сам наместник Рамелис. Кузнец Погибели, поправил себя Рейн. Один из Семи Непрощённых, чудовище из прошлого под маской человека. От волнения и страха юноша даже губу закусил.

Сатин вдруг встала и, пошатываясь, направилась к выходу.

— Что ты делаешь? — удивился Рейн.

— Мои вещи... — проговорила Сатин. — Я должна их забрать.

Мидир нахмурился.

— Сейчас не время для этого. В любой момент наместник может быть здесь с воинами.

— Вы не понимаете... — в глазах девушки стояла тревога. — Там... там очень важные молитвенные предметы. Я без них не могу.

Сатин выглядела такой взволнованной, что Рейну стало жалко её.

— Мне кажется, мы можем забрать их. — предложил он. — Я пойду с Сатин.

Мидир покачал головой.

— Мне одному будет трудно рисовать круг. Мы потеряем много времени.

— Пожалуйста! — Сатин умоляюще посмотрела на них обоих. — Я... я не могу без них.

Рейн смутился.

— Ну... если ты так просишь... думаю, мы можем забрать твои вещи.

— Не нравится мне это... — в глазах Мидира блеснул недобрый огонёк. — Ладно... я один знаю план этого места, а значит за вещами идти мне.

— Я сам могу рисовать знаки. — заметил Рейн.

Отшельник встал и направился к двери.

— Сидите тихо. — бросил он и покинул комнату.

Рейн продолжил наносить знаки на свою половину круга, что было для него очень неудобно: он всё время сбивался. Какие-то птицы, деревья, диковинные существа... часто приходилось стирать уже нарисованное и начинать заново. Время шло, Мидира всё не было. Наконец, когда Рейн уже начал было беспокоиться, отшельник влетел в комнату, одним рывком закрыв за собой дверь. Его глаза блестели.

— Вот твои вещи. — он бросил девушке кожаную суму. — Надо торопиться, стражники уже идут сюда!

Отшельник взглянул на рисунок Рейна и помрачнел.

— Не так... всё не так... — в его голосе звучало отчаяние. Юноше стало страшно. Всё из-за него! Из-за этой проклятой сумки! Отшельник бросился на колени и стал лихорадочно выводить новые фигуры. Из коридора послышался топот десятков ног.

— Почти готово. — отшельник поднялся на ноги. Двумя пальцами он осторожно взял кусочек угля и начертил на двери какой-то знак: рогатого человека, стоящего внутри круга. — Это задержит их.

Дверь содрогнулась от удара, но выдержала. Рейн вспомнил, как они прятались от Бессмертного в доме Конна, но тогда против них было всего одно создание. А Рамелис? Что делать с ним? При мысли о чёрных глазах наместника юноша задрожал. *Оллам Спаситель, помоги нам...* Сатин прижимала к своей груди сумку и что-то шептала, Мидир продолжал вырисовывать символы внутри круга. Это была какая-то композиция, но Рейн сейчас не мог оторвать глаз от двери. Та содрогалась под ударами невероятной силы. Послышался приглушённый голос:

— Вы решили устроить себе ловушку? Господин будет мной доволен.

Рейн вздрогнул: Рамелис! В отчаянии юноша перевёл взгляд на рисунок. Мидир уже закончил все знаки и теперь торопливой рукой выводил в середине изображение рогатого человека.

— *Митрам ниблетир.* — донеслось из-за двери.

Дверь дрогнула и слетела с петель. В проходе толпились стражники, над которыми возвышалась фигура в пурпуре.

— Как предсказуемо. — Рамелис рассмеялся. — Знайте, даже в Аннуине вам от меня не скрыться. Я — *Абомталь*. Кузнец Погибели.

Рейн отшатнулся: на него смотрели совершенно нереальные, чёрные глаза без зрачков, мёртвые глаза, безумные глаза. В руке наместника словно из воздуха сформировался кинжал.

Мидир отбросил уголёк.

Круг засиял белым пламенем.

Рамелис отвёл руку.

Реальность передёрнуло. Яркий свет вспыхнул и заполнил собой весь мир. Последним, что видел Рейн, было лезвие кинжала, летящее прямо в него.

Глава пятнадцатая. Аннуин

Вопреки распространённому мнению, Аннуин не всегда вызывал страх. В ранних сказаниях он показан опасным, но вместе с тем чарующим лесом. Теперь же это место описывается только как бескрайний сосновый бор, пронизанный белыми дорогами. Аннуин неотделим от Теневого Народа. Круитни издревле жили в этом месте, и я полагаю, что в ходе Войны Лжи Аннуин служил Непрощённым убежищем и оплотом. Почему круитни покинули свой мир? Почему “ушли в землю”? Что исказило Аннуин после бегства Теневого Народа и что пришло ему на смену? Какая-то тьма поселилась в этом мире. Думаю, в будущем я даже смогу дать ей имя.

На какое-то время все чувства притупились. Они стояли посреди какого-то леса, но для Рейна весь окружающий его мир слился в одну сплошную полосу зелёного и белого, которую он видел сквозь красную пелену. Краем глаза Рейн заметил лежащего на земле Мидира. Сатин стояла над ним и трясла за плечо, что-то говоря. Звука не было вовсе: всё происходящее казалось юноше каким-то ненастоящим, будто увиденным в дурном сне. В мыслях царила неразбериха. Он смутно помнил побег из темницы, мёртвые глаза Рамелиса и нарисованный углём круг. Затем вспышка света — и чёрный кинжал.

В голове щёлкнуло. Ясность ума разом вернулась к Рейну. В два шага юноша оказался около отшельника, который лежал на спине на странном белом песке и не двигался. Сатин с тревогой глядела на Рейна.

— Что с Мидиром?

Девушка отвела взгляд.

— Плохо. Он ранен. Кинжал ему в руку попал.

Рейн склонился над отшельником, задрал рукав его жилета.

— Осторожно! — предупредила его Сатин.

Юноша, не обратив на её слова никакого внимания, с недоверием и страхом смотрел на рану. Рана была совсем небольшой и не выглядела опасной, но вот кожа вокруг пореза приобрела зеленоватый оттенок и на ощупь была холоднее льда. Рейн перевёл взгляд: лицо Мидира посерело, воздух со свистом выходил из лёгких. Юноша было дотронулся до лба, но тут же отдернул руку — лоб отшельника горел огнём. Рядом с Мидиром на песке виднелся чёрный клинок Рамелиса.

Рейна охватило отчаяние. Он беспомощно смотрел на девушку и молчал, не зная, что делать. Странное давление, не позволявшее применять Иеромагию во время его недолгого заточения, сохранилось — Рейн проговорил несколько заклинаний, но магическая сила оставалась для него недоступной.

— Надо перевязать его рану. — сказал он наконец. — нам нужна какая-то ткань.

Ткани не было, поэтому Рейну пришлось пожертвовать своим плащом, который он довольно быстро порвал на лоскуты. Для начала юноша промыл рану водой из меха, а затем постарался как можно крепче перевязать её. Руки его дрожали.

— Нам... нам нужно сделать носилки.

— Постой! — голос Сатин звучал глухо. — Мы ведь даже не знаем, куда идти. Это ведь... это Аннуин. Царство круитни.

Только теперь Рейн позволил себе оглянуться.

Они стояли на широкой ровной дороге, покрытой странным белым песком — Рейн

такого никогда не видел. Белая полоса шла прямо вперёд и терялась где-то за горизонтом. По обе стороны от дороги высился вековой лес. Исполинские сосны стояли друг к другу так близко, что их толстые корни сплелись между собой в единое целое, став похожими на щупальца какого-то чудовища. Всё расстояние между стволами заполняла густая, непроницаемая темнота. Рейн почувствовал, как его сердце сжалось от страха. Он сам ещё не понимал, чего именно боится, но ему было очень не по себе. Этот лес... он не был похож на тот, в Кельтхайре. Даже жуткие Плач-Холмы хотя бы были чем-то настоящим, чем-то живым — а в этом лесу не было ничего. Ничего, кроме чернильной тьмы, скрюченных корней и одинаковых сосен. Рейн невольно шагнул поближе к огнепоклоннице.

— Я соберу веток для костра. — сказал юноша больше для того, чтобы услышать хоть чей-то голос в этой неестественной тишине. Вооружившись мечом Мидира, Рейн почти час потратил на то, чтобы набрать достаточно древесины и очистить её от хвои. Постоянная тревога мешала ему работать — он обрубал только те ветки, которые нависали над дорогой, и старался не сходить с белого песка, который не был чем-то особенно странным отличался от обычного только цветом. Заходить под своды этого леса почему-то не хотелось.

Когда Рейн вернулся, то обнаружил, что отшельник сидит на песке, а Сатин отпаивает его водой из меха.

— Мидир! — воскликнул Рейн. — Ты пришёл в себя!

— Рейн... — отшельник приподнялся на локтях, но тут же зашёлся тяжёлым кашлем и осел на землю. — подойди ближе...

Юноша повиновался. Он хотел задать вопрос, но Мидир жестом заставил его молчать. Голос отшельника звучал тихо, но ясно.

— Вы должны идти прямо по этой дороге. Иногда вам будут попадаться перекрёстки... не сворачивайте с пути... не обращайтесь на повороты внимания. Держитесь дороги, и она приведёт вас прямо ко Дворцу Истин. И ещё... что бы ни случилось, не заходите в лес...

Рейн кивнул, не в силах сдержать себя.

— Скажи... как нам покинуть Аннуин?

— Просто идите по дороге... она закончится сама собой... Аннуин вас выпустит, если вы не свернёте с пути. — Мидир подавил приступ кашля и прошептал:

— Рейн... когда вы окажетесь во Дворце Истин, найдите Хашанга... иерарха Хашанга... он поможет вам...

На глазах у Рейна выступили слёзы.

— Всё будет хорошо... всё будет хорошо, вот увидишь!

— Надеюсь на это... — Мидир слабо махнул рукой. — Проклятый кинжал... вы... вы должны остановить Рамелиса... он носит в себе Непрощённого, но этим делает Кузнеца слабее.

Отшельник закрыл глаза. Его дыхание было прерывистым, грудь тяжело вздымалась и опадала. Мидир был жив.

Рейн даже не вздрогнул, когда Сатин мягко коснулась его плеча. Юноша резко отвёл её руку.

— Мы сделаем волокуши из веток. Помогите мне.

Тон Рейна был непривычно жёстким, и Сатин, побледнев, просто кивнула. Вместе им удалось связать между собой несколько наиболее толстых веток, на которые Рейн внахлест положил сосновый лапник. Удостоверившись, что эта конструкция выдержит вес взрослого человека, юноша накрыл носилки плащом отшельника и осторожно, стараясь не

потревожить Мидира, уложил того на хвою и обвязал верёвкой.

— Пойдем. — бросил Рейн, не глядя на огнепоклонницу. — Мы должны с пользой потратить дневное время.

В голове юноши всплыли слова Мидира, которые он произнёс там, в темнице: *Мне одному будет трудно рисовать круг. Мы потеряем много времени.* Если бы они тогда не пошли за вещами Сатин... если бы успели нарисовать знаки раньше... Зачем ей так понадобилась эта сумка? Рейн подумал, что ещё ни разу не видел, чтобы Сатин использовала при молитве какие-то предметы.

Ну... если ты так просишь... думаю, мы можем забрать твои вещи. Собственные слова казались теперь неуместными и глупыми.

Дорога тянулась посреди леса тонкой белой стрелой. Тащить было тяжело: Мидир всё время что-то бормотал и метался, угрожая разрушить непрочные носилки. Каждые полчаса им приходилось делать остановки и смачивать лоб и губы отшельника холодной водой.

— Лиммен... Лиммен... ты должен знать... — бормотал Мидир.

В Аннуине не было солнца — небо свинцово-серого оттенка оставалось неизменным всё время, пока они шли, озираясь по сторонам и стараясь держаться как можно ближе к центру белой дороги. Свет исходил словно из ниоткуда, так что дорога постоянно находилась в тревожном полумраке, который на фоне вязкого мрака между соснами казался ярким светом дня.

Время приходилось отсчитывать по остановкам, которые они делали только для того, чтобы немного отдохнуть и напоить Мидира из меха. Сатин сказала было, что у них осталось мало воды, но тяжёлый взгляд Рейна заставил её промолчать.

Ну... если ты так просишь... думаю, мы можем забрать твои вещи.

По подсчётам Рейна, прошло около трёх часов, когда они впервые вышли на перекрёсток. На первый взгляд, в нём не было ничего особенного: от основной дороги в лес уходили ещё две, так что они с Сатин и Мидиром оказались на пересечении четырёх путей из белого песка. Вокруг — повсюду — их обступал лес Аннуина, тёмная, монолитная стена деревьев, хвои и черноты. Рейн отметил, что не может отличить один путь от другого. Он оглянулся, посмотрел направо, затем — налево. Белые дороги были не просто похожи, они были одинаковыми. Даже больше — одинаковыми были деревья. Только сейчас Рейн понял, что все сосны в этом лесу были похожи друг на друга, как две капли воды. Как тысяча капель. Проклятый Аннуин... Юноша потрянул головой и вновь ухватился за сучковатую ветку. Они с Сатин снова потащили волокуши. Только следы их ног и две длинные борозды, которые носилки оставляли в песке, указывали на то, что они находятся на верном пути.

Первая в Аннуине ночь застала их врасплох, когда они только-только ступили на очередное пересечение белых дорог. Стемнело внезапно и быстро. Полумрак, к которому они уже успели привыкнуть, вдруг стал с пугающей скоростью наливаться темнотой, густеть. Небо, из серебристого ставшее тёмно-серым, вдруг приняло удивительный багровый оттенок. Рейн, скорее интуитивно осознавая, что происходит, стал торопливо обрубать ветки сосен, которые склонялись над дорогой. Скоро на перекрёстке загорелся огонь, а затем в одно мгновение наступила полная темнота.

Над троицей словно разлилась река чернил. Мрак, разгоняемый только пламенем костра, казалось, становился плотнее с каждым мгновением. Рейн буквально видел, как тьма поглощает стволы и ветви сосен, как темнота леса наступает, с неохотой выгибаясь вокруг языков пламени. Чья-то рука схватила Рейна за запястье — это была Сатин. Не говоря друг

другу ни слова, они оттащили носилки поближе к костру и тут же, оставшись без сил, повалились на белый песок. Пламя танцевало, и вместе с его движениями двигалась и ночь, которая то подступала поближе, то уходила, как приливная волна. Рейн сосредоточился на огне, и это на время успокоило юношу — живой и ровный свет костра помог ему прогнать тревогу.

Рейн поёжился, глядя на бескрайний сосновый бор. Он почувствовал, будто рядом кто-то есть — не где-то конкретно, а вокруг, повсюду. Юноша почти физически на себе чей-то взгляд и совершенно точно знал, что невидимый наблюдатель видит его. Видит и жаждет. Лес тут же показался ему живым существом — видящим, слышащим, желающим.

Чтобы хоть чем-то себя занять, Рейн вытряхнул на песок содержимое дорожного мешка Мидира — юноше хотелось знать, сколько у них припасов и на что они могут рассчитывать в этом странном мире. Результаты его воодушевили: в мешке обнаружился моток верёвки, несколько кусков вяленого мяса в промасленной бумаге, сухари, ещё один мех с водой... и стрела из железа, которая тускло блестела в свете костра. Его тунгутская стрела, подарок Зилача! Юноша слабо улыбнулся. Он потерял стрелу после пленения и потом не вспоминал о ней. Значит, Мидир забрал её из хранилища вместе с вещами Сатин.

Юноша украдкой глянул на огнепоклонницу: та задумчиво всматривалась в темноту и теребила ворот своего жилета. Свободной рукой Сатин так вцепилась в чёрную суму, словно там было что-то важное — намного важнее, чем что бы то ни было. На Рейна накатила волна подозрения. Она... она ведь обещала...

Послушай... если тебя что-то беспокоит, то просто скажи мне. Не закрывайся в себе. Поговори со мной.

— Сатин... что тебя беспокоит?

Девушка вздрогнула и поглядела на Рейна, избегая смотреть ему в глаза.

— Ничего... просто... это ведь Четвёртый мост.

Юноша нахмурился, озадаченный.

— Что? Аннуин?

— Ну да. Первый мост — мир Иеромагии, второй — снов, третий — сознания, а вот четвёртый — Аннуин, царство Теневого Народа.

Похоже, Сатин была рада перемене темы.

— Но не беспокойся, — сказала она, — круитни покинули Аннуин после победы Благих. Этот лес пуст. Здесь никого нет.

Да, подумал Рейн, никого кроме тех, кто занял место Теневого Народа. Ему показалось, что в темноте двигаются какие-то высокие фигуры, но, когда он на мгновение отвёл глаза, всё стало как прежде. Никаких чудищ. Просто однородная, густая темнота, будто липнущая к границам светового пятна. Интересно, что будет, если зайти в неё? Юноша даже протянул руку, но затем так же резко её отдернул — те фигуры никак не выходили у него из головы. Рейн лёг на песок, закрыл глаза и вскоре уснул — сказывалась как тревога за отшельника, так и усталость от долгого и тяжёлого перехода. Ему снились тревожные сны: он бежал по белой дороге, чувствуя на себе взгляд тысячи глаз, бежал — и не видел конца полосе из белого песка. Невидимые преследователи приближались, но он почему-то не мог свернуть с пути, а только бежал и бежал...

Следующие три дня были так же похожи друг на друга, как бледные дороги Аннуина. Мидир несколько раз приходил в себя, но сознание к нему так и не возвращалось — отшельник лежал в бреду. Он часто просил пить, звал Хэммона и Зилача. Несколько раз

произносил имя Хашанга. Иногда упоминал Алое Копье и — почему-то — Наннара Врачевателя. Рейн в отчаянии сжимал кулаки, когда смотрел, как Сатин промывает рану отшельника, пряча при этом глаза. Если бы он тогда не пошёл в хранилище... если бы остался и успел вовремя...

Они снова впрягались в носилки и снова шли вперёд. Аннуин не менялся. Ослепительно-белая, словно покрытая снегом дорога, сосны и чернота вокруг неё. Несколько раз им встречались перекрёстки, которые юноша и девушка старались пройти как можно скорее — было что-то пугающее в четырёх неотличимых друг от друга дорогах, тянущихся в бесконечность. В такие моменты Рейн старался не смотреть по сторонам, сосредотачиваясь на своих следах — единственном свидетельстве того, что это место посещали люди. Ночи, казалось, стали ещё темнее, хотя он сомневался в том, что такое вообще возможно. Теперь Рейн каждый раз заранее собирал запас веток и поддерживал пламя костра, пока на землю Аннуина опускалась тьма.

На четвёртый день Мидиру стало хуже. Его била сильная дрожь, он был бледен и всё пытался нащупать что-то руками. Рейн склонился над ним, не в силах произнести ни слова.

— Слушай меня... — прошептал отшельник. Он закашлялся, и Рейн увидел, как на куртке Мидира появились красные пятна.

— Я слушаю! — в отчаянии воскликнул Рейн.

Подёрнутые пеленой глаза отшельника смотрели прямо на него.

— Когда ты будешь во Дворце Истин... ска... скажи Хашангу, что *Таокэрна* в опасности... просто скажи.

— Да, я скажу! Я скажу ему! — юноша опустился на колени. В голове была какая-то пустота. — *Таокэрна*. Я понял.

— Хорошо... — рука Мидира безвольно опустилась на хвою. Голос его на миг обрёл былую силу. — Да будет радостен твой путь, Рейн из Кельтхайра.

Глаза отшельника поднялись к небу и замерли.

Мидир, Слуга Разума и соратник Зилача, умер.

Рейн дрожащими пальцами опустил ему веки и поднялся с колен. Его лицо было мокрым от слёз. В груди будто пробили дыру. Несколько минут (часов?) он просто стоял на непослушных ногах, не реагируя ни на что. Чьи-то слова лились из него потоком, а он лишь кивал головой, не понимая смысла сказанного.

Первым его осмысленным чувством была ненависть. Рейн схватил тёмный кинжал Рамелиса и изо всех сил забросил его прямо в лес. Проклятое оружие! Будь проклят этот наместник и все Бессмертные! Будь он проклят!

Юноша обернулся и увидел Сатин, стоящую у тела Мидира. По её лицу текли слёзы. Странно, но на этот раз он не ощутил жалости. Он *вообще* ничего не ощутил.

— Сатин, покажи мне свою сумку. — на миг Рейна удивило, как сухо и безжизненно прозвучал его голос. Только на миг.

Её серые глаза расширились от изумления.

— Рейн, я...

— Покажи. — безжалостно повторил он.

Её руки разжались, чёрная сумка скользнула на белый песок.

— Прошу, не надо...

Словно во сне, Рейн подошёл ближе, поднял сумку и резко вытряхнул. В его руках была шкатулка из чёрного дерева.

— Неужели вот это стоило Мидиру жизни... — прошептал Рейн. Он перевёл взгляд на девушку. — как её открыть? Говори, или... или я заставлю тебя.

Дрожащими пальцами Сатин сняла с груди серебряный ключ на верёвке и передала юноше. Казалось, пришлось ждать целую вечность до того, как шкатулка открылась. На дрожащей ладони Рейна лежал сосуд с жидкостью цвета серебра.

— Что это? — произнёс Рейн без всякого выражения.

— Слёзы Наннара. — голос Сатин звучал надломлено.

Повисло молчание.

— Так вот оно что... — произнёс Рейн.

Знаешь, а это было смело — так долго путешествовать с наннари.

— Убирайся. — промолвил он. — Я... я не хочу тебя больше видеть.

— Рейн, послушай...

— Убирайся. — юноша толкнул Сатин, так что она упала на песок. — Ты... ты предательница! Убийца!

— Рейн, нет, ты не понимаешь...

— Ты предательница... — Рейн сжал кулаки. Его глаза были красными от слёз. — Ты никогда не говорила мне правду, ни единого слова! Из-за тебя убили Мидира! Ты убила его!

Сатин стояла, глядя на него в изумлении, по её лицу текли слёзы.

— Уходи отсюда. — сказал он уже спокойнее. — Иди куда хочешь, а я больше не хочу... не хочу с тобой говорить. Я дойду до Дворца Истин. Один.

Она сделала шаг назад.

— Рейн, послушай... после всего, что происходило с нами... я не хочу, чтобы всё... вот так кончилось.

Страшная ухмылка была ей ответом.

— А мне нет никакого дела до того, что ты хочешь. — он подошёл ближе. — Нет никакого дела, ты слышишь?

— Ты не прав. Мидир...

Со страшным криком Рейн бросился к ней и оттолкнул, так что она упала на песок на самой границе с лесной темнотой.

— Не смей говорить про него! — закричал он. — Ты предала всех нас! Предала Хэммона, Людей Лодок, авестийцев. Всех!

Она внезапно поднялась на ноги. Взгляд огнепоклонницы стал пустым. Рейн невольно задрожал, когда эти глаза смотрели на него — то были глаза куклы, мёртвые глаза, лишённые всего живого.

— Хорошо. — сказала Сатин бесцветным голосом. — Я уйду, если ты этого хочешь. Но помни, что я всегда... всегда желала тебе только добра.

Она в последний раз посмотрела на Рейна, ступила во мрак Аннуина и сразу исчезла, скрылась за переплетением корней.

Рейн почувствовал себя лишённым жизни. *Всё. Кончено.* Он неловко шагнул к носилкам, сел у тела Мидира и заплакал.

Интерлюдия. Кровь на снегу

Повозка ехала через ночной лес. Было тихо и сыро. Кеннет сидел на козлах и то и дело тревожно оглядывался по сторонам. Нехорошо, когда путешествуешь через такую глушь. Вчера они миновали эту маленькую деревеньку — Кельтхайр, кажется? — и уже два дня не встретили ни одного путника.

Кеннет пробормотал молитву, глядя на стройные ряды деревьев, что пронесились мимо рядами одинаковых чёрных сторожей. Нехороший лес, тёмный. Будто Аннуин из древних сказаний. Широкие ветви сосен почти полностью скрывали солнечный свет, отчего дорога казалась скрытой странной сумрачной дымкой. Даже небо — тяжёлое, цвета стали — заставляло сердце биться быстрее. В ветвях одной из раскидистых елей что-то зашевелилось. Кеннет поднял голову и увидел ворона. Тот сидел на верхней ветке и, казалось, смотрел прямо на него чёрными как уголь глазами.

— Мерзкая птица... — пробормотал мужчина. Кеннет хлестнул коня и оглянулся на сына. Конан сидел внутри повозки, укрытой от непогоды рогожей, что-то высматривал в лесной чаще. Курчавый, рыжеволосый, как почти все уладцы. Он то и дело выглядывал из-под покрова, чтобы посмотреть, что там, за деревьями. Наконец Кеннет заговорил:

— Ну что ты там все высматриваешь?

Сначала сын не ответил — только молча лежал и смотрел на отца. Кеннет увидел в его глазах тревогу.

— Волки... — наконец пробормотал Конан. — Я видел... что-то светилось в лесу... будто глаза...

Кеннет вздрогнул.

— Ты что, сынок? Волки давно перевелись. Он повернулся к сыну и погладил его по голове. Мальчик испуганно посмотрел на отца.

— Да нет, я видел! Там правда что-то было! Или кто-то...

— Это всего лишь тень от дерева. Ты же знаешь, как бывает, когда долго смотришь в одну точку, то начинает мерещиться всякая ерунда.

— Не знаю, пап, но мне почему-то показалось...

— Всё хорошо, Конан. — Кеннет немного осадил коня и потрепал сына по рыжим волосам. — Вот увидишь, скоро мы будем в Лепте Великой, и всё будет в порядке.

Оба замолчали, повозка продолжала свой долгий путь. Конан задремал, накрывшись плотным дорожным одеялом, а Кеннет всё погонял коня, чувствуя, как в его душу возвращается страх.

Всё началось месяца два назад, когда тэн Тетма приказал ему, старейшине одной из деревень Улады, набрать крепких парней для защиты от мародёров.

— Король Лугайд сейчас сражается с Чёрным Солнцем. — говорил Тетма. Молодой мужчина, почти юноша с венцом из омелы, его карие глаза смотрели на мир с легкомыслием и весельем. — Если я соберу достаточно воинов, то смогу предложить свой меч королю и возвыситься.

Кеннет не мог отказать. Кто он, чтобы перечить высокородному тэну? Старейшина надеялся, что война, которая захватила Уладу, не войдёт в их дом. Что король договорится с этим Элиасом.

Он ошибся.

Через пять дней после того разговора Кеннет уже стоял в тесных рядах ополчения, сжимал в руках копьё и ничего не соображал от страха. Они стояли на краю ровного зелёного луга, а с другой стороны выстраивались войска Претендента — тысячи солдат, облачённых в сверкающую сталь. Над вражеской армией трепетали тёмные знамёна Элиаса Чёрное Солнце. Кеннет беззвучно молился богам. Совсем недавно он управлял деревней — и вот теперь оказался в самом центре этого ужаса.

Отвратительно грянули трубы, линия противника дрогнула и пришла в движение. Дальше всё было как в тумане — ливень стрел, умирающие люди, тяжёлый запах крови, заглушающий всё вокруг... очень скоро порядки смешались, сражение превратилось в хаос, распалось на сотню отдельных битв. Он знал, что король Лугайд никогда по-настоящему не контролировал своих тэнов, но то, что происходило тогда, было похоже на кошмарный сон. Везде воины сражались и убивали друг друга, и нельзя было отличить своих от чужих. Иногда перед глазами проносились флажки с гербами благородных домов — Кеннет даже узнал некоторые из них. Тэн Элла Высокий, Тивальт Красный... но нигде не было синего лосося его господина Тетмы. Шум боя оглушил Кеннета, он поскользнулся на чьей-то крови и еле успел уйти от удара, когда какой-то громила с топором бросился на него, целясь в живот. Не так он представлял себе свой первый бой... Кеннет ткнул вражеского воина копьем, и наконечник сразу же окрасился алым. Вот она, настоящая битва. Неразбериха. Страх. Запах крови, мешающий думать. Кто-то сбил его с ног, а дальше были только темнота и покой. В себя пришёл Кеннет уже в обозе. Его вместе с другими ранеными доставили в замок одного из союзных тэнов. Как он узнал позже, король Лугайд проиграл ту битву, которая была лишь одним из многих сражений в борьбе за трон. Одним из многих! Тэн Тетма погиб, его деревня осталась без господина.

Кеннет вернулся в деревню и постарался забыть о том, что пережил. Попробовал наладить прежнюю жизнь, управлять деревней так, будто ничего и не произошло — и не смог. Война разоряла королевство, но она не была единственной бедой. Было что-то ещё. Главный источник ужаса. С каждым днём всё больше людей покидало свои дома, уходя на юг. Они уходили в Кайсарум, к императору, и бородатые жрецы Улады молили богов о милости. Из уст в уста передавались истории о том, что творится на западе, в Келейнионе. Говорили, что там, на земле, покрытой чёрным туманом, бродят демоны, пожирая всё живое. Люди верили и боялись. А Кеннету приходилось успокаивать их, говорить, что это всего лишь слухи. Но всё равно они уходили. Испуганные, растерянные. Словно видели что-то и не могли рассказать.

— Почему они уходят? — спросил его однажды сын. — Ведь мы ничего не боимся.

— Страхи. — развёл руками Кеннет. В тот миг он изо всех сил пытался выглядеть спокойным. — Какие-то старинные суеверия... ты этому не верь. Клянусь Олламом, всё будет хорошо.

Он ошибся во второй раз.

С каждым днём Кеннет он всё больше убеждался в том, что это не просто слухи и сплетни. Что-то действительно происходило. Какой-то ужас, невидимый и неосязаемый, медленно накрывал все Клятвенные Земли от Запада до Востока. Люди — из тех, что остались — старательно делали вид, что ничего не происходит. И действительно, ничего не случалось. Кроме войны за трон и этих слухов ничего больше не тревожило земли Улады. Но что-то существовало. Подспудный страх, какое-то понимание, интуиция. Внутренний голос каждого словно сошёл с ума. Один из зажиточных селян, с которым Кеннет часто обедал,

как-то сказал, что должен покинуть деревню. Просто так, из-за некоего плохого предчувствия. И покинул. Бросил своё серебро, дом, семью — умчался на глазах у всей деревни, погоняя лошадь.

К лету всё стало хуже. Даже ветер нес с собой привычный запах цветущих полей, а вместе с ним — ощущение чего-то неправильного, неестественного. И еще — страх. Ветер приносил тревожные вести. Казалось, они поднимались из земли, растекались по всему миру и проникали в сердце каждого. Безумие расползлось по Уладе. Говорили, что в Келейнионе видели каких-то странных людей, что чёрный туман накрыл эту страну целиком и движется дальше... Лугайд растерял всех своих вассалов и сидел в Махе-Эмайн, ожидая гибели. Совсем скоро тэн Элиас наденет на себя королевскую корону... Кеннет не стал ждать, когда настанет его очередь. Одной ночью он разбудил Конана, собрал вещи — и уже почти полмесяца направлялся на юг, в Кайсарум. Там должно быть безопасно. Боги, должно...

— Пап, я ведь вижу, там какой-то костёр!

Кеннет внимательно посмотрел на сына, на этот раз — с тревогой. Может, и правда что-то есть? Путники, разбойники, солдаты Претендента? Он тщательно осмотрелся, но ничего не увидел кроме полосы серого неба, деревьев и узкой дороги, по которой катила их повозка.

— Там ничего нет, просто в лунном свете иногда кажется, что что-то есть. Это деревья, ничего больше.

Кеннет натянул вожжи, и повозка остановилась. Он слез с козел и прислонился к ближайшей сосне, разминая затёкшие ноги. Пора отдохнуть. Они и так ехали целый день без остановок. Мужчина достал из повозки узелок с хлебом и разломил: один кусок для себя, второй — для сына.

Кеннет улыбнулся, глядя на то, как Конан вылезает из повозки и достаёт свистульку — подарок на десятилетие. Всё будет хорошо, подумал мужчина.

И ошибся.

Конан немного испугался, когда впервые услышал колокольчики. До его слуха донеслась серебряная трель, такая тихая, что сначала он усомнился, произошло ли это на самом деле или же он задремал, сидя в повозке. Он ещё не забыл те огоньки, которые видел недавно — словно что-то на миг блеснуло в глубине леса, заманчивое и алое. Отец всегда говорил, что нельзя заходить так далеко — в чаще живёт Ольховый Король, он заберёт с собой любого, кто осмелится нарушить покой лесных обитателей. Но Конану уже десять. Он взрослый. Он уже не боится.

Отец вернулся к телеге и теперь искал там корм для коня. Конан скучал, крутя в руках глиняную свистульку. Они так долго едут, а ничего не происходит... ни разбойников, ни сокровищ. Мальчик доел хлеб, облизнул пальцы и рассеяно разглядывал лес. В этот момент он снова услышал тот тихий перезвон — мелодия исходила словно из ниоткуда. Из леса. Из-за деревьев. Нежные переливы едва заметно касались его разума. Мальчик внезапно понял, что в этой странной музыке он может различить голоса. Два голоса. Мужской и женский.

Забери свои печали

к нам скорее приходи.

Лес зовёт — так мы сказали

Всех оставь ты позади.

Отвори дверь нашей власти

Мы тебе не навредим.

И не вздумай нам перечить

Мы такого не простим.

Они были такими печальными, такими красивыми... голоса просили его найти их. Они тянули в лес. Они звали.

Конану показалось, что мир стал ярче.

Не слишком хорошо понимая, что он делает, мальчик шагнул вперёд. Сначала от земли — медленно, как во сне — оторвалась одна нога, после — вторая. Он сделал второй шаг. Третий... Колокольчики в голове стали громче. Конан обернулся: отец сосредоточенно рылся в повозке и ничего не замечал.

Иди к нам. — женский голос, юный и чистый. *Мы хотим быть с тобой.*

Мальчик поспешил в лес, торопливо переставляя ноги. В мыслях была пустота. Как только он оставил дорогу позади, мелодия стала ещё сильнее. Он миновал ряд сосен, отсекая от себя все звуки — на лес будто опустилась покрывало из тишины, и только лёгкий, серебристый перезвон нарушал её. Колочая ветка ударила его по лицу, но он не ощутил боли.

Иди к нам. Раздели с нами радости.

С каждым новым шагом Конан всё дальше заходил в лес. Где-то вдалеке за ветвями то и дело мелькали огоньки — алые, яркие, манящие. Кроме них света не было — лес был тёмным, точно в одно мгновение наступила ночь. Ноги мягко ступали по сухим иголкам, с деревьев свисали клочья мха, делая вековые сосны похожими на чудовищ с когтистыми лапами. Краем глаза он заметил, что на земле лежит ворон. Крылья птицы были раскинуты в стороны, голова — вывернута под неестественным углом. Колокольчики теперь оглушали, кровь грохотала в ушах. Слов не было, но всё было понятно и без них. Звон толкал его в чашу. Призывал к себе. Требовал.

Мальчик остановился у поляны, которая, казалось, возникла в самом сердце леса как по волшебству — густая растительность внезапно обрывалась, уступая место гладкому травяному покрову. Ноги его замерли сами по себе, и Конан встал за деревом, из-за которого поляна просматривалась целиком. Музыка грянула и пропала. Только сейчас мальчик понял, что видит перед собой.

Это была удивительно ровная, чистая поляна, на которую природа будто случайно выбросила несколько разноцветных пятен — то тут, то там на зелёной траве выделялись скопления цветов необычного оттенка. Сквозь странную пелену в мыслях Конан подумал, что эти цветы такие же красные, как только что пролитая кровь. В самом центре поляны ярко горел костёр, хотя дров или веток мальчик не заметил. Пламя отдавало алым, и это почему-то казалось неправильным.

Рядом с костром стояли двое.

Одна из фигур принадлежала высокому, стройному юноше, облачённому в зелёный камзол, расшитый золотом. Его коричневые волосы волнами спускались до самых плеч. Юноша стоял вполборота, но Конан увидел, что у него разноцветные глаза. Карий и синий. Правой рукой юноша опирался о край большой лиры. Пальцы левой медленно перебирали струны, и звук, издаваемый ими, напоминал тихий шелест ветра.

Вторая фигура стояла к мальчику спиной.

Это была женщина — по крайней мере, так показалось Конану. Она была такой же

высокой, как юноша, но немного уже в плечах. На ней было какое-то странное, ослепительно белое платье, перехваченное серебристым поясом. Лицо скрывал глубокий капюшон. Рук Конан тоже не видел — похоже, женщина скрестила их на груди. От этой неподвижной фигуры исходила непонятная угроза, и мальчик почувствовал, как по его спине пробежал холодок.

Юноша вдруг резко отдернул руку. Музыка стихла.

— Приятно снова почувствовать себя живым. — произнёс он чистым звонким голосом. — Мне этого так не хватало.

Фигура в белом хранила молчание.

— Знаешь, — продолжил он, — впервые за сколько лет я по-настоящему счастлив. Ты заметила, как изменилось время? Я могу ходить по миру и оставаться неузнанным. Быть легендой — это так захватывает.

— Чего ты хочешь? — спросила женщина, даже не обернувшись. Голос её прозвучал глухо. — Развлекься? Найти себе новых шутов для свиты? Вспомни, что сказал Мореллин. Мы здесь в роли слуг.

— О, я помню. — ответил юноша. Его красивое лицо на миг исказила гримаса боли. — И не предлагаю выступить против него. Он очень силён, даже несмотря на Цепь. Сильнее всех нас.

— Абомталь выступил.

— Абомталь — глупец. Всегда действовал слишком агрессивно.

— Не думала, что тебе так нравится служить Сменившему.

— Мне — нет. Но сейчас только он может дать то, чего желаем мы все.

— Что ты собираешься делать дальше? — женщина в белом говорила медленно, без эмоций, её лица по-прежнему не было видно.

— Отправлюсь в Хассарет. Так хочет Мореллин. Кстати... этот Элиас Чёрное Солнце... твоё затея, верно?

— Мне неизвестно это имя.

Струны лиры дёрнулись под тонкими пальцами и смолкли.

— Верно. — сказал музыкант. — Всегда забываю, что тебя не интересуют смертные. Это я люблю вмешиваться в их дела. Дёргать за ниточки, менять короны. Но здесь нет моего следа.

— Мореллин?

— Кто знает... может, это один из нас. Из тех, о ком ничего не слышно. Тиферет так и не объявилась, а ты знаешь, как он к ней привязан. Я могу допустить, что она всё это время вела свою игру.

— Скоро узнаем. — на этот раз в голосе женщины прозвучало что-то, похожее на интерес. — Что будем делать сейчас?

Юноша улыбнулся недоброй улыбкой. Повернулся.

— Развлекься... так ты сказала, верно? У нас есть ещё время. Давай посмотрим, кого ты поймала на этот раз.

В воздухе снова раздался звон. Новые слова — на этот раз куда более громкие, зовущие — бились о разум мальчика подобно приливу.

Не противься, милый мальчик

Ты не можешь убежать.

Ну же, дай себя увидеть

Буду я с тобой плясать.

Конан, который всё это время стоял за деревом, послушно двинулся вперёд. Он не мог двинуть ни мускулом — просто смотрел на то, как его ноги идут по траве, приминая алые цветы. Он был пленником, наблюдателем в собственном теле. Мальчик остановился в паре шагов от костра. Было холодно. Алое пламя не грело.

Незнакомец, что играл на лире, дугой выгнул левую бровь.

— Паренёк... Уверена, что он утолит твой голод?

Фигура в белом еле заметно склонила голову.

— Уверена.

Юноша повернулся к Конану — зелёное пятно на фоне алого огня.

— Скажи, мальчик, ты знаешь, кто я? — его улыбка не предвещала ничего хорошего.

Конан помотал головой. Оцепенение уходило, но он по-прежнему не мог сдвинуться с места.

— Как невежливо... смертные должны знать своих хозяев. Меня называют...

— Оставь его мне. — холодное безразличие в голове женщины уступило месту плохо скрываемому возбуждению.

Музыкант смолк и отступил к лире. Белая фигура повернулась к Конану. Она подняла голову, и мальчик задрожал при виде её лица.

Это была маска. Личина из серебра. Резные губы кривились в усмешке, металлический лик сиял в неправильном свете пламени. Из-за маски на него смотрели глаза цвета расплавленного золота. Глаза без зрачков. Странное желание волнами исходило от женщины, и Конан почувствовал, что не боится.

— *Подойди.* — приказала она. У неё были длинные красные перчатки, такие же алые, как и огонь позади. Эти перчатки резко контрастировали с её одеянием. Красный и белый... как кровь на снегу.

Конан приблизился.

— Такой чистый... произнесла она. — Как же долго я ждала этого момента...

— Кто вы? — слова с трудом выходили изо рта Конана. — Я... я вам ничего не сделал. Отпустите меня, я никому не скажу.

Серебряное Лицо рассмеялась тихим торжествующим смехом.

— Я — Алая Длань, Четвёртая из Непрощённых. Я всегда беру то, что хочу.

Поляна начала меняться. Тени сгустились, очертания окружающих предметов смазались, и всё погрузилось во тьму. Костёр, тот юноша, лира — всё пропало. В окружающем его мраке мальчик видел только одно — женщину в белом платье и маске. Её глаза сияли двумя пятнами жёлтого света, этот свет проникал внутрь, ослеплял, оглушал. Холодная пустота, холод, холод... Куда-то исчез и холод, исчезло и её тело. Исчезло всё, кроме дивного серебряного лица.

Она была такой юной, такой прекрасной. Она ждала. Зачем ему сопротивляться такой красоте?

Он закрыл глаза.

Юноша в зелёном камзоле смотрел, ухмыляясь, как клубящийся мрак охватывает женщину и мальчика. Голод его спутницы не был серьёзной помехой, но он не слишком не любил смотреть, как она поглощает своих избранников. Иногда это отнимало слишком много времени, а их нынешний господин не любит, когда его планы нарушают.

Чёрное облако рассеялось. Женщина в маске стояла, скрестив руки на груди. Мальчика

рядом с ней не было, будто он и не приходил вовсе.

— Я закончила. — сказала она негромко.

Юноша посмотрел прямо на неё, затем улыбнулся. Когда нужно, она умела быть кровожадной.

— Мне понравилось, как ты это сделала. Этот морок... один из лучших, не так ли?

Лири заходила ходуном под его сильными пальцами.

Серебряная маска повернулась к нему. Он встретил её взгляд с готовностью, затем вдруг прижал женщину к себе. Её руки в красных перчатках обхватили его плечи.

— Нас ждут великие дела... — прошептал он, глядя в прорези маски. — Ты только подумай, каким мы сделаем мир. Только для нас. Без Мореллина. Скоро у нас будет шанс...

— Ты очень самонадеян. — сказала женщина. — Это зря. Доставь мне удовольствие, Несущий Ложь...

— Можно без титулов, милая.

— Как скажешь. — она отстранилась. Блики огня играли на металле её лица. — Я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал.

— Всё, что угодно.

Она наклонилась к нему, что-то прошептала.

На миг юноша переменился, его глаза — один голубой, другой карий — подёрнулись пеленой невероятной древности.

— О, я сделаю это. — его улыбка стала шире. — Пришла пора начать собственную игру.

Глава шестнадцатая. Сатин одна

Если о самих круитни нам известны обрывочные легенды и сказки, то об их короле мы не знаем практически ничего. Король круитни, бессмертный государь Теневого Народа, Ольховый Король — в разные времена его называли по-разному. Он не относится ни к Благим, ни к Непрощённым — и, кажется, намного древнее их.

Ты предательница. Убийца.

Эти слова преследовали Сатин, и она бежала от них. Она бежала от своих мыслей, а они говорили ей — ты предала его. Предала всех. Когда она в порыве отчаяния бросилась в лес, то вечная тьма Аннуина словно приняла её в свои объятия. Девушка шагнула прямо в стену черноты, и тут же мороз окутал её, как если бы она прошла сквозь холодный водопад. Мир замер. По коже прокатился озноб. Сатин двигалась неестественно медленно, как насекомое, попавшее в каплю янтаря. Звуки пропали, как и белая дорога — с этой стороны Аннуина не было видно совсем ничего. Вдруг стало тепло, и Сатин застыла на месте, оглядываясь.

Со всех сторон её обступали сосны со стволами цвета камня. Бесчисленные ветви сплетались над её головой в сплошной купол из серого дерева и хвои болезненного зеленоватого оттенка. Странные кусты дрожали под напором ветра, перебирая бледно-красными листьями — узкими, как наконечники стрел. Веяло ночной свежестью, но в воздухе всё равно ощущалось нечто опасное. Вместо неба — тяжёлые сосновые лапы с редкими просветами чего-то белого. Вместо мягкой травы под ногами — чёрный лёд и переплетение корней, которому не было видно конца. Вместо солнечного света — тусклое свечение, исходящее сразу отовсюду. Аннуин. Земля теней. На всё будто была наброшена серая вуаль, делая мир бесцветным и призрачным. Так тихо... Даже стук собственного сердца казался здесь неуместным.

Девушка обернулась. За спиной осталась бурлящая стена мрака, через которую она прошла сюда. Тьма поднималась от самой земли и уходила прямо в небо, надёжно отделяя лес от белой дороги, по которой они с Рейном держали путь в Дворец Истин. Рейн... он её не простит. Теперь — нет. Она обманула его. Она погубила Мидира.

Иди куда хочешь, а я больше не хочу... не хочу с тобой говорить.

Сатин рухнула на ледяную, покрытую корнями-змеями землю Аннуина, ощущая внутри себя комок беспомощности и злобы. Тепло ушло, стало холодно, из-за чего окружавший девушку мир стал ещё более жутким. Кусочки неба между ветвями, казалось, смотрели на неё с осуждением и насмешкой. Ничего уже не вернуть. И всё, что ещё оставалось у неё в жизни, было перечеркнуто её собственной рукой. Приказ Совершенного, чарующе-страшашие Слёзы Наннара в стеклянном сосуде, Рейн... почему она ему не сказала? Почему промолчала? Боялась последствий? Думала, что её не поймут? Девушка поняла, что сегодня она прошла мимо человека, который стал для неё дорожкой всех на свете, дорожкой собственной жизни. Предала. Он, наверное, её возненавидел... наверное, сейчас идёт по белой дороге прямо ко Дворцу Истин.

Раз так, ей нужно выбрать свою.

Это будет её наказанием. Её карой. Она предала его, и теперь расплачивается за свои грехи.

Сатин встала, чувствуя, как голова наливается свинцовой тяжестью. У неё с собой не было ни еды, ни воды, но она об этом и не думала. Ей надо идти, и без разницы, что будет

дальше. Под её ногами через ковёр из корней бежала узкая дорожка, чёрный лёд отражал случайные проблески белого света. Ледяная поверхность была гладкой и чистой, и в ней Сатин мельком увидела своё отражение. Она отвернулась. Пути назад нет... она потеряла друга... пусть её наказание начнётся прямо сейчас.

Тёмная лента тропы растворялась в лесу, такая же призрачная и зыбкая, как и весь Аннуин. Сатин шла, бездумно переставляя ноги, смотрела прямо перед собой и думала о прошлом. В её сознании проносились картины их путешествия: первая встреча с Рейном, Бессмертный, урок Иеромагии и побег от Рамелиса. Девушка гнала от себя эти мысли, но они каждый раз возвращались, напоминая о том, что она сделала.

Становилось холоднее. Лёд был скользким, и скоро она потеряла счёт своим падениям. Переплетения корней заставляли выбирать путь с осторожностью. Один раз Сатин не заметила длинный чёрный корень и ушибла себе колено. Странно, но боль была ей приятна. Она заслужила это. Заслужила страдание.

Сатин продвигалась вперёд. Она не знала, сколько времени прошло — в Аннуине не было солнца, а значит, не было и дня с ночью. Сколько она идёт по этой дороге изо льда? Час? День?

Вечность?

Чувства притупились. Поначалу она мучилась от жажды, позже — от голода. Затем стало легче. Она сосредоточилась на том, как переставлять ноги. Шаг, другой, третий, четвёртый, пятый. Сначала двигается правая нога, потом — левая. Девушка шла и шла вперёд, и через какое-то время воспоминание о её предательстве притупилось, поблекло, стало бесцветным, как и всё в мире. Где-то в голове она могла слышать голоса, даже не думая о том, кто или что издаёт их. Не всё ли равно? Она потерялась здесь, в Аннуине. Она погибнет из-за своего преступления.

Маленький светлячок летел на свет.

Маленький огонёк запутался в паутине.

Человеческое существо, что ты здесь делаешь?

Так тихо. И холодно. Она обхватила себя руками, стараясь согреться. Почему ей так холодно? Снег... зима... этого нет здесь. Больше нет, и не было никогда. Её мир... Дворец Истин... было ли это на самом деле? Быть может, это всё было сном? Мир, полный красок, и тот человек, которого она предала.

— Помогите! — крикнула Сатин и удивилась, как проклятый лес поглощает звук.

— Помогите... помогите... помоги... те...

Дорожка начала расширяться. Корни теперь переплетались не так часто и были не такими толстыми, как в начале её пути. Холод становился сильнее, темнота постепенно спускалась на лес. Почему это происходит? Кто говорит с ней? Почему она слышит эти голоса на границе разума?

Потерянная... потерянная во мраке.

Теперь ты будешь с нами.

Мёртвая Сатин. Сатин-предательница.

Эйсиги, эйсиги, теар ниблетах.

Последние слова громом ударили по ослабевшему разуму, разом вывели её из ступора. Девушка замерла, оглядываясь вокруг. Никого. Никого, кроме неё самой. Ей показалось, будто тысяча глаз смотрит в спину. Тысяча алых глаз, голодных, жаждущих. Они так долго находились здесь. Так изголодались по живой плоти. Так хотели снова испробовать

человека.

Дитя?

Человеческое дитя, зачем ты пришла к нам?

Дитя, мы приглашаем тебя на танец.

Тьма продолжала густеть. Вскоре Сатин уже не могла разобрать дороги: деревья и корни слились в единое целое, в бесконечно огромное чудище с тысячью щупалец. Мороз крепчал, девушка уже не чувствовала пальцев. Она без сил привалилась к одному из деревьев, вглядываясь во мрак. Ей чудилось, что из темноты проступают чьи-то очертания: тонкие силуэты, рогатые лица, глаза-щели, яркие, как лёд. Страх ослабел и теперь с трудом пробивался через пелену усталости и равнодушия. Ей нет дела до тех, кто таится в лесу. Нет дела до того, что станет с ней в будущем. Сатин устроилась на земле у сосны, положив голову на широкий, плоский корень. Мысли её теперь были вязкими, как кисель. На душе стало спокойно. Если она уснёт здесь, то погибнет от холода. Мир исчезнет, ничего больше не будет, и ей не придётся больше идти по этому лесу. Не придётся сожалеть о том, что она сделала, там, в мире из солнца и цвета. Сатин просто закрыла глаза и тут же погрузилось в тяжёлое, вязкое забытие — посередине между сном и бодрствованием. Ей снилось, как она лежит у чёрного дерева, а вокруг собираются все люди, что потерялись во тьме Аннуина — старые люди, древние люди, бледные тени, потерявшие рассудок. Были среди них и другие, высокие и чёрные, они подходили ближе, протягивали к ней руки, звали, звали, звали.

В ущелья, к вершинам скал

никто у нас не пойдёт:

там, высоко в горах,

народ теневой живет.

В зеленых кафтанах они

гуляют в тени лесов,

на красных шляпах у них

белые перья сов.

В другом сне она шла по длинным каменным коридорам, уходившим вниз, и не чувствовала себя. Здесь никогда не было света. Она даже не могла понять, открыты ли её глаза. Девушка просто шла по коридорам, руки задевали что-то мягкое, похожее на мох. Не было даже чувства направления, не было “право” и “лево”. Только вниз. Только в глубины. Она никогда не заходила так далеко. Сатин чувствовала, что её ждут и что она обязательно должна быть там — только идя по этому коридору, она сможет найти что-то. Что-то чудесное. Как давно она ослепла? Когда в последний раз видела свет?

Один из переходов вёл в какое-то просторное помещение: Сатин не могла его видеть, но чувствовала, что сама тьма стала иной. Не душным и узким мраком коридоров, но чем-то другим — каким-то простором, от которого веяло бесконечной древностью. Её шаги отдавались в тёмном камне гулким эхом, и Сатин боялась, что их обязательно услышит кто-нибудь из оставшихся там, внизу. Пение теней уже давно смолкло — только капли воды монотонно разбивались о каменный пол. Так темно. Неужели она когда-то жила в другом месте? Нет, то был сон, всего лишь видение. Она всегда была бесплотным духом, призраком в этом подземном мире.

В какой-то момент у неё появилось время рассмотреть этот мир: окружающая тьма сначала стала не такой густой, как раньше, а затем перед Сатин появилось бледное сияние. Шарики белого света возникли из ничего и зависли в воздухе над её плечом.

Возвращайся. — произнёс странно знакомый голос. — *Тебе здесь не место, маленький огонёк.*

Она давно отвыкла от человеческой речи, отвыкла даже от пения тех голодных созданий внизу. Сатин рассматривала залу и почему-то узнавала это место. Там были белые колонны, высокие и стройные, и гладкие стены, сливавшиеся с тёмным сводом. И над всем этим — звёзды, яркие, как драгоценные камни, такие далёкие. Вся зала была какой-то нереальной. Девушка повернула голову — белый мрамор тут же расплылся, стал необработанным серым камнем. Звёзды на потолке оказались светящимися точками, глазами алчных теней из леса. Лес... что сон, а что — действительность?

В середине зала стояла высокая фигура.

— Покажись, я хочу увидеть тебя. — голос, тихий и вкрадчивый.

Было уже поздно. Она видела его.

Белый силуэт в длинном чёрном балахоне — совершенно чужой, безликий и бесприютный, как и сама Сатин. Надменно поднятая голова, лицо, бледное, словно кость, холодные глаза... Это лицо было нечеловеческим — узкое, с высокими скулами, как будто вырезанное умелым скульптором. Из светлых, почти белых волос поднимались ветвистые рога.

Тени в озерной воде

устроили свой приют,

и от врагов всю ночь

звери их стерегут.

Король их и стар, и сед,

утратил ум и покой.

По струям тумана он

любит бродить над рекой.

Или в холодную ночь

летит с королевой ввысь,

туда, где в крошечной тьме

созвездий огни зажглись.

Странное пение завораживало. Сатин покачнулась. Чужие мысли, непонятные мысли, не такие, как у людей. Чьи-то руки трогают её лицо... Люди, тени, видения... Лица, глаза, голоса... Мы так долго тебя ждали... давай, иди, танцуй с нами... приляг на ложе и умри на нём для нашего короля... Ты знаешь, как мы тебя любим... Смотреть на белую фигуру становилось всё труднее и труднее — девушка начала задыхаться, словно что-то давило на грудь. Она почувствовала, что с ней кто-то говорит — чужая речь, быстрая и чувственная.

Эйсиги, эйсиги, ллеар даналлин! Эйсиги, эйсиги, ллиам танеллин!

Ты должна танцевать... танцевать, танцевать... стань жертвой королю теней...

Ледяной холод пронизывал её тело, в голове стало пусто. Чувство безысходности охватило Сатин. Её лёгкие словно наполнились водой, воздуха не было, и не было сил этому сопротивляться. Она упала на колени. Длинные белые руки потянулись к ней.

— Лети туда, где танцуют тени! — говорила чужая речь. — Отдай нам свою жизнь!

Вдруг свет померк. Перед глазами всё расплывалось, девушка словно становилась невидимой и бестелесной. Последнее, что она увидела, прежде чем потерять сознание — узкое белое лицо, искажённое гримасой злобы и голода.

Сатин открыла глаза.

Она лежала под серым деревом на корнях, укрытая чёрным плащом. После абсолютной черноты подземелья сумрак Аннуина показался ей ослепительным — она даже прищурилась, прикрыв глаза ладонью. Было тепло. Сатин по-прежнему ощущала слабость, но в голове прояснилось. Похоже, этой ночью ей снилось что-то очень странное. Но что именно? Что-то связанное с танцующими тенями, не так ли? Сатин попыталась вспомнить, что же она видела — с каждой секундой это давалось ей всё труднее. Сон ускользал от неё, забывался. Она попыталась сосредоточиться, но не смогла — странные картинки сменяли друг друга, и ни один из увиденных ею образов нельзя было истолковать. Впрочем, если на то пошло, она совсем не помнила, что же такое видела этой ночью. Кажется, там было что-то белое... какой-то зал... подземелье... Девушка поднялась на ноги. Пелена сна спала окончательно. Сатин вспомнила, что находится в Аннуине, вспомнила, почему убежала за стену из черноты. Предательница. Одна, навеки одна.

— Ты ошибаешься, ходящая по снам. — произнёс кто-то у неё над ухом.

Она обернулась.

Хотя было тепло, Сатин пробил волна озноба. В двух шагах от неё разлилось красноватое сияние, воздух замерцал и уплотнился, принимая очертания человеческой фигуры. Сияние померкло, и перед Сатин оказался мужчина в чёрном камзоле с серебряным шитьём и высоких чёрных сапогах. Рыжие волосы спускались до плеч и в полумраке походили на языки пламени. Его глаза... Сатин не могла подобрать слова, но они показались ей странно знакомыми. Цепкие и жёлтые, как глаза лисицы.

— Снова пересекаются наши пути. — произнёс он глубоким мелодичным голосом. — Что ты здесь делаешь? Аннуин — не слишком приятное место.

Сатин молчала, изумлённо всматриваясь в его лицо. Она вспомнила его. Вспомнила громадный витраж с восемью фигурами. Чудовищ по тьме. Комнату с картиной и человека, с которым говорила.

— Философ... — прошептала девушка. — Но... как... вы же...

— Я ведь знаю, ты способна отличить сон от яви. — сказал он с улыбкой. — Мы снова встретились. Надеюсь, на этот раз у тебя не возникнет сомнений в реальности моего существования.

Мужчина медленно поднял правую руку, и на его ладони вспыхнул шарик красного света. Философ что-то пробормотал — шарик тут же поднялся в воздух, разгоняя темноту леса ровным мягким светом.

— Что ты здесь делаешь? — повторил он. Глаза его лукаво блеснули. — В Аннуине даже белые дороги несут смерть, а ты забралась так далеко...

Сатин отступила назад. Этот человек... он обладал каким-то непонятным могуществом. В случае чего ей будет нечем себя защитить.

— Кто вы? — голос её поскользнулся, вопрос прозвучал как мольба о пощаде. — Вы Иеромаг, да? Один из Иерархов, что служат Совершенному?

Он улыбнулся, как ей показалось, с иронией.

— И да, и нет. Ты скоро узнаешь, маленький огонёк. Но нет, я не враг. Тебе не надо меня бояться. Так что же делает столь юная особа в этом месте? Как я уже сказал, Аннуин не слишком подходит для прогулок.

— Я здесь случайно. — начала Сатин, тщательно подбирая слова. — Мы шли в один... в один город. Знакомый мостоходец сказал, через Аннуин будет быстрее. Потом мы разделились. Я... потерялась здесь. Зашла за стену, чтобы собрать веток для костра, и...

— Значит, ты заблудилась, — сказал Философ, продолжая улыбаться. — Захватывающая история. Боюсь, в неё трудно поверить, когда знаешь некоторые... — он неопределённо махнул рукой — особенности этого места.

Сатин не нашла, что ответить. Этот человек видел её насквозь. И если он окажется врагом...

— Не тревожься. — Философ посерьёзnel. — Я не причиню тебе вреда, обещаю. У нас впереди долгая беседа. Думаю, нам следует немного переменить обстановку.

Он повелительно взмахнул рукой и что-то произнёс. На глазах девушки участок леса рядом с ними осветился алым светом, исходящим от ладоней человека в чёрном. Воздух заволновался, как марево в жаркий летний день. Проявилось три силуэта — сначала почти не видимые и прозрачные, они с каждым мигom становились всё более чёткими, принимая определённую форму и цвет. Через какое-то время на ледяной земле Аннуина стоял... стол. Обычный круглый стол из светлого дерева, к которому были придвинуты два кресла с высокими спинками.

— Ты приглашаешь меня к столу? — осторожно спросила девушка. Положение, в котором она оказалась, становилось всё более странным.

— Называй это так, если хочешь, — ответил Философ с усмешкой. — Садись. Здесь ты в безопасности.

Сатин осторожно опустилась в одно из кресел, на всякий случай пощупав его, прежде чем сесть. Всего лишь дерево, обтянутое красным сукном, ничего необычного. Мужчина в чёрном занял сиденье напротив. Ещё один взмах руки — и на столе возникло две чашки из тонкого фарфора. От горячего чая поднимался пар. Девушка сделала небольшой глоток: чай оказался неожиданно крепким и душистым.

— Итак, — произнёс Философ, — мне хочется узнать всё о том, как ты оказалась в таком положении. Одна в Аннуине, к тому же выжила после встречи с круитни...

— С кем?!

Мужчина улыбнулся.

— В твоих сновидениях куда больше смысла, чем ты можешь себе представить... ну да ладно, всему своё время. Расскажи мне всё без утайки.

И Сатин рассказала. Сначала медленно и сбивчиво, затем всё больше увлекаясь. Этот человек, судя по всему, не был недругом. Он хотел помочь. Она рассказала ему всё как было. О своих снах. Об Иерархе и его задании. О том, как встретила Рейна и Мидира и как обманывала их на протяжении всего пути. О Рамелисе и его безумных речах. То, что мужчина в чёрном понял из её объяснений, его, похоже, вполне устроило. Он молчал, устремив на неё свои жёлтые глаза, и только кивал иногда в ответ на её слова. Сатин уже ожидала, что он спросит её о чём-то, но Философ молчал.

— Ты — необычная девушка. — сказал он наконец. — Эти твои видения... очень интересно. Мало кому удавалось выманить короля круитни из его покоев.

Сатин содрогнулась, вспомнив подземную залу и высокую белую фигуру с её пением. Теневой Народ... после побега от Бессмертного и одержимости наместника Рамелиса она могла верить во что угодно.

— Что ты намерена делать теперь? — поинтересовался Философ.

Она только пожала плечами. Отчаяние вчерашнего дня сменилось тревогой за Рейна и их миссию. Если бы она только могла снова его встретить... попросить прощения, выговориться...

— Я сбежала от своего друга. Предала. Я уже не смогу его нагнать.

Глаза Философа на миг осветил внутренний свет, превратив их в два наполненных огнём колодца.

— Я могу провести тебя через лес. Туда, где сейчас этот юноша. Но должен предупредить... — он криво усмехнулся, — в Аннуине мы не одни.

В его руках возникло зеркало с длинной серебряной ручкой. Сатин заглянула в него, но вместо своего отражения увидела только белую дорогу, по обе стороны от которой стояла тьма, свешивались ветви древних сосен. Всё было спокойно и тихо. Или... она пригляделась.

В отдалении возникло какое-то движение, и Сатин увидела его. Посередине белой дороги медленно шёл высокий мужчина, его голова то и дело поворачивалась из стороны в сторону, как если бы он что-то высматривал. Или кого-то. Фигура находилась слишком далеко и была нечёткой, но девушка смогла разглядеть, что одежда у него цвета пурпура, голова лысая и белая, словно яйцо, а у ног клубами стелется густой чёрный туман. Рамелис. Она перевела взгляд на Философа.

— Пурпурный человек нагоняет твоего соратника. — произнёс рыжеволосый человек. — Сожалею, но моя магия не может противостоять тому зверю, которого Рамелис носит внутри. Во всяком случае, не сейчас. Я направлю тебя прямо к этому Рейну. Но запомни: ни слова обо мне. Ты поняла?

Сатин с готовностью кивнула. — Да. Поняла.

Он, казалось, удовлетворился её ответом.

— Это не последняя наша встреча, маленький огонёк. Скоро я снова тебя увижу. А теперь возьми меня за руку.

Прикосновение Философа оказалось ледяным. Девушка вздрогнула, но руки не отдернула. Философ поднял голову и посмотрел Сатин прямо в глаза. Когда их взгляды встретились, Сатин почувствовала странную неловкость. Ей показалось, что на неё смотрят два светящихся жёлтых шара, два озера, полных расплавленного металла. Предметы вокруг стали стремительно терять очертания. Всё замелькало и исказилось. Стало темно. Сатин больше не чувствовала своего тела — только холод и ощущение быстрого, невозможного движения.

Философ так и остался стоять посреди бесконечного тёмного леса. На лице рыжего мужчины блуждала загадочная улыбка.

Глава семнадцатая. Через белые дороги

Сегодня ночью мне снился Кузнец Погибели — исполинская бледная тень в пурпурном плаще. Она нависала над городом, и я понимал, что это — только одно из семи чудовищ, которые покушаются на весь мир. Я думаю, это не просто сон. Было ли это неким знаком, предупреждением для меня? Кошмаром, порождённым моими исследованиями — или знамением?

Рейн ненавидел белый цвет, который уже через несколько дней пути стал для него значить только одно: бесконечные дороги Аннуина. Ненавидел и чёрный — цвет мрака, из объятий которого выглядывали редкие ветки сосен. В мире, казалось, не осталось больше цветов кроме этих двух, а из оттенков были только пепельный и серый. Однообразие угнетало особенно сильно: будь Аннуин чуть более ярким он, быть может, на время и забыл бы о произошедшем. Вопреки желаниям Рейна, мир Четвёртого моста оказался пугающе скучен. Оставленный в одиночестве, Рейн не находил себе места. Если бы сейчас перед ним возник Рамелис, юноша бы с радостью принял бой: ещё одну ночь наедине с собой он не выдержит. Сотни упрёков возникали в его голове — а он даже не мог от них отвлечься.

Он потерял Мидира.

Потерял Сатин.

Совість проснулась в нём сразу же после того, как он похоронил своего учителя и друга. Отшельник теперь лежал в белой земле на том месте, где они разделились. На лице Мидира застыло странное умиротворённое выражение — словно после смерти он понял, что выполнил свою задачу перед Слугами Разума. Когда Рейн закончил свою скорбную работу и отошёл в сторону, то обнаружил, что чего-то не хватает. Сатин не было. От осознания того, что он остался один, юноше стало жутко. Рейн попробовал отыскать в себе что-то, хоть отдалённо похожее на гнев, но с удивлением обнаружил, что больше не зол на огнепоклонницу. Внезапная вспышка ярости отступила, на смену ей пришёл стыд. Теперь Рейн чувствовал лишь угрызения совести за свои резкие слова и в то же время усталость — как если бы на него вдруг навалилась вся тяжесть мира.

Убирайся.

Так он сказал ей. Оттолкнул её. Она ушла по его вине. Осознание этого доставляло Рейну почти физическую боль. Тогда, стоя у могилы Мидира, юноша впервые почувствовал какую-то пустоту внутри — словно оборвалась та нить, которая связывала его с друзьями. Мидир мёртв. Сатин пропала. В один момент Рейну захотелось броситься во мрак Аннуина вслед за девушкой, найти её, взять за руку и поговорить. Он успел вплотную подойти к стене чёрного тумана и только потом понял, что не может этого сделать. Он не может рисковать своей жизнью. Он должен идти. Так хотел Мидир. Если не передать весть Иерархам, то все Клятвенные Земли изойдут кровью, склонятся перед Бессмертными и их страшным господином. Перед внутренним взором Рейна возникли пурпурное одеяние и иссиня-чёрные глаза наместника. Рамелис. Этот человек — Кузнец Погибели, его сосуд и прислужник. Его надо остановить.

Юноша собрал свои вещи и побрёл по белой дороге Четвёртого моста, стараясь не оглядываться на клубящийся по обе стороны мрак. Тело стало лёгким и оказалось в каком-то оцепенении — двигались только ноги, но даже это происходило автоматически, как будто он оказался в трансе и не мог себя контролировать. В голове был беспорядок. Больше всего

на свете он хотел просто лечь на белый песок этого жуткого мира и заснуть — просто для того, чтобы перестать думать. Возможно, он уже никогда больше не встретит её... Никогда...

Нет. Нужно забыть. Думать не о ней. О чём угодно, только не о ней.

Как Рейн ни старался, мысли его каждый раз возвращались к их последнему с Сатин разговору. То, как он повёл себя с ней... этого Рейн не мог себе простить. Проходили часы, а он не сумел заставить себя отвлечься. Рейн понимал, что девушка была в какой-то мере виновата в смерти Мидира, но всё равно не мог найти в своей душе ненависть. Он понял, что огнепоклонница слишком много для него значила. Такая загадочная, такая немногословная... он ведь так и не узнал её тайну. Слезы Наннара — чем они для неё были? Почему она ничего не рассказала? Где она сейчас и что делает? Думает ли о нём? Юноша представил себе Сатин: идёт по лесу в своём чёрном одеянии или молится Творцу Творения... а если она в беде? Если погибла?

При мысли, что Сатин могла умереть, ему сделалось плохо. Он ускорил шаг. Чувство одиночества всё сильнее сдавливало грудь. Весь день Рейн шёл по белой дороге. Единственным способом хотя бы ненадолго забыть о произошедшем был авестийский язык. Как и в темнице Рамелиса, в этом мире Иеромагия не имела силы. Несмотря на это, юноша смог найти себе занятие: он повторял слова Священного Наречия про себя и вслух, тщательно проговаривал фразы, стараясь чем-то заполнить пустоту в мыслях. Ему нужно перестать о ней думать.

Темнело. Как и всегда, над Аннуином висела абсолютная тишина, нарушаемая только шелестом листвы и лёгким покачиванием призрачных серых ветвей. Рейн сидел у небольшого, но ярко пылающего костерка, который был единственным источником света в чернильно-чёрной ночи. Есть не хотелось, пить — тоже. Теперь он ощущал себя даже более одиноким, чем днём. В мерцающем свете пламени ему казалось, что он остался один в целом мире, что его родная Улада и вся прежняя жизнь были не более чем сном, видением, порождённым усталостью и его собственным воспалённым воображением. Сухие ветки слегка потрескивали, и это напомнило Рейну таверну Хэммона. Воспоминание о контрабандисте воскресило в памяти юноши посещение Бейт-Шам-Адара, Храма Десяти Лун. Они с Сатин тогда увидели фрески с Благими и Непрощёнными. Девушка говорила о погибшем Цоре и варварстве жителей Запада, а он просил её не закрываться в себе... Совершенно измотанный, Рейн улёгся на белый песок и тут же уснул.

Рейн услышал шаги. Сквозь сон ему удалось различить, как кто-то приближается к его костру. Пришелец шёл тихо и будто бы осторожно, обходя костёр широкой дугой, но всё равно выдавал себя. Этот некто явно не был охотником и не сумел скрыть своё присутствие.

Рейн пока не открывал глаза. Ощущение реальности медленно возвращалось к нему — даже с закрытыми глазами он понял, что густая темнота сменилась сумраком. Значит, ночь уже миновала, и сейчас уже день или утро.

Стараясь ничем не показать незнакомцу, что не спит, юноша стиснул рукоять меча Мидира. Если этот человек хотел подкрасться к нему незаметно, то у него ничего не вышло. Странное дело: шаги звучали слева, оттуда, где по расчётам Рейна начиналась граница между белой дорогой и тьмой Аннуина. Юноша подождал, пока неведомый противник не подойдёт достаточно близко, а затем вскочил на ноги, занося меч над головой.

— Стой! — голос огнепоклонницы мгновенно выбил его из равновесия.

— Сатин?! — изумился Рейн. Девушка выглядела так же, как день назад — в чёрной одежде и плаще, разве что лицо её выглядело немного бледней. — Как ты здесь оказалась?

— Мы можем поговорить? — спросила она.

— Конечно...

Она присела к костру, скрестив ноги. Большие серые глаза смотрели серьёзно и грустно.

— Рейн... — начала Сатин, — я хочу... хочу попросить прощения. Я кое-что утаила от вас. Мидир... погиб по моей вине. Я больше не могу вынести собственного молчания. Не сначала скажи... ты разрешишь мне продолжить путь вместе с тобой?

Чувство облегчения, которое испытал Рейн, было таким сильным, что на время вытеснило из головы всё остальное. В полной тишине он прижал девушку к себе и долго не выпускал из своих объятий.

— Да, Сатин, я разрешаю, — прошептал он наконец. — Конечно, разрешаю.

Она отстранилась. С минуту они сидели молча, разглядывая друг друга, словно не виделись целый век.

— Меня послали за тобой. — сказала она неожиданно. — Именно за тобой. Не было никакого задания Совершенного по поиску Иеромагов на Западе. Я должна была сделать только одно: привести *тебя* во Дворец Истин.

Рейн нахмурился.

— Зачем я Иерархам?

— Я не знаю! — сказала она отчаянно. — Они мне ничего не сказали.

— А Слёзы Наннара? Почему они были так важны для тебя?

— О... — она помрачнела. — Это долгая история. Ты теперь знаешь, кто я. *Наннари*. Знай же: я не могу без Слёз. Мои сны... они не такие, как у обычных людей. Это трудно объяснить. Иногда я вижу видения, а кроме них — только кошмары. Именно из-за них я должна пить это зелье, иначе просто не смогла бы переносить ночи.

— Вот оно что... — протянул Рейн. Теперь он понимал её замкнутость и тягу к одиночеству. Оказывается, всё дело во снах.

— И ещё кое-что. — она пытливо на него посмотрела. — Рейн, я... убивала по приказу Совершенного.

— Что?!

— Я всё это время была его слугой, орудием в руках Церкви Истин. — её голос звучал решительно и твёрдо. — Я ничего не помнила о своих делах из-за Слёз, но недавно... недавно я стала вспоминать. Честно, не знаю, с чем это связано. Мне приказывали убивать определённых людей, а потом я сразу же обо всём забывала. Рейн, я творила ужасные вещи. Ужасные. Я убивала их... священников во Дворце. Убивала для Совершенного. Один из Иерархов призывал меня, и я делала то, что он мне приказывал.

— Сатин... — медленно проговорил Рейн. — Поверь, я не стану хуже к тебе относиться. Ты не виновата в том, что с тобой сотворили Иерархи. Поверь мне. Мы доберёмся до Дворца Истин и узнаем правду. Найдём этого Хашанга, о котором говорил Мидир, и заставим его ответить на все вопросы. Обещаю.

Он взял её за руку, и они какое-то время сидели у остатков костра, не говоря ни слова.

— Как ты здесь оказалась?

Сатин внимательно на него посмотрела. Какое-то необычное выражение появилось на лице девушки — и тут же исчезло.

— Я вошла во тьму Аннуина. — сказала она. — За ней нет ничего живого, только

бесконечный лес и мёрзлая земля. Тогда я была очень расстроена и напугана. Ты не представляешь, как мне было тяжело после своего предательства и смерти Мидира.

Отлично представляю, подумал Рейн, и сказал:

— Я слушаю. Продолжай.

— Я много думала там, в лесу. Просто шла куда глаза глядят и думала о тебе... обо всём, что натворила. Иногда садилась на землю и плакала. Рейн, я поняла, что вела себя очень эгоистично. Мне следовало с самого начала рассказать вам обо всём, и тогда бы всё было по-другому.

— И что было потом?

— Я поняла, что должна тебя найти. Я очень хотела раскрыть правду и попросить прощения. Хотела снова тебя увидеть, даже если бы ты не принял моих извинений. Я прошла обратно к чёрной стене, шагнула в неё — и оказалась здесь.

Впервые за всё время в Аннуине юноша не смог сдержать улыбки.

— Похоже, я уже во второй раз чуть не убил тебя.

Сатин рассмеялась.

— Это точно! Помнишь нашу первую встречу? Ты принял меня за лазутчика из Келейниона и чуть не... — она осеклась.

— В чём дело? — не понял Рейн.

— Рамелис. — сказала она. — Он был там, в лесу. Он гонится за нами. Идёт по следу.

На лице Рейна появилось ожесточённое выражение. Рука юноши сама потянулась к клинку.

— Нам надо идти. — сказал он Сатин. — Срочно.

Они двинулись в путь, стремясь за день пройти как можно большее расстояние. Мидир говорил, что дорога сама приведёт их ко Дворцу Истин, но не сказал, сколько времени это может занять. Юноша и девушка шли вместе, Рейн держал Сатин за руку. Огнепоклонница то и дело оглядывалась через плечо: позади никого не было, однако её тревога передалась и Рейну. Он слишком хорошо знал их врага и не сомневался, что сделает с ними наместник или его хозяин.

Они миновали три перекрёстка и вышли на четвёртый. Как обычно, от их дороги отходили ещё две — направо и налево. Сатин внезапно остановилась, указывая куда-то в сторону. Её большие серые глаза расширились от страха.

— Он здесь. — проговорила она еле слышно.

Рейн посмотрел туда, куда показала Сатин. Дорога, которая вела налево, была белой и чистой. По обе стороны её обнимала густая тьма, из которой проступала стена деревьев с корнями-щупальцами — картина, к которой юноша за несколько дней путешествия по Аннуину уже успел привыкнуть. Но что-то было не так... он присмотрелся. Мрак был подвижным. Вязкое пятно черноты растекалось прямо по белой дороге, оно двигалось, плыло в их сторону, как клочья тумана, подгоняемые сильным ветром. В глубине этой живой тени полыхнул зловещий фиолетовый свет, на миг осветив высокую фигуру в пурпурном плаще. Наместник Рамелис.

— Бежим! — крикнул Рейн, на ходу доставая меч. Сатин последовала за ним, и они вместе устремились вперёд по белой дороге. Рейн мельком взглянул на девушку: она бежала рядом, изо всех сил стараясь не отставать, её лицо было белее снега. Если понадобится, он готов умереть за неё. Кто-то из них должен будет донести весть Иерархам Авестината, и он не допустит, чтобы с Сатин что-то случилось. Лишь один раз юноша позволил себе

обернуться: тьма подбиралась всё ближе и уже перетекла на главную дорогу. Мужчина в пурпуре широко шагал, глядя прямо на них. Его лицо скрывала глубокая тень, то Рейн был готов поклясться, что чёрные глаза-дыры по-прежнему горят ненавистью.

Они с Сатин ускорили бег, бросив на землю всё, кроме оружия. перевязь с тяжёлым мечом Мидира оттягивала пояс, клинок в ножнах при каждом шаге отдавался болью в бедре. Дыхание сбилось, Рейн чувствовал, что силы его на исходе и уже сомневался, хватит ли у него сил. Сколько уже они бегут? Он даже не позволял себе оборачиваться: каждый такой взгляд замедлял их продвижение и приближал Рамелиса к цели. В какой-то момент юноше показалось, что за спиной он слышит чьи-то лёгкие шаги. Рейн заставил себя смотреть только вперёд. Что-то изменилось в Аннуине — изменилось неуловимо, но бесповоротно. В паре сотен шагов впереди воздух над дорогой дрогнул и уплотнился в какую-то прозрачную стену, по которой то и дело проходили волны серебристого сияния. Вместо привычного унылого пейзажа юноша видел перед собой какую-то ярко освещённую комнату. Сатин тоже заметила изменения и что-то сказала на авестийском, указывая на сияющую преграду.

— Мы добрались! — сказала она. — Это — выход из Аннуина!

Приободрённый этой новостью, Рейн даже забыл об усталости. Он первым достиг световой стены, коснулся её рукой и...

И отшатнулся, вскрикнув от боли. Стена обожгла его, словно целиком состояла из пламени. Озадаченный, он попробовал ещё раз. Юноша снова протянул руку, осторожно дотронулся до серебристого света — и тут же отдернул её. Волна боли прошла от кончиков пальцев до самого локтя. Ощущение было такое, будто ему в ладонь всадили раскалённую иглу.

— Не работает! — в отчаянии проговорил Рейн. Рамелис был совсем близко, может быть, в сотне шагов от них. Клубы чёрного дыма окутывали фигуру наместника. Фиолетовое пламя вырывалось изо рта мужчины, его мертвенно-бледное лицо казалась ненастоящим, неживым.

Сатин поравнялась с юношей.

— Попробуй применить Иеромагию! — предложила она. Дыхание девушки было коротким и прерывистым, обеими руками она сжимала нож.

Рейн вскинул руку и тщательно проговорил фразу на авестийском, глядя на стену:

— *Мехабер шель мидраш!* — Тайный путь, откройся!

Ничего. Серебряное сияние по-прежнему оставалось горячим.

— *Авир мэ хасадим!* — Мы не враги!

Ничего.

— *Идбар элион!* — Отвори дверь!

Ничего.

— Боюсь, у вас ничего не выйдет. — произнёс кто-то сладким, как мёд, голосом.

Рейн обернулся. Прямо перед ними стоял наместник Рамелис. Дым, клубящийся вокруг мужчины, не помешал юноше увидеть полный нечеловеческой злобы взгляд. Рамелис поднял руку — между пальцев сразу забегали языки пурпурного огня. Юноша достал лук.

— Мой господин недоволен твоим сопротивлением, уладец, — спокойно заметил наместник. — Ты почему-то интересуешь его. Думаю, он считает тебя полезным.

— О чём ты? — спросил Рейн, натягивая тетиву. Если ему удастся выиграть время...

— Высокая Присяга должна быть принесена. — Рамелис поднял руку.

Рейн выстрелил.

Стрела вонзилась наместнику в грудь, однако мужчина даже не покачнулся. Тонкие губы наместника разошлись в зловещей усмешке.

— Тебе понадобится более могущественное оружие, чтобы убить меня. — произнёс он чужим голосом. Этот голос нельзя было назвать человеческим — он скорее напоминал завывание ветра в древних руинах. В нём звучали такая власть и сила, что юноша почувствовал себя марионеткой, игрушкой в руках одетого в пурпур безумца.

— *Ниам кадваллар.*

Рамелис воздел руки к небу. Мрак за клубился вокруг него, принимая форму гигантских щупалец. Кокон из чёрного дыма полностью окутал тело наместника — только глаза выделялись своим кошмарным чёрным цветом, темнее которого не было ничего.

— *Лейн таль.*

Щупальца судорожно дёрнулись и задвигались у него над головой. Рейн выстрелил ещё раз, но столб темноты перехватил его стрелу, которая тут же рассыпалась в пыль. Что-то светлое — нож Сатин — блеснуло в воздухе и скрылось в коконе из черноты, не причинив Рамелису никакого вреда. Сразу два или три щупальца протянулись к юноше, ухватив его за шею. Рейн выхватил меч, но оружие оказалось бесполезным против магии наместника. Как только клинок коснулся струи дыма, по лезвию прошла паутина трещин. Через мгновение от меча осталась только груда осколков. Рейн рухнул на колени, хватаясь руками за горло. Рядом с ним на белом песке корчилась от боли Сатин: четыре щупальца пригвоздили её к земле, а пятое обвилось вокруг шеи. Лицо девушки посинело.

Мужчина что-то пробормотал, и его ноги в тот же миг оторвались от земли. Он завис в воздухе, его плащ развевался на ветру, как знамя. От укутанной тенями фигуры наместника исходили десятки чёрных щупалец, делая его похожим на огромного паука.

— Меня вам не одолеть. — произнёс Рамелис. Его пустые глаза, казалось, впитали в себя весь свет. — Судьба мира решена. Кузнец Погибели возродится в моём теле, и я разделю с ним величие.

Рейн стоял на коленях, не в силах пошевелиться. Его разум словно онемел, густой мрак всё сильнее сдавливал горло. Дышать с каждой секундой становилось труднее. Кровь оглушительно грохотала в ушах, перед глазами плясали чёрные точки. Когда он услышал какой-то новый звук позади себя, то даже не придал этому никакого значения. Что-то, похожее на...

Сумрак вокруг взорвался, став невыносимо белым. По лицу наместника прошла судорога. Рамелис пошатнулся и закричал — светящаяся стрела прочертила воздух и вонзилась ему между глаз. Мужчина воздел руки к лицу, пытаясь защититься от чего-то невидимого, что-то резко выкрикнул — и исчез.

Давление пропало, щупальца из мрака потеряли плотность и рассеялись — словно чья-то невидимая рука оттолкнула сгустившуюся вокруг Рейна тьму. Юноша закашлялся, хватая ртом воздух. Над ним склонилась фигура в белом. Мир поплыл перед глазами Рейна, но ему показалось, что незнакомец одет в доспехи, а на груди у него вышит герб с чем-то вроде золотого моста на чёрном фоне.

— *Диин Элу'а.* — прошелестел мягкий голос. — *Ахав решумот.*

Чьи-то сильные руки подхватили Рейна. Юноша с трудом повернул голову, чтобы увидеть, что с Сатин — и потерял сознание.

Глава восемнадцатая. Ничего, кроме Истины

Иерархи никогда не одобряли мои исследования. Им казалось, что они представляют угрозу, что знание, которое я получил, может как-то навредить их безраздельной власти над Авестинатом. Теперь, когда я стою на пороге гибели, мне не даёт покоя всего один вопрос: чем было вызвано такое отношение? Было ли это простым страхом перед глубокой древностью — или заговор пустил корни даже в Конклаве? Временами мне кажется, что я схожу с ума, что мои преследователи — всего лишь плод воспалённого воображения.

Творец Творения, укрой меня Своим пламенем.

Когда Рейн снова открыл глаза, то обнаружил, что лежит на чём-то мягком. Было тихо. Откуда-то сверху лился ровный жёлтый свет. Пахло чем-то непонятным — травяным, терпким и едва уловимым. Юноша приподнялся на локтях и увидел, что находится в комнате.

Выложенный мрамором пол был устлан белыми коврами. Такие же белые каменные стены были гладкими и пустыми — ни узоров, ни окон. Рейн лежал на пуховой перине, укрытый тонким одеялом. Ткань приятно щекотала кожу.

Он сел. Ничего не болело, ничего не было сломано. Голова была ясной, он чувствовал себя свежим и отдохнувшим.

Что с ними произошло?

В голове появились воспоминания о вчерашнем дне: воссоединение с Сатин, Рамелис, завеса... их кто-то спас. Кто-то убил наместника и, видимо, провёл их через световую стену. Рейн помнил, как его подхватил тот человек в белом. Как ему удалось одолеть Рамелиса? И ещё...

Сатин!

Юноша резко сорвал с себя одеяло и встал с кровати. Голова слегка кружилась, когда ноги коснулись пола — видимо, последствия колдовства наместника. Рейн окинул комнату взглядом, но не нашёл ничего, что хотя бы приблизительно напоминало дверь. На стене висело небольшое зеркальце, рядом с кроватью стоял столик с одной-единственной чашкой. Свет исходил от лампы на потолке, но таких ламп ему видеть не доводилось: больше похожая на драгоценный камень, она источала приглушённое жёлтое свечение и, казалось, светила сама по себе, без огня. Если это Авестинат, то другие чудеса Востока тоже могут быть правдой.

Рейн взглянул на своё отражение и удивился: он выглядел намного взрослее, чем раньше. Худое лицо с высокими скулами напомнило ему Мидира. Светлые вьющиеся волосы за время путешествия успели заметно отрасти и теперь доставали до самых плеч. О прежнем юнце из Кельтхайра напоминали только глаза — всё такие же голубые, с весёлой искоркой глубоко внутри. Рейн ещё долго смотрел в зеркало и не узнавал себя. Человек в зеркале выглядел жёстким и немного печальным, словно пережитые в пути тяготы наложили на него свою печать. Он заметил, что привычная уладская одежда пропала: теперь на Рейне была свободная белая рубаха с красной линией наискосок и такие же белые штаны с широким поясом. Непривычное одеяние.

Юноша вернулся к столику, сделал глоток из чашки и тут же закашлялся, сморщившись. Это был какой-то отвар: на языке появился горький вкус трав и чего-то острого. Стараясь не

обращать на это внимания, Рейн заставил себя выпить всю чашку. Если его спасители оставили это здесь, значит, так было нужно. Он подошел к одной из стен в надежде отыскать дверь, но ничего не нашел. Только сплошной белый камень, и ни единого намёка на дверную ручку или рычаг. Попытка надавить на каменные блоки также оказалась безрезультатной. В самом деле, было бы глупо надеяться, что здесь будет тайный проход или что-то на него похожее.

Из-за стены послышались приглушённые голоса. Они звучали слишком тихо, чтобы можно было что-то разобрать, но Рейн понял, что говорят на авестийском. Значит, им удалось! Они в Авестинате! Недолгая радость сменилась приступом тревоги: он не знал, что произошло с Сатин. Последний раз он видел огнепоклонницу в Аннуине, когда Рамелис едва не погубил их всех своими щупальцами из мрака. Что, если она ранена? А если её не успели спасти? Мысль об этом породила другую, более мрачную: наместника ведь не могли убить так просто. Рейн хорошо помнил исчезновение Рамелиса и догадывался, что это было всего лишь бегством. Внутри Рамелиса сидит тот, кого не одолеть обычным оружием...

Каменные блоки вдруг задвигались и отъехали в сторону. Перед изумлённым Рейном стоял человек средних лет, одетый в длинное белое одеяние с широкими рукавами и ярким поясом цвета пламени. Чёрные волосы были стянуты в узел, серые глаза смотрели серьёзно и вдумчиво. Несколько секунд незнакомец разглядывал юношу, а затем заговорил по-уладски, растягивая слова:

— Мать Церковь приветствует тебя, юноша. Скажи, давно ли ты проснулся?

Рейн смутился. Он не знал, как вести с этим человеком, который, очевидно, принадлежал к авестийскому духовенству.

— Недавно. — ответил Рейн и добавил: — совсем недавно, господин.

Незнакомец улыбнулся. — Это хорошо. Не беспокойся ни о чём. Здесь ты в безопасности. Меня зовут Картир, и мне приказано повсюду тебя сопровождать и наставлять тебя на путь истинный.

Рейн не был уверен, что его нужно куда-то наставлять, но ответил:

— Благодарю, господин. Вы — Иерарх, да?

На губах священника появилась лёгкая улыбка.

— Нет, сын мой. Я — рескриптор, один из многочисленных клириков, живущих во Дворце.

— Тогда мне нужно...

— Не стоит спешить. — прервал Рейна Картир. — Сначала ты должен привести себя в надлежащий вид.

Картир сделал почти неуловимый жест, и в стене слева от них открылся такой же проход, как тот, через который он вошёл ранее. Глазам Рейна предстала маленькая, обложенная плитами комната, в которой стояла длинная скамейка и большая круглая бочка, полная воды. Рядом с бочкой юноша заметил столик с ножом, полотенцем и большим куском душистого мыла.

— Я оставлю тебя. — с улыбкой проговорил рескриптор. — Творец Творения завещал нам хранить чистоту не только души, но и тела.

Рейна прямо-таки распирало от желания задать вопрос про Сатин, но ему удалось себя сдержать. Он понимал, что перед встречей с Иерархами следует привести себя в порядок, иначе его даже не выслушают. Когда он вошёл в комнату, стена сошлась за его спиной, вызвав у Рейна невольную тревогу.

Юноша с наслаждением вымылся и побрился, используя нож, чтобы избавиться от щетины. Какое-то время Рейн просто лежал в горячей воде, позволив себе ненадолго расслабиться. В Кельтхайре ему редко удавалось вымыться, а во время пути в Авестинат и того реже: принять ванну он смог только в таверне Хэммона. Было приятно видеть себя свежим и чистым: вода словно смывала с него все горести и тревоги. После этого юноша насухо обтёрся полотенцем и облачился в свою новую одежду. Зеркала не было, и Рейн пожалел, что не может снова увидеть свое лицо.

Картир ждал его на том же месте и, как только Рейн покинул баню, знаком приказал ему идти следом. Они шли по широкому, хорошо освещённому коридору. Стены и пол были белыми, единственным украшением оказался довольно скромный орнамент в виде виноградной лозы. С потолка свисали всё те же необычные светильники — вырезанные из цветного стекла, они были выполнены в форме восьмигранников или квадратов. Внутри них ровно горело невидимое пламя. Рейн даже замедлил шаг, восхищаясь мастерству авестийцев. Значит, истории Зилача тоже были правдивы...

— Жар-огонь. — сказал Картир, даже не взглянув на своего подопечного. — Иногда Иеромагия бывает очень полезна. Совершенный говорит: Злобствующий на свой труд пользы от него не получит.

Похоже, подумал Рейн, здесь все просто без ума от слов правителя Церкви Истин. Юноша вспомнил, как Сатин говорила что-то похожее во время их первого урока Иеромагии. Он взглянул на Картира:

— Со мной была девушка, Сатин. Что с ней?

— С твоей подругой все в порядке. — Несмотря на полный радости тон, с которым были сказаны эти слова, лицо рескриптора едва заметно помрачнело. — Она в лазарете. Лёгкий шок, только и всего. Хотя это не главная ее проблема...

— О чём вы? — нахмурился Рейн.

— Я не в праве поведать тебе об этом. Ты узнаешь — но только тогда, когда Иерархи сочтут это необходимым. Пока же тебе следует знать только одно: она нарушила сразу несколько правил Церкви, а такое нельзя оставлять без внимания.

— Она ни в чём не виновата! — заявил Рейн. Картир не ответил.

— Как мы здесь оказались? В Авестинате? Мы шли через Аннуин и...

— Не следует произносить имя этого места в сердце Матери Церкви. — рескриптор неодобрительно посмотрел на юношу. — Это языческое слово, слово Противника. Что до вашего здесь появления, то тут помогло свет-зеркало. Это великое изобретение наших мудрецов и доказательство торжества Благой Веры. Совершенный говорит: Кто сметлив, тот и счастлив.

Свет-зеркало, жар-огонь... чудеса Авестината и не думали кончаться.

Они свернули в боковой коридор, убранство которого разительно отличалось всего, что Рейн видел здесь раньше. Стало заметно светлей, жар-огонь в лампах горел теперь ярким разноцветным пламенем. Стены покрывали фрески с уже знакомыми Рейну изображениями Благих, но здесь они были на порядок роскошнее, чем в руинах Бейт-Шам-Адара. Лица защитников человечества казались почти что живыми: глаза из яшмы и лазурита смотрели прямо на юношу. Изящные мраморные колонны украшал замысловатый узор: какой-то мастер словно обвил каменные основания тонкой золотой проволокой. Время от времени вместо колонн полоток коридора поддерживали статуи, в которых Рейн не без страха узнал

Бессмертных. Каменные истуканы мрачно взирали на путников пустыми глазами-точками, уперев руки в высокие своды. Несколько раз на их пути попадались другие люди: священники в свободных белых одеждах деловито сновали по коридору, держа в руках свитки и тяжёлые, богато украшенные книги. Рейн заметил, что их пояса отличались от того, что носил Картир: здесь были ярко-красные, оранжевые, жёлтые, чёрные.

Они шли около десяти минут, прежде чем Рейн смог рассмотреть в конце коридора высокие двустворчатые двери из бронзы. Металл был начищен до блеска, из-за чего казалось, что прямо за дверью горит огонь.

— Куда мы идём?

Картир посмотрел на юношу. Кажется, рескриптор был заметно взволнован: он сбился со своего размеренного шага и нервно крутил головой, словно чего-то боялся.

— Сейчас ты предстанешь перед Иерархом, одним из двадцати пяти хранителей Матери Церкви. Будь вежлив и не говори ничего, кроме истины. Он узнает, если ты попробуешь солгать.

— Но как...

— Довольно вопросов! — Картир с опаской покосился на бронзовую дверь. — Здесь спрашивает он, а не ты. Иди же, и пусть уста твои не коснутся лжи.

Рескриптор оставил Рейна, скрывшись в боковом коридоре. Юноша посмотрел на дверь: теперь он заметил, что она и правда сияла оранжевым светом дорожного костра, а от створок волнами расходилось приятное тепло. Что ж... если за этой дверью его ждут ответы, то он войдёт в неё. Как только Рейн коснулся ручки, послышался мелодичный звук, похожий на перезвон колокольчиков. Двери распахнулись сами собой — от авестийцев с их магией можно было ждать и не такого. Рейн в последний раз окинул взглядом коридор и шагнул за порог.

Он оказался в скромно обставленном кабинете, каждый предмет в котором, несмотря на отсутствие явной роскоши, говорил о высоком вкусе его владельца. Круглый ковёр цвета огня покрывал пол, вдоль стен стояли шкафы с книгами. Рядом стоял круглый стол с парой мягких кресел — на случай, если хозяину захочется почитать прямо здесь. Кабинет освещали всего две похожие на алмазы свет-лампы, но Рейн мог поклясться, что ещё не видел такого света. Он был тёплым, живым, как огонь свечи зимней ночью. По обе стороны от двери стояли воины в белом, сжимая длинные, выкованные из стали копья. Лица их были бесстрастны, на белоснежных доспехах сияли значки с изображением золотого моста.

У дальней стены рядом с высоким узким окном стоял мужчина.

То, что это и есть Иерарх, Рейн понял сразу. Человек был облачён в красный плащ и яркое оранжевое одеяние, которое доходило до самых ног и оканчивалось сложным узором в форме языков пламени. Мужчина был немолод: высокий лоб покрывала паутинка морщин, седая борода доходила до колен, но в серых авестийских глазах светились великая пронизательность и ум. У него было красивое лицо, правильные черты которого чем-то напоминали лицо Зилача. Несмотря на преклонный возраст, Иерарх держался с большим достоинством, в Уладе его осанке позавидовали бы многие. От него исходило ощущение спокойной уверенности и величия. Увидев Рейна, мужчина повернулся и заговорил, голос его звучал спокойно и доброжелательно:

— Добро пожаловать в Авестинат, юный Рейн. Меня зовут Тансар. Прошу, садись. Нас ждёт долгая беседа.

Рейн кивнул и уселся в кресло, не сводя глаз с Иерарха. Этот Тансар казался ему

достойным человеком, но Мидир не зря предупреждал его о лицемерии хозяев Дворца Истин: "за улыбкой может стоять коварство, а в их шёлковых халатах всегда найдётся место для отравленных кинжалов". Здесь лучше никому не доверять.

Тансар сел в кресло напротив, сложив пальцы домиком, и какое-то время изучал Рейна своими мудрыми серыми глазами — от этого взгляда по спине юноши пробежали мурашки.

— Ты заинтересовал нас, Рейн. — промолвил Тансар. Его уладский был почти безупречен. — Иеромагия крайне редко подчиняется людям Запада, тем более — таким юным, как ты.

— Благодарю тебя, господин. — ответил Рейн со всем возможным почтением. — Позволь мне задать вопрос.

Тансар слегка наклонил голову.

— Спрашивай.

— Скажи, господин, что с Сатин? Это девушка путешествовала вместе со мной от самого Кельтхайра. Картир сказал, она нарушила какой-то закон.

Иерарх помрачнел.

— Я сомневаюсь, что она действительно что-то нарушила. Дело в том, что она — *наннари*, а их работа всегда хранилась в секрете. Она не имела права раскрывать тебе эту тайну, хотя я и признаю, что ситуация, в которой вы оказались, были слишком даже для неё.

— Даже для неё? — переспросил Рейн. — о чём это вы?

— *Наннари* многое подвластно. Идеальные убийцы... они отлично сражаются, когда находятся под влиянием Слёз, и ничего не помнят после выполнения своей миссии... но сейчас не об этом. Расскажи мне про ваше путешествие. Я хочу знать всё. — Иерарх устремил на Рейна долгий пристальный взгляд. — Особо мне интересен тот, кто стремился вам помешать.

Рейн раздумывал. Они проделали долгий путь, чтобы оказаться здесь, в Авестинате, но он совсем не чувствовал облегчения. Кто знает, что подумают Иерархи, услышав их историю? Поверят ли в то, что им пришлось пережить? Рейн решил, что расскажет всё как есть, умолчав только о Слугах Разума. Повелителям Церкви Истин лучше не знать о Хэммоне и Зилаче.

Юноша говорил долго, тщательно подбирая слова и избегая упоминаний о связи между кельтхайрским жрецом, отшельником и владельцем таверны в Лепте Великой. Иногда приходилось довольно долго молчать, чтобы правильно выразить все свои мысли — в таких случаях Иерарх приходил на помощь и задавал наводящие вопросы. Рейн рассказал о Дне Жертвы, о встрече с Сатин и появлении Бессмертных, о Мидире и их пути через Плач-Холмы. При упоминании Рамелиса по лицу Иерарха пробежала тень. Когда Рейн описывал Аннуин, Тансар встал из-за стола и позвонил в неприметный золотой колокольчик, что висел у окна. На зов тут же явился слуга, которому Иерарх что-то сказал на авестийском.

— Я бы хотел с тобой отобедать. — объяснил Тансар, возвращаясь на место. — Мы бы нарушили волю Творца, если бы не проявили должного гостеприимства.

Слуга принёс две миски с какой-то жёлтой крупой, плоский хлеб, две чашечки с кофе и чай в высоких стеклянных сосудах с узким горлышком. Какое-то время за столом царила тишина: Тансар ел мало и, казалось, о чём-то размышлял, а Рейн с аппетитом уминал содержимое миски, пытаясь не выказывать, насколько проголодался. Еда на Востоке была такая же необычная, как и всё остальное: блюда отличались гораздо большей тонкостью вкуса, чем простая пища уладских крестьян. Жёлтая продолговатая крупа — Тансар

объяснил, что она называется “рис” — подавалась с овощами и мелко нарезанными кусочками мяса, и Рейну она пришлась по душе. Чай тоже был замечательный, с привкусом земляники и каких-то трав. Трапеза была превосходна, но Рейн то и дело косился на стражников в белом — ему было неуютно в присутствии этих похожих на изваяния воинов. За всё время ни один из них даже не шелохнулся.

— Это — Саберин. — сказал Тансар, заметив интерес юноши. — гвардия Совершенного и его опора. Лучшие из лучших. Они бесконечно преданы Матери Церкви и владеют мечом так же искусно, как и Священными Наречиями. Воины-Иеромаги — кто может быть сильнее?

Рейн коротко поблагодарил Иерарха и пригубил кофе. К его удивлению, напиток оказался не таким уж и горьким. Довольно быстро чашка опустела, и юноша почувствовал себя намного лучше — должно быть, этот кофе и правда был волшебным, как какой-то эликсир из сказок.

— Расскажи мне о Рамелисе. — попросил Тансар, когда с едой было покончено. — Этот человек... как он выглядел?

Рейн нахмурился. Перед его мысленным взором снова встали пустые глаза наместника — чёрные глаза мертвеца, ненавидящие весь мир.

— Он был высокий, — начал юноша, — очень худой и бледный, как утопленник. Одевался в пурпурное. У него были страшный взгляд... я такого никогда не видел. Словно огнём обжигал.

— А его магия? — Тансар встал со своего места и с интересом поглядел на юношу. — Ты видел что-то особенное? Что-то необычное?

Рейн пожал плечами.

— Он парил в воздухе... создавал щупальца из мрака... — Голос Рейна сорвался от вновь переживаемых воспоминаний. — В Лепте Великой он сотворил оружие из ничего.

Тансар склонился вперед, его лицо было мрачным: что-то в рассказе юноши его сильно встревожило.

— Повтори, — потребовал Иерарх. По рукам мужчины пробежали искры.

Поддав тревогу, Рейн ответил Тансару:

— Он повелевал темнотой. Мы в Аннуине тогда чуть не погибли. Это было ужасно — будто щупальца из живого мрака.

— *Даэва!* — воскликнул Иерарх. В серых глазах Тансара плескалась тревога. До этого неподвижные стражники в белом теперь напряглись и ещё сильнее сжали стальные копья.

— Даэ... кто?

— *Даэва.* Тёмный колдун. Человек, который заключил сделку с демонами Противника и позволил им занять своё тело ради невероятной мощи. Думаю, мы ещё с ним столкнёмся. Для таких созданий даже магическая белая стрела — только временная помеха. *Даэва* нельзя погубить простым оружием, нужна очень мощная Иеромагия...

Рейн сделал глубокий вдох. Одержимый колдун... если бы всё было так просто.

— Боюсь, Рамелис не тот, кем кажется на первый взгляд. — осторожно проговорил юноша. — Его повсюду сопровождали Бессмертные. Он управлял ими, руководил. Он создал иллюзию, когда мы пытались убежать из Лепты Великой.

Глаза Иерарха сузились.

— Продолжай.

— Господин... вы же сами знаете, Бессмертных не видели тысячи лет. Их не видели со

времён тойсамой войны. Войны Лжи. Рамелис говорил, что у него другое имя — Абомталь. Господин, этот наместник...

— Непрощённый. — выдохнул Тансар. — Кузнец Погибели. Иерарх вдруг странно посмотрел на Рейна, словно хотел заглянуть ему в душу. По спине юноши пробежали мурашки. Возникло неприятное ощущение — чья-то холодная рука будто сдавила голову и выискивала внутри памяти юноши нужные мысли.

— Ты не лжёшь. — заявил Иерарх. — Не знаю, что ты видел на самом деле, но ты говоришь правду. Конечно, ты мог что-то не так понять или преувеличить, но Бессмертные... этих стальных монстров ни с кем не спутаешь.

Рейн молчал. Теперь, когда он рассказал всё, на душе стало немного легче. Иерархи знают об угрозе, и по крайней мере один из них, похоже, верит в реальность их страшного противника. Они с Сатин смогут рассчитывать на помощь и понимание со стороны Церкви Истин. Юноше отчаянно захотелось увидеть огнепоклонницу. Их миссия закончена. Они в Авестинате. Наказ Мидира выполнен. Осталось только разыскать Иерарха Хашанга, но это должно быть несложно.

— Ты — необычный человек. — заметил Тансар. — Ты сражался с Бессмертными, выжил в Аннуине и всего за месяц достиг впечатляющих успехов в Иеромагии. Скажи, какие заклинания тебе дались лучше всего?

— Вода. Я использовал воду, чтобы прорваться через отряд стражников, когда мы бежали из Лепты.

— Неплохо... — Иерарх помолчал, затем продолжил: — Мы оказались в очень сложной ситуации. Меня тревожит этот Рамелис, кем бы он ни был. То, что он сумел получить такой высокий пост в Кайсаруме, говорит о многом. По твоим словам, он не очень-то понимает, что делает. Он безумен. Если ему удастся привести под стены Дворца Истин армию из кайсарумских легионеров, то под угрозой окажется не только Авестинат. Весь Восток, более того — все Клятвенные Земли. Мне страшно даже помыслить, на что способен даже один Непрошённый на поле боя. Мы будем вынуждены готовиться к обороне, и я молю Творца, чтобы твои доводы оказались ошибочными. Церковь Истин всегда славилась своими Иеромагами, но для настоящей войны их недостаточно. Нужны войны.

— Что вы будете делать?

— Я созову Конклав Огня — собрание всех Иерархов Авестината. Придётся провести переговоры, кого-то задобрить, кого-то припугнуть... Признаюсь, даже это — событие крайне неординарное. Последний раз Конклав созывали семнадцать лет назад, когда... впрочем, узнаешь позже.

— Я думал, Иерархи действуют заодно. — проговорил Рейн. Ему не хотелось показывать свою осведомлённость в этом вопросе — пусть думают, что он ничего не знает о Востоке.

Тансар улыбнулся.

— Со стороны Мать Церковь кажется единой, но в действительности всё не так просто. Иерархи разделены на несколько фракций, и каждая старается получить как можно больше влияния и власти. Политика — сложная вещь, особенно здесь, в Авестинате. Мы редко используем грубую силу, чтобы добиться своего, но от этого интриги вокруг Престола Истин не становятся менее опасными для тех, кто в них вовлечён. Между Иерархами прямо сейчас идёт ожесточённая борьба за милость Совершенного, которую любой из членов Конклава вынужден тщательно скрывать, иначе... — Тансар провёл ладонью по горлу, — иначе мы

потеряем авторитет среди правоверных. Кстати... раз уж ты прибыл в Авестинаг, то тебе рано или поздно придётся выбрать сторону. Такой сильный Иеромаг — ценное приобретение для каждого из двадцати пяти Иерархов.

— Даже для вас?

Тансар усмехнулся.

— Даже для меня. Вот тебе совет: не вступай ни в какую из фракций, пока не узнаешь, что они из себя представляют. Попробуй произвести впечатление сразу на нескольких членов Конклава, чтобы потом избрать себе покровителя. Конечно, ты можешь быть всеобщим другом и угождать всем и каждому, но это так небезопасно...

Рейн кивнул. Он и представить не мог, какая непростая игра ведётся во Дворце Истин.

— Спасибо вам, Тансар. Скажите... где мне найти Сатин? Мне надо её увидеть.

— Уверен, вскоре ты снова её увидишь. По моему указанию она будет учить тебя авестийским традициям и языку. Что-то ты уже знаешь, но тебе придётся стараться изо всех сил, чтобы быть готовым к встрече с Совершенным. Это великая честь. Правитель Авестината и первый среди слуг Творца изъявил желание лично услышать твою историю. Я сообщу ему, когда ты будешь готов. Я уже нашёл комнату, где ты будешь жить, пока мы не найдём что-то получше.

— Когда я буду готов... что же мне делать всё это время?

— Наблюдать. Читать. Слушать. — Тансар откинулся на спинку кресла. — Кроме того, не забывай об Иеромагии и искусстве меча. Придёт время, и Конклав тебя испытает. Если ты проявишь свои умения, то сможешь скорее найти себе покровителя. Запомни: в Авестинате все подчиняются Церкви Истин. Исключений не бывает.

Тансар открыл шкаф и достал книгу в дорогом переплёте, показывая, что их беседа подошла к концу.

Глава девятнадцатая. Искусство говорить

Я никогда не слышал о та'рофе до того, как не прибыл в Авестинат. Это слово означает сложное искусство этикета огнепоклонников, в котором истинное значение сказанного заключается не в словах, а в том, что они подразумевают. Та'роф — тонкий танец общения, он определяет жизнь каждого среди правоверных. От его имени люди отказываются, когда желают, выражают то, что на самом деле не чувствуют, приглашают, не ожидая гостей. Люди Запада могут назвать это простым лицемерием, но на самом деле всё намного сложнее.

С высоты в полсотни метров Рейн смотрел на рассветное солнце из окна своей новой гостиной. Иерарх сдержал своё слово — после их разговора рескриптор Картир сразу отвёл его сюда. Башня имела четыре этажа, называлась Воротной и была целиком отдана в распоряжение юноши. На взгляд Рейна, это было даже слишком: целых четыре комнаты — баня, кладовая, гостиная и небольшая библиотека — каждая из которых оказалась просторней его дома в Кельтхайре. Юноша смотрел на небо, которое только начинало окрашиваться алым и розовым, и думал о том, что находится в сложном положении. Восходящее солнце невольно напомнило ему одеяние Тансара.

Рейн помотал головой и заставил себя смотреть на дома внизу. Колоссальный Город Истин поражал воображение своим величием и размерами. Воротная башня была одним из оборонительных сооружений на крепостном валу, и перед Рейном открывался, наверное, лучший вид на столицу Авестината. Дивный город сиял в лучах восходящего солнца, освещавшего дома, храмы и выложенные мрамором улицы. Если Лепта Великая когда-то поразила юношу, то обитель огнепоклонников вызвала целую бурю чувств — благоговение и страх, смешанный с восхищением. Рейн никак не мог понять, каково это — жить в городе, который специально строили по плану. Город Истин походил на исполинский пчелиный улей и словно бы состоял из сот, одинаковых и строгих: от его центра ровными линиями расходились широкие улицы, которые сходились на площадях правильной круглой формы и расходились вновь, образуя восьмиугольники, которые составляли кварталы. Всё это было слишком организовано и чисто, слишком непохоже на стоящие без всякой системы хижины деревень Улады или хаотичную застройку городов Кайсарума. Даже дома здесь были на редкость опрятными: плоские крыши, обвитые плющом, закрытые цветным стеклом окна, двери, украшенные затейливой резьбой.

Почти все здания города были построены из белого камня, и с высоты Воротной башни город казался Рейну огромным заснеженным полем. Однообразие белизны немного разбавляла река Эран — серебристая полоса, разделяющая город надвое. Границу города отмечала высокая и толстая крепостная стена, чьи исполинские блоки были сработаны из красного гранита и покрыты листами бронзы, так что белокаменный город напоминал алмаз, заключённый в оправу из металла и камня. Рейн несколько раз пытался спросить Картира о том, кто построил эти укрепления, но тот так и не смог ответить: стены Города Истин были одним из немногих чудес, что уцелели после Войны Лжи. Солнце неумолимо восходило на небо, и стены авестийской столицы начинали сиять его отражённым светом — бронзовые листы словно были охвачены пламенем, сливаясь в кольцо из расплавленного золота. Рейн уже пять раз встречал утро в Городе Истин и всё равно не мог привыкнуть к этому странному, чужому для него великолепию.

Рейн отвернулся, пересёк комнату и посмотрел в другое окно, которое выходило на центр столицы — туда, где на отвесной, похожей на пирамиду горе возвышался Дворец Истин. Двадцать пять Иерархов правили Авестинатом, и двадцать пять увенчанных золотом башен Дворца возносились ввысь, пронзая небо. Спустя пять дней юноша выучил их цвет и расположение: двадцать башен разных оттенков оранжевого и красного составляли внешнее кольцо, четыре чёрных, похожих на стрелы — внутреннее. А самой высокой была башня чистого белого цвета, которая, казалось, выростала из недр горы и устремлялась вверх подобно громадному копыю. Покой Истин. Резиденция Совершенного. Каждую из башен венчал золотой шпиль в виде языка пламени. Древние строители потрудились на славу: когда солнце войдёт в зенит, шпили Дворца в один момент вспыхнут и до самого вечера будут сиять, как огромные костры. Рейн подёрнул плечами. Почему-то при всём своём великолепии сердце Матери Церкви казалось ему мрачным и пугающим. Что-то в архитектуре Дворца и башен было неестественным, напоминая ему фрески Бейт-Шам-Адаре — прекрасные, но чуждые.

Юноша отошёл от окна и перевёл взгляд на дверь. Со времени его визита к Иерарху прошло пять дней, и юноша не находил себе места от скуки и беспокойства. Его путь из внутренних помещений Дворца до Воротной башни проходил в закрытой повозке — по словам Тансара, это было необходимо, чтобы сохранить секретность. Рейн хорошо помнил эту необычную поездку: как только он вышел из покоев Иерарха, Картир уже ожидал его вместе с парой стражей из отряда Саберин. Рескриптор сказал, что под Городом существует разветвлённая сеть тоннелей, а потому они смогут добраться до его нового дома и сохранить всё в тайне. Рейн не слишком хорошо понимал, от кого они так скрываются, но приглашение принял и следующие несколько часов провёл в сумраке и постоянной тряске. Увидеть улицы Города Истин ему так и не удалось: когда безмолвные гвардейцы отёрнули шторы, они уже были на первом этаже башни, все комнаты которой Иерарх выделил Рейну. Картир вскоре его покинул, сказав, чтобы он продолжал тренировки и готовился к встрече с Совершенным. Рейн спросил было про Сатин, но рескриптор только развёл руками и полным сожаления голосом ответил, что ничего не знает об огнепоклоннице. С тех пор Рейн только и делал, что сидел в башне, смотрел в окно и ждал новостей, с каждым днём всё сильнее ощущая тревогу. Молчаливые Саберин днём и ночью дежурили у ворот, не оставляя ему и шанса покинуть здание. Чтобы хоть как-то себя занять, он спускался на нижний этаж, в баню, и часами стоял над водой, повторяя про себя все известные ему заклинания. Не без удовлетворения он отметил, что вода стала повиноваться ему намного лучше: теперь Рейн мог быстро создавать водяные щупальца и довольно долго поддерживать их форму. Стоило ему повести рукой — и вода становилась плетью, которая со свистом рассекала воздух и оставляла на камне глубокие отметины. Конечно, каждый раз за Иеромагию приходилось расплачиваться усталостью и головной болью, но юноша был доволен своими успехами. Вот и сейчас он склонился над пожелтевшим от времени свитком, где напротив фраз на Священном Наречии авестийцев значился перевод на уладский. Предусмотрительно. *Хедер* — лёд. *Ма'им* — волна. *Алэти* — истина...

В дверь постучали. От неожиданности Рейн вздрогнул и едва не выронил свиток. Как кто-то мог пройти через Саберин? Почему он не слышал шагов по лестнице?

Дверь отворилась. Юноша поднял глаза на возникшую на пороге фигуру и обнаружил, что ухмыляется, как последний идиот.

На пороге стояла Сатин. Она была одета в белое платье с широкими рукавами, расшитое

красной нитью. Лицо огнепоклонницы было бледным и немного осунувшимся, в тёмных глазах читалась усталость.

— Сатин! — Рейн шагнул вперёд. — Как ты себя чувствуешь?

— Нормально. — девушка застенчиво повела плечом. — Его Преосвященство Тансар был в высшей степени любезен.

Только сейчас Рейн заметил, что за время их странствий её волосы заметно отросли и теперь доходили до ушей, слегка завиваясь на концах. Он почувствовал, что краснеет, и опустил глаза.

— Ты чего-нибудь хочешь? — торопливо проговорил юноша. Почему-то в присутствии Сатин ему становилось неловко, что-то замирало в нём, заставляя чувствовать себя неуклюжим и грубым. — Будешь чай?

— Да. — Сатин улыбнулась. — Пожалуйста.

Пока Рейн заваривал чай, Сатин успела рассказать ему всё, что с ней произошло.

— Я очнулась в лазарете. — сказала она. — два дня я лежала там, а потом появился этот священник. Ну тот, в белой одежде и с красным поясом...

— Картир. — вставил Рейн.

— Да, верно. Он отвёл меня в покои Тансара и оставил нас наедине. Представляешь, каково это — своими глазами увидеть одного из Иерархов?

На лицо девушки вернулась прежняя таинственная улыбка. Сатин скрестила руки на груди и помолчала, собираясь с мыслями. Рейн украдкой вздохнул. Он и забыл, насколько она религиозна и как трепетно относится ко всему, что связано с Церковью Истин.

— Он был очень вежлив, — продолжила Сатин, — даже учтив. И он мне всё объяснил. Мол, перед лицом опасности я могла тебе открыться, Церковь понимает всю сложность выбора, который мне пришлось сделать. Я, конечно, была в изумлении. Тансар сказал, что понимает моё состояние и готов помочь. Просил никому не говорить о тебе и о том, что мы видели. Рейн, я могу заслужить прощение! Я могу исправить свою ошибку!

— Ошибку? — переспросил юноша. Он не слишком хорошо понимал, о чём она говорит.

Сатин невесело усмехнулась.

— Не забывай, я — *наннари*. Клыки и когти Матери Церкви. Я не должна была открывать тебе этот секрет — но открыла.

Рейн кивнул. Он взгляделся в лицо Сатин и увидел, что оно бледнее обычного, а серые глаза еле заметно отливают красным.

— Ты принимала Слезы? — в собственном голосе Рейн услышал обиду. Странно. Какое ему дело до этого зелья?

— Только немного. Чтобы... чтобы не видеть сны. Обычно мне было нужно гораздо больше Слез, когда я исполняла приказания Иерархов.

Она помолчала.

— Рейн, пойми. Теперь, если я не заслужу прощение, меня *отлучат*. Ты можешь себе представить, что это такое?

— Да, я понимаю. — смущённо пробормотал юноша. Ему не требовалось много времени, чтобы понять, какую роль в жизни Сатин играет служение Церкви и что будет значить для неё разрыв с Иерархами.

Две чаши с чаем вскоре стояли на столе, и Рейн был рад переменить тему разговора. Какое-то время оба молчали, потягивая ароматный напиток. Сатин то и дело поворачивалась

к окну: солнце взошло достаточно высоко, чтобы заставить один из золотых шпилей Дворца Истин засиять подобно громадному маяку.

— Тансар сказал, ты будешь учить меня авестийским обычаям. — заметил наконец юноша.

— Это правда. — лицо Сатин просветлело. — Мы можем начать прямо сейчас. Та'роф нельзя выучить — он познаётся в течение всей жизни. Чем больше ты общаешься с людьми, тем лучше его используешь.

— Та'роф? Что это?

— Искусство говорить. Так называется авестийский этикет, который пронизывает всю жизнь последователей Благой Веры. Та'роф помогает нам в общении с другими людьми позволяет почувствовать всю глубину единства между правоверными. Он делает жизнь более осмысленной, более понятной. Это фундамент и основа всего. — девушка помолчала, давая Рейну время осмыслить услышанное. — На Западе люди говорят то, что думают, и говорят без подготовки. На Востоке иначе. Мы должны произнести слова приветствия, даже если торопимся и не хотим вступать в разговор. Понимаешь?

— Не очень.

— Ты поймёшь. — Сатин улыбнулась. — Та'роф — это не просто слова, это образ мыслей. Так ты показываешь свою принадлежность к последователям Благой Веры и выражаешь своё почтение к собеседнику. В начале своей истории Авестинат противостоял многобожникам, которые пытались захватить Город Истин после ухода Благих. Мы ценим свою культуру. Давай, скажи мне что-нибудь на авестийском.

— *Шавуа тов.* — добрый день.

Сатин рассмеялась, прикрыв рот ладонью. Рейн нахмурился: разве он сказал что-то не то?

— Очень... правильное приветствие — для чужеземца. Но нет, та'роф намного сложнее. Ты здесь надолго, поэтому я обучу тебя всему, что должен знать каждый авестиец. Ты должен учитывать возраст собеседника, его профессию, положение в обществе. Кроме того, в начале разговора мы всегда говорим *агни намитарсам* — “да горит ваш Огонь”. Эти слова пригодятся тогда, когда ты не можешь сразу определить статус человека или его занятие. Хорошим тоном считается несколько раз спросить “как ваши дела”.

Почти час Сатин объясняла Рейну тонкости та'рофа, и под конец юноша решил, что сходит с ума. Авестийцы, кажется, все как один были сумасшедшими. Зачем тратить пять минут на прощание и приветствие, когда ты всего-то хотел спросить, как пройти? Что значит “Я умру за тебя, умри же и ты за меня”? Почему одним надо кланяться ниже пояса, а другим даже в глаза нельзя посмотреть? Та'роф казался Рейну беспорядочным нагромождением обычаев, которые за несколько веков правления Церкви Истин превратились в цепи, сковывающие каждого авестийца. “Убийственная вежливость” — подумалось ему.

— Запомни одну вещь. — голос Сатин вывел его из раздумий. — Если ты хочешь за что-то заплатить, но тебе говорят, что это бесплатно — предложи ещё два раза. Мы называем это правилом трёх “нет”. Понимаешь, в Авестинате на первом месте стоит вежливость, и мы не можем просто назвать цену даже когда торгуемся. Тебе придётся настоять на том, чтобы заплатить кому-то за товар.

— А если продавец откажется от денег в третий раз?

— Тогда ты, конечно, можешь забрать товар бесплатно. Это случается редко, когда

торговец хочет показать особое расположение к покупателю.

Рейн не смог сдержать себя и рассмеялся.

— Просто скажи, что ещё мне следует знать о вашей стране, чтобы ненароком кого-то не оскорбить? Меня удивляет, как вы сами не путаетесь во всех этих “да”, “нет” и “пожалуйста”.

Сатин только улыбнулась и устремила на юношу взгляд своих серьёзных серых глаз.

— Если тебя приглашают в гости, не забудь несколько раз отказаться — так ты узнаешь, насколько серьёзны намерения твоего собеседника. В гостях можешь чувствовать себя свободно. Не бойся рассматривать мебель и убранство дома: это считается приличным, в Авестинате хозяева будут даже рады, если похвалить их жилище. Однако соблюдай осторожность, когда чем-то восхищаешься — по правилам хорошего тона авестийцы должны предложить гостю в подарок все, что ему понравится, даже если для самих хозяев это очень дорого и ценно. Конечно, здесь снова нельзя забывать о правиле трёх “нет”...

— А что, если гость не знает о та’рофе? — перебил Рейн, которому все эти бесконечные нормы и правила успели наскучить.

— В таком случае получится не слишком приятная ситуация, ведь вернуть подарок назад уже нельзя. Хозяину придется расстаться с дорогой для сердца вещью. Впрочем, ситуации бывают очень разные. В некоторых регионах Авестината существует традиция дарить подарок гостю, который впервые пересёк порог дома. Восток — дело тонкое! Та’роф нельзя выучить, его надо прожить.

— А что, если ты хочешь обойтись без него? Что, если с самого начала попросить собеседника не использовать та’роф и говорить как обычно?

Глаза Сатин насмешливо блеснули.

— С тобой могут согласиться и даже пообещать не прибегать к нашим восточным витиеватостям, но и тут надо держаться настороже: такое обещание само может быть частью та’рофа.

— Как всё сложно... — Рейн помотал головой. — Никогда бы не подумал, что в мире есть народ, который ради вежливости готов буквально на всё!

— Таков Авестинат. За свою историю мы пережили слишком многое. Вот уже много веков Церковь Истин защищает нас и укрывает Своим пламенем, поэтому мы очень трепетно относимся к обычаям прошлого.

Прошло семь дней. Сатин приходила рано утром и помогала Рейну учить авестийский язык и познавать сложное, запутанное искусство восточного этикета. Какие-то фразы юноша мог составлять ещё в Лепте Великой, но теперь его словарный запас существенно расширился. Помощь Сатин была действительно неоценимой: только благодаря ей Рейн с каждым днем говорил все лучше. Если первые два дня занятия начинались спонтанно, то довольно скоро установилась система: утро отводилось на язык, день — на Иеромагию, а вечером Рейн либо упражнялся с мечом, либо бродил по улицам, впрочем, не отходя далеко от своей башни.

Тансар не давал о себе знать и, казалось, утратил к Рейну всякий интерес. Два воина из отряда Саберин всё так же стояли у входа в Воротную башню — белые плащи похожи на саваны, золотые значки сияют, лица не выражают ничего — но теперь почему-то не препятствовали попыткам юноши выйти наружу. На восьмой день своего обучения Рейн решил, что готов применить на практике новые знания и впервые по-настоящему посмотреть

на город.

Хотя юноша успел вдоволь насмотреться на Город Истин из своей башни, непосредственное знакомство всё равно поразило его, и он долго бродил без цели, оглядываясь и изумляясь. Авестийская столица напоминала лабиринт: улицы были вымощены гладкой каменной плиткой, по сторонам высились однообразные белокаменные дома, а над всем этим возвышалась многоцветная громада Дворца Истин — день был солнечный, и золотые шпили на башнях Иерархов сияли, как сигнальные огни. Торопливо пробираясь через людскую толчею, Рейн то и дело натыкался на горожан, которые с явным неодобрением косились на чужака.

Почти на каждом шагу попадались лавки, таверны и гостиницы — видимо, в Городе Истин процветала торговля. Бесчисленные товары словно появились напрямик из сказаний: на прилавках лежали роскошные ковры, изысканные кинжалы и шлемы, посуда и фрукты, золотые и серебряные кольца, магические амулеты и книги, флейты и арфы, ткани разных цветов и форм — парчовые, синие, с жёлтой каймой, лёгкие, шёлковые; стояли начищенные медные сосуды с тонкой резьбой, стеклянные кувшины с разнообразными рисунками, пестрели халаты, расшитые золотыми нитями и жемчугом; беспорядочными грудками лежало “мягкое золото” — соболиные шкурки из далёкого северного Келейнинона. Всё это богатство настолько выбило Рейна из колеи, что в какой-то момент юноша был готов уйти, лишь бы не замечать всех этих товаров, на фоне которых его собственная одежда казалась ему одеянием нищего. Удивление Рейна было так велико, что несколько раз ему приходилось уйти, чтобы лишний раз не напороться на полные опасного недоверия взгляды менял и торговцев.

Ему казалось, что после Лепты Великой он привык к шуму толпы, но теперь Рейн понял, что ошибался. По сравнению с Городом Истин кайсарумский порт выглядел деревней. Было трудно поверить, что в каком-то городе может быть столько народа — какое-то время Рейн просто стоял, чувствуя себя утопающим посреди беснующегося океана. Здесь были тысячи, десятки тысяч людей, все они куда-то шли, что-то говорили, кричали, звали, так что в конце концов все звуки города слились в единый многоголосый гул, от которого кружилась голова и хотелось куда-то скрыться — неважно куда, только бы стало тихо.

Люди здесь были разные. Некоторые носили броские цветные рубахи и длинные, подбитые мехом плащи, другие — вероятно, не такие богатые, как первые — довольствовались более скромным льняным одеянием. Поблизости от торговых рядов о чём-то своём переговаривались высокие и смуглые Люди Лодок с раздвоенными бородами, проходили жрецы Благой Веры — все в белом, с разноцветными поясами и напускной суровостью на лицах. Без особой цели Рейн проходил одну улицу за другой, несколько раз сворачивал — но гора и Дворец на её вершине, казалось, даже не стали ближе. Город Истин будто бы не имел конца, и юноша почувствовал себя неуютно в этом бескрайнем море из незнакомых ему людей и мест. Он было развернулся, чтобы найти дорогу до своей башни, но затем заметил в толпе какое-то движение и остановился, прислонившись к лимонному дереву у каменной изгороди.

По улице надменной походкой уверенно шла четвёрка мужчин в черных одеждах. На длинных плащах цвета тлеющих углей золотой нитью был вышит один и тот же символ — красный ключ на фоне золотого солнца — из-за чего все четверо казалась похожи на воронов. Их головы были увенчаны высокими чёрными колпаками, и эти люди то и дело

оглядывались на толпу вокруг со смешанным выражением раздражения и злости. Это было странное зрелище: едва завидев четвёрку в чёрном, люди старательно отводили глаза и осторожно, бочком, обходили их, стараясь не попадаться им на пути. Те же, кто попадался, моментально уступали дорогу, будто те четверо были чем-то заражены. В толпе словно создался кокон из пустого пространства, который направлялся напрямик туда, где стоял Рейн. Юноша отвернулся и хотел было уйти, но было поздно: четыре человека уже были рядом.

— По какому праву ты носишь одежды Матери Церкви? — спросил один из них. Он сделал шаг вперёд и скрестил руки на груди, ожидая ответа. У него была коротко подстриженная, аккуратная чёрная бородка. Высокий лоб прочертили морщины, пристальный взгляд стальных глаз вызывал смутную тревогу и что-то ещё.

— Отвечай нам, чужеземец. — губы мужчины искривились в подобии улыбки. — Или ты уже понимаешь, что тебе нечего сказать?

Четыре пары глаз продолжали смотреть. Рейн внезапно почувствовал сильную слабость, будто провёл несколько дней без пищи и отдыха. Где-то в глубине души волной поднимался страх, но даже это ощущение было каким-то слабым и приглушённым.

— *Агни намитарсам*, — сказал он наконец. — Да горит ваш Огонь.

Лицо чернобородого вытянулось, в серых глазах затаился гнев.

— Та'роф тебе не помощник. Не пытайся уйти от ответа. Почему на тебе пояс Матери Церкви? Ты ведь не из Авестината, верно?

Рейн понял, что этот человек в чёрном говорит о его одежде. Почему-то собраться с мыслями было необычайно трудно. Он с трудом отвёл взгляд от серебристых глаз мужчины и ответил, глядя на камни под ногами:

— Я из Улады. — Волна озноба пробежала по спине юноши. Какая-то новая мысль появилась у него в голове и тут же пропала. О чём они только что говорили? — Скажите, а как пройти ко Дворцу Истин? Я не...

— Я чувствую на тебе длань Противника. — перебил его незнакомец. — Спрашиваю ещё раз: кто дал тебе право носить одеяния слуг Благой Веры?

— Я — гость Конклава. — проговорил Рейн. Слабость исчезла, его голова вновь стала ясной. — Иеромаг и друг Иерарха Тансара.

— Тансар, отец Игнати. — сказал чернобородому один из его спутников, высокий и тощий, словно скелет. — Нам не следует... — он вдруг отшатнулся назад и смолк.

Глаза отца Игнати сузились. Он тронул рукой свою бороду и произнёс, глядя на Рейна.

— Ты — многобожник?

— Да. — ответил юноша с некоторым облегчением. Кем бы ни были эти странные незнакомцы, судя по всему, вреда они не причинят.

Лицо Игнати вытянулось от гнева. Он что-то пробормотал, и по его пальцам забегали синие языки пламени.

— Ты лжёшь, отступник. Никто не должен носить цветной пояс, не имея серых глаз. Именем Совета Стражей я...

Тощий вдруг стиснул его ладонь и мотнул головой в сторону улицы. Игнати непонятно выругался и выдернул руку. Синее пламя погасло. Какое-то время все четверо будто забыли о Рейне и стояли, словно прислушиваясь к чему-то. Юноше показалось, что он слышит музыку — гудели трубы, протяжно и едва уловимо. Игнати снова взглянул на Рейна. Глаза его метали молнии.

— Слуги Противника не могут укрыться от кары, даже с помощью Иерарха-еретика. Рано или поздно мы доберёмся до каждого из вас, помани моё слово!

Он резко развернулся на каблуках и, окружённый тремя спутниками, словно свитой, скрылся за поворотом.

Рейн прикрыл глаза и облокотился об изгородь. Его первый самостоятельный поход в Город Истин прошёл, мягко говоря, необычно. Кто были эти люди в серых плащах и чёрных одеждах? Что вызвало их гнев? И почему, как только он упомянул Тансара, они не рискнули причинить ему вред? Юноша тряхнул головой и направился обратно, к башне.

Ещё на подходе к своему жилищу Рейн заметил, что что-то не так. У ворот, где обычно дежурили Саберин, стоял возок, запряжённый четвёркой рыжих лошадей. Человек в белой рясе с широким красным поясом стоял рядом и напряжённо вглядывался в толпу. Завидев Рейна, человек что-то крикнул и махнул рукой. Юноша ускорил шаг и понял: это Картир. Из-за спины рескриптора выглядывала тонкая фигурка в белом платье с красным узором. Сатин.

— У меня чудесные новости, дорогой друг! — пропел Картир своим приторно-сладким голосом, когда Рейн приблизился. — Один человек из Дворца пожелал видеть тебя и девушку. Прими мои самые сердечные поздравления! — он широко улыбнулся. — К сожалению, ваша беседа будет недолгой, но не отчаивайся: совсем скоро тебя представят Конклаву.

Юноша был сбит с толку и переводил взгляд с Сатин на священника и обратно. На лице девушки застыло выражение почти безграничного восхищения и счастья. Она слегка покачивалась на носках из стороны в сторону и, казалось, не замечала ничего вокруг.

— О ком вы? — спросил Рейн Картира. — Кто этот человек?

Медовая улыбка рескриптора стала ещё шире.

— Совершенный.

Глава двадцатая. Совершенный

Не думай, друг мой, что нам сойдет с рук то, что мы совершили семнадцать лет назад во Дворце Истин. Новый Совершенный не простит нас, не поймёт ту правду, которую я открыл тебе и Зилачу. Я не боюсь ни позора, ни слуг Матери Церкви. Ставки слишком велики. Тебе нужно скрыться где-то на севере. Как насчёт Улады? Я бы с радостью отплыл на Запад вместе с тобой и Хэммоном, но есть у меня одно дело в Доме Мудрости... Мне кажется, я понял, что произошло тогда четыре тысячи лет назад и происходит до сих пор. Если Он здесь, то на свободе все семеро.

Тяжёлое гудение церковного колокола било по ушам, наполняя душу неясной, болезненной тревогой. Порывы ветра раскачивали верхушки деревьев, и зелёные листья, кружась, плавно опадали на землю. Прямо перед Рейном возвышался Покой Истин — квадратная башня белого камня, на самом верху — замысловатый золотой шпиль в виде короны из языков пламени. Два кольца башен отделяли жилище Совершенного от города, но ветер по какой-то причине слабее не становился. Юноша подёрнул плечами. Здесь, на плоской вершине исполинской горы в самом центре города, невольно чувствуешь себя муравьём — или, наоборот, богом. Позади поднималась чёрная стена и четыре башни цвета потухших углей, а ещё дальше облака пронзали красные и оранжевые минареты, высокие и тонкие. Дворец Истин был разделён на три сектора, и сейчас они с Сатин и Картиром стояли в самом сердце Матери Церкви.

Словно из ниоткуда рядом с ними выросли четыре фигуры в белом. Лучи солнечного света мазнули по значкам в виде моста, на мгновение заставив их вспыхнуть подобно пламени. Саберин — личная гвардия Иерархов — даже не взглянули на тех, кого призвал к себе правитель Авестината. Рейн с трудом отвёл взгляд от стальных копий церковных телохранителей и посмотрел на парадный вход в башню. Зря. Сияние, исходящее от золотой двери, ещё сильнее ослепляло и мешало сосредоточиться. Юноша прикрыл глаза. Слева от него Сатин что-то взволнованно пробормотала — руки скрещены на груди, мутный взгляд блуждает по белым стенам. Интересно, о чём она думает? На что надеется и чего боится?

Колокол наверху отмерил сотню ударов и стих. Время Чести — один из бесчисленных ритуалов авестийского церемониала — подошло к концу. Железные, в золотых листах створки медленно разошлись, открывая длинный коридор и белое свечение в его конце. Так тихо... Все трое ступили внутрь, и ворота закрылись, отсекая их от внешнего мира. Юноше сделалось страшно. Всё в этом коридоре казалось ему неправильным, неживым — и ошеломляющая, показная роскошь фресок, и яркий, непривычный для глаза свет сотен ламп с жар-огнём, и два ряда безмолвных гвардейцев в белом. Они с Картиром и девушкой направлялись прямо в сердце Дворца. Звуков почти не было. Только сапоги дробно стучали по идеально ровному мраморному полу, разнося по коридору гулкое эхо, да колокольный звон иногда достигал слуха, будто напоминая о святости того, кто ожидал их там, в конце пути. Юноша обратил внимание, что фрески здесь отличаются от тех, что он видел в башне Тансара: теперь они были выполнены с пугающей точностью. От нечего делать он стал вглядываться в фигуры людей на стене и с удивлением узнал в них Непрощённых. На этот раз лица семерых предателей человечества не были скрыты за масками и выглядели надменно и гордо. Вот смуглый юнец с арфой в руках, за ним — беловолосая женщина в чёрном платье, длинная юбка расходится внизу, как паутина... Со смесью отвращения и

страха Рейн узнал пурпурное одеяние, так похожее на то, что было на Рамелисе во время их первой встречи. Кузнец Погибели вернулся в мир, и это знание важнее всего. Они должны предупредить Конклав, пока не стало слишком поздно.

Они шли долго, и Рейну с трудом удавалось сдерживать растущую тревогу. Совершенный ведь не просто правитель, как уладский король или кайсарумский император, он — первосвященник, живой бог своего народа. Перед приёмом Картир объяснил, что к главе Матери Церкви следует относиться с благоговением. Он был избран на Конклаве около семнадцати лет назад и с тех пор руководил Авестинатом и Церковью Истин. Больше всего Рейна поразила та таинственность, которая окружала фигуру Совершенного. Никто из рядовых авестийцев даже не знал, как выглядит их государь! После избрания первый среди огнепоклонников почти не выходил за пределы дворцового комплекса и появлялся на людях только во время самых важных праздников и церемоний. Ходили слухи, что нынешний Совершенный — самый сильный Иеромаг в истории. Говорили, что ему нет равных в искусстве управления огнём и что он будто бы видит человека насквозь, так что утаить что-то становится невозможно.

Из груди юноши сам собой вырвался вздох. Он не верит во всё это, но ради Сатин встретится с этим богочеловеком и окажет тому любые почести — только бы с ней было всё хорошо. Они прошли слишком много испытаний, чтобы теперь друг друга потерять. Они расскажут Совершенному обо всём, что видели — и выполнят свой долг перед человечеством. Рейн посмотрел на Сатин: та вдруг резко, как от удара, дёрнулась и во все глаза уставилась на одну из фресок. Юноша проследил за взглядом огнепоклонницы и увидел, что её внимание привлекло изображение одного из Непрощённых. Высокий статный мужчина в чёрном костюме и плаще смотрел на гостей Дворца жёлтыми, как у совы, глазами. Рейн поёжился. Он шагнул поближе к Сатин и против воли улыбнулся, когда её рука сжала его запястье.

Около получаса Картир вёл их по коридору, ни разу не свернув и не сказав ни слова. Юноша уже было подумал, что они идут неверным путём, как белое свечение впереди стало ярче, и Рейн смог разглядеть то, куда они направлялись.

Вход в тронный зал Матери Церкви поддерживало восемь колонн из зелёного малахита с золотыми прожилками. Четыре громадных лампы с жар-огнём горели оранжевым, красным, жёлтым и синим. Откуда-то из-за стен лилась музыка, а впереди высились громадные белые двери, украшенные золотистым узором в виде языков пламени, заключённых в круг. Лицо Картира выражало благоговение и страх. Рескриптор остановился, повернулся к Рейну и прошептал:

— Теперь я должен вас оставить. Трон Совершенного отделён от остального зала завесой из шёлка. Ждите столько, сколько он пожелает. Вы сможете говорить, когда завесу поднимут. До этого — ни слова!

Рейн почувствовал, как Сатин стиснула его руку, да так сильно, будто хотела оторвать. Он снова украдкой глянул на девушку: лицо её побелело, пальцы тряслись, в широко распахнутых серых глазах застыло странное выражение. Неужели её так испугала та фреска? Видимо, то был обычный страх верующего перед встречей с первосвященником — страх, о котором самому Рейну узнать пока не довелось.

— Мы готовы, — сообщил он священнику.

— Хорошо, — ответил тот и отступил на несколько шагов. Шестеро гвардейцев в белом обступили их справа и слева, как почётная охрана. — Подойдите к дверям и, когда их

откроют, немедленно идите к завесе.

Сердце Рейна забилося втрое быстрее, когда тяжёлые створки сдвинулись с места и беззвучно заскользили в стороны. Сияние ударило прямо в лицо, так что юноша непроизвольно закрыл глаза, а когда открыл вновь — ахнул, не в силах сдержать свои чувства.

Огромный зал был залит ослепительным белым светом. Справа и слева выросли тонкие красные колонны, похожие на строй монахов, одетых в рясы. Спустя какое-то время свет стал не таким ярким, и юноша смог подробнее разглядеть убранство зала. У стен стояли массивные бронзовые курильницы в виде чудовищ, глаза их блестели изумрудами, раскрытые пасти исторгали розоватый дымок. Над этими внушающими страх изваяниями нависали бело-золотые знамёна с уже знакомым символом: языки пламени, заключённые в круг. От входа и до самой завесы тянулось два ряда гвардейцев, безмолвных и неподвижных, как мертвецы. Через весь зал шла узкая линия ковра, красная, как только что пролитая кровь. Сама завеса тяжёлым белоснежным покрывалом шла от пола и потолка, скрывая за собой квадратный помост и высокий резной престол повелителя Матери Церкви.

Они с Сатин ступили на широкую ковровую дорогу. Плотная материя скрадывала шаги, делая обстановку в зале неправдоподобно тихой. Рейн уверенно шёл вперёд, Сатин — за ним. Льющийся из высоких стрельчатых окон свет придавал всему происходящему какую-то особую торжественность. Перед внутренним взором юноши возникло лицо Рамелиса: острый подбородок, высокий лоб, чёрные, похожие на две дыры глаза... Они должны предупредить Мать Церковь. Рамелис добровольно поместил в себя дух одного из Непрощённых. Если ничего не сделать, Кузнец Погибели сначала уничтожит Авестинат, а затем — весь остальной мир.

Они остановились прямо перед завесой.

Чьи-то сильные руки протянулись сзади к лицу Рейна, белая ткань закрыла лицо и нос. Ещё один ритуал. Дыхание простых смертных не должно смешиваться с дыханием Совершенного... Снова зазвучал невидимый колокол, и мощная, почти осязаемая вибрация прошла по всему телу парня. Началось второе Время Чести, самое длительное... Рейн стоит на коленях, его спутница с выражением крайней растерянности на лице — рядом. Шуршат одежды, из-за завесы слышится приглушённое бормотание авестийских священников. Девять раз должны они прочесть особую молитву перед тем, как явить миру самого святого из живущих. Благие мысли, благие слова, благие дела — вот долг любого из правоверных. Сладковатые курения наполняют голову тяжестью... Вот колокол замолкает, и только в ушах ещё стоит звон. Завеса приоткрывается. Новый голос — резкий и властный — изогнутым клинком разрывает застывший воздух.

**ИЗБРАННЫЙ ТВОРЦОМ ТВОРЕНИЯ ХИРАМ
ЦАРЬ ЦАРСТВУЮЩИХ, СОВЕРШЕННЫЙ
ПОВЕЛИТЕЛЬ ПРАВОВЕРНЫХ И ЯЗЫЧНИКОВ
ПРИНИМАЕТ САТИН И РЕЙНА,
СВОИХ ВЕРНЫХ СЛУГ!**

Рейн в нерешительности поднял глаза. Перед его глазами высился Престол Истин — многоцветная каменная глыба, которой бесчисленные столетия назад придали форму сиденья с высокой спинкой. Трон Совершенного со всех сторон было словно охвачено резными языками пламени — зелёными, красными, чёрными, оранжевыми. Древние мастера придали камню почти совершенную форму, так что малахитовое, агатовое и

рубиновое пламя выглядело настоящим. Престол будто бы светился внутренним светом, покоряя и завораживая. В самом центре этой рукотворной скалы, окружённый всполохами неживого жара, на возвышении цвета снега сидел человек.

Рейн увидел перед собой высокого, тощего старика с глубокими морщинами на лице. Его кожа была жёлтой, как старая бумага, ввалившиеся глаза еле заметно отливали серебром. Сложенные на коленях руки были пересечены сплетениями вен и бледны до синевы. На нём был белоснежный халат со свободными рукавами, расшитыми сложным золотым узором, ноги были обуты в высокие сапоги. Замысловатая металлическая корона венчала голову старца — она оканчивалась зубцами в виде языков пламени и сияла, вспыхивая то алым, то золотым. Когда он заговорил, голос звучал надтреснуто и глухо:

— Что у тебя за дело ко мне, чужестранец? — прокрипел старик. — Как ты посмел явиться сюда и тратить моё время? И что это за девчонка рядом с тобой?

Рейн в смятении посмотрел на Сатин. При виде Совершенного та побледнела и уставилась в пол. У девушки было странное выражение лица — смесь шока, обиды и чего-то такого, что он не смог распознать. Юноша перевёл взгляд на мужчину. Разве это — Совершенный? Самый святой человек в мире? Этот ветхий старик? Увиденное встревожило и смутило его, но Рейн нашёл в себе силы успокоиться и ответил самым учтивым тоном, каким только мог:

— Меня зовут Рейн, Ваше Святейшество. Я из Улады. Со мной — Сатин, она из Дома Чистоты.

Старик молча наклонил голову. Рейн прокашлялся.

— Мы шли в Город Истин из Улады, — начал он, — чтобы предупредить Мать Церковь. Над Клятвенными Землями нависла угроза...

История сначала не клеилась, но юноше хватило одного взгляда на Сатин, чтобы справиться с волнением. Он столько раз повторял эти слова про себя, что теперь рассказ звучал легко и естественно. Он вспоминал одно за другим события прошлого, и они проходили у него перед глазами — такие же яркие и живые, как раньше. Совершенный сидел на своём цветном троне, лишь изредка брезгливо морщась или вздыхая, так что Рейн так и не смог понять, что у того на уме. Ещё по дороге во дворец юноша решил выдать всё как было, ничего не утаивая и не скрывая. Если главному среди Иерархов станет известно, что его провели, их здесь не ждёт ничего хорошего. За себя Рейн почти не тревожился — он уже понял, что Авестинат с его странными традициями и интригами не станет для него родной землёй, но вот Сатин... нельзя допустить, чтобы она лишилась дома.

Когда Рейн закончил, Хирам долго молчал, уставившись на него своими тусклыми глазами, так что юноше показалось, что его слушатель спит.

— Да, мне доложили, что трое моих гвардейцев погибли в Аннуине. — произнёс Совершенный голосом, похожим на воронье карканье. — Но с чего бы мне тебе верить? Непрощённый здесь, в Клятвенных Землях? Что за вздор! У тебя есть какие-то доказательства, юноша?

Доказательства?

Рейн почувствовал, как его лоб покрывает испарина — он был совершенно не готов к подобному повороту дела. Ему и в голову не приходило, что им придётся доказывать свою правоту. Он беспомощно осмотрелся. Старец, казалось, позабыл обо всём и дремал, откинувшись прямо на спинку Престола Истин. Сатин ничем не могла помочь — девушка впала в какой-то ступор, глядя прямо перед собой невидящими глазами. Что-то тихонько

гудело у Рейна в голове, он понимал, что должен ответить, но никак не мог ухватить за ниточку ускользающую мысль. Наконец, потеряв терпение, он взял себя в руки и шагнул к трону.

— Ваше Святейшество, — заговорил он, сбиваясь, — за нас могут поручиться ваши солдаты, которые спасли нас в Аннуине. Спросите их, и они скажут, что мы стоим здесь только благодаря их стрелам. Кроме того, они подтвердят, что Рамелис использовал против них древнюю Иеромагию и творил тьму из ничего.

Хирам хохотнул и выпрямился на своём троне.

— Тьма из ничего, говоришь? Интересно. — Совершенный улыбнулся, обнажив жёлтые зубы. — Но как ты докажешь, что видел одного из Непрощённых? Этот твой Рамелис — просто *даэва*, тёмный колдун, каких множество. И ещё... как, говоришь, звали убитого им отшельника?

— Мидир. — Рейн понял, что не сможет солгать. — Мидир из Кельтхайра.

Тонкие брови Хирама сошлись на переносице. В глазах правителя Авестината вспыхнул огонёк гнева.

— Значит, Мидир... теперь понятно, почему я до сих пор не наткнулся на след этого изменника... на кого ты работаешь — на него? На кого-то из Слуг Разума, да? Говори! Говори немедленно! — Такая лютая ненависть звучала в голосе Совершенного, что Рейн поневоле содрогнулся от внезапного страха перед этим тщедушным старцем. — Говори, еретик, или я прикажу пытаться тебя! Говори, если хочешь жить!

Рейн собрался с духом и ответил, тщательно подбирая слова:

— Я не знал ничего о его прошлом, Ваше Святейшество. Мидир поселился в Кельтхайре давно, ещё до моего рождения. Я до последнего был уверен, что он — обычный отшельник, только и всего. Он не говорил мне ничего про своё прошлое...

— Еда стынет... — пробормотал Хирам отсутствующим голосом. Старик, казалось, потерял всякий интерес к их разговору и сделал знак стоящим у трона слугам. — Подайте мне блюдо, пусть принесут мяса, да побольше. И вина... да, вина, и чтобы покрепче было! — он повернулся к Сатин и Рейну.

— Ты здорово развлёк меня своим рассказом, чужеземец. Непрощённый, Бессмертные... не всякий смог бы так нагло лгать мне в лицо. За одно это тебя надо повесить, но я справедлив. Через три дня я испытаю твою магию здесь, во Дворце. Если ты меня впечатлишь, то можешь рассчитывать на место в дворцовой страже, если нет — с завтрашнего дня можешь искать себе место на улицах Города Истин. Ступай.

— Ваше Святейшество! — воскликнула вдруг Сатин. — Мы действительно видели Бессмертных. Прошу, поверьте мне! Мне незачем лгать. Я верно служила Престолу Истин...

— И зачем ты мне нужна? — оборвал её Хирам, презрительно скривившись. — Как *наннари* ты уже бесполезна, раз посмела раскрыть себя этому язычнику. Сломанное оружие!

— Пожалуйста, Ваше Святейшество! — на глазах Сатин выступили слёзы. — Авестинату угрожает враг...

— Не слишком ли много чести — для той, кто не оправдал моего доверия? — Лицо Совершенного опять сделалось бесстрастным. — Можете идти. И запомни, Сатин: забудь о том, что была у меня на службе.

Девушка сделала несколько неуверенных шагов, затем пошатнулась, и Рейн еле успел подхватить её под руку. В какой-то момент ему показалось, что она сейчас упадёт в обморок, но Сатин с видимым усилием выпрямилась и пошла прочь, словно сомнамбула, даже не

глядя под ноги.

Что это был сон, Сатин знала даже во сне. Слишком уж необычным было то помещение, в котором она оказалась — чёрные стены из туго натянутой ткани и круглое отверстие прямо под потолком. *Шатёр*, догадалась девушка. Внутри было холодно и темно. Единственным источником освещения оказалось высокое зеркало на ножках в виде двух серебристых рыб. Оно стояло в самом центре шатра и тускло светило неживым фиолетовым светом. Перед зеркалом на коленях стоял человек. Края его длинной пурпурной рясы доходили до пола, голову покрывал глубокий чёрный капюшон. Сатин почти физически ощущала угрозу, исходящую от этой мрачной фигуры. Ей казалось, что она уже видела этого человека, слышала его голос — но мысли путались, в голове стояла свинцовая пустота, и девушка не нашла ничего лучше, как отступить вглубь шатра и притаиться в углу, в густой черноте стен.

— Но я ведь сделал всё, чего ты хотел. — внезапно произнёс человек. — Я собрал тебе войско. — Он вдруг откинул капюшон. Его голова оказалась совершенно лысой и бледной, худое вытянутое лицо выглядело измождённым. Незнакомец казался больным, но, когда он поднял глаза, Сатин разглядела в них холодную решимость, совершенно не подходящую его облику. Человек смотрел прямо в зеркало — и не отражался в нём.

— Ты требуешь слишком много, — ответили ему. Голос исходил прямо из зеркала — холодный и странный, как порыв ледяного ветра. — Ты не смог схватить тех двоих там, в Аннуине.

На лице человека в рясе появилась неуверенная улыбка.

— Это ничего не меняет. Рано или поздно они всё равно попадут мне в руки. Дай мне то, чего я прошу, и Город Истин будет разрушен.

— Ты не понимаешь, чего хочешь, смертный, — ответил голос из зеркала. — Великое Копье не игрушка, чтобы использовать его без нужды. Ты не сможешь овладеть его мощью, пока на мне Цепь.

— Мне оно нужно, — повторил человек с пугающим упорством. — Дай мне Копье, Сияющий... ты должен. Ты обещал...

По зеркалу вдруг пошла рябь, оно засияло, озарив весь шатёр пурпурным светом. По ту сторону зеркальной глади заплясали языки фиолетового огня. Пламя росло, ширилось, пока не приняло форму человеческой фигуры. Она светилась и переливалась пурпуром и багрянцем, как кипящий металл над плавильной печью. На месте глаз алели два красных, похожих на кровавые озёра глаза.

— Должен? Тебе? — холодная ярость звучала в этом голосе. — Ты забываешься, наместник. Не тебе требовать от меня власти. Ты здесь всего лишь слуга.

Человек в рясе вдруг пошатнулся, как от удара, его бледное лицо исказила гримаса боли.

— Напомни мне, Рамелис, кто тебя возвеличил. — спросила фигура. Огненный силуэт сделал какое-то движение — и человек дёрнулся, коротко вскрикнув. На белой щеке появилась тонкая алая полоска.

— Ты... ты, господин. Только ты один. — человек в пурпурном задрожал и склонился в глубоком поклоне. Ещё один порез сам по себе раскрылся на лбу, кровь тонким ручейком стекала вниз, заливаясь за воротник. Холодный голос тем временем продолжал:

— Разве не я дал тебе жизнь, когда ты был при смерти? Разве не я предсказал, что ты будешь править в Кайсаруме? Ответь мне, наместник: кто я?

Рамелис — имя это показалось Сатин мучительно знакомым — с усилием выпрямился.

— Ты — бог, Сияющий. Огонь, который погубит Церковь... Прощу тебя! Я сделаю как ты хотел, я прикажу истребить всех в этом городе! Я всё сделаю, только дай мне Копье!

Живое пламя в зеркале полыхнуло ярче. Сатин показалось, что на бесформенном, сотканном из огня лице незнакомца по ту сторону зеркала появилась улыбка.

— Ладно, наместник. Творец Творения скоро познает поражение, и я буду править вечно. Ладно. Ты получишь Великое Копье, но помни — твоему смертному телу не перенести его сияния...

— Это неважно! — вскричал человек, вставая. Зеркальный огонь освещал бледное лицо, делая его похожим на череп. — Это неважно, неважно, я хочу обладать им! Я хочу уничтожить всех их...

Свет разом померк, она оказалась посреди леса из чёрных колонн, уходящих в красное небо. Кровавый туман вокруг был настолько плотным, что Сатин не видела своих рук. В голове прояснилось, но девушка не успела даже осознать то, что только что видела — туман расступился, когда рядом с ней из ничего сформировалась человеческая фигура. Красноволосый мужчина в чёрных с серебром одеждах огляделся и сделал шаг вперёд. Сатин отступила, не веря своим глазам. Она узнала его. Узнала изображение во Дворце.

Мореллин. Непрощённый.

— Вижу, ты теперь знаешь, кто я. — произнёс Сменивший Сторону. В глазах его сверкнуло живое пламя. — Тем лучше. Я никогда не любил притворства.

Сатин обнаружила, что не может ступить и шага — ноги перестали слушаться и будто приросли к каменному полу. Огнепоклонницу сковал страх, когда она осталась лицом к лицу с Мореллином — лицом к лицу с одним из Непрощённых, с человеком, которого не должно было быть.

— Не бойся меня. — сказал Мореллин, глядя на неё своими жёлтыми глазами. — Я не причинил тебе вреда в том сне, не причиню и сейчас. Я не враг тебе, маленький огонёк.

— Но как? — выдавила Сатин. Ужас не давал ясно соображать, и это был единственный вопрос, который пришёл ей в голову. — Ты же... мёртв. Вы все мертвы. Оллам Спаситель...

— Убил нас? — договорил за неё Сменивший Сторону. — Победил зло и вознёсся прямо на небеса вместе с Благими? Иерархи не знают правды, никогда не знали. Ты для них — пешка, которую можно разменять, когда придёт время.

— Что... что тебе от меня нужно?

Мужчина приблизился. Его золотые глаза теперь были совсем близко.

— Ты сама видела Совершенного. Немного отличается от того праведника, о котором говорит Церковь, не правда ли? Я пришёл, чтобы помочь. Ты понятия не имеешь о том, что происходит в этом мире. Кузнец Погибели скоро уничтожит Авестинат, но я... — его фигура вдруг замерцала и исчезла.

Сатин проснулась, чувствуя страшную усталость. Сердце бешено колотилось, каждый его удар отдавался в висках тупой болью. Она ещё не пришла в себя после кошмара, но чувствовала — увиденное было очень, очень важным.

Голову снова прострелило болью, но она нашла в себе силы сесть, прислонившись к стене. Солнечные лучи свободно лились через окно — кажется, уже полдень. Неужели она спала так долго? Сатин просто сидела на кровати, смотрела на изображение Благого Оллама во всю стену и вспоминала приём у Совершенного. Он *не поверил* им. Прогнал их прочь из зала. Девушка почувствовала, как её глаза наполняют слёзы. Почему Творец от неё

отвернулся? Совершенный не может быть таким, правда? Просто не может. Творец не допустит, чтобы Его церковь повредилась. Она несколько раз повторила эту фразу про себя, чувствуя, что на этот раз молитва не принесёт ей никакого облегчения. После вчерашнего дня что-то надломилось в ней, словно исчез какой-то невидимый стержень, на котором строилась вся её жизнь. Раньше ей всегда казалось, что Творец видит её всё время, слышит каждую молитву — но теперь чувствовала, как в груди появилась странная пустота. Когда кто-то — очевидно, один из слуг Тансара — постучал в дверь, Сатин даже не пошевелилась, чтобы открыть. Через какое-то время стук прекратился, комната-келья вновь погрузилась в тишину.

Это её вполне устраивало. Сатин хотелось, чтобы её оставили в покое. Она даже закрыла глаза, надеясь задремать, но тут же снова открыла их — на ум сразу пришёл тот сон, вернее, два сна. Одной мысли о Рамелисе и его хозяине хватило, чтобы всякое желание снова заснуть пропало. Рамелис... был ли это просто сон или что-то большее? Чего он хотел от своего бессмертного господина и при чём тут Великое Копье? Сатин зябко повела плечами и встала с кровати, на ходу натягивая на себя сапоги и привычный жилет из чёрной кожи. Она пойдёт к Тансару. Иерарх мудр, он поймёт её и поможет забыть о снах раз и навсегда. А Совершенный... что ж, его поведение на приёме наверняка было вызвано какой-то ошибкой. Первый среди лидеров Матери Церкви ни за что не стал бы вести себя так странно. Объяснение есть, должно быть...

Сатин остановилась перед зеркалом, чтобы поправить причёску, взяла в руки гребень — и вдруг замерла, глядя на своё отражение.

Вместо неё в зеркале отражался кто-то другой. Это лицо... оно было хорошо ей знакомо. Девичье, угловатое, линию волос делит надвое непокорная чёлка — но почему глаза такие чёрные? Когда Сатин с коротким криком отшатнулась к стене, отражение не повторило за ней, а только прильнуло к зеркалу с *той* стороны, прижав к нему ладони.

Теперь ты меня видишь, проговорила фигура, ия не враг тебе.

Сатин всё ещё стояла на месте, когда дверь отворилась и из-за неё показалась седая голова Шахара — личного слуги Иерарха Тансара. Лицо старика выражало глубокую озабоченность.

— Всё хорошо? Я слышал крики...

— Шахар, — сказала Сатин отрывисто, — посмотри в зеркало. С ним всё в порядке?

Слуга хмыкнул, но к зеркалу подошёл. Повертелся вокруг, потрогал руками оправу.

— Всё в норме. — заверил он. — Хотя, по-моему, в этом жилете выглядите вы слегка мрачновато... Да и сапоги не такие новые. Если нужна новая одежда, только скажите. Иерарх с радостью предоставит вам платья по последней столичной моде. Какой цвет хотите? Белый с золотом, как у Совершенного?

Сатин едва нашла в себе силы, чтобы кивнуть.

— Спасибо тебе, Шахар. Я... я подумаю над этим. Можешь идти.

Дверь закрылась, и девушка тут же вернулась к зеркалу. Другая Сатин была на месте — стояла, скрестив руки на груди, и смотрела на оригинал глазами, полными лукавства.

Я схожу с ума, подумала Сатин. Вижу то, чего другие не видят. Ей надо успокоиться. Это, наверное, от недостатка сна. Переутомилась вчера, увидела дурной сон, и...

Не страшишься, произнёс голос в её голове. Я не враг.

— Кто... кто ты? — Сатин старалась говорить медленно, чтобы голос звучал спокойно. — Как тебя зовут?

Двойник заложил руки за спину. Неуверенно улыбнулся.

Я... я не знаю.

— Почему я тебя вижу?

Я всегда была здесь. С тобой.

— И что тебе нужно?

На этот раз улыбка двойника была более очевидной.

А что нужно тебе?

Глава двадцать первая. Клыки и когти Матери Церкви

Помимо прошлого меня также занимает и будущее. Легенды говорят о Конечном Воскрешении — событии, когда Истина и Ложь сойдутся в последней битве. Огнепоклонники верят в спасителя, который поведёт в бой Мать Церковь и откроет Мост Правосудия. Они называют этого человека Саошьянт, Защитник Истины. Его противником будет Тенетворец, первый среди слуг Противника. Моё время истекает. Если Война Лжи оказалась правдой, то чего нам ожидать в грядущем?

Рейн позволил себе выдохнуть только тогда, когда позолоченные двери Зала Истин захлопнулись у него за спиной. В голове всё ещё звучал голос Совершенного, насмешливый и надменный: “У тебя есть какие-то доказательства?”. Доказательства... что делать теперь, когда правитель Авестината не внял их предупреждению? К кому идти? Надо найти Хашанга. Мидир просил найти его... Юноша повернулся к Сатин, которая после аудиенции не проронила ни слова:

— Послушай... мне правда жаль, что так вышло. Совершенный... я и не думал, что он окажется...

— Ничего. — перебила его Сатин. Её голос был лишен всякого выражения, но всё же в нём было что-то, что заставило Рейна умолкнуть. — Ничего. Я... я пойду. Моя комната в башне Тансара, это недалеко.

— Постой... ты...

— Спокойной ночи, Рейн. — на бледном лице огнепоклонницы появилась вымученная улыбка. — Увидимся завтра.

Сатин развернулась и, пошатываясь, скрылась в боковом коридоре. С минуту Рейн глядел ей вслед. Он хотел было догнать её, утешить, спросить, о чём она думает — но затем передумал. Сатин сейчас лучше побыть наедине с собой. Да и что он мог сказать? Что всё, во что она верила, в один миг обернулось ложью? Что всё, за что она так цеплялась — Церковь, Иерархи, Творец Творения — не более чем мираж? Кто он такой, чтобы рассказывать ей о вещах, о которых сам ничего не знает? Он ведь язычник. Пойти за ней... утешить... Нет, так будет только хуже. Поколебавшись, Рейн развернулся и побрёл к выходу, глядя в пол. Быть может, завтра он что-нибудь придумает...

— Я могу с тобой поговорить?

Рейн поднял глаза. Прямо перед ним стоял Тансар, заложив руки за спину. Как и во время их первой встречи, Иерарх был облачён в оранжевые с красным одежды, так похожие на языки жаркого пламени.

— Я хочу поговорить с тобой, Рейн из Кельтхайра. — повторил Тансар. — Пройдётся со мной?

— Да. — ответил юноша. Говорить ни с кем не хотелось, но по глазам Тансара он понял, что тот не примет отказа. — Да, Ваше Преосвященство. Да горит ваш Огонь в ночи.

— Сейчас не время для этикета. — Иерарх нетерпеливо взмахнул рукой. — Идём. Я хочу кое-что тебе показать.

Тансар указал Рейну на неприметную дверцу и повёл его по коридору. Здесь было темно и тихо, как в склепе, хотя стены имели такой же богатый вид, что и в главном проходе — белый мрамор, украшенный фресками. Иерарх что-то пробормотал, и на его ладони

вспыхнул яркий оранжевый огонёк — не больше лучины.

— Скажи мне, Совершенный выслушал вашу историю? — спросил Тансар, когда они свернули налево. Темнота здесь была не слишком густой, но Рейн всё ещё не мог понять, куда они направляются.

— Он нам не поверил. Мы рассказали ему всё, а он только рассмеялся и потребовал доказательств. Скажите, Ваше Преосвященство, как Совершенный может быть таким... таким...

— Порочным? — подсказал Тансар, и Рейн невольно кивнул. — Не скрою, иногда я жалею, что стал таким могущественным и получил титул Иерарха. Власть меняет человека. Хирам стал Совершенным семнадцать лет назад, а время всегда накладывает свою печать... правда, в начале у него был повод быть таким подозрительным, но с каждым годом его недоверие только возрастает. Эта история связана с Мидиром... думаю, ты имеешь право знать, что тогда произошло.

Рейн снова кивнул. Мрачное предчувствие ледяными пальцами кольнуло сердце, но он заставил себя сосредоточиться на словах Иерарха. Тансар тем временем начал рассказ:

— Да будет тебе известно, что в Авестинате нет королей и династий. В нашей стране всем правит Конклав, который состоит из Иерархов, каждый из которых представляет определённый монастырь. Например, я — настоятель Бейт-Сети, Дома Радостей, Иерарх Хашанг — Дома Чистоты. Совершенный избирается Конклавом и правит до своей смерти, но его влияние часто ограничено волей остальных. Каждый Иерарх знает, что может стать первосвященником, поэтому интриги внутри Матери Церкви существовали всегда. Мидир — его настоящее имя Митра — был когда-то одним из нас.

Так вот оно что, подумал Рейн. Он уже знал, что Мидир когда-то жил на Востоке, но и представить себе не мог, что суровый отшельник был священником Благой Веры, да ещё и Иерархом!

— Когда семнадцать лет назад умер Вардан, старый Совершенный, Конклав тут же разделился на две партии. Одни поддерживали Митру, другие — Хирама. Эти двое были злейшими врагами с тех пор, как вошли в Конклав, и в ходе особенно жестоких споров Митра не раз грозился, что убьёт своего соперника. Какое-то время всё шло как обычно, пока в одну ночь на Дворец не напали. Хирам был тяжело ранен, но выжил, многие гвардейцы погибли, Дом Мудрости сгорел дотла. После этого Митра был изгнан из Авестината, и с тех пор имя его запретно. Даже летописи, где описывались его деяния, были изъяты из архивов.

— О чём вы? — Рейн растерянно посмотрел на Иерарха. — Кто напал на Дворец Истин?

— Тёмная история. — Тансар помрачнел. — Тёмная и неясная. Мы не нашли ни одного трупа нападавших, но все как один во Дворце божились, что это были воины Дома Чистоты под знамёнами Митры. Дворец был разгромлен, а на стенах остались следы огня... мне самому многое неизвестно, но я уверен, что кто-то подставил Митру, чтобы посадить Хирама на Престол Истин и самому руководить страной. Вряд ли это был кто-то один — ведь никто из Иерархов не имеет столько влияния и силы, чтобы править в одиночку. Но факт остаётся фактом — Митру обвинили в том, что он нарушил закон, лишили сана и изгнали на Запад. Он ведь и раньше выделялся среди Иерархов. Позволял себе очень... смелые высказывания. Считал, что Мать Церковь должна измениться, чтобы устоять перед грядущей тьмой — и мне всё чаще кажется, что он был прав... Мне жаль, что я не застал то время, когда Митра

ещё носил огненные одежды. С тех пор многие из Иерархов успели умереть, а те, кто ещё жив, боятся навлечь на себя гнев Хирама. Если кто-то и знает о том, что тогда произошло, так это Хашанг.

Хашанг... Перед смертью Мидир — то есть Митра — говорил именно о нём. И с Таокэрне. Рейн взглянул на Тансара.

— Скажите, Ваше Преосвященство, что такое Таокэрна?

— Дерево Истин. Авестийцы верят, что к нему ведёт Мост Правосудия и что после Предательства Флейта была сокрыта именно там. Мост был закрыт для человечества и будет вновь открыт только тогда, когда Творец Творения и Противник выберут своих чемпионов, чтобы сойтись в последней битве Лжи и Истины. Мы называет это Конечным Воскрешением. Во главе сил Лжи выступит избранный Противником Тенетворец, а спасителем мира от тьмы станет Саошьянт — Защитник Истины, который поведёт в бой всех праведников. Некоторые считали, что Война Лжи была именно такой битвой, а Оллам и Мореллин — Саошьянтом и Тенетворцем, но теперь мы знаем, что это не так. Мост Правосудия по-прежнему не доступен Иеромагам, а это значит, что всё ещё впереди...

Рейн задумался. Он уже слышал о Конечном Воскрешении и двух избранниках. Мидир просил передать, что Таокэрна в опасности, но какой в этом смысл, если Дерево Истин — всего лишь легенда, такая же сказка, как Флейта? Отшельник сам говорил, что никто толком не понимает, чего ожидать. И что угрожает Дереву? Похоже, Мидир так и останется для него загадкой, которую он сам разгадать не в силах. Придётся разыскать этого Хашанга, чтобы наконец узнать правду.

— Я сожалею о том, что произошло в Зале Истин. — сказал Тансар. — Слепая вера и догматы Церкви и Совершенного — полезная иллюзия, но только до тех пор, пока не познакомишься с ней лично. Разочарование может быть... губительным.

Юноша удивлённо воззрился на старца:

— Как вы можете такое говорить? Вы ведь Иерарх!

— И потому лучше других знаю о том, какие формы принимает поклонение Творцу. Благая Вера может служить как исцелением, так и ядом.

— Куда мы идём? — спросил Рейн Тансара. Они долго петляли по сплетению коридоров, сворачивая то направо, то налево, и огонёк на ладони Иерарха был для них единственным источником света. Юноша поймал себя на мысли, что без своего проводника он бы легко здесь потерялся. Переходы выглядели совершенно одинаково, и, что было даже хуже, в них даже не было дверей и окон!

— В зал для тренировок. — ответил Тансар. — Мы бы могли пройти через главный вход и внутреннее кольцо, но это отнимет куда больше времени. Видишь, как темно в этих коридорах? Они пронизывают стены Дворца Истин и позволяют добраться до цели быстро и незаметно. В старые времена Иерархи использовали их, чтобы подсматривать и подслушивать — и, не скрою, используют и сейчас. Не беспокойся, мы почти пришли. Слышишь? Это Саберин. Они каждый день тренируются во имя Матери Церкви. Воистину эти гвардейцы — клыки и когти Матери Церкви.

И действительно, Рейн слышал: свистели стрелы, звенела сталь, раздавались проклятия и короткие, отрывистые приказы на авестийском. Они с Тансаром сделали ещё один поворот, Иерарх нажал на какое-то едва заметное углубление, и стена отъехала в сторону, открывая проход. За ней оказался просторный зал, окна которого выходили прямо на белое море Города Истин. Здесь было очень светло, каменный пол устилали плетёные циновки.

Прямо перед Рейном два облачённых в белое с золотым воина отработывали различные приёмы, пытаясь достать друг до друга внушительных размеров деревянными копьями. Лица обоих были бесстрастными, движения — резкими и сильными. Всего в зале было, наверное, около сотни гвардейцев, разбитых на группы по два, три или четыре человека. Рядом располагались стойки с тренировочными мечами и копьями, а немного подальше правильной линией стояли одетые в кожу чучела. Рейн невольно вздрогнул, когда рядом с ним пролетела стрела и с неприятным свистящим звуком попала соломенному человеку прямо в горло. Юноша обернулся: сурового вида лучник со шрамом через всё лицо уже накладывал следующую стрелу на тетиву.

От группы воинов с топорами отделился высокий человек с длинными, белыми, как снег, волосами. Он выглядел тонким, но грациозная походка и вечно напряжённые плечи и выдавали в нём опытного бойца. Человек подошёл к ним, окинул оценивающим взглядом Рейна и поклонился Тансару:

— Да горит ваш Огонь, Ваше Преосвященство. Гляжу, у нас новенький? На вид ловок как молодой кот.

В его речи слышался еле заметный акцент: человек будто обрезал слова ножницами, проглатывая окончания. Тансар в ответ коротко кивнул, и незнакомец продолжил:

— Не желаете ли размяться? Предлагаю поединок на стальных копьях. За час управимся, если не торопитесь.

Может быть, позже, — ответил Тансар. — Знакомьтесь: Рейн, это Эзра, лучший меч Матери Церкви. Эзра, это Рейн, он из Улады.

— Всегда приятно видеть перед собой воина. — Эзра широко улыбнулся, обнажая ровные белые зубы. — Ты ведь стрелок, верно?

— Как ты узнал? — удивился Рейн.

— По ладоням. Они у тебя сильные, но не грубые, значит, из оружия ты предпочитаешь лук. Мечом пользоваться умеешь?

— Приходилось. — Рейн смутился, вспомнив свои тренировки с Мидиром. — Немного.

Эзра повернулся к Тансару: — Ваше Преосвященство, вы не против, если я позанимаюсь с Рейном до самого вечера? Мне кажется, его надо хорошенько взбодрить, если испытание Совершенного так скоро.

— Не против. — Тансар сдержанно улыбнулся. — До встречи, Рейн из Кельтхайра. Увидимся на испытании.

— Что это за испытание такое? — спросил юноша, когда Иерарх скрылся.

— Магические штучки. — ответил ему Эзра с явным неодобрением. — Хирам любит такие фокусы. Засунут тебя в стеклянный гроб, поставят заклятие — и будут смотреть, как ты справляешься со своим разумом.

Эти слова ещё сильнее запутали Рейна, но прежде чем он сумел задать вопрос, Эзра указал ему на одну из мишеней и произнёс не терпящим возражений тоном:

— Ну, начнём. Посмотрим, как ты справишься с луком, а потом, если останется время, сразимся на мечах.

Следующие два часа превратились для Рейна в сплошную круговерть команд, окриков и мелькающих перед глазами стрел. Стрелял он хорошо, но время шло, одна минута сменяла другую, а Эзра всё никак не давал команду остановиться. Если в начале все стрелы юноши исправно попадали в цель, то вскоре продолжать в таком же темпе стало значительно сложнее. Рейн стал хуже координировать движения, лук то и дело подрагивал в его руках,

как живой, а стрелы стали время от времени уходить в сторону. Было ясно, что долго он не продержится — задание, которое сначала показалось ему простым, теперь вызывало лишь раздражение и злость. Оказывается, одно дело — всего раз сделать точный выстрел, и совсем другое — продолжать стрелять, даже когда ладони дрожат от напряжения. Наконец Эзра махнул рукой:

— Хватит. — сказал он с лёгкой улыбкой. — Перерыв.

Рейн перевёл дыхание, вытер со лба пот и в изнеможении опустился прямо на циновки. Он сильно устал, а потому был рад, когда Эзра ненадолго покинул зал, чтобы вернуться с чашкой воды и куском хлеба с сыром. Юноша с наслаждением съел хлеб, запив его водой — медленно, смакуя каждый глоток. Ему захотелось отдохнуть, но как только он позволил себе расслабиться, послышался весёлый голос Эзры:

— Это ещё не всё, чужеземец. Держи меч — посмотрим, каков ты в битве!

Рейн встал на ноги и принял из рук Эзры меч с длинным, слегка изогнутым клинком и удобной рукояткой — и не тренировочный, а из настоящей стали! Юноша стиснул зубы. Поединок был последним из того, чего ему сейчас хотелось, ведь он потратил почти все силы на упражнение с луком и не был уверен, что сможет выстоять против свежего и, очевидно, более опытного Эзры. Ему вдруг подумалось, что он мог бы отказаться от боя, но он тут же отверг эту идею: Рейн понимал, что от того, как он проявит себя сейчас и на испытании, зависит не только его будущее, но и судьба Сатин. Что сказал бы Мидир, если бы он проиграл? А Тансар? Рейн приказал себе успокоиться и быть готовым ко всему.

Казалось, в голубых глазах Эзры промелькнуло нечто похожее на одобрение. Изящным движением левой руки гвардеец выхватил из ножен свой меч и встал в стойку. Какой-то миг они стояли без движения, глядя друг другу в глаза, а затем Эзра что-то прошептал и без предупреждения бросился вперёд.

Всё произошло очень быстро — сталь свистнула в воздухе, Рейн пригнулся, пропуская меч над головой, и отпрянул назад, к стене. Эзра ударил снова, да так быстро, что Рейн еле успел отбить удар, высекая сноп искр из клинка своего противника. Ещё с начала схватки юноша понял, что не сможет победить, и всё же натиск Эзры его поразил — гвардеец двигался, как мангуст, заставляя его выкладываться по полной, чтобы просто устоять на ногах.

«И что мне теперь делать?» — подумал Рейн, перекатившись по полу и увернувшись от нового молниеносного выпада. Очередная атака едва не стоила ему меча: удар пришёлся по рукояти, и только невероятным напряжением сил юноша смог не выронить своё оружие и отступить. Эзра уверенно теснил его в угол. Нападать первым было бессмысленно, и теперь юноша решил изменить тактику: двигаться быстрее, уходить от ударов Эзры и по возможности выматывать того, надеясь подгадать момент для удара.

Бой продолжился. С каждой минутой меч в руках Рейна становился всё тяжелее, костяшки пальцев побелели от напряжения и на каждый удар или блок отвечали вспышками яростной, глухой боли. Всё чаще Рейн открывался для атак Эзры, но тот удара не наносил, а только отскакивал назад, видимо, не желая, чтобы их поединок окончился так быстро. Силы утекали, через пару минут даже просто держать меч в руках стало для Рейна невероятно трудно. Оставалось только одно — атаковать. В один момент Эзра занёс клинок высоко над головой, открываясь для удара. Вот оно! Его шанс! Рейн оттолкнулся от стены и ударил, целясь в грудь и вложив в удар весь вес своего тела.

Через мгновение от уже лежал на полу, клинок был приставлен к горлу, а Эзра стоял

над ним и ухмылялся. Гвардеец с сухим треском вогнал меч обратно в ножны и помог Рейну подняться на ноги.

— Раны Господни, ты молодец! — сказал он с улыбкой. — Не всякий смог бы так долго сражаться против меня, будучи таким усталым. Мне было интересно с тобой работать.

— Да горит ваш Огонь, мастер Эзра. — ответил Рейн. Юноша был откровенно сбит с толку — он никак не мог понять, каким образом Эзре удалось подловить его именно в тот момент, когда он, казалось, нашёл слабое место гвардейца.

— Знаешь, почему я решил сразиться с тобой именно сейчас? Потому что я должен был увидеть, как ты двигаешься в ситуации, когда твой запас сил на исходе. Ты, наверное, ещё не сражался так, как это делают Саберин — часами, с полной выкладкой, когда ноги уже не держат — а это ведь самое важное в настоящей войне. Можно был лучшим в коротких схватках один на один, но такой стиль не годится для крупных битв, когда ты действуешь в связке с сотнями бойцов и Иермагов. Его Преосвященство просил, чтобы я тебя тренировал. Тансар сказал, мы будем встречаться здесь каждое утро, чтобы я успел тебя подготовить — конечно, если старик Хирам не решит провести это дурацкое испытание раньше намеченного для тебя срока.

— Вы не авестиец? — догадался Рейн. У Эзры были слишком голубые глаза для жителя Востока, да и о Совершенном он отзывался без всякого почтения.

— Ты прав. — по лицу Эзры пробежала тень. — Я с юга, из Шиньяра. Работорговцы напали на наши земли, но Тансар спас меня и моё племя от плена. С тех пор я верно служу Его Преосвященству...

В стене вдруг возник проход, и в зал вошёл низенький старичок в расшитой золотом красной ливрее.

— Да горит твой Огонь, мастер Рейн. — произнёс он с учтивым поклоном. — Меня зовут Шахар, я — личный дворецкий Иерарха Тансара. Его Преосвященство прислал меня отвести тебя в твою новую комнату в его башне. Все твои вещи уже там. Он также приказал сообщить, чтобы ты каждое утро встречался в этом зале с мастером Эзрой.

Рейн понял, что сегодняшняя тренировка подходит к концу. Он коротко попрощался с Эзрой, поблагодарил его за бой и последовал за Шахаром прочь из зала прямо во мрак потайных коридоров Покоя Истин.

Рейн лежал на кровати и рассеянно глядел в окно. На город опускались сумерки, позолоченные шпили Дворца Истин уже зажглись магическим огнём, как двадцать пять громадных маяков. Было тихо — лишь ветер шевелил лёгкие расписные шторы с изображениями Девяти Благих, даря приятную прохладу. Его новая комната в покоях Тансара оказалась намного меньше просторной Воротной Башни, да и из мебели здесь были только узкая кровать да сундук для вещей, но Рейн не жаловался. Наоборот — он был только рад оказаться в этой простой комнате, так похожей на его дом в далёком Кельтхайре. Кроме того, где-то сверху — или снизу? — расположилась Сатин, а значит, они смогут гораздо чаще пересекаться в этом исполинском городе, где правят странные законы и чужие люди.

Всё тело ныло после тренировки с Эзрой, но боль эта была приятная и тягучая, как медовая патока. Эзра ему сразу понравился — фехтовальщик он отменный, да и придворный этикет, похоже, предпочитает не соблюдать. Настоящий воин — прямой, честный и открытый в общении.

Юноша улыбнулся. Только сейчас Рейн смог позволить себе хоть немного расслабиться

— с плеч будто свалился невидимый груз, тяготивший его с той самой ночи, когда появились Бессмертные. В его душе вспыхнула надежда. За крепкими белыми стенами Города Истин он чувствовал себя в относительной безопасности, ему теперь не надо будет каждый день куда-то бежать, спасаясь от неведомых преследователей. Теперь всё станет по-другому — он пройдёт испытание Совершенного, чем бы оно ни было, докажет свою правоту и заставит Конклав Огня прислушаться к их истории. Иерархи, конечно же, найдут способ справиться с Рамелисом — *должны* найти, ведь у кого есть столько солдат и опытных Иеромагов, как не у Матери Церкви? Его миссия на этом закончится, и он... он что? Вернётся обратно в Кельтхайр? Вступит в ряды Саберин и станет служить Тансару? А как же Сатин? Разве сможет он вот так вот уйти после всего, что они вместе пережили? Разве забудет?

Рейн закрыл глаза, набросил на себя одеяло и вскоре уснул. Проснулся он уже утром, когда солнечные лучи заставили его открыть глаза. Какое-то время юноша просто лежал в постели, наслаждаясь уютом, но покой скоро кончился — кто-то настойчиво стучал в дверь.

За дверью его ожидал Шахар. С неясной тревогой Рейн заметил, что сегодня на дворецком совсем другой костюм: просторный, белый, с узким золотым поясом.

— Уже проснулся? Отлично. Его Святейшество ждёт тебя на испытании.

— Но как?! — изумился Рейн. — Мне говорили, что всё начнётся через семь дней!

— Мне запрещено обсуждать волю Матери Церкви. Одевайся и пошли. — ответил Шахар с неожиданной строгостью. — Это срочно, — добавил он, заметив непонимание на лице юноши. — Личный приказ Его Святейшества.

Стараясь ничем не выказывать волнения, Рейн быстро оделся в свою авестийскую одежду и вместе с Шахаром спустился вниз. У выхода из башни их встретил Тансар. Глаза Иерарха смотрели на него встревоженно и серьёзно.

— Его Святейшество изменил свои планы. Ты пройдешь испытание этим утром. — Тансар как-то странно глянул на Рейна и, не говоря ни слова, зашагал через дворцовый сад по направлению к стене Внутреннего Кольца.

Рейну ничего не оставалось, как последовать за ним в компании дворецкого через аккуратно подстриженные ряды деревьев и клумб. Над юношей вновь нависла громада Покоя Истин — белая башня и ослепительно сияющие золотые двери. Когда они минули чёрные, похожие на пепел ворота Внутреннего Кольца, Рейн спросил Шахара:

— А что такое это Испытание? Мастер Эзра говорил мне о каком-то гробе из стекла и магии...

— Наследие Благих, — ответил Шахар, не замедляя шага. — Никто из ныне живущих не может сказать, как работает этот механизм. Тебя поместят в стеклянный саркофаг, поставят рядом зеркало, а дальше... увидишь сам. Скажу только, что ты окажешься в особом сновидении и должен будешь показать свои умения и навыки.

Наверное, подумал Рейн, это один из Мостов.

Достигнув золотых дверей Покоя Истин, Тансар свернул направо, в боковой коридор, и начал спускаться вниз по длинной белой лестнице. Через какое-то время они остановились у внушительной каменной двери, на которой золотой вязью был выложен незнакомый символ — солнце, пронзённое двумя стрелами. Тансар поднял руку и проворно провёл по сложным золотым изгибам. Дверь отворилась. Иерарх без колебаний шагнул внутрь, и Рейн с Шахаром двинулись следом.

После яркого света Дворца внутри показалось очень темно, так что прошло какое-то время, прежде чем глаза юноши успели привыкнуть к темноте. Они оказались в просторном

зале, который был почти так же велик, как и Зал Истин. Закреплённые в стальных обручах факелы на стенах сияли зловещим зеленоватым светом, гранитный пол был начищен до зеркального блеска. Дальняя стена зала скрывалась в неясном сумраке, но Рейн сумел разглядеть кожаное кресло с высокой спинкой и что-то внушительное, закрытое тканью.

Шахар остановился и повернулся к юноше:

— Мне пока. Его Святейшество ждёт вас. Да поможет вам Творец, Рейн из Кельтхайра!

Тансар подождал Рейна, и они вместе направились вперёд, к дальней стене. Они остановились возле кресла и одновременно склонились в глубоком поклоне перед фигурой, что сидела в нём.

Совершенный восседал в кресле, укрытый пледом, и с недовольным видом потягивал вино из вместительной серебряной чаши. Справа и слева от кресла стояли Саберин в белых плащах, сжимая в руках стальные копья. Его Святейшество, похоже, уже успел опьянеть: лицо Хирама опухло и покраснело, серебряные глаза смотрели осоловело и мутно. Когда он увидел вошедших, то сперва несколько раз моргнул, приходя в себя, и только потом проговорил, кривя губы в ухмылке:

— А, явился наконец! Ну что, чужеземец, готов себя испытать?

— Готов. — ответил Рейн, выпрямившись. Юноша заметил, что Тансар старательно отводит взгляд от повелителя Матери Церкви. — Что я должен делать?

Вместо ответа Хирам неловко махнул рукой, указывая на предмет, скрытый за под тканью.

— Подойди. Открой его.

Рейн повиновался. Юноша приблизился к предмету и одним резким движением сорвал покрывало.

Под ним на небольшом каменном возвышении находилось то, чего он прежде никогда не видел — изящный саркофаг с прозрачными хрустальными стенками, закрытый тонкой крышкой из стекла. Рейн нерешительно дотронулся до крышки, прикидывая, как бы её не разбить, но ему и не требовалось открывать саркофаг — достаточно было лёгкого прикосновения, чтобы та с мелодичным перезвоном отошла в сторону и повисла в воздухе. В тот же момент обстановка в зале изменилась до неузнаваемости: на дальней стене из ничего появилось едва заметное серебристое пятно, которое сразу же принялось расти. Это было похоже на то, как тонкая масляная плёнка распространяется по воде: жидкое серебро стекало вниз по стене, ползло вверх, ширилось вправо и влево, словно капля ртути. У Рейна возникло чувство беспричинного отвращения — неясная, но сильная тревога. Прошла минута, и пятно застыло, приняв форму громадного, во всю стену, зеркала. Рейн поднял глаза, но не увидел ни одного отражения — ни себя, ни Тансара с Хирамом, ни даже двух безмолвных гвардейцев.

— Что... что это такое? — спросил юноша, ни к кому конкретно не обращаясь. Блестящая серебром пелена во всю стену едва заметно подрагивала и казалась чем-то живым, мыслящим... он с трудом заставил себя отвести взгляд. Возникло такое чувство, что ему точно не стоит оставаться наедине с этим — чем бы оно ни было.

— Алетиодра. — объяснил Тансар. — Зеркало Истин. Через него я и Его Святейшество сможем увидеть всё, что видишь ты. Кроме того, при необходимости мы сможем общаться с тобой, пока твой дух будет в видении, а тело — в саркофаге.

— Я должен лечь в него, да?

— Верно.

— Начинай. — проговорил Хирам. Тусклые глаза Совершенного озарило жестокое любопытство. — Всегда хотел посмотреть, как Алетиодра подействует на язычника.

Слова Хирама вызвали вспышку гнева, но Рейн справился с собой и повиновался. Юноша перешагнул через стеклянную стенку и устроился в саркофаге, стараясь не обращать внимания на то, как сердце бешено колотится о рёбра. В тот же миг прозрачная крышка сама собой зависла над саркофагом и плавно опустилась вниз. Какое-то время ничего не происходило, затем весь свет куда-то исчез, сменившись тьмой, стало трудно дышать, и тело Рейна пронзила резкая боль. Он закричал, дёрнулся, попробовал сдвинуть крышку — и потерял сознание.

Глава двадцать вторая. Стекланный саркофаг

Алетиодра, Зеркало Истин — единственный из артефактов далёкой древности, который пережил Войну и падение Царства Истин. Тем страннее мне видится нежелание прошлого и нынешнего Совершенных им пользоваться. Водить к нему гвардейцев, смотреть, как с ними играет их собственный разум — это всё, что мы можем? Я знаю о некоторых слухах, которые ходят вокруг этого зеркала, пока но не знаю, можно ли им верить.

Ему показалось, что он снова вернулся в тот день, когда оказался в темнице Рамелиса — вокруг были те же стены, те же факела, тот же коридор, стрелой уходящий во мрак. На первый взгляд всё было точно таким же, как раньше — но только на первый взгляд. Теперь пол устилал алый, как река крови, ковёр, да свет от факелов шёл какой-то иной — красноватый, пугающий. Рейн обнаружил, что лежит на полу. Неужели он правда оказался в видении, созданном с помощью Алетиодры? Он с силой ущипнул себя за локоть и ощутил, как по руке расходится вполне себе материальная боль. Юноша обернулся, но не обнаружил позади себя ничего, кроме мрака, такого густого и непроницаемого, что невольно отшатнулся назад, к факелам. Интересно, что ему надо делать? Просто идти? Он поднялся на ноги только теперь заметил, что на полу рядом с ним лежит изогнутый авестийский меч в простых кожаных ножнах.

Рейн? Ты слышишь нас? — раздался в его голове голос Тансара. — *Мы с Его Святейшеством — у зеркала. Говори с нами.*

— Я... я вас слышу. — проговорил вслух юноша.

— *Чудесно.* — в голосе Иерарха прозвучали одобрительные нотки. — *Иди по коридору. Алетиодра станет тебя испытывать. Я скажу, когда всё начнётся.*

Рейн подобрал меч и двинулся вперёд. Коридор был хорошо освещён и шёл прямо, поворотов и ответвлений не было видно. Время от времени волосы юноши трепал приятный ветерок, хотя никаких окон здесь не было. Рейн улыбнулся. Если это — испытание, то он легко справится со всем, что может предложить Алетиодра. Справится и...

Коридор резко повернул влево и оборвался у массивной резной двери, обитой листами железа. Ручек или замков видно не было. Рейн толкнул дверь, но ничего не произошло. Он присмотрелся повнимательней и приложил ладонь к едва заметной выпуклости в металле. Раздался глухой щелчок, дверь открылась вовнутрь, и он шагнул через порог в просторную комнату с белыми стенами.

Началось, предупредил Тансар. *Будь готов ко всему.*

Комната, в которой он оказался, могла бы сойти за дворцовую приёмную. Слева она выходила на белокаменный балкон, за которым открывался вид на город, подобного которому Рейн ещё не видел. Тысячи бледных шпилей поднимались к небу — одни тонкие, другие толще, но все они выглядели угрожающе, словно шипы огромного насекомого. Огромная луна висела в небе, заливая город мертвенным белым светом.

Странно, заметил голос Тансара у него в голове. *Я ещё не слышал, чтобы...*

Рейн с трудом оторвал взгляд от города и осмотрел комнату, весь вид которой дышал глубокой древностью. Пол покрывал тонкий чёрный ковёр, на стенах висели гобелены, сразу напомнившие Рейну фрески покинутого Бейт-Шам-Адара. В сложенном из красных плит камине плясали языки алого огня, от которого по всей комнате расходились волны

морозного воздуха. Юноша замер.

У камина спиной к нему стоял Мидир.

— Мидир? — прошептал Рейн. — Это ведь правда ты?

Отшельник повернулся, как будто только и ждал этих слов. Он был одет так же, как во время путешествия через Аннуин: простая кожаная куртка, шерстяной плащ, походные сапоги из кабаньей кожи. Только через грудь шла белая повязка, набухшая от крови.

— Да. — сказал Мидир, глядя Рейну прямо в глаза. — Это я. Вот мы и встретились снова, предатель.

Рейн пошатнулся. Что это? Обман Алетиодры? Или...

— Ты... тебя здесь нет. — сказал он Мидиру. — Ты ненастоящий. Ты ведь...

— Умер? — отшельник рассмеялся сухим неприятным смехом. — С чего бы? Это ведь *ты* оставил меня там, на дороге. Я ждал, что кто-то из вас мне поможет, но никто не вернулся за мной. Вы с Сатин предали меня. *Ты* предал.

— Нет, — проговорил Рейн. — всё не так...

Он шагнул назад, к двери, но Мидир заговорил снова:

— Хочешь знать о том, что произошло в Аннуине, когда ты меня бросил?

— Нет! — выкрикнул Рейн, но это не помогло.

— Меня нашли Бессмертные. Нашли и отнесли к Рамелису. Знаешь, как искусно Кузнец Погибели умеет истязать? Сначала его крюки терзали моё тело, затем — душу...

— Молчи! — закричал Рейн, отступая к балкону. — Молчи! Ты не настоящий!

— Настоящий. — спокойно произнёс Мидир. — Уж ты-то точно знаешь, что настоящий. Ты — *трус*, Рейн. И всегда им был. Всегда бежал от ответственности. Напомнить тебе, как ты опоздал, когда твоему отцу нужна была помощь? Как бросил Эмер, когда впервые встретил Бессмертных? Ты даже не думал, что может произойти с ней, когда согласился идти в Авестинаг. Ты сбежал из Улады только для того, чтобы почувствовать себя значимым. Чтобы почувствовать себя героем.

— Всё не так... — Рейн почувствовал, как по лицу текут слёзы. — это ведь не правда... это не правда...

— Правда. — голос Мидира был почти успокаивающим. — Скажи, каково это — променять семью на приключения? Ты ничтожество, Рейн. Знаешь, что стало с Эмер после того, как ты покинул Кельтхайр? Она...

— Ты — видение. — сказал вдруг Рейн и почувствовал, как уходит растерянность. — Иллюзия. Ты не мог знать, что произошло с отцом. И про Эмер тоже. Ты не Мидир.

Отшельник замер.

— Оправдываешься, да? — спросил он, но теперь не так уверенно. — Ты предал всех своих близких, ты...

— Я не выбирал свою судьбу. — продолжил Рейн. — Я ушёл из Улады, потому что хотел уберечь Кельтхайр от опасности. И магии я никогда не хотел.

Мидир молчал.

— Я сожалею о твоей смерти, но не позволю чувству вины поглотить себя. Знаешь, я мог бы всё время только и думать о своих ошибках, но не имею на это права. Нельзя цепляться только за прошлое. Я должен принять его и жить дальше, чтобы помогать другим.

Фигура отшельника стала полупрозрачной и пропала. В дальней стене на месте каменных плит возникла простая деревянная дверь и открылась, приглашая войти.

Стоило Рейну покинуть комнату, как дверь за его спиной стала сплошным камнем.

Юноша без сил опустился на пол. Сердце бешено колотилось в груди, а разум пытался разобраться в том, что только что произошло. Несколько минут он просто лежал с закрытыми глазами, затем встал, чтобы продолжить путь. Судя по всему, Алетиодра только начала его испытывать, а он уже чувствовал себя опустошённым.

Я видел всё, сказал Тансар. Зеркало Истин может свести с ума даже мудрого человека. Ты должен пройти этот путь до самого конца.

Рейн шел дальше, изо всех сил вглядываясь во мрак перед собой. В коридоре будто бы стало темнее, красного света факелов теперь хватало только на то, чтобы разглядеть стены. Ветра не было, воздух стал тяжелым и затхлым, а мягкий ковёр под ногами сменился холодным камнем. Руки то и дело стискивали рукоять меча — юноше хотелось почувствовать себя в безопасности.

Прошло около получаса, когда он увидел перед собой дверь. Высокая, двустворчатая, она напоминала ему вход в Зал Истин, но рисунок на ней был незнакомый — солнце с расходящимися вокруг золотыми лучами, что оканчивались ладонями. Необычный символ... он толкнул дверь и прошёл внутрь, в следующую комнату.

Рейн зажмурился. После тёмного коридора солнечный свет казался слишком ярким и резким. Прошло несколько секунд, прежде чем зрение восстановилось. Он открыл глаза и огляделся. Это была комната — нет, не комната, а зал, чьи своды уходили ввысь, к потолку. Громадные стрельчатые окна были открыты настежь, солнечный свет свободно лился внутрь, делая зал похожим на храм.

Вокруг были книги. Сотни, тысячи книг. Стоящие у стен полки уходили к потолку, многие были заполнены до самого верха, другие пустовали. Библиотека? После разговора со лже-Мидиром Рейн был готов ко всему. В центре зала за огромным круглым столом, заваленным бумагами, сидел человек и что-то сосредоточенно писал в пожелтевшем от времени свитке. Услышав Рейна, он поднял голову и улыбнулся.

— Приветствую тебя, путник. — проговорил он, откладывая перо в сторону. — рад видеть тебя в своей скромной обители.

— Кто... кто вы? — юноша машинально вытянул из колчана стрелу. Человек выглядел мирным, даже приветливым — чистый белый халат, чёрные с проседью волосы, внимательные каштановые глаза — но что-то в его облике заставило Рейна похолодеть. — Что это за место?

Человек укоризненно покачал головой.

— Не думал, что люди так быстро забудут своих богов. — ответил он, вставая. — Некоторые называют меня Наннаром.

Наннар Врачеватель? Один из Благих?

— Где я? — повторил Рейн.

— В храме науки. — улыбка Наннара стала ещё шире и застыла, словно приклеенная. — Ты пришёл как раз вовремя, юноша. Сейчас всё начнётся.

— Что... что начнётся?

Что-то настойчиво поскреблось в раскрытое окно справа. Словно пилой провели по стеклу.

— Эксперимент.

Окно взорвалось.

Осколки стекла лишь чудом не задели юношу. Рейн едва успел отскочить, когда через окно в зал ввалилось что-то чёрное и блестящее и размытым пятном метнулось к столу.

Существо была таким быстрым, что он не успел как следует его разглядеть, но в нём чувствовалось что-то чужое.

Мужчина встал из-за стола и рассмеялся.

— Опустошенный. — заявил он абсолютно счастливым голосом. — Ну как? Нравится?

Лишь громадным усилием воли Рейн смог остаться на месте, когда увидел тварь.

Она была размером с волка, с гладкой, блестящей темной кожей, которая словно впитывала в себя весь свет. Вытянутая голова сидела на тонкой шее, глаз не было, бесформенное тело походило на набитую опилками куклу. Четыре ноги казались слишком тонкими. Чудовище было полностью чёрным, от клыков до изогнутых когтей, с которых стекала какая-то жидкость.

Это просто видение, сказал он себе. Обман Алетиодры.

Но тогда почему он кажется таким настоящим?

Тварь вытянулась и застыла на месте. Затем повернулась к Рейну, наклоняя голову...

Чудовище бросилось на него.

Длинные когти разрезали воздух, Рейн едва успел отскочить в сторону и рвануть вправо. Он сразу понял: ему надо двигаться, чтобы выжить. Когда тварь осталась позади, Рейн резко затормозил, повернулся и взмахнул мечом как раз в тот момент, когда чудовище с невероятной скоростью атаковало снова. Клинок легко разрезал гладкий бок существа, оттуда повалил чёрный дым. Чудовище дёрнулось и зашипело от боли.

— Нет! — закричал человек в белом. — Ты его испортил!

Тварь отскочила в сторону и кинулась на него слева, размахивая когтями. Рейн не успел отреагировать вовремя и пропустил удар: острые когти задели щеку. Лицо взорвалось болью, и мир на секунду перестал существовать.

Чудовище прыгнуло на него, он кинулся к стене, на ходу опрокинув одну из полок с книгами. Левая щека пульсировала болью, но Рейн заставил себя сосредоточиться. Стиснув зубы, он повернулся к твари, которая припала к полу, готовясь к прыжку.

Существо оказалось ошеломляюще быстрым, но в узких проходах библиотеки преимущество было на стороне Рейна. Размахивая мечом, юноша увернулся от когтей и изо всех сил ударил по тонким ногам чудовища. Оно пошатнулось, Рейн рубанул снова, и тварь без звука рухнула на пол. Из дыры в боку столбом повалил чёрный дым. Какое-то время существо билось в конвульсиях, размахивая когтями, потом затихло.

Ну вот и всё, вяло подумал Рейн. Всё произошло так быстро, что он даже не успел по-настоящему испугаться. Юноша перевел взгляд на лежащее на полу существо. Чем бы оно ни было, теперь создание было мертво. Дым тонкой струйкой выходил из раны, гладкое тело истончалось, складываясь, как проколотый мех с водой.

По-прежнему держа меч прямо перед собой, он прошел по библиотеке, переступая через упавшие книги и заглядывая в окна. Пусто. Прислонившись к стене, он несколько минут ждал, когда утихнет боль, затем подошел к столу. Человек в белом, казалось, даже не замечал его.

— Слишком уязвим... — пробормотал он, делая какие-то пометки. — Шкура недостаточно прочная... Надо добавить панцирь. Но как тогда сохранить скорость? Интересно...

— Что это было? — спросил Рейн, перехватив клинок так, чтобы в случае опасности пустить его в ход. — Кто вы?

Увидев в его руке меч, человек в белом рассмеялся.

— Не каждый может так быстро справиться с Опустошенным. Как по-твоему, он был достаточно силён? Чего-то не хватает, правда? Мне нужно понять, как их усовершенствовать...

— Кто вы?! — повторил Рейн. Всё происходящее казалось ему абсурдом, кошмарным сном, который потом даже не вспомнишь.

— Я же сказал. Меня зовут Наннар, — ответил мужчина, не отрываясь от книги. — Можешь называть меня Нанаром Врачевателем, если угодно. Никогда не любил людей, особенно невежливых.

Слева один из стеллажей с книгами отъехал в сторону, открывая проход.

— Кажется, тебя уже ждут. — заметил Наннар, переворачивая страницу. — Тебе пора. И да, как тебе эксперимент? Можешь остаться, если хочешь увидеть ещё один.

— Н-нет, спасибо, — Рейн неловко поклонился и поспешил к выходу. — Он был очень... впечатляющим. Удачи вам с исследованиями.

Стоило ему перешагнуть порог, как стеллаж вернулся на место, закрыв ему путь назад. Рейн вздохнул с облегчением. *Что* это было? Если призрак Мидира — встреча с собственным прошлым, со своими ошибками и страхами, то как объяснить всё то, что только что произошло? Библиотеку? Чудовище? Человека, который называл себя именем одного из Благих? Юноша несколько раз попробовал поговорить с Тансаром, но Иерарх молчал — видимо, они с Совершенным испытывали такую же растерянность.

Коридор перед ним даже на первый взгляд выглядел зловеще. Темнота здесь была такой густой, что идти приходилось на ощупь. Изредка на пути встречались факела, но даже их свет не приносил облегчения: белый огонь плясал в них, отбрасывая на стены длинные тени. Несколько раз Рейн слышал позади себя чьё-то дыхание, какие-то приглушённые голоса, плач — но никого не видел. Один раз ему почудилось, что впереди мелькнуло что-то похожее на высокую человеческую фигуру, но скоро юноша понял, что это была всего лишь тень — его собственная. Он уже начал сомневаться, что вообще сможет куда-то прийти, когда белый свет факела выхватил из тьмы очертания двери.

Как только Рейн её увидел, его охватило странное предчувствие. Он понял, что совершенно не желает открывать эту дверь. Она была простой, даже обычной — чёрная, с тускло поблёскивающей медной ручкой — но что-то было не так.

Чего ты стоишь? — хмельной голос Совершенного возник в голове и ударил по ушам. — *Вперёд!*

Рейн медлил. Что-то неуловимо тревожное висело в воздухе, и даже когда от одного прикосновения к ручке дверь отворилась, юноша не сразу решился шагнуть вперёд. За дверью была тьма, настолько густая и плотная, что нельзя было разглядеть даже стены и потолок. Юноша собрался с духом, шагнул во мрак — и услышал, как дверь закрылась за его спиной.

Темнота. Рейн не видел ничего. Совершенно ничего. Он вытянул руку вперед, но ничего не ощутил. Тишина. Откуда-то до него доносилось лёгкое дуновение ветра, но откуда он шёл, Рейн сказать не мог. Так тихо... медленно колотящееся сердце — вот и всё, что он чувствовал. Дышать было трудно. Куда идти? Вокруг был только мрак. Стены давили на него, не давая вздохнуть.

— Здесь кто-нибудь есть? — крикнул Рейн, уставившись в темноту. — Я... я заблудился!

— Ошибаешься. — произнёс знакомый голос. — Ты как раз там, где нужно.

Кровавый луч света вспыхнул в пяти шагах перед ним — стрела, пронзившая завесу тьмы. Багровый свет становился всё сильнее, разгоняя мрак, и вскоре перед ним открылась пропасть, уходящая вниз, насколько хватало взгляда. Рейн стоял на тонком золотом мосту, который вился над бездной подобно паутине.

Юноша поднял глаза. Из тьмы на него смотрели два кроваво-красных глаза. Рейну удалось разглядеть тонкий девичий силуэт, ещё более тёмный, чем мрак вокруг него. Изящный узкий клинок словно висел в воздухе в его руках и угрожающе светился багровым светом.

— Вот ты и здесь, — произнесла темнота голосом Сатин. — Я ждала тебя.

Клинок в невидимых руках дрогнул и покачнулся.

— Это не ты. — сказал Рейн. — Кто угодно, только не ты. Это иллюзия. Ещё одно испытание.

Он не видел ничего, кроме двух алых глаз, но понял, что лже-Сатин улыбается.

— Алетиодру не зря называют Зеркалом Истин. — сказала она вкрадчивым голосом. — Скажи мне, эта девушка... она тебе дорога, верно?

Рейн кивнул, не отрывая глаз от клинка. Что за наваждение? Почему Алетиодра показывает ему такое?

Казалось, темнота прочла его мысли:

— Разве кто-то, кроме тебя, способен ответить на этот вопрос? Сатин... она тебя уже предавала? В прошлом, один раз, в Аннуине...

— Да, — прошептал Рейн.

— И ты боишься, что предаст снова? Скажи мне правду: боишься?

— Я... — он запнулся. — Я не знаю.

— Лжец.

Багровый клинок метнулся к нему, и Рейн почувствовал, как правую руку пронзило болью. От неожиданности он выронил меч и только чудом удержал равновесие, раскинув руки.

— Не лги мне. — произнесла его собеседница. — Со своим разумом нужно быть честным. Ответь мне: ты боишься её? Или за неё?

— Я... я боюсь, что Сатин снова меня обманет. Боюсь того, что совсем не знаю её по-настоящему.

— Правдивый ответ. Отчасти верный.

Рейн шагнул вперёд. Второй шаг... третий... он должен её увидеть...

— Осторожно. — предупредила тьма. — Мост слишком тонок и двоих не выдержит. Упадёшь — назад не вернёшься.

— Зачем ты мне это показываешь? — спросил он. — Какой в этом смысл?

— Я хочу, чтобы ты был готов к тому, что может произойти. Будь у тебя выбор, кого ты спас бы: Сатин — или все Клятвенные Земли?

— Я не знаю!

— И снова ложь... что ж, тем хуже для тебя.

Багровый клинок начал медленно приближаться.

— Тебе конец, — объявила лже-Сатин.

Не до конца понимая, что он делает, Рейн потянулся к поясу. Рука сама нащупала рукоять. В своих руках юноша держал длинный прямой меч в белых ножнах. Когда он выхватил меч, то обнаружил, что светящийся бледным светом клинок украшает странно

знакомая насечка — золотое солнце с лучами-ладонями.

Белая рукоять, понял Рейн. Имя меча возникло в памяти само собой — словно он знал его раньше, знал, но почему-то забыл.

— Ты не посмеешь. — сказала лже-Сатин, но теперь в её голосе звучал страх. — Ты не сможешь меня ударить!

— Ты — не она. — спокойно ответил Рейн. — Ты то, чего я больше всего боюсь. Страх оказаться преданным. Страх за друга.

Рейн занёс клинок и ударил прямо туда, где темнота была плотнее всего. В этот же миг мост ушел у него из-под ног. Юноша успел почувствовать, что падает в пропасть, а затем тьма поглотила его целиком.

Первое, что он почувствовал, кода очнулся — холодное дно саркофага под головой. Стеклянная крышка висела в воздухе. Перед собой он увидел два лица: встревоженное Тансара и испуганное — Совершенного.

— Рейн? Ты как? — Иерарх помог ему подняться на ноги.

— Я... в порядке. — ответил юноша. Голова кружилась, перед глазами всё плыло. Он прошёл испытание Алетиодры. Видения... Рейн зажмурился, когда вспомнил о том, что видел. Мидир. Наннар. Опустошенный. Сатин с алым клинком в руках. Золотой мост над пропастью.

— Мы всё видели. — хмурясь, сказал Тансар. — поговорим об этом позже. У нас возникли другие трудности.

— О чём вы? — нахмурился Рейн.

— Идём в мою башню. — глаза Иерарха не предвещали ничего хорошего. — Ты должен на это взглянуть. Похоже, армия Рамелиса уже здесь.

Глава двадцать третья. В осаде

Я не сомневаюсь, что наши враги каким-то образом выжили в той битве, что шла четыре тысячи лет назад. Выжили и сейчас возвращают своё древнее могущество. Я уверен: сейчас Семеро не так сильны, как в дни своего величия, но всё равно представляют смертельную опасность для Клятвенных Земель. Что делать нам, людям? Если вернулись Непрощённые, то что стало с Благими?

Фиолетовая комета исполинским мечом прочертила небо и разбилась на тысячу осколков, ударившись о невидимую завесу в десятке шагов от крепостной стены. Дохнуло жаром и серой. В воздух поднялось облако сверкающих пылинок, а в следующую секунду налетел порыв ветра и разметал их в разные стороны.

Громадные камни и молнии градом сыпались на стены Города Истин. Магический обстрел начался четыре дня назад и с тех пор не прекращался ни на минуту. Гремели взрывы, сверкали вспышки, в воздухе витал едкий запах серы и дыма. Густой туман висел над равниной Истин, скрывая от защитников города огромный лагерь наместника Рамелиса. Бесконечные ряды палаток простирались на многие мили и тонули в молочной дымке. Если как следует приглядеться, то можно было заметить, как в центре туманного моря клубится чёрная туча, которую время от времени простреливают пурпурные молнии. Именно там, в центре войска, стоял шатёр наместника.

— Древняя магия. Непредсказуемое оружие. — пробормотал Эзра.

Они с Рейном стояли на внешней городской стене вместе с сотней копейщиков и лучников, которых Конклав выделил для обороны на этом участке укреплений. Вражеская армия поражала своей огневой мощью. Откуда у Рамелиса столько Иеромагов? Тансар полагал, что наместник привёл под стены города не меньше сорока тысяч воинов. Рейн понимал: почти все силы магов Церкви сейчас уходят просто на то, чтобы поддерживать защитное поле, но надолго ли их хватит? Насколько сильно колдовство противника и сумеют ли Иерархи ему противостоять? Мощные гранитные стены пока выдерживали обстрел.

Несколько раз войска наместника пытались штурмом взять город, но всякий раз откатывались назад. Защитники встречали атакующих градом стрел, потоки огня сметали ряды кайсарумских легионеров один за другим. Те немногие, кто забирался на стену, встречался с мечами и стальными копьями гвардейцев Саберин.

В Авестинат пришла война.

— Как долго мы продержимся? — срывающимся от волнения голосом спросил Рейн, наблюдая за лагерем врага. Наступило временное затишье. В густом тумане смутно угадывались громоздкие силуэты огромных осадных башен, сотни солдат в пурпурной униформе имперской армии рубили деревья для походных костров.

— Кто знает? Несколько месяцев, может быть, даже полгода, — ответил Эзра. Рука одетого в белое с золотым гвардейца покоилась на рукояти меча.

— А что, если еда закончится? — в Городе Истин хватало колодцев и складов с припасами, но Рейн опасался, что бесчисленные горожане быстро сведут на нет запасы провизии.

— Я так не думаю. В конце концов, солдатам Рамелиса тоже нужно что-то есть. Уверен, скоро у них будет не меньше проблем, чем у нас.

Рейн натянуто улыбнулся и кивнул, не в силах скрыть тревогу. Всего четыре дня назад легионы из Кайсарума вместе с туманом словно из ничего появились на равнине Истин, и с тех пор ни один час не обходился без жертв. Иерархи сходились во мнении, что наместник провёл свою армию через Аннуин. Все сорок тысяч! Если это так, на что ещё он способен? Об этом старались лишний раз не упоминать, но юноша знал, о чём украдкой говорили солдаты. Рамелис и правда Кузнец Погибели. Непрощённый.

В стане врага четыре раза протяжно протрубил рог. Против своей воли Рейн почувствовал, как страх ледяными пальцами сжал его сердце, и стал нервно всматриваться в молочную пелену за стенами. Он уже знал, что означают эти сигналы, но всё-таки не был готов к тому, что последует за ними.

Ещё один штурм.

Возникая из тумана, в сторону городских стен с неотвратимостью лавины двигалось восемь осадных башен. Юноше показалось, что огромные сооружения плывут над землёй, как исполинские птицы.

Страх тут же сменился приливом безрассудной смелости. Их враг уже под стенами, так будь что будет! Они сразятся с ним и победят!

По команде Эзры авестийские лучники изготовились к стрельбе. Рейн вынул стрелу из колчана и торопливо наложил на тетиву. В какой-то момент он чуть было не выстрелил, целясь в одну из башен, но вовремя остановил себя: пока рано. Скоро он сможет стрелять, пока колчан не опустеет. Рядом с ним несколько Иеромагов в просторных белых одеждах монотонными от усталости голосами произносили слова заклятий. Защитный купол на миг стал видимым и озарился золотым свечением, которое приняло форму языков пламени. Мать Церковь была готова выйти на бой.

Словно в ответ на защитную Иеромагию в войсках Рамелиса протяжно завывали трубы. Их грозное, зловещее гудение волнами расходилось по равнине и отражалось от стен, как похоронная песня. Что-то ухнуло справа от строя гвардейцев, но Рейн даже не повернул голову.

Не отвлекаться.

— Береги стрелы. — посоветовал ему Эзра. — они тебе ещё пригодятся.

Рейн кивнул. Осталось совсем недолго. Между неспешно ползущими башнями и стеной уже было не более ста шагов. Проклятый туман мешал разглядеть солдат наместника, но он мог слышать их хриплые голоса, выкрикивающие боевые кличи по-кайсарумски. Вслед за машинами следовали, подняв щиты и копья, густые колонны легионеров, ещё дальше чеканили шаг линии лучников, с высоты крепостных стен похожие на бесчисленных фиолетовых муравьев. Недавняя бравада вдруг испарилась, как утренний сон. Юноше стало страшно.

— Их там тысячи! — сказал он больше для того, чтобы услышать собственный голос, — Ты только посмотри туда, Эзра, их же целое море!

— Будь что будет. — голос гвардейца стал непривычно суровым. — Это твой первый бой, парень. Нормально, что ты боишься. Пусть Творец укроет тебя Своим пламенем.

Когда до башен оставалось не более сорока шагов, защитники города обрушили на врагов дождь стрел. Солдаты Рамелиса падали замертво, некоторые, не в силах удержаться, срывались на землю прямо под колёса своих же машин. Но стрелы будто тонули в бескрайнем человеческом море: когда одна из них находила цель, на месте убитого тут же появлялся новый солдат в пурпурном. Медленно, не взирая на потери, осадные башни

ползли к стенам. Через несколько минут лучники Рамелиса открыли ответную стрельбу, и ряды авестийцев огласили крики убитых и раненых. Дистанция неумолимо сокращалась. Совсем скоро башни приблизились почти вплотную, ухнули деревянные мостки, и лавина легионеров ринулась через зубцы на стену. Завывая от ярости, воины Рамелиса бросились на тонкую линию копейщиков в белом.

— За Церковь! — закричал Рейн, бросаясь на врага, волна ярости и первобытного исступления захлестнула его с головой. Гвардейцы сошлись с легионерами под лязг стали и крики умирающих и встретили атакующих стеной копий. Один из солдат наместника поскользнулся, сорвался со стены и ту же исчез в тумане. Саберин не зря назывались лучшими воинами во всём Авестинате. Вскоре пурпурное море стало не таким густым, ряды атакующих смешались, легионеры пятились к стене, прикрываясь щитами от стальных копий и изогнутых мечей гвардейцев Матери Церкви. Отступать было некуда. Некоторые кайсарумцы искали спасения в башнях, но их разили стрелами, другие, обезумев от страха, прыгали прямо в туман и разбивались о камни, их крики эхом отдавались среди сражающихся. Белая с золотом линия стояла непоколебимо.

Прошло около получаса. Всё было кончено. Почти все воины в пурпурном лежали на стене в крови, многие нашли свою смерть в башнях, которые теперь одиноко стояли, залитые кровью, как мёртвые великаны. С каким-то тупым равнодушием Рейн отметил, как один из гвардейцев — кажется, его звали Фарам — лежал без движения у зубцов, в его груди торчал короткий западный меч. Кроме него погибло ещё восемь человек из их сотни — некоторые от стрел, другие — во время боя на стену.

Рейна трясло. Он так и стоял, не в силах сдвинуться с места, когда к нему подошёл Эзра. Тот выглядел спокойным и собранным, хотя кольчуга сбоку была разорвана и стала вся красной от крови.

— Кончено. — сказал гвардеец с мрачным удовлетворением. — Скоро нас сменит другой отряд. Хвала Творцу, сегодня Рамелис обломал свои стальные зубы о наши стены.

Рейн молча кивнул, движение почему-то отозвалось болью в левой руке. Он перевёл взгляд на неё и обнаружил, что от локтя до кисти идёт глубокий алый разрез. Рейн скривился, кое-как обмотал руку чистым белым платком, протянутым ему одним из священников, и отошёл от края стены поближе к остальным. Как только схватка подошла к концу, кипучая энергия куда-то делась, он чувствовал себя разбитым. Эзра заметил его рану и сказал, хмурясь:

— С тебя на сегодня хватит. Отправишься в казармы с ранеными и будешь сидеть там, пока рука не заживёт. Понял?

— Наместник Рамелис... он ведь знал, что делал, когда отправлял своих солдат на штурм. У него их тысячи, Эзра, тысячи, он может разбрасываться ими, как пожелает. — юноша понял, что потерял слишком много крови и несёт чушь. — В городе слишком мало воинов, он измотает нас. Измотает, а потом... — он не договорил и умолк, не в силах продолжить. Из города со стороны казарм слышался солдатский рожок.

— Построиться! — рявкнул Эзра. — Всем вернуться в казармы! Гвардейцы из Двенадцатого полка нас сменяют.

Весь день армия Рамелиса с упорством морского шторма билась о стены Города Истин. Снова и снова тысячи воинов в фиолетовом поднимались на стены, но гвардия и маги встречали их огнём и сталью, и людское море с шумом отходило назад, ничего не добившись. Иногда легионерам удавалось обескровить защитников, но даже эти атаки

захлёбывались под ливнем стрел и пламени.

Было тихо. Огромное, в полнеба солнце цвета кровоподтёка клонилось к закату. Армия наместника отступила к лагерю, забрав с собой раненых и оставив мертвецов лежать прямо у городских стен. Сгоревшие осадные башни одиноко стояли в поле, как стволы гигантских деревьев, и белый туман клубился вокруг. Бой кончился. Город Истин оставался непокорённым — пока что. В лагере Рамелиса упрямо трубили рога, будто говоря защитникам, что всё это было только началом. Наместник может целую вечность посылать свои легионы под стены Города, пока его защитники не будут сломлены, а стены не падут.

В конце концов даже самый прочный камень уступает стали.

Рейн стоял у казарменной стены, рассеянно наблюдая, как клубы густого жирного дыма поднимаются в небо. Эзра приказал придать павших воинов огню, и сейчас погребальные костры горели оранжевым магическим пламенем. Война была смыслом жизни для Саберин, эти гвардейцы встретили смерть достойно — в бою, защищая Мать Церковь и родной город.

Рейн шевельнул затянутой в грубую ткань рукой и поморщился. Его рана оказалась не такой уж глубокой, но всё равно болела и страшно чесалась. Впрочем, невелика беда — он всё равно сможет драться правой рукой.

После штурма прошло всего два часа, а он уже ощущал страшную усталость. В казарме юноша пробыл недолго. Лекари Церкви перевязали его рану, затем он машинально опрокинул в себя миску безвкусного риса и чашку странного маслянистого чая и вышел за дверь — оставаться наедине с живыми и умирающими он больше не мог. Сколько из них завтра погибнут? Будут ли среди них те, с кем он только что говорил, играл в кости и перешучивался? Сегодняшний штурм забрал жизни девятерых, но это — лишь капля в море будущих смертей. Завтра он вместе со всеми встанет с первыми лучами солнца, отправится на стену, и всё повторится снова. Они будут сражаться и убивать, пока силы Рамелиса не иссякнут — или, что более вероятно, пока не падёт Город Истин. Появление армии наместника стало неожиданностью для Конклава, город не был готов к длительной обороне. Сейчас его стены защищает всего три тысячи “бело-золотых” гвардейцев и отряды вооружённых горожан, но их надолго не хватит. Рано или поздно враг прорвётся за стены, и тогда....

— Мне жаль, что я не могу сражаться рядом с тобой.

Рейн вздрогнул и повернул голову.

Слева от него, прислонившись к стене, стояла Сатин. В чёрном мужском костюме, стянутом на талии тонким красным поясом, и красных сапогах она казалась ему немного мрачной. Чёрные волосы доставали до плеч и выгодно оттеняли белую кожу лица, с которого прямо на него смотрели внимательные серые глаза. На миг он заметил, как в их глубине мелькнули какие-то красные огоньки, но затем всё стало как прежде — наверное, показалось.

— Как ты сюда попала? — после опыта с Алетидрой Совершенный приказал Рейну оборонять город вместе с сотней капитана Эзры, а к Сатин приставил двоих гвардейцев для того, чтобы она не выходила за пределы дворцовых стен. Юноша был уверен, что это всё из-за того проклятого видения с багровым клинком и мостом. Как бы то ни было, отговорить Его Святейшество не смог даже Тансар.

Девушка загадочно пожала плечами.

— В моей башне достаточно тайных ходов, о которых не знают даже Саберин. Первые несколько дней они с меня глаз не спускали, да и теперь чуть что бьют тревогу. Думаю, меня

там уже хватились.

— Зачем ты пришла?

Сатин пристально на него посмотрела. Рейн увидел, что она даже не пытается скрыть волнение.

— Знал бы ты, как я волновалась, когда всё началось! Думала, ты ранен или... ну, ты понял. Рейн, я не могу стоять в стороне! Ты сражаешься, Эзра тоже, Иерархи даже по ночам не оставляют Зал Истин, а я сижу в башне Тансара и ничего не делаю!

Юноша помолчал, не зная, что ей ответить. Сатин не знала, что именно он видел в Алетиодре, но понимала, что их нынешнее положение как-то связано с Зеркалом Истин.

Она шагнула к нему и взяла за руку.

— У меня есть новости, — сказала Сатин, глядя ему прямо в глаза, — Его Святейшество приказал направить твой отряд на седьмой участок.

Брови Рейна взлетели вверх.

— Седьмой? Ты уверена? — так называли участок стены прямо у городских ворот, где атаки армии Рамелиса были самыми яростными, а чисто убитых — самым высоким. — Зачем ему это?

— Я не знаю! — Сатин выглядела так, будто вот-вот расплачется. — Но Тансар сам сказал мне об этом. Совершенный говорит: с врагами биться... — она вдруг прикусила губу. — В общем... будь осторожен!

— Буду, — пообещал Рейн, а сам подумал: чего добивается Хирам этой перестановкой? Юноша был уверен, что что-то напугало Его Святейшество в Алетиодре, но пока не знал, что.

Девушка крепче сжала его ладонь.

— И ещё кое-что... меня отправят туда вместе с тобой.

— Что?! — воскликнул Рейн, чувствуя, как земля уходит у него из-под ног. — Но кто...

— Личный приказ Его Святейшества. Рейн, мне страшно. У меня нет ни оружия, ни магии. Я боюсь, что мы проиграем эту битву. Мы и весь Авестинат.

Некоторое время они сидели молча, держась за руки.

— Послушай, — медленно произнёс Рейн, — я обещаю: что бы завтра ни произошло, с нами всё будет в порядке. Ты понимаешь? Обещаю.

Сатин кивнула. Впервые за всё время их разговора её бледное лицо озарила улыбка.

— Хорошо, — сказала она, отстраняясь. — Я буду молиться за тебя... молиться за всех нас. А теперь мне пора. Завтра будет тяжёлый день. Я счастлива, что познакомилась с тобой, Рейн из Кельтхайра. Не знаю, что нас ждёт завтра, но клянусь: я разделю с тобой гибель, если мы проиграем. Погибать легче, если рядом кто-то, кому не всё равно. Прощай!

— Прощай... — потерянно пробормотал Рейн, следя за тем, как тонкая тёмная фигура отделяется от стены и растворяется в ночи. Завтра их ждёт сражение... что ж, тогда он сделает всё, чтобы её защитить.

— Вот увидишь, я буду верно тебе служить. — прошелестела Мгла. — Вместе мы сможем сделать всё, что захотим.

Растерянный взгляд Сатин перестал метаться из стороны в сторону и остановился на зеркале. Конечно же, Мгла никуда не исчезла — двойник всё так же отражался в зеркальной глади, хитро улыбаясь. Её точная копия — только глаза чёрные, от радужки до зрачка.

— Кто ты такая? — за эти четыре дня Мгла, как она сама себя называла, появлялась в

зеркале несколько раз, и Сатин начала понемногу привыкать к её присутствию. Если кто-то узнает об этом, то её сочтут безумной, или, что ещё хуже, отмеченной Противником.

Копия только пожала плечами.

Это мне неизвестно. Позволь мне стать тобой, и мы поднимемся к вершинам земной славы.

Сатин вздохнула. Мгла постоянно твердила об этом. Стать тобой... Что она вообще такое? Дух? Призрак? Одно из созданий Ненавистного?

— Допустим, я соглашусь, — сказала Сатин, по-прежнему глядя в зеркало. — Но как ты это сделаешь?

Я буду тобой. Вместо тебя. Сделаю так, что ты станешь иначе говорить. Иначе мыслить. Действовать...

— Сначала скажи, что задумал Совершенный!

Мгла молчала. Каким-то образом ей удалось проникнуть на закрытое заседание Конклава и предупредить Сатин о приказе Совершенного. Разумеется, девушка не могла просто так признаться о голосе в голове и зеркальном двойнике — Рейн бы принял её за сумасшедшую! Пришлось солгать, сказав, что это Тансар предупредил. Привкус у лжи был гадкий, в глубине души Сатин жалела о том, что сделала — огнепоклонникам нельзя говорить неправду — но всё-таки было что-то пленительное в том, чтобы нарушить запрет. Ей известен один из секретов Его Святейшества! Ну, вернее, не только ей, но всё же...

Не знаю, ответила наконец Мгла. *Там нет зеркал. Я не могу его увидеть.*

Сатин кивнула самой себе, стараясь скрыть разочарование. С помощью Мглы ей удалось обхитрить гвардейцев и поговорить с Рейном, но теперь хотелось проследить за Совершенным, узнать все его тайны. Совершенный! Девушка стиснула зубы. Она всегда считала себя правоверной, но старый Хирам выводил её из себя. Старик казался уродливой копией отцов Матери Церкви, которые когда-то заложили основы Города Истин. Неправильный первосвященник. Пародия. Обида не давала покоя. За что Творец её наказывает?

Творец? А есть ли он вообще? В последнее время Сатин сомневалась в том, что Он существует. Если бы Он был на самом деле, то никогда не позволил бы Матери Церкви пасть так низко.

Сатин потушила масляную лампу, разделась и легла в постель. Она не доверяла Мгле, но всё чаще боролась с желанием использовать чудесные силы зеркального двойника. Тем более тот, судя по всему, не желает ей зла. И неважно, что Мгла ничего не помнит о себе (или не хочет сказать?), главное — то, что она может. Что, если согласиться? Позволить ей “стать собой”? А если это опасно?

Я буду повиноваться тебе, услышала Сатин в своей голове голос, так похожий на её собственный. Похожий — и одновременно иной. *Ты увидишь, вместе мы сможем многое.*

Сатин закрыла глаза. Двойник умолк, понимая её нежелание продолжать разговор. Было поздно, она устала. Поговорит со Мглой завтра.

Этой ночью ей снова приснился сон. Сатин была в бескрайнем зале с алым туманом и колоннами из оникса, а перед ней стоял уже знакомый человек в чёрном с серебром одеянии. Огненно-рыжие волосы словно пылали в полумраке, на тонких губах застыла загадочная улыбка.

— Рад видеть тебя, маленький огонёк. — произнёс Сменивший Сторону. — Я здесь, чтобы тебе помочь.

— Почему вы меня так называете? — странно, но страха она не чувствовала. В отличие от Совершенного, Мореллин ещё ни разу не причинил ей зла. — Да я даже свечу зажечь не могу! Я лишена магии.

Мореллин рассмеялся. В красном полумраке блеснули жёлтые глаза.

— Ты ошибаешься. В тебе есть великая сила, нужно только найти к ней ключ. Столько лет без Иеромагии... представляешь, как много в тебе огня?

— Нет... не понимаю.

— У тебя мало времени. — продолжил он, не обращая внимания на её слова. — Рамелис уже получил то, что желал. Завтра Абомталь обрушит на Город Истин Великое Копье.

Абомталь... древнее имя. Его носил Кузнец Погибели до Предательства.

— Что нам делать? Как его победить?

— У меня для тебя кое-что есть, — сказал он, доставая какой-то предмет из-под плаща. — Убить бессмертного — непростая задача, но с этим оружием тебе удастся его одолеть.

Обеими руками Мореллин держал странный изогнутый нож с рубином на рукояти. Серый металл не был похож на сталь и, казалось, жил своей жизнью: на тусклом клинке то и дело возникали и гасли неясные красные буквы.

— Что это? — спросила Сатин, зачарованно глядя на нож.

— *Шад*. — ответил Мореллин. — Ты ведь хочешь спасти Город от того, что ему уготовил Рамелис? Тогда прими этот кинжал.

Сатин неуверенно сделала шаг вперёд. Серая сталь переливалась алым, рубин сиял, как капля крови, красная на чёрном.

Мореллин... он ведь Непрощённый. Один из *них*. Неужели она сможет взять *это* из его рук?

Но как тогда остановить Рамелиса и то чудище, что у него внутри? Она же сама видела сон... видела то безумное фиолетовое сияние, слышала слова бесформенной фигуры в зеркале и ответ наместника. Он сказал: “Я хочу уничтожить всех их”. И если завтра у него будет Великое Копье...

Девушка сделала ещё шаг и остановилась. Медленно-медленно, словно воздух в зале был густым, как мёд, рука Сатин приблизилась к кинжалу. На лице Мореллина появилась еле заметная улыбка.

Одним движением Сатин схватила рукоять и приняла *шад*. Кинжал оказался почти невесомым, изогнутая рукоять удобно легла в руку, словно нож был продолжением её пальцев. Тёмное серое лезвие горело красным, и в этом красном таилась какая-то сосредоточенность и сила.

— Будь осторожна. — предупредил Мореллин. — Завтра Рамелис приведёт в действие Кродерг Немейн. Ядовитое Копье слабее своих собратьев, но даже ему по силам превратить в прах самые мощные стены Города Истин.

— Что я должна делать?

— Всё просто. Достаточно подобраться к Рамелису и ударить его этим кинжалом. Но помни — Кузнец Погибели не просто так получил своё имя. Сейчас он ослаблен из-за долгого заточения, но Великим Копьем в руках станет непобедимым. Почти.

Видение начало таять. Вокруг стало темнеть, ониксовые колонны одна за другой исчезали во мраке.

— Зачем ты это делаешь? — выкрикнула Сатин. — Зачем помогаешь мне?

— Ты всё узнаешь, если переживёшь завтрашний день. — Фигура Мореллина потеряла чёткость и замерцала, как пламя свечи на ветру. — Удачи тебе, маленький огонёк.

Когда с первыми лучами солнца Сатин проснулась, то обнаружила у изголовья кровати тёмный кинжал в чёрных ножнах.

Глава двадцать четвёртая. Убить бессмертного

Что стало с Великими Копьями — вот вопрос, который тревожит каждого, кто хоть раз читал историю о Предательстве и Войне Лэси. Мы знаем, что Непрощённые пали. Знаем, что Благие вознеслись к Творцу. Но что произошло с их оружием? Куда исчезло Кродерг Крималл — и можно ли найти Алое Копье?

Окрашенное багрянцем солнце лениво поднималось над городскими стенами. Гвардейцы Эзры с тревогой всматривались в плоскую равнину перед ними. За прошлую ночь что-то переменялось в окружающем их безмолвии, и дело было даже не в том, что густой туман внезапно исчез, открыв взору защитников тысячи стоящих ровными рядами армейских палаток. Что-то было не так. Каждый понимал это, но молчал, охваченный дурным предчувствием. Седьмой участок защищало четыре отряда. Тонкая белая линия — меньше четырёх сотен — отделяла Город Истин от страшного врага. Рейн, Сатин и Эзра стояли в середине боевого порядка вместе с копейщиками, лучники и Иеромаги — за ними.

С рассветом на смену туману пришла гроза. Над равниной Истин со стороны лагеря Рамелиса набухла исполинских размеров темная туча, которая медленно приближалась к стенам. Она была похожа на пятно чернил, которое растекается по бумаге: густая чернота расплзалась во все стороны, время от времени внутри тучи сверкали пурпурные молнии. Фиолетовое и чёрное — цвета наместника, так чего же он добивается этой колдовской бурей? Скоро у Рейна заболела голова: из вражеского лагеря без остановки звучали барабаны, их сбившийся ритм напоминал неправильное биение сердца. Тук-тук. Тук-тук-тук. Тук-тук. Тук-тук-тук.

Сатин в тонкой кольчуге и чёрном костюме под ним стояла рядом, бледная, как полотно, и безмолвно шевелила губами, словно разговаривала сама с собой.

— Раны Господни... — пробормотал какой-то солдат. — Это... это, наверное, какой-то обман. Наместник хочет нас обдурить, только и всего! — сказав это, он замолчал, не веря в собственные слова.

Гроза надвигалась на город, нависая над башнями. Непроглядная чернота скрыла за собой солнце, единственным источником света оставались молнии, их вспышки освещали стены неживым, пугающим светом. К барабанному бою присоединились нестройные голоса труб.

— Стрелы на тетиву! — приказал Эзра. Голос капитана Саберин на мгновение дрогнул. — Сдаётся мне, скоро нам придётся пустить их в ход.

Сердце Рейна пропустило удар, когда молнии блеснули особенно ярко, осветив всё вокруг.

К Городу Истин бесконечной пурпурной колонной шла вся армия Рамелиса. Прямо посреди бури десятки тысяч легионеров щетинились лесом пик, в темноте то и дело мерцали зелёные огни — давали о себе знать маги из Кайсарума. Вокруг стало очень тихо. Трубы в последний раз надрывно вздохнули и стихли, раскатистый рокот барабанов оборвался так же внезапно, как начался. Слышался только свист ветра да стук капель о металлическую решетку. В полном молчании легионы наместника подходили к стенам и выстраивались в квадраты под взглядами защитников города. Кайсарумцы были мрачны и сосредоточены, всматриваясь в лица тех, чей город им предстояло разрушить.

Творец Творения, даруй нам спасение, молилась Сатин. Укрой меня Своим светом,

сохрани меня в Своём пламени...

Высокая фигура на чёрном как смола жеребце выехала перед бесконечным строем легионеров и остановилась в какой-то сотне шагов перед воротами. Жуткий свет молний плясал на пурпурном плаще с глубоким капюшоном, который полностью скрывал лицо всадника. Он был весь словно окружен стеной злобы и ненависти. Рейн почувствовал, что дрожит, как от холодного зимнего ветра. Какая-то магия? Но он же *за* завесой, под защитой колдовства Иерархов и всей Матери Церкви...

Всадник откинул капюшон. Это был Рамелис. Лысая голова противно блестела в свете молний, мертвенно-бледная кожа обтягивала узкое лицо наместника. Он и выглядел мертвецом: в горящих лютой злобой глазах плескалась чернота, как в двух бездонных колодцах. Вглядываясь в его застывшее, похожее на жуткую маску лицо, Рейн только сейчас понял, насколько далеко зашёл этот человек, ставший живым сосудом для древнего ужаса.

— Четыре тысячи лет прошли с тех пор, когда я в последний раз видел эти стены. — в холодном голосе прозвучала насмешка. — Теперь вы от меня никуда не денетесь. Время вашей Церкви закончилось. Вам не спастись.

Он двинул коня вперёд. Один из солдат не выдержал и выстрелил из лука, за ним последовали другие, но их стрелы обратились в пыль, даже не долетев до цели. Горожане бросали оружие и в ужасе покидали стену, гвардейцы в белом и золотом стояли, не двигаясь.

Спешившись, наместник даже не посмотрел на ряды Саберин и направился прямо к воротам, почти невидимый во мгле, как привидение. Когда до ворот оставалось всего-то один или два шага, Рамелис выпрямился во весь рост и вытянул правую руку. Через какой-то миг — меньше удара сердца — в протянутой руке проявился силуэт копья, сначала прозрачный, потом всё более чёткий и видимый. Оно было черное и длинное, в два человеческих роста, узкий наконечник сиял нестерпимым светом и отливал фиолетовым. Даже с высоты крепостных стен было видно, как оно подрагивает и вибрирует в руках наместника, как живое.

— Великое Копье... — пробормотала Сатин.

С ужасающей медлительностью Рамелис поднял Копье и направил его в сторону городских ворот. Сатин понимала, что нужно бежать, но ноги будто приросли к камню.

— РААЛ ЗАМ! — свечение Копья стало сильнее. Гвардейцы бросились врассыпную Рейн с силой дёрнул оцепеневшую Сатин за руку и кинулся к лестнице. Успеть, Раны Господни, только успеть...

— РОМАХ ЙА СЕАРА!

Сверкнула невыносимо яркая фиолетовая вспышка, похожий на раскат грома грохот заглушил все остальные звуки, и Рейн увидел, что земля под стеной задрожала и вздыбилась, как море во время бури. Волна горячего воздуха ударила в спины бегущих. Окованные стальными листами ворота зашатались и слетели с петель, а затем участок стены сложился, как картонный домик, и рухнул, осыпав защитников градом камней и обломков.

Воины Рамелиса хлынули в пролом.

— Раны Господи, Великое Копье... — прошептала Сатин, когда Рейн тащил её прочь от стены мимо погибших и умирающих. На глазах юноши один солдат захлёбывался собственной кровью, придавленный куском стены. — Это оно...

Темная туча просочилась в город вместе с легионерами и затопила улицы. Всего за минуту Город Истин превратился в ад на земле. Рейн видел, как Рамелис во второй раз поднял Копье, произнося Древнее Слово, и сразу же фиолетовое пламя пожара заметалось

вокруг, с огромной скоростью перескакивая от крыши к крыше. От чудовищного жара дерево обугливалось и горело, камень домов плавился и стекал на улицы.

Обезумевшая толпа захлестнула защитников. Никто из горожан толком не понимал, куда бежать, кто-то падал, кто-то пронзительно закричал, легионеры, потеряв всякое подобие строя, растекались по городу и убивали без разбора, и на секунду Рейну показалось, что сейчас под ногами разверзнется бездна. Столица Авестината пала.

Людское море смело последние заслоны Саберин, подхватило Сатин и Рейна и понесло их по улицам. В какой-то момент толпа горожан едва не развела их в разные стороны, но Рейн что было сил вцепился в руку девушки и сумел её удержать. Толпа распалась на два рукава, стало не так тесно, и вскоре им удалось вырваться из потока горожан.

— Что нам делать дальше? — пробормотал Рейн, когда они с Сатин спрятались за углом, наблюдая, как войско наместника с быстротой лесного пожара распространяется по городу. Во время их бегства обломок решетки поранил юноше ногу, тот попытался встать и облокотился о стену. Рейн понимал, что битву они проиграли, но старался об этом не думать, как не думал он и об оружии, которое использовал Рамелис.

Прежде чем Сатин успела ответить, из-за угла появились два легионера с горящими от злобы глазами. Один из них заметил их, что-то отрывисто сказал другому, оба как по команде обнажили мечи и бросились вперёд.

Сатин что-то ошарашенно пробормотала и потянулась к поясу, но Рейн опередил её.

— *Турай!* — легионеры вздрогнули и повалились на землю, как подкошенные. На горле каждого появились тонкие надрезы, красная кровь заливала белый мрамор на мостовой.

Ну конечно! У них ещё осталась Иеромагия! Завесы теперь нет, они могут защитить себя с помощью колдовства Рейна.

— Мы сразимся с ним. — сказала Сатин, возобновляя прерванный разговор. Она почувствовала, как к горлу подступает комок, но сдержалась. — Сразимся с Рамелисом, и будь что будет. Даже если нам уготована смерть — Творец это увидит.

Творец Творения, подумала она про себя, он вообще есть?

Рейн долго смотрел ей в глаза. Потом кивнул. Он потерял много сил, используя малознакомое ему заклинание. Воды вокруг не было, пришлось крикнуть первое, что пришло на ум. Лицо юноши посерело, руки мелко тряслись, но в глазах горела решимость. Он стиснул руку Сатин и сказал, стуча зубами:

— У меня есть план. Заманим Рамелиса к реке. Там моя магия будет сильнее, мы сможем что-то придумать. Только... что делать с Копьем?

— Мы что-нибудь придумаем. — быстро сказала Сатин. — Сейчас главное — заставить его следовать за нами.

Они пробирались по улицам, свирепые лица захватчиков плыли перед их глазами и исчезали во тьме. Даже с потерей ворот и стены битва продолжалась сама по себе. Остатки гвардейцев с яростью обречённых раз за разом бросались на кайсарумцев, убивая и умирая. Свистели случайные стрелы, во мраке тонкими нитями света сверкали изогнутые клинки. Никакие тренировки, никакие слова не могли подготовить к тому, чем стала столица Авестината. Гром гремел непрерывно, фиолетовые молнии били в дома и людей, каждый вздох отдавался болью — таким сухим и горячим стал воздух вокруг.

Они видели, как некто в ярких красных одеждах — кажется, один из Иерархов — обрушил на врагов лавину огня и пал, пронзённый десятком стрел.

Они видели, как незнакомый им гвардеец в белом рассыпался в прах под ударом

пурпурной молнии.

Они видели, как одинокий легионер поднял меч и без слов перерезал горло пытающейся спастись женщине.

Одни и те же события — убийства, смерти, огонь, боль — повторялись сотни и сотни раз, как одно-единственное Зло, тысячу раз отраженное в зеркале. В один момент Рейн заметил, как кто-то похожий на Эзру собрал вокруг себя десятка два гвардейцев и теперь отражает одну за другой атаки легионеров, перегородив повозками узкую улочку. Стена пала, но теперь сопротивление продолжалось стихийно. Дворец Истин оставался неприступным. Конклав, наверное, сможет закрыться во Дворце и какое-то время оказывать сопротивление, но даже Иерархи не смогут остановить Рамелиса с Великим Копьем в руках. Всё было кончено.

Где-то рядом полыхнуло фиолетовым светом. Они свернули налево, выбежали на просторную квадратную площадь и едва успели остановиться: в нескольких десятках шагах от них стоял высокий человек в балахоне и с длинным черным копьём в руках. Он обернулся и посмотрел прямо на них, кривя губы в жестокой усмешке.

Это был Рамелис.

В левой руке он держал Великое Копье, наконечник которого вспыхивал зловещим сиреневым светом, капюшон был откинут на спину и раскачивался из стороны в сторону, как змеиный хвост. В плоских чёрных глазах наместника плескалось безумие — то самое безумие, что когда-то погубило весь мир.

— Мы снова встретились, колдун. — протянул он, глядя на Рейна. — Твоё время вышло. Эта ваша Мать Церковь потерпела поражение. Ты умрешь, а с тобой умрёт и огнепоклонница, и весь Город Истин. Мой господин предлагает тебе выбор. Спрашиваю в последний раз: ты готов преклонить колени перед моим повелителем, Третьим из Непрощённых? Готов принести Высокую Присягу?

— Я никогда не стану ему служить! — твёрдо заявил Рейн. — Ты слышишь? Никогда!

Широкая фигура в блестящей броне отделилась от потока солдат в пурпурном и застыла рядом с наместником. Руки в латных перчатках сжимали массивный двуручный меч, лицо скрывал глухой шлем, на котором белым огнём горели равнодушные глаза-точки. Бессмертный.

— Я решил немного уравнять ваши шансы, — издевательски проговорил Рамелис. — Двое на двое. Честный поединок, не правда ли?

Он небрежно махнул рукой, легионеры попятились, опасливо поглядывая на своего полководца. Вскоре на площади не осталось ни одного солдата.

— Начнём. — сказал наместник. — Шансов у вас двоих нет, но я хотя бы увижу, как вы сражаетесь перед тем, как пасть от моих рук.

Рамелис опустил Копье и одновременно с Бессмертным бросился в атаку.

Отступай, отступай, отступай! — Мгла надрывалась у Сатин в голове. “Поединок” длился всего пару секунд, но девушка уже поняла, что их плану конец. Как можно подобраться к этому живому кошмару и не умереть?! Она ожидала, что Рамелис будет ослаблен из-за незримого присутствия своего хозяина, но наместник двигался более чем проворно.

Огромный меч просвистел в воздухе и высек из искры из стены поблизости. Бессмертный наступал на неё, Рамелис — на Рейна, но в обоих случаях исход боя был уже очевиден. Сатин сжала зубы от злости. У неё не было с собой ничего, кроме *шада*, но она

даже не успела достать кинжал! Единственным спасением были размеры Бессмертного: стальная тварь двигалась не слишком быстро, девушке пока удавалось уходить от ударов двуручного мечв. В перерыве между прыжками и попытками вернуться она бросила взгляд вправо: наместник уверенно теснил Рейна назад, пользуясь огромным Копьем, как алебардой. И почему он сразу их не убил? Сатин пригнулась, пропуская меч над собой, и поняла, что воздух вокруг стал не таким горячим. Они всё ближе к реке! На короткий миг вернулась надежда. Только бы успеть...

Используй меня, настаивала Мгла, но Сатин с трудом противилась искушению — ещё рано.

Рейн взмахнул мечом, Рамелис с поразительной лёгкостью отбил удар и сделал ответный выпад своим Копьем, целясь в грудь. Юноша едва успел вернуться. Раны Господни, проклятый наместник! Им не выиграть эту битву. Ещё один удар, авестийская сталь встречает чёрное колдовское железо. Нет времени оборачиваться. Только парировать. Великое Копье светится жутким светом. Парировать. Снова шаг назад. Парировать...

Холодное дыхание реки стало сильнее. Широкая полоса воды оставалась в полусотне шагов, когда очередной удар Бессмертного сбил Сатин с ног. Рейн увидел, как странный изогнутый кинжал упал на землю рядом с девушкой и покатился по мостовой. Юноша бросился было на помощь, но Бессмертный повернулся и обрушился на него, двуручный меч прошёл наискосок от шеи до бедра, чудом не достав до сердца. Брызнула кровь. Рейн стал оседать на землю, перед глазами всё поплыло... его авестийский клинок выпал из рук, липкие брызги попали в лицо. Во рту стало горько.

Вот и конец, подумал он отчаянно. Сатин сказала, погибать легче, если рядом кто-то, кому не всё равно. Не всё равно... он сумеет...

Даже не глядя на Рейна, Рамелис шагнул к Сатин. Казалось, всё внимание наместника было поглощено кинжалом, рубин на рукояти которого странно мерцал и переливался в чёрном сумраке, как капля только что пролитой крови. Глаза мужчины расширились от удивления.

— Откуда... откуда у тебя он? — выплюнул Рамелис. Он снова посмотрел на девушку, но теперь надменное презрение сменила чистая, чудовищная ненависть. — Четыре тысячи лет в пустоте... кто дал тебе *шад*?! Отвечай! Иматар? Мореллин? Неважно. Я... я тебя уничтожу!

Рамелис поднял Великое Копье и ударил Сатин в спину, с лёгкостью пронзив тонкое кольчужное полотно. Девушка закричала. Боль растекалась по всему телу, выворачивала наизнанку, мешала мысли. Где Рейн? Что с ним? Перед глазами заплясали черные точки. Холодно... ей не встать... до Сатин доносились крики Мглы в её голове, двойник о чём-то просил, но она не слышала. Так холодно... ей говорили, кровь должна быть горячей...

Рейн в отчаянии смотрел на то, как Рамелис одним движением вырвал Великое Копье из раны. Сатин лежала, не двигаясь, красная кровь заливала каменную набережную... это несправедливо. Оборона прорвана, они проиграли битву за Город Истин, а теперь умрут от рук этого безумца. Пусть так, но им нельзя допустить, чтобы он победил!

— Яшар... таб... меген... — прохрипел Рейн. *Вода, стань защитой.*

Река за его спиной вспучилась, вода пришла в движение, принимая форму гигантского меча. Извиваясь, как огромная змея, вода взметнулась вверх и обрушилась на Бессмертного и Рамелиса, который так и стоял, подняв Копье высоко над головой. Поток подхватил Бессмертного и подбросил его в воздух, как рассерженный великан. Стальное чудище

пролетело несколько метров и тяжело ударилось о стену дома напротив. Белые глаза погасли. Наместник улыбнулся, что-то еле слышно проговорил, Копье в его руках вновь полыхнуло фиолетовым. Рейн увидел, как вода с шипением обратилась в горячий пар, который сразу рассеялся в воздухе. Всё было зря... Он лежал на холодной земле и смотрел, как Рамелис рассмеялся, направляя Великое Копье прямо на Дворец Истин.

— Я был избран тобой, мой господин. — прошептал он, криво ухмыляясь. В чёрных глазах наместника плескалось безумие. — Городу Истин уже ничто не поможет... эти двое умрут сейчас...

Мгла, прошу, помоги, замени меня!

Глаза юноши расширились в изумлении. Кроме Рамелиса на площади не стоял никто, никто кроме... Сатин, которая, шатаясь, рывком поднялась на ноги.

— ШААР МАДИМ ИННАХАР! — звонкий голос девушки разносился над рекой и был исполнен такой пронзительной силы, что перекрывал собой треск молний. Темноту рассеял столб ослепительного огненного сияния, а в центре его стояла Сатин. Кровь толчками вытекала из сквозной раны там, где должно было быть левое лёгкое, но девушка невозмутимо стояла на земле, раскинув руки, её голова была окружена ореолом из огня. Глаза сияли алым. Белое пламя текло по её рукам, наполняя ладони, магическое пламя, холодное пламя...

Рамелис попытался. Он только начал вновь поднимать Копье, как вся фигура Сатин вспыхнула белым пламенем и бросилась прямо на него. Плащ наместника загорелся, Рамелис испустил протяжный вопль, Великое Копье выпало из его рук и покатилося по камням. Бледный огонь стеной взметнулся к небу.

Не переставая кричать от боли, наместник потянулся к плащу и судорожно рванул застёжку. Мертвенный фиолетовый свет разлился вокруг. Сорвав плащ, Рамелис в миг изменился, сгорев в языках белого огня. Теперь Непрощённый стоял перед ними в своём настоящем облике — намного выше, чем раньше, в три человеческих роста, он лишь отчасти походил на человека, мерцая и переливаясь, как кипящий металл над плавильной печью. На месте глаз и рта раскрылись черные щели.

— Ты не сделаешь этого! — закричал бестелесный голос. — Кузнец Погибели, ты этого не допустишь! Я верно служил...

Сатин подняла кинжал. Изогнутое лезвие блеснуло кровавым светом, по клинку пробежали алые разряды. Лицо Непрощённого-Рамелиса исказилось от ярости и страха, когда девушка занесла кинжал над головой и что есть сил ударила по сияющей фигуре. Ужасающий, нечеловеческий крик вырвался из уст существа, фигура заметалась по площади, становясь прозрачной, фиолетовый свет делался всё слабее и слабее, пока не погас окончательно.

Наместника Рамелиса больше не существовало.

Молнии тут же перестали бить, словно иссяк какой-то невидимый источник, тьма рассеялась, белое пламя волна за волной катилось по городу, охватывая легионеров. Откуда-то со стороны Дворца слышались звуки гвардейских труб. Сатин, теперь уже обычная, без огня, пошатнулась и упала прямо на залитые кровью камни. Рейн лежал без сил, широко раскинув руки, зрение начало мутнеть. Наверное, успел подумать юноша, мы победили... Перед тем, как закрыть глаза, ему показалось, что Великое Копье само по себе поднялось в воздух, упало на землю и разбилось на тысячу сияющих осколков...

Глава двадцать пятая. Холодный огонь

Губительный Огонь, бледный огонь, огонь-пагуба — так именовалась магия, которая позволяла Иеромагам прошлого творить белое пламя. Несмотря на то, что его иногда использовали Благие, Губительный Огонь считается оружием Непрощённых, самым опасным даром Ненавистного своим семерым слугам.

Умирать было странно.

Рейн даже не чувствовал боли — вместо этого мир словно распался на десятки отдельных событий, образов и мест. Он видел человека с Великим Копьем в руках, видел девушку, охваченную белым пламенем, видел великий город, гибнущий под натиском огромной армии захватчиков... кто все эти люди? Какое отношение они к нему имеют? Юноша даже не понимал, где находится... Рейн открыл глаза, но вокруг была только тьма. Как тогда, в Алетиодре... Он протянул руки — пальцы коснулись чего-то металлического. Похоже на цепь... Раны Господни, да что с ним такое?

— Возвращайся домой, — прошелестел над ухом мягкий мужской голос. — Здесь ты пока ни к чему.

— Кто... кто вы? — спросил изумлённый Рейн. Он не видел ничего, не видел своего собеседника, только холодный металл под пальцами... Да, это и правда похоже на звенья цепи...

Перед ним появилось видение: просторная комната с книгами и очагом. Рыжий мужчина в черном плаще стоит, заложив руки за спину, и задумчиво разглядывает диковинную картину. Рейн моргнул. Мужчина, кажется, заметил его появление и повернулся прямо к юноше. Юноше сразу не понравились его глаза: жёлтые-жёлтые, словно у... у кого? Раны Господни, он ничего не помнит!

— Возвращайся. — повторил мужчина. Теперь в его голосе звенел металл. — Я вижу в тебе великую силу духа, слуга Благих, но моя обитель едва ли придётся тебе по душе. Пробудись!

Видение померкло. Рейн снова оказался один. Один во тьме...

— Проснись! — сказал кто-то прямо у него над ухом. — Вставай, Даритель Света, уже давно рассвело! Его Преосвященство не будет ждать вечно.

Рейн с неохотой разлепил глаза и увидел, что лежит в постели в своей комнате в башне Тансара, рядом с ним на узком стуле с высокой спинкой сидит Эзра и встревоженно на него смотрит.

— Очнулся наконец! — Эзра расплылся в улыбке и хлопнул Рейна по спине, так что юноша даже охнул от боли — сила у гвардейца была недюжинная. — Как самочувствие?

— Нормально... вроде бы. — Рейн никак не мог взять в толк, как он здесь оказался. Комната... башня... они же... их же разбили?

— Скажи, Эзра... мы умерли, да? — говорить было больно, горло словно огнём обожгло.

Гвардеец удивлённо посмотрел на него и расхохотался.

— Ну уж нет! Мы победили, Рейн! Хвала Творцу, мы победили!

Рейн нахмурился. Странно... хоть убей, но он не мог вспомнить, что произошло вчера.

— Но как? — проговорил он с трудом. — Нас... нас штурмовали... и потом это Копье... — Разум решительно отказывался вспоминать, что было после падения стены.

— Наместника больше нет. — просто ответил Эзра. — Его армия разбита. За это надо благодарить тебя, Даритель Света! Тебя и Сатин.

Сатин... что-то произошло с ней!

— Сатин! — Рейн резко сел в постели, но тут же упал назад на изголовье. Его пронзила резкая боль — словно мечом достали, в глазах потемнело. Он попробовал приподняться снова, но ничего не добился — левая нога отказывалась слушаться. — Что с ней? Она... она же...

По лицу Эзры пробежала тень. Какое-то время гвардеец молчал, на что-то решаясь.

— Сатин жива. — ответил он, тщательно подбирая слова. — Она сейчас в кабинете Тансара, к ней никого не пускают. Мне очень жаль, Рейн. Она заплатила за победу страшную цену.

— Да что с ней такое?! — на лице Рейна было написано такое отчаяние, что Эзра не выдержал и уступил:

— Хорошо. Думаю, *тебя* они впустят. Обопрись на меня, ладно? До кабинета идти недалеко, но ты сейчас сам даже до двери пройти не сможешь. Вставай. Вот так. Давай... кажется, получилось... Ты только постарайся не упасть. Надо же, какой ты лёгкий... Не отпускай мою руку.

С помощью Эзры Рейн кое-как доковылял до двери и облокотился о стену, чтобы перевести дух. Тугая повязка мешала дышать полной грудью. Каждый шаг отдавался в левой ноге мучительной болью. Что всё-таки с ними произошло? Эзра открыл массивный сундук у окна, немного покопался и протянул ему трость с серебряным набалдашником. Такая вычурная... что ж, так хотя бы легче идти.

— Сколько я спал? — спросил Рейн, когда они вышли в коридор. Высокие стрельчатые окна открывали вид на Город Истин: в крепостной стене на месте ворот зияла огромная пробоина, белое кружево городских кварталов было покрыто чёрными пятнами пожарищ. В воздухе висел запах дыма. Куда делись кайсарумские легионы? А что стало с Рамелисом?

— Три дня. — Эзра поймал взгляд Рейна и помрачнел. — Мы потеряли до шести тысяч горожан и около полутора тысяч гвардейцев. Считай, легко отделались. После того, как наместник погиб, его солдаты стали неуправляемыми. При штурме их погибло около пяти тысяч, многих забрал бледный огонь... — Эзра умолк. — Ты что, правда ничего не помнишь?

Рейн с трудом помотал головой. В голове будто заслон поставили: вот они стоят на стене, вот Рамелис призывает Копье, а дальше... дальше не было ничего. Пусто.

— Думаю, Его Преосвященство всё тебе объяснит. Это ты победил наместника, Рейн. Ты и Сатин. Не знаю, что вы там сделали, но этот белый огонь весь город видел. Именно ваша магия позволила нам одержать победу. Несколько тысяч легионеров сдались, они сейчас в лагере для военнопленных.

— Значит... мы победили? — бронзовая дверь была совсем близко.

— Да. Безусловно.

По обеим сторонам от двери стояло по двое Саберин. Гвардейцы в белом угрожающе опустили стальные копьё, но сразу расслабились, как только увидели Рейна с Эзрой.

— Хвала Творцу, Даритель Света! — сказал один, отдавая честь. — Сейчас мы доложим о вашем прибытии Его Преосвященству.

— Почему вы все называете меня таким странным именем? — спросил юноша, но никто ему не ответил. По бронзе пробежали языки пламени, дверь отворилась, в глаза

ударил яркий оранжевый свет. Рейн и Эзра ступили внутрь.

Так холодно...

Сатин чуть-чуть приоткрыла глаза, привыкая к яркому свету. Девушка попыталась пошевелиться, но не смогла — сильная слабость сковала всё тело. Она показалась самой себе непрочной и ломкой, как стеклянная статуэтка. Сатин лежала с закрытыми глазами и видела перед собой только белый огонь — холодный, потрескивающий, манящий... Что-то прохладное и мокрое коснулось её лба.

Она открыла глаза. Всё вокруг было странным: круглый стол, мягкие кресла, лампы... прямо перед ней маячили стальные глаза Тансара, который с тревогой вглядывался в её лицо. Она была во Дворце Истин. Эта комната была рабочим кабинетом Иерарха, но как... как им удалось выжить в той огненной буре? Рейн... Копьё... Воспоминания о произошедшем возвращались с болезненной быстротой.

— Приветствую тебя, Алая Прядь. — голос Иерарха еле заметно дрогнул. Словно ему было страшно находиться с ней в одном помещении.

Сатин шевельнула руками. Ощупала мягкое одеяло и изголовье. Странно... руки были покрыты чем-то тонким и невесомым, но она не могла увидеть, что это было — стальной обруч боли сдавливал голову при каждом неосторожном движении.

— Я... я... — она закашлялась. Левое лёгкое было как в огне.

— Ты больна. Отдыхай. — Иерарх улыбнулся одними губами, но глаза оставались холодными, как серебро. — Ты помнишь, что произошло?

— Мы... мы победили? — Сатин поразил собственный голос: свистящий и с придыханием, как будто в легких застряла стрела. Волна озноба пробежала по всему телу. Девушка без сил опустилась на подушки, пытаясь унять кашель.

— Победили. Наместник Рамелис мёртв, его армия уничтожена. Не скрою, вчера даже я не надеялся, что Город Истин выстоит. Перейдём сразу к делу: что ты помнишь?

— Было Великое Копьё... — прошептала Сатин. — Наместник... он сразился с нами. У него был Бессмертный. Рейн...

— С твоим другом всё хорошо. — успокоил её Иерарх. — Скажи мне, Сатин, ты помнишь, что делала? Что говорила?

— Кажется... кажется, помню. — каждое слово давалось с трудом. Кашель вернулся снова, и девушка попыталась сесть. Белое одеяло сползло на пол. Она была в чёрной ночной сорочке, ноги облевали черные носки, а руки... Сатин поднесла их к лицу. Её ладони оказались затянута в тонкие перчатки, алые, словно кровь. Зачем?.. Она потянула одну, но Тансар жестом остановил её:

— Не рекомендую. Снимешь их — и Дворец Истин сгорит дотла.

— Что... что произошло? — одними губами прошептала Сатин. Очередной приступ кашля лишил её остатков сил. Девушка опустилась на кровать и прикрыла глаза.

— Ты — Иеромаг. — жёстко ответил Иерарх. — Не знаю, как именно, но Кузнец Погибели погиб от твоих рук, хотя я сильно сомневаюсь в том, что его смерть окончательна. То, как ты творила магию... этот бледный огонь не видели столетиями. Раньше его называли...

Дверь отворилась. В комнату на нетвёрдых ногах шагнул Рейн с повязкой через всю грудь и тростью в руках, позади маячил Эзра. В глазах юноши плескались тревога и что-то ещё. Он перевёл взгляд на девушку и вздрогнул, будто увидел что-то ужасное.

— Я ждал тебя, Рейн из Кельтхайра. — Если Тансар и удивился, то ничем не выказал своих чувств. — Сядь рядом со мной. Нас ждёт серьёзный разговор. Капитан Эзра, оставьте нас.

Гвардеец коротко поклонился и вышел, закрыв за собой дверь. Иерарх вздохнул и повернулся к Сатин и Рейну.

— Вчера Творец Творения испытывал нашу веру. По Его воле мы одержали победу, легионы из Кайсарума разбиты. Рейн, вопрос к тебе. Ты хорошо помнишь вчерашнее?

— Если честно, я совсем не помню нашу победу. Копье, стена... потом всё как в тумане. Эзра сказал, что я...

— Достаточно. — перебил его Тансар. — Главное то, что именно вы двое уничтожили Рамелиса и того, кто им руководил. Если бы не ваша помощь, сегодня Города Истин могло бы и не быть. Теперь — о Сатин. Рейн, думаю, тебя это удивит, но она владеет Иеромагией, причём очень редкой и могущественной. В последний раз белым огнём управляли ещё до основания Матери Церкви. Что ещё хуже, магию эту очень сложно контролировать.

— Так вот почему на мне эти перчатки... — пробормотала Сатин. При виде Рейна её голос слегка окреп, но она всё равно говорила немного растерянно. — Как долго мне придётся носить их?

Иерарх сочувственно на неё посмотрел. В его глазах Сатин прочла искреннюю жалость.

— Всё время. Нельзя подвергать Дворец и Город Истин опасности, пока мы не поймём, как справиться с твоим новым даром. Хотя, как по мне, это скорее проклятье... извини, Алая Прядь, что всё так быстро переменялось. Истинно говорят, мы не властны над нашими судьбами — только Творец.

Губы Сатин задрожали.

— Это... это неправда. Я просто сплю. Это сон, только и всего... а почему вы назвали меня Алой Прядью?

Тансар протянул ей маленькое карманное зеркальце, как будто с самого начала только и ждал этого вопроса. Сатин без слов взяла его. Перчатки на её руках были мягкие и тонкие, но держать через них изящную серебряную ручку было не слишком удобно.

Какое-то время она молча смотрела на своё отражение, потом выронила зеркало и закрыла глаза.

Длинная прядь её волос шириной с лезвие ножа была алой, словно рубин.

— За каждую победу следует платить. — тихо заметил Иерарх. — Сатин, в прежние времена твой дар называли Губительным Огнём. Это бледное пламя может пожрать целый город со всеми постройками и жителями, стоит только дать ему волю. Тебе придётся не только держать его под контролем, но и бороться с телесным недугом.

— Он пронзил меня... — безжизненно проговорила Сатин. Зеркало лежало на полу, но девушка словно не замечала этого. — Ударил меня в спину...

— Это ещё одна загадка. Как тебе удалось выжить после удара Великого Копья? Нам это неизвестно. С этого момента Церковь Истин будет пристально наблюдать за тобой. Кто знает, какие ещё секреты ты можешь раскрыть...

Тансар сделал паузу, что-то решая, затем кивнул самому себе и продолжил:

— Рейн, тебе что-нибудь известно о Конечном Воскрешении? О Саошьянте?

— Да, — с удивлением ответил Рейн, — Мидир мне рассказывал. И про последнюю битву, и про Мост Правосудия... а зачем вы спрашиваете?

— Белый Огонь. — тихо ответил Иерарх. — Один из трёх признаков того, что не за

горами *Аташ Кэрэти*. Если это знамение можно хоть как-то истолковать, то оно было дано нам вчера, во время битвы. Конклаву только предстоит собраться, но у нас уже есть многое, что надо обсудить... Сейчас я не могу сказать вам ничего определённого, но одно знаю точно: сомневаюсь, что вас оставят в покое после того, что произошло. Слуги Истины будут следить за каждым вашим шагом, а внимание со стороны этих фанатиков — сомнительное удовольствие.

— Я... кажется, я уже встречался с ними. — сказал Рейн. Он вспомнил свой первый визит в Город Истин и четвёрку людей в сером. — Один из них... кажется, его звали Игнати.

— Игнати мар Саума... — обеспокоенно пробормотал Иерарх, — один из магистров этого ордена и первый среди цепных псов Его Святейшества. Тебе лучше избегать этого человека. Он жесток, очень жесток, и ненавидит еретиков даже больше, чем слуг Ненавистного.

Тансар поднялся и оглядел Сатин и Рейна пристальным взглядом.

— И ещё... ваша победа кое-кого разозлила. Конечно, Его Святейшество будет вынужден устроить праздник, преподнести вам награды и воздать почести, но в глубине души Хирам вне себя от ярости. Совершенный не любит, когда кто-то выделяется — а то, что сделали вы, ещё никто не делал. Более того, осада показала его бессилие перед угрозой. Рамелис пал от руки язычника и послушницы. Хирам опасается за собственный престиж, а потому будет готов на всё, чтобы удержать Конклав под своим влиянием и сохранить Престол Истин. Будьте осторожны. Всё только начинается. Элиас Чёрное Солнце узурпировал уладский трон. Чёрный туман покрыл Келейнион и движется дальше. Мы одолели Рамелиса и его господина, но это только один из наших врагов...

Иерарх зашагал к выходу, но в последний момент развернулся и что-то достал из складок своего одеяния:

— Рейн, это тебе. Мать Церковь благодарит тебя за проявленное мужество. Оставайтесь здесь, отдохните. Шахар принесёт завтрак.

Сказав это, Тансар покинул комнату.

— Мы правда сделали это. — прошептала Сатин, когда Иерарх ушёл. — Покончили с Рамелисом и его угрозой.

— Сатин, я... мне очень жаль, что всё так вышло. — Рейн сжал её пальцы. Такие горячие... даже через перчатку он чувствовал колдовской жар. Юноша поднял глаза на девушку. Сатин слабо улыбнулась, но руку не убрала.

— Получается, мы теперь герои?

— Да. — Рейн улыбнулся в ответ. — Как Благой Оллам. Я... Сатин, я должен тебе кое-что сказать. Когда мы только начинали это путешествие, я не знал, что ждёт нас в конце. Авестинат и Церковь Истин оказались совсем не похожи на то, что я ожидал увидеть. И всё-таки... всё-таки я понял, что должен их защищать. Их и тебя тоже. Ты всё это время была рядом со мной. Учила, поддерживала... Я помню, как ты мучалась из-за своих секретов в Аннуине. Я не хочу, чтобы это повторилось. Давай пообещаем говорить друг с другом, если что-то есть на душе. Хорошо?

— *Миконам*. — ответила девушка. — Клянусь.

— *Миконам*. — торжественно повторил Рейн. На душе стало как-то легко и спокойно. Он повернулся к небольшому столику и взял то, что оставил Тансар. Блестящий золотой значок в форме моста.

— Ты теперь Саберин! — удивилась Сатин. — Это... это великая честь. Я всегда... —

она вдруг зашлась в очередном приступе кашля. Юноша решил было бежать за помощью, но Сатин только махнула рукой. — Всё в порядке, Рейн. — На белой простыне проступило несколько еле заметных красных пятен. Рейн заметил это и вновь заключил её пальцы в свои.

— Я обещаю, что мы со всем разберёмся. — сказал он твёрдо. — Мы узнаем, как тебя вылечить, узнаем, как побороть Губительный Огонь. Мы поймём, что происходит с этим миром, победим Непрощённых, и всё станет, как прежде.

— Обещаешь? — в усталом голосе Сатин прозвучало лукавство. — Когда всё закончится, я хочу, чтобы ты научил меня играть на флейте. Да... хочу играть на флейте и смотреть на Город Истин ночью.

Рейн почувствовал, как на него снизошло спокойствие. Вчера они победили. Они оба живы, и всё будет хорошо.

— Да, и это тоже. Обещаю.

Эпилог. Посеять бурю

Привет тебе, старый друг. Если ты читаешь это письмо, то меня, скорее всего, уже нет в живых — как по мне, не слишком дорогая цена за наше открытие. Я найду твою маску уладского жреца захватывающе интересной — она, наверное, даст тебе и остальным время подготовиться к тому, что грядёт. Вы с Хэммоном и Мидиром должны сделать то, чего не успел я. Найдите Саошьянта.

Л. Т. Зилачу в Кельтхайр.

Ветер дул со стороны покрытого льдом океана, и казалось, что по стылую каменистому берегу движутся призраки. Густой туман, днём и ночью висящий над водой, рождал бесформенные фигуры, которые исчезали под лучами холодного северного солнца, так и не успев добраться до суши. Полупрозрачные голубые льдины походили на затонувшие корабли. Ближе к берегу ледник становился неровным, неестественным. Ледяные горы вздымались ввысь и также стремительно обрывались, образовывали идеально ровные обрывы и выступы, их бесконечная гряда казалась чешуей какого-то исполинского чудовища. Четыре тысячи лет назад древняя магия изрезала камень и лёд, как огромный плуг, и следы той войны были видны до сих пор.

Годвин Крайтон плотнее запахнулся в тяжёлый меховой плащ и тихонько выругался. Мало того, что его призвали сюда, так ещё и в такое время! Он лично наблюдал битву за Город Истин через своё свет-зеркало и думал, что ему позволят хоть немного отдохнуть после всего того, что он сделал. Но в этот день его хозяин изменил своим привычкам. Обычно терпеливый, сегодня он хотел лично видеть своего слугу. Делать было нечего. Годвин тронул свою лошадь, такую же белую, как и всё вокруг, и двинулся на север. Как только покрытый валунами берег заканчивался, долина становилась плоской, как блюдо, лишённой любых выступов и растительности. На горизонте смутно маячил хребет покрытых снегом гор и раздвоенная ледяная гора немного ближе. Это оно. Место его назначения.

Крайтон невольно подёрнул плечами. Сегодня туман был особенно густым, а это всегда означало одно — последствия. Он не знал, где находится это место, да и не стремился узнать, но достаточно успел изучить его, чтобы теперь перейти на галоп, постоянно понукая свою поджарую белую лошадь. В любой момент туман может превратиться в оживший кошмар — конечно, только если это будет угодно его хозяину и господину. Если Годвин делал то, что от него требовалось, его повелитель вознаграждал его, если же нет... мужчина помотал головой, стараясь об этом не думать. Последнее своё задание он выполнил в точности.

Это задание было для него предметом особой гордости. Почти пять лет трудился он над тем, чтобы Рамелис стал тем, кем стал — и всё прошло так, как хотел его повелитель. Годвин лично следил за тем, чтобы продвижение этого кайсарумца по карьерной лестнице было беззаботным и лёгким, а книги, которые он читал — посвящёнными древней магии и Войне Лжи. Он же с помощью тонких интриг пристрастил Рамелиса к Слезам Наннара, из за которых рассудок наместника помутился, и окружил его людьми, которые в конечном счете и привели Рамелиса к Высокой Присяге. В качестве сосуда наместник был крайне полезен, но управлять им не получалось. Пришлось устранить.

Годвин улыбнулся. Так его повелитель достиг сразу двух целей: избавился от Кузнеца Погибели и получил ещё что-то, Годвину неизвестное. Крайтон презрительно дёрнул ртом.

Рамелис был глупцом, слишком безрассудным для того, чтобы захватить Город Истин. Он выбрал себе в хозяева самого жестокого из всех Непрощённых — и погиб. Что ж, тем проще будет самому Годвину. Он никогда не любил остальных служителей Семерых Непрощённых, особенно тех, кто слишком выделялся. Если драка за место у семи тронов неизбежна, всегда лучше бить первым. В конце концов, как сосуд Рамелис себя не оправдал и погубил не только сорок тысяч отборных легионеров, но и планы своего господина... ещё один аргумент в пользу того, что стоит быть осторожнее.

По мере того, как он приближался к горе, перед глазами вырисовывался замок, расположенный между двумя пиками — сначала он казался миражом в бесконечной белой пустыне, затем из тумана стали проступать узкие алые башни и шпили. Издалека замок казался Годвину лесом рубиновых шипов, которые будто вырастали прямо из бесплодной ледяной земли. Некоторые башни были тонкими, словно иглы, другие, более массивные, могли сойти за громадные копыя. Замок производил гнетущее впечатление. Красный, как вино, он одиноко стоял посреди льда и холода и словно бросал вызов самому Творцу, протягивая высоко к небу сотни алых пик. Тир-На-Ног. Роцца Тысячи Копий. Эта древняя крепость была напрочь лишена симметрии и в клубах густого тумана выглядела особенно зловеще. Годвин поёжился. При виде десятков невесомых красных башен на фоне льда он всегда себя неуютно.

Когда до замка оставалось с полсотни шагов, Годвин спешился и зашагал к громадным резным воротам. Те, как и всегда, были широко открыты, из тёмного коридора разливалось тревожное алое сияние. Оказавшись внутри, мужчина проследовал по привычному пути. Боковые коридоры проносились мимо, но он даже не взглянул на них. Все они казались ему отражением друг друга: кроваво-красными были потолок, стены, мягкие ковры, пустующие ниши для статуй, двери. Даже высокие окна закрывало алое витражное стекло, так что любой, кто ступал за порог этого места, будто бы оказывался внутри гигантского полого рубина.

Годвин знал, что в Роцце Тысячи Копий есть и другие залы, вид которых куда более привычен обычному человеку, но они были немногочисленны и предназначались для его господина. Замок пустовал уже сорок столетий, из семи хозяев остался только один. Годвин снова поёжился, на этот раз от страха. Он служил уже двадцать лет, но так и не узнал, насколько велико это сооружение. Просторные комнаты, витые лестницы и переходы выглядели совершенно одинаково, на его месте любой бы заблудился. Что ж, он знал, что всегда найдёт дорогу, пока будет полезен своему повелителю. Ему не стоит тревожиться — во всяком случае, сейчас.

Отточенным за долгие годы движением Годвин нырнул влево и увидел хорошо знакомую узкую арку, за которой алое сияние теряло свою тревожность, становилось мягким, почти уютным. Мужчина почтительно склонил голову и вошёл внутрь.

Он оказался в просторном помещении с высоким сводчатым потолком. Четыре громадные бронзовые жаровни в каждом углу давали достаточно тепла для того, чтобы обогреть весь зал. Красные стены покрывали фрески, инкрустированные сталью и серебром. Каждая сцена была посвящена Войне Лжи: Годвин успел разглядеть паутину и стоящую в её центре женщину, какую-то пещеру со светом внутри, чёрный меч, заключённый в ледяной глыбе...

Всю правую стену занимало огромных размеров окно с видом на далёкие горы, слева стоял стол с двумя мягкими креслами. Из алого здесь были только спиральные колонны,

поддерживающие своды. Медленно ступая по гладкому чёрному мрамору, Годвин направился прямо к столу, за которым в одном из кресел темнела фигура с рыжими волосами.

— Господин, я здесь, как вы и приказывали. — Годвин с опаской покосился на своего повелителя. Сегодня Сменивший Сторону был одет в серый камзол цвета золы, чёрный плащ и чёрные сапоги, украшенные серебром. Перед ним стояла чаша с горячим кофе, на стене рядом висело свет-зеркало в рост человека. Точно такое же было в уладском особняке Крайтона. Взгляд Мореллина был прикован к тому, что показывало зеркало. Годвин пригляделся. Это был город, охваченный белым пламенем. Посреди площади парило похожее на человека пятно фиолетового света, рядом на камнях лежало Великое Копье из черного железа. На глазах Годвина тонкая девичья фигурка вспыхнула бледным огнём и занесла над головой изогнутый кинжал с рубином у рукояти. Мужчина в чёрном взмахнул рукой, изображение замерло.

— Это ты, Крайтон? — произнёс он, не оборачиваясь. — Подойди. Садись.

Годвин медленно подошёл к столу и занял пустующее кресло, пытаясь унять дрожь. Зачем его вызвали?

— Да, мой господин?

— Что ты об этом думаешь? — кивнул Мореллин в сторону зеркала. Похоже, сегодня он был в отличном расположении духа: желтые глаза светились особенно ярко, тонкие губы растягивала улыбка.

— Губительный Огонь не видели веками... — начал Годвин, — возможно, эта девушка будет нам полезна. В чём её ценность, мой господин? Я видел её в Уладе, она хотела купить у меня Слезы Наннара.

— Она — новый Тенетворец, — медленно произнёс Мореллин, наслаждаясь изумлённым выражением на лице своего собеседника. — Вернее, может им стать. Ты же знаешь, избранников всегда двое, и каждый из них сам должен выбрать сторону.

Так вот оно что... Пришествия Тенетворца столетиями ожидали все сторонники Семерых. Было предсказано, что он возглавит армии Лжи и взойдёт на Мост Правосудия. Интересно... это в корне изменит баланс сил среди слуг Ненавистного.

— Что я должен сделать?

— Отправляйся в Город Истин. Приглядывай за ней — я не хочу, чтобы всё сорвалось из-за Иерархов или этого старого дурака Хирама.

— Должен ли я его устранить? — на первый взгляд Крайтон мог сойти за простого торговца редкостями, однако в узких кругах он был известен как мастер ядов и опытный Иеромаг, один из лучших слуг Противника и Его Семерых.

Мореллин с сомнением поглядел на Годвина, затем качнул головой.

— Рано. Хирам нам ещё пригодится. Кнут и пряник, мой друг, кнут и пряник... придётся потрудиться над тем, чтобы эта девица стала послушной. Сейчас она разочарована Церковью, но всё равно продолжает цепляться за Творца. Её душа переполнена обидой и сомнениями после всего, что с ней произошло. И ещё Губительный Огонь... надо только подтолкнуть Сатин в нужную сторону. Заставить сомневаться во всём, что её окружает. В друзьях. В вере. В том, что есть Истина, а что — Ложь... отправляйся в Город Истин. Наблюдай, но не вмешивайся. Ты хорошо послужил, Годвин. Падение Рамелиса было неизбежно, но я рад, что всё произошло так гладко. Кузнец Погибели мне не подчинялся и был опасен, как бешеный пёс. Я не мог допустить, чтобы он убил кого-то из этих двоих.

Мореллин сделал глоток. Когда он снова заговорил, в его жёлтых глазах отразилось белое сияние Губительного Огня.

— И ещё... продолжай искать остальных. Если возвращаются Непрощённые, то скоро вернутся Благие. Пока что мы обнаружили только Наннара, но навыки этого изобретателя пригодятся мне во время Последней Битвы... ищи внимательно. Мне ненавистна мысль о том, что на этот раз Оллам сможет вырваться из моей сети.

Сменивший Сторону замолчал, давая понять, что встреча окончена. Годвин Крайтон поклонился и прошептал слова клятвы, которую приносили все, кто связывал свою жизнь со служением Ненавистному и Его Семерым:

— Темна ночь, и тёмна путь Его. Семь слуг у Него, Семерых он возвысил. Я верно служу в жизни своей и в смерти.

Фигура мужчины задрожала и исчезла. Сейчас он проснётся у себя дома в Махе-Эмайне рядом, как и всегда будет лежать свиток с инструкциями.

Мореллин остался один.

Перед главным делом оставалось ещё кое-что. Он прикоснулся к свет-зеркалу и стал ждать. Не прошло и минуты, как зеркало замигало, давая изображение. Перед Сменившим Сторону стояло двое — женщина в черном платье с белыми волосами и закрытым серебряной маской лицом и юнец в зеленом камзоле. Увидев Мореллина, оба в молчании склонили головы.

— Приветствую вас, старые друзья. — голос Сменившего Сторону был торжественным и тихим. — Пришло время возродить старые союзы. Великая Цепь разбита, мы можем больше не таиться. Я изменил ваше задание. Отправляйтесь в Город Истин и ждите указаний. То, что я делаю, выгодно нам всем.

— Как пожелаешь, старый друг. — откликнулся юнец. Женщина рядом с ним молчала, не двигаясь. — Скажи хоть, что ты придумал на этот раз?

— Найти то, что наше по праву. Великие Копья. Они все были утеряны, но Абомталь каким-то образом смог отыскать Кродерг Немейн и вручить этому своему безумцу... никогда не понимал Кузнеца с его жадной убийства. Месть — блюдо, которое подают холодным, здесь нет места нетерпению. Алое Копье должно быть в моих руках, и, клянусь чёрным сердцем Противника, будет.

Юнец улыбнулся шальной, недоброй улыбкой.

— Звучит неплохо. Мы будем в Городе, как ты приказывал. До встречи, Сменивший Сторону.

Свет-зеркало погасло. Мореллин позволил себе слабую улыбку. Эти двое с трудом поддавались его контролю и служили, пока им это выгодно. Что ж, пусть служат и дальше. Из всех Непрощённых он один знал правду. Он — и Тиферет...

Оставалось самое главное. Мореллин ждал, потягивая ароматный кофе. Он уже уловил незаметные глазу смертного изменения в тумане за окном — оставалось только проявить терпение. Сатин окажется здесь, как только уснёт, а дальше... дальше он сумеет её убедить. Мужчина закрыл глаза и увидел перед собой тонкий серебряный мост. Надо же, она так красива... идёт по Мосту Сновидцев, не зная, где оказалась куда попадёт. Холодный ветер развеивает чёрные волосы, в серых глазах то и дело мерцают алые крапинки. Да, это она. Отмеченная. Его мотылёк, слепо летящий на свет.

Девушка в чёрном возникла из воздуха рядом с ним и встревоженно огляделась.

— Где... где я? Её взгляд метнулся по залу и остановился на мужчине в чёрном. — Вы?

Но я...

— Тебе не надо меня бояться. — мягко произнёс Мореллин. — Ты во сне, только и всего. Рад твоему появлению, Алая Прядь.

Она дрожит, не зная, что и сказать. Ну конечно... Сменивший Сторону замолчал, давая ей возможность заговорить первой.

— Откуда вы знаете это имя? — взгляд девушки остался затравленным, но страха вроде стало поменьше.

— Я знаю всё. Всё и даже больше. — жестом примерного хозяина Мореллин обвёл зал. — Присядь со мной. Будешь кофе?

Сатин помолчала, затем мотнула головой.

— Вы... вы же...

— Непрощённый? — Мореллин добавил в голос нотку обиды. — Монстр в человеческом обличье? Брось. Церковь Истин говорит многое, но не всё из этого правда. Думаю, ты сама в этом уже убедилась.

В серых глазах мелькнуло сочувствие. А как же иначе? Давай, Алая Прядь, садись за мой стол...

— С-спасибо вам. — Сатин села в пустующее кресло. Перед ней сразу же появился стеклянный бокал с дымящимся напитком. Девушка обхватила стекло руками, пытаясь согреться. — Что вам от меня нужно?

Умная... так, теперь надо растопить лёд.

— В сущности — ничего. — объяснил Мореллин. — Я только хочу поздравить тебя с победой. Одолеть Кузнецца Погибели — это подвиг! Тебе повезло, что ты осталась в живых.

Ей незачем знать, что в любой момент он мог вмешаться, чтобы её спасти.

— Эта битва... я чудом выжила. — её рука тянется туда, где должно быть левое лёгкое. — Почему я не чувствую кашель? И не болит ничего...

— Видишь ли, это необычный сон. Буду откровенен. Ты сейчас в Тир-На-Ног.

— Роша Тысячи Копий... — глаза Сатин расширились от страха.

— Не беспокойся. Замок пуст, тебе здесь бояться нечего. По крайней мере, здесь. Ты знаешь, кого следует остерегаться по-настоящему?

Девушка неуверенно качает головой.

— Будь осторожна с Конклавом. Эти старики в богатых одеждах делают вид, что знают, как поступать праведно, но на деле желают только власти над Авестинатом. Они боятся тебя.

— Боятся... меня?

— Конечно. Губительный Огонь — большая редкость. Это может прозвучать странно, но в глубине души Иерархи тебе завидуют. Завидуют твоей новой силе.

— Его Святейшество... он от меня отказался. — на глаза Сатин навернулись слёзы. — Сказал, что я — сломанное оружие.

Мореллин сочувственно на неё посмотрел.

— Я знаю о тебе всё, Алая Прядь. Ты былананнари и убивала во славу Престола Истин, но была отвергнута. Недавно ты спасла Город Истин от гибели, но тебя отвергли во второй раз. Неужели ты думаешь, что после победы всё станет как прежде? Нет. Ты изменилась, стала сильнее. Иерархи станут следить за тобой, контролировать каждый твой шаг. Теперь ты угроза для их могущества.

— Вы всё понимаете! — Сатин подняла на него заплаканные глаза.

Мореллин улыбнулся. Пусть мотылёк летит на его свечу.

— Ты права. Когда-то я тоже был обманут. Люди забыли правду. Они называли меня Отступником, Сменившим Сторону. Церковь рассказывает историю о Благих и Непрощённых, но в ней всё не так, как тебе кажется. Нас оболгали. Опорочили... знаешь, у меня к тебе предложение.

— О чём вы?

— Стань моей ученицей. Меня не просто так назвали Отцом Знания. Я научу тебя, как справиться с недугом, помогу унять кашель. Покажу, как управлять Губительным Огнём. Разве ты не хочешь жить без этих красных перчаток? Жить как раньше, жить без ограничений?

— Я... я не думаю, что мне это нужно. — на лице Сатин читалось сомнение. — Всё-таки вы — Непрощённый...

Время быть убедительным. Мореллин встал из-за стола и положил руку на её плечо. Сатин вздрогнула, но руку снимать не стала.

— Разве ты не ненавидишь Совершенного после того, что он сделал? После того, как он воспользовался твоей верой и отказался от тебя?

— Не знаю... — неуверенно пробормотала Сатин. — Наверное...

— Поверь, я не желаю тебе зла. Это я дал тебе *шад*. Это я вывел тебя из Аннуина. Если бы не моя помощь, Авестинат лежал бы в руинах, а Рамелис восседал на Престоле Истин. Разве это неправда?

— Нет... то есть... правда, конечно. Но...

— Я не предлагаю тебе ничего особенного — только уроки. Мудрость, что копилась веками. Если захочешь, то в любой момент можешь отказаться от моей помощи. Я не стану тебя преследовать. Подумай сама. Если бы я был тем, о ком говорят легенды — убийцей, чудовищем, врагом Творца — то помог бы Рамелису. Всё не так, как тебе кажется. Обещаю, в своё время ты узнаешь всю правду о Шестнадцати и моём прошлом.

— Зачем вам это нужно? — спросила Сатин, сощурив свои серые глаза. — Это, конечно, звучит хорошо, но я ни за что не поверю, что здесь нет вашей выгоды.

Мореллин рассмеялся.

— Умно! Ладно, Алая Прядь, буду честным: я просто хочу помешать Совершенному. Он знает о Губительном Огне и наверняка захочет использовать тебя в своих целях. Мать Церковь всегда меня ненавидела, а за ненависть надо платить той же монетой. Я хочу видеть тебя сильной — и независимой от Хирама с его Иерархами. Немного порадовать себя, вот и всё.

— Как вы будете меня учить? — страх в серых глазах исчез, на смену ему пришло любопытство. Она согласилась! Мореллин закусил губу, чтобы скрыть волнение.

— Для начала посмотрим, что ты умеешь. Ты только вчера обрела Иеромагию, придётся начать с основ. Каждую ночь мы будем встречаться здесь, в Тир-На-Ног. Пока остальные спят, ты будешь тренироваться и получать знания, запретные для слуг Церкви. Я — величайший мудрец из ныне живущих. Я знаю ответы на все вопросы, которые тебя волнуют. Ну как, маленький огонёк? Согласна?

Она была готова. Мореллин понял это, как только заговорил о Совершенном. Простой трюк — надавить на больное, чтобы вызвать сочувствие. Он посмотрел на Сатин. В серых глазах появилась решимость. Мотылёк налетел прямо на яркое пламя и уже не сможет повернуть обратно.

— Да. Я согласна. — Сатин протянула Первому из Непрощённых свою затянутую в алое ладонь и пожала его руку.

Больше книг на сайте - Knigoed.net